

Зеев Бар-Селла

СЮЖЕТ БАБЕЛЯ

Зеев Бар-Селла

СЮЖЕТ БАБЕЛЯ

ФОРУМ
НЕОЛИТ

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б24

Бар-Селла З.

Сюжет Бабеля / З. Бар-Селла. — М. : Неолит, 2018. — 376 с.

ISBN 978-5-6040651-2-9

И.Э. Бабель (1894-1940) – один из самых известных, но в то же время и загадочных русских писателей. О его биографии, связанных с ним литературных скандалах, неповторимом стиле, истории публикаций написаны тысячи статей и десятки монографий. Но загадки по-прежнему считаются неразгаданными.

Книга известного израильского слависта З. Бар-Селлы – комплексное исследование бабелевских загадок. Оно базируется на тщательном анализе не только истории публикаций, но и рукописного наследия.

Автор последовательно и аргументированно доказывает, что проза Бабеля и его драматургия связаны единым сюжетом, восходящим к библейской концепции. Кроме того, обоснованы гипотезы, относительно ареста писателя и судьбы его исчезнувшего архива.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, психологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся судьбами русской и советской литературы.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6040651-2-9

© Бар-Селла З., 2018
© Издательский дом «Неолит», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1</i> Портрет Дориана Дрея	8
<i>Глава 2</i> 1002-я ночь	21
<i>Глава 3</i> Мадмуазель Дуду	31
<i>Глава 4</i> Точка отсчета	39
<i>Глава 5</i> Олимпийцы	46
<i>Глава 6</i> Список кораблей	52
<i>Глава 7</i> На закуску	62
<i>Глава 8</i> Переход через Збруч	68
<i>Глава 9</i> Имя	72
<i>Глава 10</i> Поминанье	81
<i>Глава 11</i> Старая песня	90
<i>Глава 12</i> Парад-алле	104
<i>Глава 13</i> Иосиф Ужасный	112
<i>Глава 14</i> Сила Небесная	129
<i>Глава 15</i> Чистилище	139
<i>Глава 16</i> Огонь	147
<i>Глава 17</i> Низвержение в хаос	157
<i>Глава 18</i> Расклад	165
<i>Глава 19</i> Во имя Отца и Сына	178
<i>Глава 20</i> На коне	194
<i>Глава 21</i> Прерванный поцелуй	198
<i>Глава 22</i> «Махновцы»	202
<i>Глава 23</i> Революция сверху	213
<i>Глава 24</i> Ключи Марии	225
<i>Глава 25</i> Роман с Чекой	254
<i>Глава 26</i> Карл и Янкель	269
<i>Глава 27</i> Конец	276
Статьи о Бабеле	
Три автобиографии	295
Театральный разъезд	313
Критическая масса	320

Песнь Лазаря	336
Четвертая проза	344
<i>Приложение 1. В.Е. Жаботинский</i>	
«Наброски без заглавия»	349
<i>Приложение 2. С. Мельников.</i>	
Письмо И. Бабелю от 4 июля 1924 г.	356
<i>Приложение 3. С. Мельников</i>	
«Первая Конная: Из воспоминаний бойца»	358
Указатель произведений Бабея	364
Именной указатель	367

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волею судеб ситуация сложилась так, что во второй половине XX века изучением наследия Исаака Бабеля занимались, по большей части, исследователи, живущие за пределами России. В силу чего, в западном литературоведении была выработана и наиболее законченная концепция творчества писателя, а именно: проза Бабеля была признана бессюжетной, и тексты рассматривались как самопорождающие: к одному слову приставлялось другое, полученное сочетание обретало смысл, после чего к имевшемуся сочетанию присоединялось следующее слово... В результате такой цепной реакции получались текст и смысл.

Наиболее решительная попытка утвердить такой взгляд на «Конармию» принадлежит голландскому русисту Яну ван дер Энгу (1925–2001)¹, но, как отметил Вольф Шмид², к этому мнению склонялся уже Николай Степанов в 1928 году³. Выясняется, однако, что спор о сюжете Бабеля на пять лет старше.

В 1923 году одесский критик Ар. Муров опубликовал вторую часть своей статьи «Без сюжета», где объявил А.П. Чехова погубителем русской сюжетной прозы. А новая — послереволюционная — русская литература (например, Пильняк в своей «Третьей столице») так сюжета найти и не смогла.

---

¹ *Van der Eng J.* La description poétique chez Babel // Dutch Contributions to the Fifth International Congress of Slavists Sofia 1963. Den Haag, 1963. P. 79–92; *Он же.* The Imagery of «Red Cavalry» // We and They. National Identity as a Theme in Slavic Cultures. Donum Stiefanum. Ed. by K. Heltberg et al. Copenhagen, 1984. P. 166–179; *Он же.* Babel's Short Story «Zamost'e» // Signs of Friendship. To Honour A.G.F. van Hoik. Ed. by J. van Baak. Amsterdam, 1984. P. 419–430.

² *Шмид В.* Орнаментальность и событийность в рассказе И.Э. Бабеля «Переход через Збруч» // Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов, авангард. Изд. 2-е, испр., расшир. СПб., ИНАПРЕСС, 1998. С. 310.

³ *Степанов Н.* Новелла Бабеля // И. Э. Бабель: Статьи и материалы. Л.: Academia, 1928. С. 33.

«Впрочем, — замечает Муров, — нельзя не отметить одного отрадного явления, подтверждающего старую истину, что нет правила без исключения. Мне пришлось ознакомиться с новыми рассказами молодого беллетриста И. Бабеля, который необычайно просто разрешает интересующую нас задачу. Маленькие наброски, вырванные из подготавливаемой им книги “О конной армии”, они светятся большой жизненной правдой и насыщены той энергией и яркостью, которые вообще отличают произведения этого даровитого беллетриста. Но они замечательны и своей сюжетностью. Ну, что, казалось бы, занимательного в том, что казаки накрыли в теплушке мешечницу *<sic!>* с солью. У Бабеля, однако, это только повод, чтобы развернуть целый клубок вымысла, в который вливаются кровь и соки подлинной жизни, поднятой на ноги страшным вихрем гражданской войны. Эта драма, овеянная дымом и огнем боевой жизни, еще более выпукло выступает в сюжете другого рассказа, в котором действительность цепко хватается за душу и бьет своей окровавленной лапой по свежим человеческим ранам. Рассказы эти малы. Но какие в них большие сюжеты, сколько в них драматизма и смеха сквозь слезы. Действительность становится здесь фантастическим, фантастическое — действительностью. Таково настоящее искусство художника. Оно, может быть, еще находится в стадии созревания и не совсем определилось, но оно уже нашло свою опору в сюжете, а это почти художественная победа»⁴.

Отличие фабулы от сюжета в самом упрощенном, почти недопустимом виде можно описать так: фабула — это последовательность описанных автором событий, а сюжет — то, что автор своим произведением хотел сказать.

Так что представить себе литературное произведение, лишенное сюжета, ничуть не сложнее, чем полет однокрылой птицы.

В своем исследовании я исходил из того, что проза Бабеля сюжетна, но сюжет этот скрыт столь глубоко, что разглядеть

---

⁴ Муров Ар. Без сюжета. II. После Чехова // Силуэты. — Одесса. 1923. № 7/8. С. 8; Аркадий М. Муров — одесский журналист, сотрудничавший в «Одесских новостях» (под псевдонимом «Лоренцо»), журнале «Детство и отрочество», в 1918 г. редактор-издатель театрального журнала «Фигаро» (сообщение А. Яворской).

его крайне затруднительно. Поэтому, приступая к анализу бабелевских произведений, я начал с расширения их источниковой базы, рассматривая тексты в их динамике — от самых ранних публикаций и рукописей до стадии окончательной редакции. И нередко это способствовало лучшему пониманию произведений в целом.

Работу над книгой я начал в 2013 году. За это время замысел ее и форма сильно изменились, — надеюсь, к лучшему.

Хочу выразить глубокую благодарность тем, кто помог мне пройти весь этот путь до конца. Вот их имена:

Михаил Вайскопф (Иерусалим)
Леонид Кацис (Москва)
Оксана Киянская (Москва)
Петр Криксунов (Иерусалим)
Леонид Ликальтер (Москва)
Ирина Озерная (Иерусалим)
Елена Погорельская (Москва)
Алексей Сочнев (Сергиев Посад)
Елена Толстая (Иерусалим)
Давид Фельдман (Москва)
Сергей Шаргородский (Киев)
Татьяна Щурова (Одесса)
Михаил Эдельштейн (Москва)
Вадим Эрлихман (Москва)
Алена Яворская (Одесса)

Но более всего я благодарен Ольге Полевой, чей неутомимый интерес к моему труду заставлял меня стремиться к совершенству.

Всем им книга обязана своими достоинствами. А за недостатки ответит автор.

Зеев Бар-Селла
Иерусалим
10 июля 2017 г.
14 день месяца Таммуз 5777 года
от Сотворения Мира

Глава I

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ДРЕЯ

Бывает, что нечто, однажды вызвав жгучий интерес, интригует нас долгие и многие годы. Таким предметом была для меня книга, написанная дедом Исаака Бабеля, Лейви-Ицхоком. Заглавие ее «Человек без головы»... И первый вопрос: что оно означает? Кто потерял голову — автор, персонаж? И почему? Ни ответа, ни объяснения... Единственная параллель — майн-ридовский «Всадник без головы»¹... Не предвестие ли это будущей «Конармии»? Или намек на дедово безумие?... А может, это переключка с каким-то неведомым мне сочинением еврейских мудрецов? Жизнь в Израиле разрушила и эту надежду.

Потом выяснилось, что, подробно описывая жизнь и похождения Лейви-Ицхока, Бабель, на самом деле, деда своего никогда не видел². Тайна стала еще непроницаемой.

И вот — наступила разгадка...

Но вначале вспомним, что писал об этой книге сам Бабель:

«Сочинительство было наследственное занятие в нашем роду. Лейви-Ицхок, тронувшийся к старости, всю жизнь писал повесть под названием “Человек без головы”. Я пошел в него» («Пробуждение»)³.

---

¹ М. Ямпольский усматривает здесь новозаветную тему обезглавливания пророка — Иоанна Крестителя и апостола Петра, приходя к выводу о пророческой сущности деда Лейви-Ицхока и его сочинения (*Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель/Babel. М.: Carte blanche, 1994. С. 206–210*).

² *Александров Р. [Розенбойм А.] Волшебник из Одессы. По следам Исаака Бабеля. Одесса: Пласке, 2011. С. 17.*

³ *Бабель И. Рассказы. Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 303.*

Ну что ж, от одной догадки приходится отказаться: Лейви-Ицхок спятил лишь к старости, а повесть свою начал писать, будучи в здравом уме.

«Дед Лейви-Ицхок, раввин, выгнанный из своего местечка за то, что он подделал на векселях подпись графа Браницкого, был на взгляд наших соседей и окрестных мальчишек сумасшедший. <...> мы прочитали с Боргманом несколько страниц из рукописи деда. Он писал по-еврейски, на желтых квадратных листах, громадных, как географические карты. Рукопись называлась “Человек без головы”. В ней описывались все соседи Лейви-Ицхока за семьдесят лет его жизни — с начала в Сквире и Белой Церкви, потом в Одессе. Гробовщики, канторы, еврейские пьяницы, поварихи на брисах и проходимцы, производившие ритуальную операцию, — вот герои Лейви-Ицхока. Все это были вздорные люди, косноязычные, с шишковатыми носами, прыщами на макушке и косыми задами» («В подвале»)⁴.

А теперь — разгадка. Недавно Леонид Кацис ввел в научный оборот забытую статью Зеева Жаботинского⁵. Напечатана она была в 1908 году в петербургской газете «Русь» и продолжала начатую в марте 1904 года нескончаемую серию «Наброски без заглавия». Данный набросок был посвящен Семену Юшкевичу:

«Среди беллетристов евреев, пишущих и писавших на русском языке о евреях, г. Юшкевич является новатором. До него беллетристика о евреях носила какой-то этнографический характер. На первый план выдвигались бытовые особенности еврейской среды, цитировались или приводились по-русски типичные жаргонные словечки, подчеркивались своеобразные традиции и обычаи. Иногда это отдавало неприятным и унижительным привкусом апологии: автор хотел “между строк” “рассеять предубеждения”, показать, что, мол, эти бедные еврейчики “тоже люди”, и так далее. Но даже остальные произведения, свободные от этого слащавого запаха, были выдержаны в тоне

---

⁴ Там же. С. 295, 297.

⁵ *Кацис Л.* История русского формализма как провинциальный газетно-литературный факт («Гамбургский счет», «Юго-Запад», «фабула и сюжет» в «Теории прозы» В.Б. Шкловского). (*в печати*).

повествований Отелло о безголовых людях и других заморских чудесах. Минутами это напоминало доклад в географическом обществе: посмотрите, люди добрые, какие курьезные люди там живут и какие у них любопытные наряды»⁶.

Сопоставим:

«Рукопись называлась **“Человек без головы”**»

~ «выдержаны в тоне повествований Отелло о **безголовых людях** и других заморских чудесах»;

«Он писал по-еврейски, на желтых квадратных листах, громадных, как **географические** карты»

~ «это напоминало доклад в **географическом** обществе»;

«Гробовщики, канторы, еврейские пьяницы, поварихи на брисах и проходимцы, производившие ритуальную операцию, — вот герои Лейви-Ицхока. Все это были **вздорные люди**, косноязычные, с шишковатыми носами, прыщами на макушке и косыми задами»

~ «На первый план выдвигались бытовые особенности еврейской среды, <...> подчеркивались своеобразные традиции и обычаи. <...> посмотрите, люди добрые, какие **курьезные люди** там живут и какие у них любопытные наряды».

Отметим еще одно обстоятельство: шекспировский Отелло рассказывал Дездемоне не о безголовых людях, но:

*«о людях, которых плечи выше,
Чем головы»*⁷.

То же и в оригинале:

*«men whose heads
Do grow beneath their shoulders».*

Так что «безголовыми» их именовал лишь Жаботинский.

Шекспира, кстати, Бабель тоже не упустил: рассказ «В подвале»⁸ содержит — с небольшими разночтениями⁹ — 4 цитаты

---

⁶ Владимир Ж. [З. Жаботинский] Наброски без заглавия // Русь. 1908. № 27. 28.01. [10.02]. С. 2.

⁷ Акт I, сцена 3 в переводе П.Я. Вейнберга.

⁸ Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 297–300.

⁹ «Брут **его зовет** <зовет его> властолюбивым»; «Ужель и это <пропущено: тоже> властолюбье»; «Когда б хотел я возбудить к восстанию <восстанью>».

(38 строк!) из «Юлия Цезаря» в переводе П.А. Козлова (речь Антония — акт III, сцена 2)¹⁰.

Что же получается? Впечатление от статьи Жаботинского, написанной в 1908 году, Бабель хранил целых 20 лет (рассказ «В подвале» датирован 1929 годом, «Пробуждение» — 1930-м)?..

А если так, что было тому причиной? Что приковало внимание Бабеля к этой статье и что заставило ее помнить?

В 1908 году интересы Исаака Бабеля уже определились. По крайней мере, в декабре мы видим его занятым театралом, и те свои переживания он спустя 30 лет описал в рассказе «Ди Грассо» (1937)¹¹. Зеев (тогда еще Владимир) Жаботинский в Одессе — особенно в еврейской Одессе — был властителем дум и кумиром. И никто не удивился, что этот блистательный журналист уже несколько лет является постоянным сотрудником столичных газет. Тем весомее звучало его слово. А откликался он и на политические события, и на общественные явления, и на новинки в мире искусства. Таким образом, общественно взволнованный читатель всегда располагал надежным ориентиром в бушующем жизненном море... В том числе, и в плавании по волнам новейшей литературы.

В статье 1908 года Жаботинский пишет и о театре — пьесах Юшкевича «В городе» и «Король». Но главный разговор идет о литературе, точнее — о «той отрасли русской литературы, которая... которую... которую не знаю как назвать. Даже не знаю, вполне ли тут подходит слово “русская” литература: ведь еще вопрос, определяется ли национальность литературного произведения только его языком».

14 лет спустя нашлось и название для этой непонятной отрасли — «русско-еврейская литература»¹².

Что могло остановить внимание юного Бабеля в газетной статье?

---

¹⁰ [Логорельская Е.И.] Комментарии // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 576.

¹¹ [Логорельская Е.И.] Хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 601.

¹² Львов-Рогачевский В. Русско-еврейская литература М.: Госиздат, 1922. Впрочем, определение это предлагалось и раньше, см., напр.: *Мечтатель* [Н. Штиф] «Меньшевицкий» реализм в русско-еврейской беллетристике («Король» С. Юшкевича) // Рассвет. 1907. № 47. Стб. 33–36.

Видимо, это:

«одно несомненно: г. Юшкевич сильнее своих предшественников и ныне здравствующих соратников. <...> Среди беллетристов евреев, пишущих и писавших на русском языке о евреях, г. Юшкевич является новатором».

Так что, если Бабель питал честолюбивую надежду стать писателем, статья указала ему будущий путь. И, конечно же, — среди новаторов!

Запомнил он и такую фразу:

«вся художественная манера г. Юшкевича дана в известной сцене из повести “Евреи”, где старый Шлойме рассказывает Нахману статистику ихнего дома».

Первый рассказ Бабеля, напечатанный в 1913 году, так и назывался «Старый Шлойме».

Можно, конечно, усомниться, что названием этим автор обязан Жаботинскому... Дело, однако, в том, что персонажа повести «Евреи» зовут не Шлойме, а Шлойма! Эпитет же «старый» мы и вовсе в повести не найдем (лишь один единственный раз о нем сказано: «старик Шлойма»).

А десять лет спустя Бабель придумал себе новое литературное прошлое.

В ноябре 1924 года, в автобиографии:

«в конце 1916 года попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке Летописи за 1916 г.<...>, он научил меня необыкновенно важным вещам и потом когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо — Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди»...¹⁵

Затем, в декабре 1924-го, в разговоре с Д. Фурмановым:

«А писать я начал ведь эва когда: в 1916-м. И, помню, баловался, так себе, а потом пришел в “Летопись”, как сейчас помню,

---

¹⁵ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы; Н.А. Столяр. 1926. С. 28.

во вторник, выходит Горький, даю ему материал. “Когда зайти?” – “В пятницу”, говорит. Это в “Летопись”-то. Ну, захожу в пятницу – хорошо говорил он со мной, часа полтора. Эти полтора часа забываемы. Они решили мою писательскую судьбу. “Пишите”, говорит. Я и давай, да столько насшибал. Он мне снова: “Иди-ка – говорит – в люди”, то есть жизнь узнавать. Я и пошел. С тех пор многое узнал. А особенно в годы революции»¹⁴.

И повторил в 1930-м, на заседании секретариата Федерации объединений советских писателей:

«Зеленым мальчиком я попал к Горькому и двадцати лет – в ноябре 1916 года – напечатал свою первую вещь в горьковской “Летописи”. <...>

Писал я тогда в течение одного месяца. Горький сказал, что – плохо. И было действительно плохо. После этого, подобно Горькому, я пошел “в люди”».

Почему Бабель так стойко молчал о первом своем рассказе? А. Парнис, перепечатавший «Старого Шлойме» в 1967 году¹⁵, допускает, что «видимо, он <Бабель> считал рассказ “Старый Шлойме” слабым»¹⁶. Ну, на то он и первый... И автору всего 19 лет. А Бабель даже себя 20-летнего именовал «зеленым мальчиком»...

На самом деле, в 1916 ему уже исполнилось 22... Так что причина подмены была, видимо, иной: признав себя автором «Старого Шлойме», Бабель попадал в категорию русско-еврейских писателей. А он собирался быть писателем русским. Для этого и понадобился Горький. Хотя, нельзя исключать, что Бабель рассчитывал и на особое расположение Горького к писателям-евреям (Юшкевич, например, долгое время печатался в редактируемых Горьким сборниках товарищества «Знание»).

Но одного благословения Горького для вступления в русскую литературу было недостаточно. Потому, едва дождавись выхода ноябрьской книжки «Летописи» за 1916 год со

---

¹⁴ Фурманов Дм. Из дневника писателя. М.: Молодая гвардия, 1934. С. 85–86.

¹⁵ [Парнис А.] Дебют Бабея? // Горизонт: Лит.-худож и обществ.-полит илл. сб. Одесского отд-ния Союза писателей Украины. Одесса. 1967. [Вып. 2]. С. 88–71.

¹⁶ Парнис А. Два дебюта [Врезка к: Олеша Ю. Рассказы. Одесса. 1913. Публ. С. Блох] // Дерибасовская – Ришельевская. [Одесса]. 2013. № 55. С. 91.

своими рассказами, Бабель уже в декабре публикует «Листки об Одессе», и первый «листок» начинается так:

«Одесса очень скверный город. Это всем известно. Вместо “большая разница”, там говорят – “две большие разницы” и еще: “тудою и судою”».

К чему апеллирует автор, пояснений не требует:

«Тамань – самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голоду, да еще вдобавок меня хотели утопить»...

Но Бабель и не собирается соглашаться с общим мнением:

«Мне же кажется, что можно много сказать хорошего об этом значительном и очаровательнейшем городе в Российской Империи. Подумайте – город, в котором легко жить, в котором ясно жить».

Правду сказать, про то, как в Одессе живет, Бабель мог знать лишь с чужих слов, поскольку с 17 лет бывал в родном городе лишь наездами... Но это к слову, тем более, что листок этот не журнальная заметка, а литературный манифест:

«думается мне, что должно прийти – и скоро – плодотворное, животворящее влияние русского юга, русской Одессы, может быть (equi sait?), единственного в России города, где может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан. <...>

Первым человеком, заговорившим в русской книге о солнце, заговорившим восторженно и страстно, – был Горький. Но именно потому, что он говорит восторженно и страстно, это еще не совсем настоящее.

Горький – предтеча и самый сильный в наше время. Но он не певец солнца, а глашатай истины: если о чем-нибудь стоит петь, то знайте: это о солнце. В любви Горького к солнцу есть что-то от головы; только огромным своим талантом преодолевает он это препятствие.

Он любит солнце потому, что на Руси гнило и извилисто, потому что и в Нижнем, и в Пскове, и в Казани люди рыхлы, тяжелы, то непонятны, то трогательны, то безмерно и до одури надоедливы. Горький знает – почему он любит солнце, почему его следует любить. В сознательности этой и заключается причина

того, что Горький — предтеча, часто великолепный и могучий, но предтеча.

А вот Мопассан, может быть, ничего не знает, а может быть — все знает; громыкает по сожженной зноем дороге дилижанс, сидят в нем, в дилижансе, толстый и лукавый парень Полит и здоровая крестьянская топорная девка. Что они там делают и почему делают — это уж их дело. Небу жарко, земле жарко. С Полита и с девки льет пот, а дилижанс громыкает по сожженной светлым зноем дороге. Вот и все. В последнее время приохотились писать о том, как живут, любят, убивают и избирают в волостные старшины в Олонецкой, Вологодской или, скажем, в Архангельской губернии. Пишут всё это самым подлинным языком, точка в точку так, как говорят в Олонецкой и Вологодской губерниях.

Живут там, оказывается, холодно, дикости много. Старая история. И скоро об этой старой истории надоест читать. Да и уже надоело. И думается мне: потянутся русские люди на юг, к морю и солнцу. Потянутся — это, впрочем, ошибка. Тянутся уже много столетий. В неистребимом стремлении к степям, даже, м[ожет] б[ыть], “к кресту на Святой Софии” таятся важнейшие пути для России. Чувствуют — надо освежить кровь. Становится душно. Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда — из солнечных степей, обтекаемых морем».

Вот так, обласкавший Бабеля Горький — это не совсем настоящее, он, хоть временами великолепный и могучий, но лишь предтеча.

Мысль понятна, хотя не исключено, что и здесь пробивается голос Жаботинского:

«одно несомненно: г. Юшкевич *сильнее* своих предшественников и ныне здравствующих соратников».

Курсив принадлежит Жаботинскому, так что намек понятен: «Идущий за мною *сильнее* меня!».

И этот, идущий на смену, Мессия придет из Одессы. Точнее, уже пришел.

И знамя его — Мопассан!

В 1916-м — в первом «листочке» — Бабель пересказывает его рассказ «Признание», через 10 лет он публикует «Признание»

в собственном переводе¹⁷, а в 1932-м выходит рассказ «Гюи де Мопассан», где изложена история о том, как в 1916 году Бабель «Признание» перевел. И о том, как вдохновленный этим рассказом, он поцеловал свою работодательницу Раису Бендерскую, был ею поставлен на место и за смелость вознагражден.

Событие это отнесено к зиме 1916 года. Если бы речь шла о зиме 1915–16 годов, уместнее было сказать: «в начале 1916-го», так что, скорее всего, время действия — декабрь 16-го. Тот самый декабрь, когда был напечатан «листок» «Одесса».

Итак, в декабре Бабель окончательно уяснил, каким путем пойдет. Даже еще раньше:

«учителем французского языка был там <в коммерческом училище им. Николая > m-r Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы <sic!> на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; пейзаж и всякие авторские размышления выходили у меня безцветно <sic!>, только диалог удавался мне. Потом после окончания училища я очутился в Киеве».

Это из автобиографии, написанной в 1924 г. и опубликованной в 1926-м¹⁸.

Отчего ж тогда, очутившись в Киеве в 1911-м, он через два года печатает рассказ «Старый Шлойме», принадлежащий одной только литературной отрасли — русско-еврейской.

И зачем было упоминать о бретонском происхождении учителя Вадона? Ведь родился он не в Бретани и даже не во Франции, а в Херсоне. А предки его приехали из Прованса...¹⁹

Причина, видимо, в том, что бретонцы, хоть и говорят по-французски, — не совсем французы. К тому же есть у них и

---

¹⁷ Мопассан Гюи де. Собр. соч. в 3 тт. / Пер. с франц. под ред. И. Бабеля. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926–1927. Т. 1 (1926). С. 125–135.

¹⁸ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы — Н.А. Столяр. 1926. С. 27–29. Исправ. по рукописи — «пейзаж» вместо: «пейзане» — Е.И. Погорельской (Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 9).

¹⁹ Бинов М. Учитель Бабеля // Дерибасовская — Ришельевская. [Одесса]. 2003. Вып. 3 (14). С. 46.

собственный язык — бретонский, даже не романский, а кельтский по происхождению.

Иными словами, во Франции бретонцы — нацменьшинство, и достичь чего-то в культуре они могут, лишь заговорив по-французски. Как m-г Вадон.

Бабель уверяет, что по-французски он писал с 15-ти до 17-ти лет и бросил оттого, что не справился с пейзажем и размышлениями. Но неумение такого рода зависит вовсе не от языка...

Так зачем же Бабелю понадобилось объявлять себя французским писателем? И почему именно французским?

Причин, видимо, две. Француз — это иностранец, а иностранец видит то, что уроженцу страны никак не разглядеть. Пример — «Персидские письма» Монтескье²⁰.

А француз оттого, что слово это использовалось и как эвфемизм — ироническая замена слова «жид»²¹.

И куда более вероятно, что никакого «французского этапа» в юности Бабеля не было. Начинал он вполне традиционно, описывая по-русски то, что знал, — жизнь евреев. Оттого и не упоминал никогда свой рассказ 1913 года, первый, под которым стояло имя, известное сегодня всем — *И. Бабель*.

* * *

Итак, в 1916 году Бабель нашел себя — в Мопассане.

Но и на этом пути стояло препятствие — Семен Юшкевич. Точнее, его скандальный роман «Леон Дрей» (1908–1913). Го-

---

²⁰ И Бабель таким приемом пользовался. В марте 1928 г. К.И. Чуковский встретил бывшего сотрудника горьковской «Летописи» Натана (Моисея Павловича) Венгрова (1864–1962), и тот «очень хорошо пересказал первый рассказ Бабеля “Le beau pays France” [«Прекрасная страна Франция»]. Рассказ этот при Венгрове Бабель принес к Горькому. <...> Как приехала к живущему в уездном русском городишке француз-учителю — жена-парижанка и захотела завести себе любовника. Знакомых в этом городе у нее никого. Она пишет сама себе письма, за которыми ежедневно приходит на почту, — и таким образом знакомится с почтовым чиновником. Чиновник не прочь “погулять” с парижанкой — и вот через неделю она ведет его за город — для любви. У нее в одной руке плед, а в другой саквояж, она шагает прямо и решительно — по мосткам, он идет, как жертва на заклание. Придя в лесок, она расстилает плед, вынимает из саквояжа бутерброды — и вообще готовится к любви по-парижски. Очень восхищался Венгров рассказом». (Чуковский К.И. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 12. Дневник 1922–1935. М., 2013. С. 365; запись от 26 марта 1928 г.)

²¹ Лично я столкнулся с этим в 1950-е годы, а коллеги, вспомнив рассказы родителей, относят этот эвфемизм к довоенному времени... Но, видимо, он и постарше будет.

ворят, что на Юшкевича тоже повлиял мопассанов «Милый друг», отсюда и фамилия героя — Дрей, воспоминание о Жорже Дюруа. Но Дюруа использует свое мужское обаяние для карьеры. А Леон Дрей — чистосердечный гедонист, с равной страстью наслаждающийся женщинами и едой.

Текстуальные связи Бабеля и Юшкевича установлены А.К. Жолковским²²:

Бабель: «За стеной еще раз взорвался женский смех. Из столовой вышли сестры с усиками, такие же полногрудые и рослые, как Раиса. Груды их были выставлены вперед, черные волосы развевались. Обе были замужем за своими собственными Бендерскими. Комната наполнилась бессвязным женским весельем, весельем зрелых женщин».

Юшкевич: «Положительно, этот зал напоминает мне веселый дом. Женщин сколько угодно <...> Каждая <...> из них здорова, благоухает, выхолена мужем для меня. Работайте, работайте, дурачье, — холте моих женщин!»²³

Бабель: «Пошумев, они уехали в театр, где давали “Юдифь” с Шаляпиным.

– Я хочу работать, — пролепетала Раиса, протягивая голые руки, — мы упустили целую неделю...»

Юшкевич: «– А мне, господа <...> с сожалением сказал [муж] <...> пора. <...>

– Так ты <...> уходи, — просто сказала Женя, — и приходи поскорее. Наш гость еще, наверное, посидит у нас»²⁴.

После чего у Бабеля рассказчик целует хозяйку и покидает ее дом в полночь. Из этого следует, что он, как и Леон Дрей, провел время в женских объятиях.

И еще одна параллель:

Бабель: «Не нужно было много времени, чтобы узнать в Бендерской упоительную эту породу евреек <...> Деньги оборотистых своих мужей эти женщины переливают в розовый жирок на животе, на затылке, на круглых плечах».

---

²² Жолковский А.К. Полтора рассказа Бабеля: «Гюи де Мопассан» и «Справка/«Гонорар». Структура, смысл, фон. М.: КомКнига, 2006. С. 111–112.

²³ Юшкевич С. Леон Дрей. Ч. 1 // Юшкевич С. Полное собр. соч. Пг.: Жизнь и знание, Т. 13 (1914). С. 103.

²⁴ Юшкевич С. Леон Дрей. Ч. 2 // Юшкевич С. Полное собр. соч. Пг.: Жизнь и знание, Т. 14 (1915). С. 157.

Обольстительным «розовым жирком» портрет Раисы Бендерской не исчерпывается²⁵. Вот ее первое появление:

«В гостиную, неся большую грудь, вошла черноволосая женщина с *розовыми* глазами».

И еще раньше в рассказе «Мой первый гонорар»²⁶ — описание вожделенной проститутки Веры:

«Широкая *розовая* спина двигалась предо мною».

А для Юшкевича розовый цвет тела — навязчивый эротический мотив:

«Приглашу вот эту пышную *розовую* женщину <...> — Я обожаю высоких *розовых* женщин <...>

— Любите ли вы польку? — Люблю, — ответила *розовая* женщина <...>

— Я назвал вас про себя *розовая* женщина <...>

— *Розовая* женщина, — повторила она громко и рассмеялась <...>

— *Розовые, розовые*, — вот мой идеал»²⁷.

Кроме того, Жолковский указывает еще одну неслучайную переключку:

Бабель: «Никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя»;

Юшкевич: «Он почувствовал отчаяннейший холод. Как будто длинная игла пронзила сердце»²⁸.

---

²⁵ См. также «Мой первый гонорар».

²⁶ Авторская датировка 1922–1928 гг.

²⁷ *Юшкевич* С. Леон Дрей. Ч. 2 // Юшкевич С. Полное собр. соч. Пг.: Жизнь и знание, Т. 14 (1915). С. 103–105. Отмечено А.К. Жолковским (Указ. соч. С. 112).

²⁸ *Юшкевич* С. Леон Дрей. Ч. 2 // Юшкевич С. Полное собр. соч. Пг.: Жизнь и знание, Т. 14 (1915). С. 266.

Непосредственно фразе о «железе» предшествует пассаж: «Тогда я заговорил о стиле, об армии слов, об армии, в которой движутся все роды оружия». А.К. Жолковский (там же) видит здесь аллюзию на следующее высказывание Ницше: «Что есть истина? Подвижная армия метафор, метонимий и антропоморфизмов — короче говоря, сумма человеческих отношений, которые были усилены <...> и украшены поэтически и риторически и после долгого употребления обрели твердость, каноничность и обязательность...» («Об истине и лжи во внеэстетическом смысле» [1873]). Убедительность сопоставления несколько снижается оттого, что Жолковский цитирует Ницше в собственном переводе с английского (The Portable Nietzsche / Ed. by W. Kaufmann.

А из этого следует, что Юшкевича Бабель носил в себе и полтора десятилетия спустя. И сводил счеты с русско-еврейской литературой:

«Бендерская писала утомительно правильно, безжизненно и развязно — так, как писали раньше евреи на русском языке».

New York: Viking, 1968. P. 46–47), а не по источнику, доступному Бабелю (напр., *Ницше Ф.* Полное собр. соч. М.: Московское книгоизд-во, 1909–1912. Т. 1. (1912). С. 398), где, на месте ключевого слова «армия», выступает «толпа»: «движущая толпа метафор»!

Глава II

1002-Я НОЧЬ

Рассказывая в Автобиографии 1924 года о первой своей публикации, Бабель сообщает такую подробность:

«Он <Горький> напечатал первые мои рассказы <sic/> в ноябрьской книжке Летописи за 1916 г. (я был привлечен за эти рассказы <sic/> к уголовной ответственности по 1001 ст.)»¹.

С орфографической правкой этот пассаж вошел в сборник 1926 года «Писатели»².

В новом варианте автобиографии 1931 года проведена легкая стилистическая правка, и устранено одно прилагательное — «уголовной»:

«[Он] *Горький* напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год ([я был привлечен] меня привлекли за эти рассказы к [уголовной] ответственности по 1001 ст.)»³.

Напомню тем, кто давно не листал «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года: по 1001-й статье привлекали за порнографию.

В «Летописи» (и только в ноябрьском номере) Горький напечатал два рассказа Бабеля: «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла».

---

¹ РГБ НИОР. Ф. 178. Карт. 9585а. Ед. хр. 1. Л. 1; в квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — **вставки и замены**.

² Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы; Н.А. Столяр. 1926.

³ РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1 — 2; в квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — **вставки и замены**.

Героиня первого рассказа проститутка, во втором описаны соблазнение невинной девушки и вытравление плода ее сестрой. То есть темы вполне предосудительные. Вот только поданы эти темы так, что подвести автора под статью крайне сложно.

В первом рассказе воспроизведена ситуация андреевской «Тьмы» (1907)⁴ — террорист Алексей, которого преследует полиция, укрывается в публичном доме. И сексуальные услуги, которые там предоставляют, совершенно его не прельщают: он страстно желает только одного — выспаться.

Герой Бабеля — Элья Исаакович Гершкович — тоже не ищет удовольствий на стороне: ему, добропорядочному еврею и семьянину, надо по торговым делам задержаться на несколько дней в Орле, но вида на жительство вне пределов «черты оседлости» у него нет. А поскольку рассказ начинается с выхода Гершковича от надзирателя, легко догадаться, что прошедший день он провел в тюрьме. И теперь, не покинь он Орел с первым поездом, его доставят в Одессу по этапу. Тут-то ему подворачивается проститутка, с которой он сговаривается на ночь. Проститутка требует с еврея десятку, сходятся на пятерке, а на утро он вручает ей три рубля. Вечером Гершкович снова является, они ужинают, делятся своими горестями и ложатся спать. Короче, ведут себя, как обычные немолодые супруги. На следующий день Гершкович уже на вокзале и, прохаживаясь по перрону, видит спешащую к нему проститутку, держащую в руках маленький сверток с домашними пирожками. Они пожимают друг другу руки и прощаются:

«— До свидания, Маргарита Прокофьевна.

— До свидания, Элья Исаакович».

Неотмеченным остался один момент переключки Бабеля с андреевской «Тьмой».

У Андреева проститутка Люба твердо знает, что все люди, т.е. клиенты, — подлецы.

Был один — писатель... Поначалу говорил, что хороший, а потом признался — тоже подлец. И обращаясь к постоянному-террористу, гневно восклицает:

---

⁴ Жолковский А.К. Полтора рассказа Бабеля: «Гюи де Мопассан» и «Справка /Гонорар». Структура, смысл, фон. М.: КомКнига, 2006. С. 83, 179.

« — Какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я плохая? <...> стыдно быть хорошим».

То есть до тех пор, пока в мире остаются оскорбленные и падшие, безнравственно хранить собственную чистоту, непорочность и идеалы.

Террорист раздавлен открывшейся ему истиной и морально перерождается: отказывается от революционной борьбы, расстается с револьвером, лишается невинности и пьянствует с проститутками. И когда наступает расплата — является полиция — не оказывает сопротивления.

Современников рассказ ошеломил, и все, кроме партийных начетчиков, задумались: неужели быть хорошим — стыдно?

Герои Бабеля тоже разговаривают:

« — Тебе, я вижу, везде хорошо, — сказала Маргарита.

— И правда, — ответил Гершкович. — Везде хорошо, где люди есть.

— Какой ты дурак, — промолвила Маргарита. — Люди злые.

— Нет, — сказал Гершкович — люди добрые. Их научили думать, что они злые, они и поверили».

Это Гершкович не сам придумал, он лишь доступно изложил то, что написал Маймонид (раббену Моше бен-Маймон, акроним РаМБаМ) в 3-й части «Наставника колеблющихся» (More Nebuḳim). А там, в главах с 8-й по 12-ю, Маймонид устанавливает, что зло бывает трех видов. Первые два — природные бедствия и социальные катастрофы — от воли человека не зависят. Таких проявлений не так уж и много, а главное зло в мир приносят деяния самих людей. Но человек становится злым от дурного воспитания, а, значит, зло в человеке можно победить. И тому, кто способен видеть не только собственные страдания и несчастья, открывается истинный облик мира — не пронизанный злобой, а благой.

Отметим парадоксальность ситуации: всюду гонимый и всеми унижаемый Элья Исаакович утверждает, что люди добры. А его оппонентка, которой дано все, в чем еврею Гершковичу отказано, уверяет, что люди злы.

И вот финал — Маргарита бежит на вокзал, чтобы передать отъезжающему пирожки на дорогу, то есть ведет себя, как

обычная женщина, которая заботится о близком человеке. Она душевно и нравственно переродилась.

У Андреева террорист Алексей целует проститутке руку в знак того, что относится к ней, как к человеку. Та отвечает пощечиной.

Гершкович и Маргарита руки друг другу пожимают и обращаются по имени-отчеству. Нет, не Гершкович преклонился перед страданием женщины, это проститутка стала человеком.

А вот второй рассказ — «Мама, Римма и Алла».

Матери срочно нужны деньги. Две незамужних дочери... Тут бы самое время вспомнить Юшкевича, его «Евреев» и раскрасить эскиз, оглашенный Шлоймой:

«– Вот квартира первая, <...> квартира Бейлы. Торговка. Две дочери работают на фабрике. По вечерам выходят на улицу. Голодают. <...> Пойдем дальше. <...> Квартира четвертая. Слепой Мотель. Дочь в “доме”. Голодают. <...> Восьмая. Разносчик. Дочери продаются. Две уже в “домах”. Голодает. <...> Одиннадцатая... <...> ...Пять девушек. Сироты. Продаются. Голодают»⁵.

Но у Бабеля жадная мамаша не гонит дочерей на панель, а увидев, как младшая помогает старшей прервать беременность, бросается к ним с объятьями, слезами и поцелуями, и дочери, наплакавшись всласть, умиротворенно засыпают. Ни ужаса, ни позора... Все обошлось.

И без всякой порнографии...

Михаил Кольцов уверял, впрочем, что рассказов было три:

«– Я помню его <Бабеля> в ту пору, когда он только что приехал в Питер и привез три рассказа, которые и прочитал Зозуле. – Можно это напечатать? – Можно! – сказал Зозуля. – Где? – Где угодно. – Он <...> отнес их к Горькому»⁶.

И, действительно, в июне 1917 года, после Февральской революции, Бабель опубликовал рассказ без названия⁷, а перепечатку 1923 года снабдил заголовком («В щелочку») и примечанием: «Рассказ этот был вырезан цензурой из ноябрь-

---

⁵ Юшкевич С. Евреи. СПб.: Знание, 1906. С. 38–39.

⁶ Чуковский К.И. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 12. Дневник 1922–1935. М., 2013. С. 379 (запись от 16 сентября 1928 г.)

⁷ Журнал журналов. 1917. № 16. С. 11.

ской книжки журнала “Летопись” 1916 г.»⁸. Фабула такова: узнав, что две постоялицы некой мадам Кебчик — Маруся и Тамара — принимают на дому клиентов, рассказчик просит позволения наблюдать за приемами у Маруси через окно. За 5 рублей получает у мадам Кебчик разрешение, взбирается по лестнице и наблюдает. Но в самый ответственный момент лестница падает, рассказчик цепляется за окно и вышибает форточку. Маруся смотрит на висящего и произносит: «Мерзавец, ах какой мерзавец...». После чего целует руку клиента и повторяет: «Милый, боже мой, милый...».

Поцелуи эти будят у рассказчика страстное любопытство, и, заплотив мадам Кебчик десятку, он повторяет свой опыт и видит:

«Маруся обвила гостя тонкими руками, она целует его медленными поцелуями, и из глаз у нее текут слезы.

– Милый мой, — шепчет она, — боже мой, милый мой, — и отдается со страстью возлюбленной».

Что произошло? А вот что: узнав, что за ней поглядывают, Маруся не потребовала с вуайера плату, но почувствовала себя не проституткой, а оскорбленной женщиной. И тогда клиент превратился в возлюбленного. Все тот же поворот сюжета — нравственное возрождение!

Конечно, цензор, не вникнув в такие тонкости, мог потребовать рассказ из журнала вырезать. Но... — в том-то и дело, что не мог!

По той простой причине, что в России с декабря 1905 года предварительная цензура печатных изданий была полностью отменена. Это не значит, что в стране отменили цензуру — конечно, нет. Но печатать разрешалось все. А если кто-то за цензурные рамки выходил, то цензура подавала на него в суд. Например, по 1001-й статье Уложения о наказаниях:

«Если кто-либо будет тайно от цензуры печатать или иным образом издавать в каком бы то ни было виде, или же распространять подлежащие цензурному рассмотрению, сочинения, имеющие целью развращение нравов или явно противные нравственности и благопристойности, или клонящиеся к сему

---

⁸ Силуэты (Из книги «Офорты»). — Одесса. 1923. № 12 (май). С. 5 (автор. датировка: 1915); переп. в сб. «Перевал» (М.; Л.: ГИЗ, 1928. Сб. 6. С. 190–191).

соблазнительные изображения, тот подвергается за сие: денежному взысканию не свыше пятисот рублей, или аресту на время от семи дней до трех месяцев»⁹.

«Тайно от цензуры» — это дань прошлому. С декабря 1905 года судили исключительно за распространение. Так что, если кто и вырезал противное нравственности сочинение из книжки журнала, то быть им мог один-единственный человек — издатель, Максим Горький. Потому что судебное преследование грозило только ему. А вот Бабель никакой ответственности нести не мог — мало ли чего человек пишет для себя!..

Зачем Бабель все это сочинил? Наверное, хотел показать, что с самого начала был автором неудобным, не желавшим считаться с запретами и писавшим о том, что хочет, и так, как считает нужным.

А в 1930 году Бабель попал в переделку: малоизвестный польский поэт Александр Дан напечатал в варшавской еженедельной газете «Wiadomości Literackie» (1930. № 21. 25.05. s. 2) заметку «Izaak Babel» — о встрече с писателем на французской Ривьере. Полтора месяца спустя Бруно Ясенский, польский писатель-коммунист, только что выдворенный из Франции, через «Литературную газету» оповестил об этом факте советскую общественность¹⁰.

После публикации «Литературной газеты» редакция польского еженедельника провела собственное расследование, и оказалось, что варшавская газета сама пала жертвой мистификации — собеседник Александра Дана лишь выдал себя за советского писателя, а на самом деле оказался совсем другим человеком¹¹.

---

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. Н.С. Таганцев. Изд. 13-е, пересмотр. и доп. СПб., 1908. С. 525.

¹⁰ Ясенский Б. Наши на Ривьере // Литературная газета. 1930. № 28. 10.07. С. 2.

¹¹ Zapowiedź sensacyjnego procesu prasowego w Warszawie. Pisarz sowiecki Babel przeciwko redakcji “Wiadomości Literackich” dzieje pewnej rozmowy // Wiadomości Literackie». 1930. № 31. 3.08. S. 1.

Единственное, что оказалось подлинным, — это иллюстрация: фото Бабеля с сыном, воспроизведенная в кн.: Левин Ф. И. Бабель: Очерк творчества. М.: Художественная лит-ра, 1972 («Иллюстрации»). [С. 2] — из собр. С.Ф. Буданцева». Увидев эту фотографию в газете, А. Дан сразу понял, что пал жертвой обмана.

Но продажной буржуазной прессе «Литературная газета» спуска не дала, опубликовав редакционную статью: «Литературное жульничество. Сомнительная невиновность польского еженедельника»¹².

А Бабелю пришлось держать ответ. 13 июля на заседании секретариата Федерации объединений советских писателей (ФОСП) он заявил:

«Литературная газета» поступила неправильно, не показав предварительно статью мне. Мне кажется, что здесь речь идет о человеке безукоризненной репутации, и по отношению к такому человеку «Литгазета» поступила несколько поспешно. <...> если бы статья была своевременно мне показана, все дело выглядело бы, конечно, иначе, ясно было бы, что речь идет только о фальшивке. Статья <Ясенского> производит неприятное впечатление. Как могло случиться, чтобы на человека, который с октября 1917 года работал в Чека, против которого за все эти годы не поднялся и не мог подняться ни один голос, — как могло случиться, чтобы на такого человека был вылит такой ушат грязи.<...>

Зеленым мальчиком я попал к Горькому и двадцати лет — в ноябре 1916 года — напечатал свою первую вещь в горьковской «Летописи». Мне сейчас же было предъявлено обвинение сразу по трем статьям царского свода законов: я был привлечен за порнографию, кощунство и покушение на ниспровержение царствующего строя. В марте 1917 года я должен был привлекаться к суду»¹³.

Вот так Бабель стал борцом с самодержавием!¹⁴ Конечно, обвинение в порнографии революционеру не к лицу... Но тут уж ничего не поделаешь: сам признался в автобиографии. Так что в 1931 году — в исправленном и дополненном варианте автобиографии¹⁵ — удаляет лишь одно слово: «**меня**

---

¹² Литературная газета. 1930. № 34. 10.08. С. 1.

¹³ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 3. С. 361.

¹⁴ В 1936 г. Бабель приписал себе еще одно преступление: «Это было в 1916 году. У меня тогда с властями были неважные отношения: я удрал с фронта» ([Б.н.] Учитель: Беседа с тов. Бабелем // Комсомольская правда. 1936. № 172. 27.07. С. 3). Но это неправда — никаким дезертиром он не был, поскольку, записавшись в студенты петроградского Психоневрологического института, получил в 1916 г. новую отсрочку от призыва.

¹⁵ Бар-Селла Э. Три автобиографии Бабеля // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 48. С. 14.

привлекли за эти рассказы к [уголовной] ответственности по 1001 ст.)».

Он теперь не уголовник, а политический!

Под статью покушению на царский строй и обвинение в кощунстве — в опубликованных Горьким рассказах уж точно ничего богохульного не было.

Но, как мы видели, роль цензора в журнале исполнял сам Горький. И рассказ, заведомо подсудный, ни за что не напечатал бы. Посему нельзя категорически исключать, что нечто такое Бабель в редакцию приносил...

29 августа 1921 г. Южное товарищество писателей выпустило в Одессе однодневную газету «На хлеб!» — в пользу голодающих. И в газете той впервые появился рассказ Бабеля «Иисусов грех», в 1924 году, с минимальными изменениями¹⁶, перепечатанный в московском альманахе «Круг» (№3).

Обозревая альманах, Евгений Замятин писал:

«В заколдованный круг сказа попали в “Круге” <...> четыре <...> автора: Бабель (“Иисусов грех”), Леонов (“Гибель Егорушки”), Форш (“Для базы”) и Рукавишников (“Скомороший сказ”).

Лучше всего эта форма удалась Бабелю: вся его небольшая новелла целиком — включая авторские ремарки — сложена из элементов народного диалогического языка, нужные синонимы выбраны очень умело, использованы типичные для народной речи деформации синтаксиса. Работа над орнаментом не заставила автора забыть о композиционной задаче — как это часто бывает. И еще одно: Бабель (в этой хотя бы вещи) помнит, что кроме глаз, языка и прочего — у него есть еще и мозг, многими писателями сейчас принимаемый за орган рудиментарный, вроде appendix'a: коротенькая новелла приподнята над бытом и освещена серьезной мыслью»¹⁷.

Литературные достоинства рассказа удостоверены, из чего следует, что написан он достаточно искусственным автором. Но ведь нельзя исключать, что мы имеем дело с переработанным

---

¹⁶ Указаны Е.И. Погорельской (Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 399–402.

¹⁷ Замятин Е. О сегодняшнем и современном // Замятин Е.И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. С. 109; первая публ.: Русский современник 1924. № 2.

вариантом произведения. Тем более, и события в рассказе относятся к дооктябрьской эпохе.

А 18 июня 1937 года, в первую годовщину смерти Горького, Бабель выступил печатно, причем сразу в двух изданиях: в «Литературной газете» и «Правде». Очерк назывался «Начало» и повествовал все о том же незабываемом эпизоде — встрече с Горьким в 1916 году.

«<...> в душе кипела и заливала меня жаром радость, тиранически требовавшая выхода. <...> Я стоял в передней, чему-то улыбался и неожиданно для себя открыл дверь в столовую. Инженер <хозяин съемной квартиры> с женой пили чай. <...>

Я ступил два шага по направлению к нему и сознался в том, что Максим Горький обещал напечатать мои рассказы. <...>

— Я прочту вам мои рассказы, — сказал я, усаживаясь и придвигая к себе чужой стакан чая, — те рассказы, которые он обещал напечатать...

Краткость содержания соперничала в моих творениях с решительным забвением приличий. Часть из них, к счастью благонамеренных людей, не явилась на свет. Вырезанные из журналов, они послужили поводом для привлечения меня к суду по двум статьям сразу — за попытку ниспровергнуть существующий¹⁸ строй и за порнографию. Суд надо мной должен был состояться в марте 1917 года, но вступившийся за меня народ в конце февраля восстал, сжег обвинительное заключение, а вместе с ним и самое здание Окружного суда»¹⁹.

Сравнив выступление перед секретариатом ФОКС с очерком, мы обнаружим, что из списка обвинений исчезло кощунство. С чего вдруг?

Причина, быть может, в том, что статья 181 Уложения о наказаниях (наказание за богохуление или порицание веры, совершённое посредством печатных или письменных, каким-либо образом распространяемых сочинений) разумела

---

¹⁸ В 1930 г., выступая на секретариате ФОСП, Бабель употребил совсем неподходящее слово: «покушение на ниспровержение *царствующего* строя» — «царствующими» бывают дом или династия. Впрочем, речь Бабеля приведена по направленной стенограмме, так что, скорее всего, он в этом лексическом сбое неповинен.

¹⁹ Начало // Литературная газета. 1937. № 33. 18.06; Из воспоминаний // Правда. 1937. № 166. 18.06.

лишь посягательство на всё, признаваемое христианскою верою вообще и православною церковью в особенности божественным или священным.

А на дворе уже не 1930 год, когда отменили выходной на Пасху. На дворе, слава те, Господи! — 1937-й, и нападки на христианскую веру, и особенно на православие, а особенно со стороны евреев уже многих раздражают.

Глава III

МАДМУАЗЕЛЬ ДУДУ

Рассказ «Doudou» был опубликован 13 марта 1917 года¹ и при жизни Бабеля не переиздавался. Фабула такова: война, Н-ский госпиталь, санитар — рассказчик, раненые и сестра милосердия. Зовут ее la petite Doudou, она содержанка генерала С., попечителя госпиталя, и по вечерам танцует в кафешантане. А в госпитале «она благоговела перед всеми солдатами и ухаживала за ними как прислуга». В госпиталь прибывает новый раненый — летчик-француз m-r Drouot с раздробленными ногами. Doudou проводит много времени у его постели, он рассказывает ей о полетах и о том, как он одинок. Понятно, что, летчик в медсестру влюбился. А потом его состояние ухудшилось, стало ясно, что летчик умирает.

«Когда Doudou пришла, он сказал:

“Doudou, ma bien aimée”, — склонил голову ей на грудь и медленно стал целовать темно-синюю шелковую ее кофточку. Doudou стояла недвижимо. Пальцы ее вздрагивали и теребили пуговицы кофточки.

“Чего Вы хотите?” — спросила Doudou.

Он ответил что-то.

Doudou задумчиво, внимательно оглядела его и медлительно отвернула кружево воротника. Показалась мягкая белая грудь. Drouot вздохнул, вздрогнул и припал к ней. У Doudou от боли призакрылись глаза. Все же она заметила, что ему неудобно, и расстегнула еще и лиф. Он притянул Doudou к себе, но сделал резкое движение и застонал.

“Вам больно! — сказала Doudou, — не надо больше, Вам нельзя...”

---

¹ Свободные мысли. — Пг. 1917. № 2. 13.03. С. 2.

«Doudou, – ответил он, – я умру, если Вы уйдете»».

Этот случай получил огласку, и Дуду выгнали из госпиталя...

Финал рассказа:

«В последнюю минуту она стояла в вестибюле и прощалась со мной. Из глаз ее выкатывались тяжелые и светлые слезы, но она улыбалась, чтобы не огорчить меня.

“Прощайте, – сказала Doudou и протянула мне тонкую руку в светлой перчатке, – adieu, mon ami...”. Потом помолчала и добавила, глядя мне прямо в глаза: “Il gèle, il meurt, il est seul, il me prie, dirai-je non?” <«Его знобит, он умирает, совсем один, он просит меня, неужели сказать “нет”?»>

В это время в глубине вестибюля проковылял Дыба – грязнейший мужичонка. “Клянусь Вам, – промолвила тогда Doudou тихим и вздрагивающим голосом, – клянусь Вам, попроси меня Дыба, я сделала бы то же».

Финал — по неожиданности развязки — совершенно мо-
пассановский...

Много внимания рассказу уделил М. Ямпольский², педантично перечислив все упомянутые Бабелем эпизоды грудного вскармливания и лактации у человека и животных. Тем удивительнее, что заявив с самого начала об имеющей место в рассказе замене полового акта «неким инфантильным эрзацем сексуальности», исследователь сразу же квалифицировал данную сцену, как «[п]ревращение танцовщицы-содержанки в кормилицу».

Это утверждение остается непоколебленным даже в свете приводимой им цитаты из конармейской новеллы «Замостье»³ (обратим внимание на французские декорации сцены):

«Женщина, одетая для бала, приблизилась ко мне. Она вынула грудь из черных кружев корсажа и понесла ее мне с осторожностью, как кормилица пищу. Она приложила свою грудь к моей. Томительная теплота потрясла основы моей души, и капли пота, живого, движущегося пота, закипели между нашими сосками.

---

² Жолковский А.К., Ямпольский М.Б. Бабель/Babel. М.: Carte blanche, 1994. С. 287–294, 305–309.

³ Там же. С. 309.

– Марго, – хотел я крикнуть, – земля тащит меня на веревке своих бедствий, как упирающегося пса, но все же я увидел вас, Марго...

Я хотел это крикнуть, но челюсти мои, сведенные внезапным холодом, не разжимались. Тогда женщина отстранилась от меня и упала на колени.

– Иисусе, – сказала она, – прими душу усопшего раба твоего».

Действительно, Марго несет свою обнаженную грудь, «как кормилица пищу», но подносит соски не ко рту мужчины, а к его груди!

Впрочем, до того, как приступить к анализу текста «Doudou», необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Начнем с имени. Не рассчитывая на познания читателей во французском, редакторы снабжают имя медсестры переводом: *la petite Doudou* – «крошка Дуду». Но в переводе нуждается не только эпитет – *petite*, но и *Doudou*. Потому что это не имя, а прозвище, попавшее во французский из креольского языка обитателей Антильских островов. И значит оно – «молодая женщина, возлюбленная». Во французском слово это носит несколько легкомысленный оттенок, по каковой причине *la petite Doudou* следовало бы перевести на русский чуть иначе: не «крошка Дуду», а «Цыпочка»...

Но несомненный мопассановский колорит скрыл от взора и некоторые странности...

Где происходит действие рассказа? Как будто, во Франции... Отчего же тогда рассказчик-санитар, говоря о раненом летчике, считает нужным уточнить: «привезли к нам разбившегося летчика-француза – m-r Drouot»? Такая деталь – национальность – была бы понятна, кабы речь шла о бельгийце... И как в госпитале оказался другой раненый – «корявый мужичонка Дыба»? Как ударение ни ставь (Дыба или Дыба́) – Dubois он не станет... И если госпиталь находится во Франции, откуда взялась медсестра Кирдецова?

Для ответа на эти вопросы придется вспомнить не самый известный эпизод Первой мировой – пребывание во Франции русских экспедиционных войск. 1-ю особую пехотную бригаду под командованием генерал-майора Н.А. Лохвицко-

го доставили в Марсель 20 апреля 1916 года, а в августе из Архангельска отбыла 3-я особая бригада под командованием генерала В.В. Марушевского.

Войска были полностью экипированы, не было только своих врачей — одни санитары. И это не было упущением: лечение раненных и больных русских воинов французская сторона приняла на себя⁴. Так русские солдаты оказались во французских госпиталях.

Еще один момент: хронологический. Прибытие раненного летчика рассказчик приурочил к 3-му дню Пасхи. Это не мог быть 1917 год — православная Пасха в том году пришлось на 15 (по старому стилю — 2-е) апреля, католическая — на 7 апреля. А рассказ Бабеля появился в печати 13 марта!

Остается Пасха 1916 года — православная, пришедшая на 23 апреля (10 апреля по старому стилю) и совпавшая с католической. Но русские войска прибыли в Марсель 20 апреля, и вряд ли кто из солдат успел за это время очутиться в госпитале.

Так что, скорее всего, Бабеля в данном случае интересовала не календарная точность.

В 1917 году о Франции Бабель мог лишь мечтать... Какими же источниками он пользовался? Видимо, сведениями очевидцев и газет. На газетный источник может указывать не самая распространенная фамилия сестры милосердия — Кирдецова. Под псевдонимом «Кирдецов» печатался Григорий Львович Дворжецкий (1880 — † не ранее 1940, в заключении), бывший сотрудник «Еврейской энциклопедии», будущий сменовеховец, а в годы Первой мировой войны — копенгагенский корреспондент «Биржевых ведомостей».

Вернемся к рассказу. О Doudou сказано, что она была содержанкой генерала С. То есть женщиной, продающей свою любовь за деньги, пусть даже и единственному клиенту.

Поведение французских проституток в военное время вызвало у Мопассана особый интерес («Пышка», «Мадмуазель Фифи», «Койка № 29»), причем он полагал, что и выйдя на па-

---

⁴ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. (По материалам Архивов Французского Военного Министерства). Париж: Союз Офицеров участников войны на французском фронте, 1933. С. 55.

нель, французенка остается патриоткой⁵. А патриотка даже продажную любовь врагу не отдаст!

И оттого еврейка Рашель услышав, как прусский офицер оскорбляет Францию и французских женщин, погружает в шею врага фруктовый нож. Еврейка Юдифь и пруссак Олоферн!

О том, что в «Мадмуазель Фифи» Бабель разглядел именно этот девтероканонический смысл, свидетельствует рассказ «Гюи де Мопассан», где муж Раисы Бендерской, оставив жену наедине с рассказчиком, отправляется слушать оперу Серова «*“Юдифь”* с Шаляпиным» — Олоферном.

Кстати, Олоферна Бабель упоминает в рассказе «У святого Валента», говоря о костеле, расписанном Аполеком:

«В этом храме Берестечка <...> святые шли на казнь с картинностью итальянских певцов и *черные волосы палачей лоснились, как борода Олоферна*».

Так что своего Олоферна Бабель, скорее всего, писал с Шаляпина (см. илл.), совершенно не случайно вставив сюда оперный мотив: «с картинностью итальянских *певцов*».

Итак, по Мопассану, падшую французенку преодолевают две страсти — любовь к отечеству и ненависть к врагу.

Но Doudou встречается не с врагами — ее окружают только свои. В госпиталь она поступает благодаря рекомендации генерала С. Трудно предположить, что инициатива эта исходила от генерала — утомительная работа в госпитале вряд ли способствовала воплощению генеральских эротических фантазий. Так что, вероятнее всего, генерал лишь исполнил просьбу самой Doudou. И в госпитале «она благоговела перед всеми солдатами и ухаживала за ними как прислуга».

Госпиталь этот, кстати, не совсем обычный — обращаясь к сестре милосердия Кирдецовой, Doudou называет ее *ma sœur* «моя сестра». Можно было бы думать, что такое обращение («сестра») вызвано служебными обязанностями Кирдецовой, но это не объясняет появления притяжательного местоимения «моя». И что могло заставить *старшего* врача назвать «братом» самого ничтожного из пациентов: «Ты бы, брат Дыба, постыдился...»?

---

⁵ Этой вере русская литература обязана знаменитым рассказом «Штабс-капитан Рыбников».

Федор Шалютин
в роли Олоферна

А стыдиться тот был должен — позволил женщине застегивать себе кальсоны.

Но саму Doudou это ничуть не оскорбило и не унизило, и она, подняв «тогда ласковое, тихое лицо <...> промолвила: “Oh mon docteur, разве я не видела мужчин в кальсонах?”».

Действительно, к виду раздетого мужчины содержание не привыкать... Не красит Doudou и исполнение tango acrobatique. Хотя Бабель и пишет, что танец этот она танцевала «удивительно <...>, с неясной нежной страстностью и целомудренно, сказал бы я», но перед самой войной к танго относились, как к чистому неприличию.

В ноябре 1913 года в русских газетах появились сообщения, что полиция Парижа наложила запрет на публичное исполнение танго⁶, а германский кайзер Вильгельм II относится к танго «с нескрываемым осуждением», считая сей танец глубоко неэстетичным и насилующим «красивую естественность человеческих движений»⁷, в силу чего запретил своим офицерам танцевать его в военной форме⁸. А год спустя распространился слух, что Папа Римский, Пий X, твердо решил танго запретить, но — смерть помешала.

Танго проливает свет и на ранение летчика: один из элементов танца состоит в том, что мужчина продвигает свою ногу между ног партнерши. А у летчика обе ноги были раздроблены. «Так странно было видеть — мощное туловище, точеная крутая шея и разбитые, беспомощные ноги».

⁶ [Б.н.] Запретный танец // Биржевые ведомости. 1913. №13838. 4.11. С. 7.

⁷ [Б.н.] Танцует ли император Вильгельм II-й // Биржевые ведомости. (Утр. вып.). 1913. №13853. 13.11. С. 3.

⁸ [Б.н.] Королева[,] танцующая модный танец «танго» // Биржевые ведомости. 1913. №13854. 13.11. С. 4.

Иными словами, к физической любви он более не способен и потому переносит свою чувственность на женскую грудь.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что поступок Doudou — это награда умирающему за его безответную влюбленность. Но сама Doudou такое объяснение решительно отвергает:

«В это время в глубине вестибюля проковылял Дыба — грязнейший мужичонка. “Клянусь Вам, — промолвила тогда Doudou тихим и вздрагивающим голосом, — клянусь Вам, попроси меня Дыба, я сделала бы то же».

Что могло заставить ее дарить любовь корявому, апатичному, утратившему стыд и грязнейшему из всех пациентов госпиталя? Даже не французу?! В чем причина?

Причина одна — Франциск Ассизский.

В молодости он вел разгульную жизнь, напивался, без всяких угрызений совести тратил отцовские деньги, пока однажды к нему во сне явился Христос. И тогда все переменялось: Франциск стал раздавать щедрую милостыню, затем сам стал нищим... Но оказалось, что и это не предел человеческого страдания. И Франциск пошел к тем, кто был отвергнут судьбой и людьми, к самым несчастным созданиям Божиим — прокаженным. Подавив отвращение, он целовал им руки, мыл их, жил с ними вместе, устроил для них приют... Любовь Франциска к человеку была безграничной.

И необычные обращения к пациентам и персоналу — «брат», «сестра», служат несомненным свидетельством того, что госпиталем управляет какой-то религиозный орден...

Удивительной оказалась судьба Франциска в России. Началось все, естественно, с Мережковского — в 1891 году он опубликовал поэму «Франциск Ассизский (Легенда)»⁹. За ним последовал Лев Толстой, издавший биографию святого¹⁰, а год спустя — книжку для народа¹¹. Затем вышла монография

---

⁹ Мережковский Д.С. Франциск Ассизский (Легенда) // Ежемесячное приложение к журналу «Нива». 1891. № 3.

¹⁰ Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского / Пер. с фр. М.: Посредник, 1895.

¹¹ Свешикова Е.Л. Франциск Ассизский. М.: Посредник, 1896.

русского автора — В.И. Герье¹². А потом — «Сказания о бедняке Христовом: Книга о Франциске Ассизском»¹³ и еще одна «Книга о святом Франциске В. Конради»¹⁴. И «Цветочки Франциска Ассизского»¹⁵ («I Fioretti di San Francesco»), итальянская переработка средневекового флоригелия «Actus beati Francisci et sociorum eius».

До того дошло, что язвительный В.В. Розанов в 1911 году написал:

«<...> с 90-х годов прошлого века в русской литературе, в стихах, в рассуждениях, даже в критических статьях, сделались весьма частыми ссылки на св. Франциска Ассизского. Он сделался каким-то “литературным святым”, притом “единственным святым” русской интеллигенции»¹⁶.

Так что не заметить Франциска Ассизского Бабель просто не мог.

И последнее: выше уже говорилось о Пасхе, на 3-й день которой в госпиталь доставляют раненного летчика. Дата эта, хронологически маловероятная, крайне важна сюжетно. Она указывает на жанр: «Doudou» — это пасхальный рассказ, напоминающий о евангельских истинах и повествующий о духовном и нравственном возрождении.

Такого, кажется, от Бабеля никто не ждал...

---

¹² Герье В.И. Франциск: Апостол нищеты и любви. М., 1908.

¹³ Сказания о бедняке Христовом: Книга о Франциске Ассизском. М.: 1911.

¹⁴ Конради В. Книга о святом Франциске. СПб.: Сириус, 1912.

¹⁵ Цветочки Франциска Ассизского (Fioretti). Легенды. Пер с итал. О.С. // Новый путь. 1904. № 4; Цветочки святого Франциска / Пер. с итал. [и предисл.] А. Печковского; вступ. ст. С. Дурьлина. М.: Мусагет, 1913.

¹⁶ Розанов В. Религиозный «эклетицизм» и «синкретизм» (Из воспоминаний о Влад. С. Соловьеве) // Розанов В.В. Собр. соч. [в 30 тт.]. [Т. XXI] Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). М.: Республика, 2011. С. 154.

Глава IV

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Рассказ «Старый Шлойме», знаменующий начало литературной жизни Бабеля, за целый век своего существования¹ и полвека, прошедшие с его открытия для науки², так и не сумел привлечь к себе внимания исследователей. Причина, видимо, кроется в самом рассказе — в нем не просматриваются черты, характерные для бабелевской новеллистики 20-х годов, а содержание представляется слишком элементарным.

Напомним фабулу: 86-летний Шлойме, неопрятный старик, ведущий почти растительное существование и одержимый лишь двумя страстями — едой и сидением в тепле, неожиданно узнает, что над его сыном нависла угроза изгнания из города — вместе со всеми домочадцами. Для Шлойме, прожившего в том городе 60 лет безвыездно, это означает лишиться куска хлеба и теплого угла. Старик понимает, что для сына единственный способ предотвратить несчастье — это крещение. Он идет к сыну, целует ему руки, порывается что-то сказать, но, не найдя слов, возвращается в свой угол.

«С той поры Шлойме ни о чем другом не думал. Он знал одно: сын его хотел уйти от своего народа, к новому Богу. Старая, забытая вера всколыхнулась в нем. Шлойме никогда не был религиозен, редко молился и раньше слыл даже безбожником. Но уйти, совсем, навсегда уйти от своего Бога, Бога униженного и страдающего народа — этого он не понимал. Тяжело ворочались мысли в его голове, туго соображал он, но эти слова неиз-

---

¹ Огни. — Киев. 1913. № 6. 9.02. С. 3–4.

² [Парнис А.] Дебют Бабеля? // Горизонт: Лит.-худож и обществ.-полит илл. сб. Одесского отд-ния Союза писателей Украины. Одесса. 1967. [Вып. 2]. С. 88–71.

менно, твердо, грозно стояли перед ним: “нельзя этого, нельзя!” И когда понял Шлойме, что несчастье неотвратимо, что сын не выдержит, то он сказал себе: “Шлойме, старый Шлойме, что тебе теперь делать?”. <...> И тогда, в ту минуту, когда сердце его заныло, когда ум понял безмерность несчастья, тогда Шлойме <...> решил, что его не прогонят отсюда, никогда не прогонят. <...> “<...> Шлойме расскажет Богу, как его обидели. Бог ведь есть, Бог примет его”».

Ночью Шлойме встает с постели, стараясь никого не разбудить, выходит на крыльцо, цепляет на крюк веревку и вешается.

Логические основания такого поступка не представляются очевидными...

Рассмотрим, однако, реальный фон рассказа.

16 февраля, спустя неделю после публикации рассказа Бабеля, в том же киевском журнале «Огни» появилась следующая заметка:

«На днях в газетах промелькнуло коротенькое сообщение: повесился еврей, высланный [курским губернатором Н.П.] Муратовым, оставив жену и восемь детей. Оказывается, этот еврей в том месте, из которого его выселили, прожил 20 лет, и гроза разразилась над его головой внезапно. Говорить о законности или незаконности этого и подобных ему административных распоряжений не приходится: уже слишком много было говорено о широко развившемся за последнее время произволе местных больших и малых правителей — преимущественно по отношению к евреям.

Где-то, за тяжелыми портьерами, закрывающими уличный свет, — сидят люди в фулярах, выкапывая измену, и с сознанием отлично исполненного долга подписывается роковая бумага, кладется печать <...> Бумага быстро достигает своего назначения и громом поражает мирнейшего из мирных еврейских обывателей. <...> и приходится в лютый мороз — во исполнение приказа — со всем домашним скарбом поскорее убраться куда глаза глядят. Про все эти ужасы несчастных высленцев немало писалось в газетах. Не выдержал высланный Муратовым еврей всех этих ужасов, испугался тяжелой перспективы, ожидающей его семью, и переселился в лучший мир, где нет

правных <*sic!*> и бесправных, чем, надо полагать, привел в немалое недоумение своих ежедневных непрошенных гостей, исполнителей начальнического приказа.

– Помилуйте, нешто это новость, диковинка? – Их высылают ежедневно сотнями, тысячами, а ничего: все тихо, спокойно, чинно. А тут вдруг, хе-хе-хе, – нашелся недовольный! – Туда ему и дорога!»³.

Получается, что фабулу своего рассказа Бабель не выдумал, а писал его по горячим следам совершенно конкретного события. Но не только из газет добывалось знание о новых веяниях — писатель ощутил их на собственной шкуре.

Как известно, с 1911 года Бабель обучался в Киевском Коммерческом институте. А в 1912 году институт был уравнен в правах с государственными высшими учебными заведениями. Это означало, в частности, введение процентной нормы — количество евреев не могло превышать 5% от числа студентов. И 27 января 1912 года Министерство торговли и промышленности, ведающее экономическим образованием, утвердило новые правила приема в институт⁴. Но речь шла не только о новом наборе, процентная норма должна была соблюдаться и в отношении тех, кто уже являлся студентом. Вот корреспонденция, помещенная в журнале «Огни» 6 октября 1912 года:

«Тяжелый момент переживает теперь еврейское студенчество Киевского Коммерческого Института. Известный циркуляр Министерства Торговли и Пром[ышленности] о перечислении в число действительных студентов только 5 процентов из наличного состава поставил в безвыходное положение огромное число с лишком в 1800 человек. Эта огромная армия обездоленных должна будет в течение целого ряда лет “сидеть у моря” и ждать перечисления в действительные студенты. Между тем многие так таки и не дождутся и довольны будут уйти ни с чем, так как циркуляр устанавливает для евреев предельный срок пребывания в Институте — в 4 года. Жестокость этого циркуляра обратила на себя внимание некоторых купеческих сфер, которые обратились с ходатайствами в Министерство о

---

³ Б-кий М. Еврейская жизнь // Огни. — Киев. 1913. № 6. 9.02. С. 6.

⁴ Чуткий А. Еволюція студенського контингенту Київського комерційного інституту // Київська старовина. 2010. № 1. С. 39–40.

нераспространении ограничительных мер на наличный состав евреев-студентов и повышение процентной нормы до десяти. Нельзя предугадать, как отнесется министерство к ходатайствам купцов, идущим из Одессы, Екатеринослава и Киева.

Одно можно предсказать, что на полный успех рассчитывать нечего: если министерство могло игнорировать пожелание даже третьеиюньской Государственной Думы, которая подавляющим большинством высказалась за предоставление возможности кончить Институт с правами старым студентам без каких-либо ограничений, то едва ли голос купечества повлияет на министерство в смысле отмены полностью циркулярного распоряжения. Возможны только уступки⁵.

Сразу скажем — не было даже уступок. И полноправными студентами (в институте их называли «действительными слушателями») стали лишь 180 евреев, еще 80 крестились⁶... А прочие — при попустительстве администрации — смогли продолжить обучение, став вольнослушателями.

И Бабель, с августа 1911 года по май 1912-го числившийся действительным слушателем⁷, превратился в вольнослушателя. И с осени 1912 года по август 1915-го аккуратно посещал лекции, писал положенные работы и сдавал экзамены⁸... Вот только одна беда, удостоверение вольнослушателя не являлось видом на жительство, и в любой момент Бабеля могли из Киева выселить. Но, видимо, три года как-то удавалось закон обходить.

А к концу 1914 года появился новый повод для волнений: 30 июня (12 июля) Бабель должен был достичь призывного возраста — 21 год. По каковой причине пишется следующая бумага:

«Его Превосходительству Господину Директору Киевского
Коммерческого И-та

---

⁵ Б-кий М. Еврейская жизнь // Огни. — Киев. 1912. № 40. 6.10. С. 5.

⁶ Кальницкий М.Б., Хандрос Б.Н. Где учились киевские евреи // Еврейский обозреватель. — Киев. 2003. № 21 (ноябрь) <http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=390>

⁷ Державний архів м. Києва. Ф. 153. Оп. 7. Ед. хр. 239. Л. 2, 4. Приношу свою благодарность Е.И. Погорельской, любезно предоставившей мне копию личного дела слушателя ККИ Бобея И.М.

⁸ Там же. [в хронологическом порядке:] Л. 14, 73, 76, 75, 7, 8, 77, 78.

Вольнослушателя 7-го семестра экономического отделения
Исаака Маньева Бобеля

Прошение.

Подлежа 1-го февраля 1915 года призыву по воинской повинности, честь имею просить Ваше Превосходительство о перечислении меня в разряд действительных слушателей, дабы дать мне возможность закончить образование.

И.М. Бобель.

Киев, 9. 12. 14 г.»⁹

Статус действительного слушателя Бабель обрел лишь 4 сентября 1915 года — полностью завершив курс обучения¹⁰, и, значит, уже не посягая на процентную норму.

Так что главный экзамен Бабель выдержал — не крестился.

А теперь вернемся к рассказу...

Заглавию, как уже было сказано, он обязан статье Жаботинского, прочитанной Бабелем 5-ю годами раньше. А вот относительно самоубийства возникают вопросы. Иудаизм самоубийство запрещает, но делает исключение для лишения себя жизни ради «Киддуш ха-Шем» — «Освящения Имени [Господа]». К таким случаям причисляют и смерть как способ избежать поклонения идолам.

Но в рассказе самому самоубийце ничто подобное не грозит, креститься собирается его сын. Так отчего же кончает с собой Шлойме? Чтобы избежать выселения? Но, крестившись, сын выселения избежит. И его 86-летнего отца тоже не тронут.

Еще одно объяснение: добровольно приняв смерть, Шлойме надеется таким шагом отвратить сына от крещения. Но ничего такого Шлойме не высказывает, да и сыну его мнение безразлично.

И почему, сводя счеты с жизнью, Шлойме выбрал способ для еврея самый презираемый — повешение, «ибо проклят пред Богом всякий повешенный на дереве» (Второзаконие, 21:23)?!

Вопросов станет еще больше, если мы сравним два текста:

---

⁹ Там же. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 11.

«И когда понял Шлойме, что несчастье неотвратимо, что сын не выдержит, то он сказал себе: “Шлойме, старый Шлойме, что тебе теперь делать?”. Беспомощно оглянулся старик вокруг себя, по детски-жалобно сморщил рот и хотел заплакать горькими, старческими слезами. Их не было, облегчающих слез. И тогда, в ту минуту, когда сердце его заныло, когда ум понял безмерность несчастья, тогда Шлойме в последний раз любовно осмотрел свой теплый угол и решил, что его не прогонят отсюда, никогда не прогонят. “Старику Шлойме не дают съесть кусок засохшего пряника, который лежит у него под подушкой. Ну так что же? Шлойме расскажет Богу, как его обидели. Бог ведь есть, Бог примет его”. В этом Шлойме был уверен.

Ночью, дрожа от холода, поднялся он с кровати. Тихо, чтобы никого не разбудить, зажег маленькую керосиновую лампу. Медленно, по-стариковски, охая и ежась, начал напяливать на себя свое грязное платье. Потом взял табуретку, веревку, приготовленную накануне, и, колеблясь от слабости, хватаясь за стены, вышел на улицу. Сразу сделалось так холодно... Все тело дрожало. Шлойме быстро укрепил веревку на крюке, встал возле двери, поставил табуретку, взобрался на нее, обмотал веревку вокруг худой трясущейся шеи, последним усилием оттолкнул табуретку, успел еще осмотреть потускневшими глазами городок, в котором он прожил 60 лет безвыездно, и повис...

Был сильный ветер и вскоре щуплое тело старого Шлойме закачалось перед дверью дома, в котором он оставил теплую печку и засаленную, отцовскую Тору».

«Наконец добрался Иуда до вершины и до кривого дерева, и тут стал мучить его ветер. Но когда Иуда выбрал его, то начал петь мягко и тихо, — улетал куда-то ветер и прощался.

<...> И перед тем как оттолкнуться ногою от края и повиснуть, Иуда из Кариота еще раз заботливо предупредил Иисуса: – Так встретить же меня ласково, я очень устал, Иисус.

И прыгнул. Веревка натянулась, но выдержала: шея Иуды стала тоненькая, а руки и ноги сложились и обвисли, как мокрые. Умер. Так в два дня, один за другим, оставили землю Иисус Назарей и Иуда из Кариота, Предатель.

Всю ночь, как какой-то чудовищный плод, качался Иуда над Иерусалимом, и ветер поворачивал его то к городу лицом, то к пустыне — точно и городу и пустыне хотел он показать Иуду»¹¹.

Вот перечень сходств у Бабеля и Андреева: никаких сомнений в благосклонности Господа к самоубийце, город, веревка, тонкая шея и ветер, раскачивающий труп висельника...

Как это понимать? Возведение на иудеев обвинения в предательстве Христа? Или, напротив, оправдание Иуды? Или что-то третье — неучтенное и неведомое?

Скорее всего, перед нами неразрешимое противоречие заданной фабулы (самоубийство) и сюжета. И сюжет этот — жертвоприношение, совершаемое отцом. Жертвой этой может быть сын, как в случае Авраама и Господа. Или отец, принесенный в жертву сыном... Нескончаемая вереница таких жертв, выходя на первый план или отступая в подтекст, пронизет все, написанное Бабелем. И «Старый Шлойме» — это самое начало, когда 18-летний автор еще не умел соединять сюжет и фабулу в единое целое. Оттого, может быть, Бабель и не упоминал никогда о своем первом печатном опыте...

---

¹¹ Андреев Л. Иуда Искарriot и другие // Сб. т-ва «Знание» за 1907 г. СПб., 1907. — Кн. 16. С. 338.

Глава V

ОЛИМПИЙЦЫ

Хотя больше всего копий критики и исследователи слома-ли по поводу и вокруг «Конармии», наиболее изученной обла-стью бабелевского наследия стали «Одесские рассказы».

Во-первых, исследователями достоверно установлено, что картина одесской жизни, нарисованная Бабелем, практиче-ски не имеет ничего общего с реальностью.

Документы одесской полиции демонстрируют: несмотря на значительную (не менее трети) долю евреев в населении Одессы, еврейское участие в преступной жизни города усту-пало даже показателям Нижнего Новгорода. Что касается во-оруженных ограблений (налетов), то одесские евреи этот вид уголовных преступлений вообще не практиковали. Тем не менее, еврей-налетчики в Одессе имелись, только были они не уголовники, а анархисты, да и действия их назывались не грабеж, а экспроприация¹.

Именно таким анархистом-экспроприатором и был Мой-ше Винницкий, которому, под кличкой Мишки Япончика, судьба определила роль прототипа Бени Крика. На самом деле, в образе Крика и биографии Япончика схож лишь один элемент — проживание в Одессе. Во всем остальном — ничего

---

¹ Герасимов И.В. «Мы убиваем только своих»: преступность как маркер межэтнических границ в Одессе начала XX века (1907–1917 гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 209–260; *Он же*. Письма одесских вымогателей и проблема еврейской преступности в Одессе начала XX века // *История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы*. Материалы междунар. конф., Москва, 8–10 декабря 2003 г. М., 2004. С. 144–171; *Он же*. Еврейская преступность в Одессе начала XX века: от убийства к краже? Криминальная эволюция, политическая революция и социальная модернизация // *Новая имперская история постсоветского пространства*. М., 2004. С. 501–544; *Он же*. *Urban Tales: социальная динамика позднеимперского города через призму этнической преступности, случай Одессы* // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков*. Материалы Между-нар. коллоквиума, Санкт–Петербург, 14–17 июня 2004 года. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 282–298.

общего: один уголовник, другой политический, один — лидер преступного мира, другой — рядовой обитатель тюрьмы (1907–1917)²... В тюрьму Япончик попал в 17 лет, ничем не прославившись... А освободила его Февральская революция. Последующее жизнеописание основано на слухах и рассказах самого Япончика. Известности он добился, совершая вооруженные налеты на склады и учреждения сменявших друг друга немцев, интервентов, петлюровцев и белогвардейцев, что вполне вписывалось в образ террориста-экспроприатора. А затем последовал весьма необычный шаг: в мае 1919 года Япончик предложил большевистским властям Одессы сформировать полк под его командованием. И 23 июля отряд Япончика, именовавшийся 54-м Советским полком, уже отбыл на петлюровский фронт. Известно, что в полк были направлены новобранцы, прежде всего, студенты, но исследователи по сей день уверены, что служили в полку уголовники. Можно было бы с этим согласиться, если бы уголовников поставили перед выбором: отправка на фронт или расстрел. Но нет — из всего следует, что, кроме новобранцев, в полку служили исключительно добровольцы! А это значит, что все рассказы об «уголовном» полке Япончика ни малейшего доверия не заслуживают. Вся дальнейшая жизнь Япончика заняла менее двух недель: полк прибыл на фронт, вступил в бой, атаковал противника и принудил его к бегству. После чего, по показаниям сотрудников особого отдела 45 дивизии, поддался необъяснимой панике и на захваченных паровозах рванулся в тыл... Мишка Япончик тоже вскочил на паровоз, чтобы догнать и остановить бегущих... Но до своего полка так и не доехал: сотрудники особого отдела устроили засаду, закрыли семафор, паровоз остановился, Япончик вышел из кабины и тут же был застрелен. Действительно ли полк оставил позиции или подчинился приказу командира дивизии о передислокации, куда на самом деле направлялся Япончик? — так и остается неизвестным. Вся информация исходит от особого отдела³. Именно на нее Бабель и опирался, когда писал свою киноповесть «Беня Крик».

---

² Шкляев И.Н. Мишко Япончик // Український історичний журнал. — Київ. 1991. № 2. С. 112–115.

³ Небезуспешная попытка комплексного рассмотрения разнородных свидетельств предпринята О.И. Капчинским: (Капчинский О.И. Мишка Япон-

От себя добавим: самая главная операция над Япончиком — превращение из идейного анархиста в уголовника — была произведена не Бабелем, а другими умельцами. Они просто пересадили Япончику биографию грабителя Григория Котовского, превратившего свою шайку в красноармейский эскадрон и за это объявленного красным героем. А анархисту Япончику отказали и в героизме.

Исследователи охарактеризовали и тот мир, в котором живут и действуют герои «Одесских рассказов» до революции, — это мир ретроспективной утопии, «то ли библейский Эдем, то ли гомеровский военный лагерь, в котором наслаждаются, страдают, пьют, грабят, спокойно убивают друг друга люди-исполины, знающие о тайне жизни что-то такое, что неизвестно их малосильным потомкам»⁴.

Следует отметить, что «Одесские рассказы» писались не в безвоздушном пространстве, и когда персонажи задаются вопросом: «Где начинается полиция, и где кончается Бенья?», то вопрос этот не риторический. Там, где начинается Бенья, кончается не просто полиция — там кончается российская власть. А там, где кончается российская власть, начинается другая страна. У нее даже название есть: Молдава⁵... Но суть не в названии, а в том что страна эта еврейская. И в ней, как в любой другой стране, есть свои воры, бандиты, убийцы и проститутки. А теперь самое время вспомнить, что была такая идеология, которая имела целью обрести весь этот букет зла в своем национальном доме, и называлась идеология эта сионизм. Причина, конечно, не в особой любви к ворам и проституткам, а в стремлении превратить народ-мессию в нормальный народ, со всеми признаками народа, живущего в нормальной стране.

И — самый главный результат: исследователи установили сюжет цикла «Одесские рассказы». Впрочем, Бабель и сам его не скрывает:

чик и другие: Криминал и власть в годы Гражданской войны в Одессе. М.: Крафт+, 2013).

⁴ Сухих И. Обожженные солнцем // *Бабель И.* Как это делалось в Одессе. Рассказы. СПб., 2004. С. 11–12.

⁵ «— Бенчик, <...> Убьем папашу, которого *Молдава* не называет уже Мендель Крик. *Молдава* называет его Мендель Погром» (*Бабель И.* Закат // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 241; «Пятирубель. Двое — на одного... Стыд, стыд на всю *Молдаву!*» (*Бабель И.* Закат (пьеса). 6-я сцена).

«Начал я.

– Реб Арье Лейб, – сказал я старику, – поговорим о Бене Крике. Поговорим о молниеносном его начале и об ужасном конце».

Этой цели и подчинен цикл: показать путь персонажа от ослепительного начала до ужасного конца⁶.

Оттого никогда не воспроизводился более рассказ «Справедливость в скобках», формально — первый из одесского цикла. Причина — ужасный конец следует безотлагательно, а блистательного начала нет вообще.

Концы же все одинаковые: смерть (Беня Крик в киноповести, Фроим Грач, в киноповести расстрелянный вместе с Бене́й, а в рассказе — в одиночку), приговор к смерти от голода (Арье-Лейб, «Конец богадельни») или превращение в тень человека — Мендель Крик, забитый до полусмерти собственными детьми (рассказ и пьеса «Закат», рассказ «Отец»).

Причем жизнь и смерть строго распределены: вся жизнь была до революции, а революция и после — это смерть.

Бабель, наверное, и не собирался дописывать картину столь черными красками. Ведь процитированная выше фраза —

«поговорим о Бене Крике. Поговорим о молниеносном его начале и об ужасном конце» —

несет в себе не только предвестие ужасных событий, но и напоминание о другом начале:

«– Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, **с ее темным началом и темным концом**. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, — он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, — это жизнь Человека» и так далее...

Эти фразы произносит Некто в сером в прологе пьесы Леонида Андреева «Жизнь Человека».

---

⁶ Ли Су Ен. Исаак Бабель. «Конармия» и «Одесские рассказы»: поэтика циклов. СПб.: Мирь, 2005. С. 142–150.

Из чего следует, что «Одесские рассказы» задумывались как пародия на унылую торжественность русской литературы.

Чем же герои «Одесских рассказов» отличались от андреевских?

Вспомним один момент, о который спотыкается всякий читатель: в рассказе «Как это делалось в Одессе?» Беню Крика испытывают — старейшины одесского криминала (среди них — Фроим Грач) поручают ему в очередной раз ограбить Тартаковского. Бенья испытание выдерживает, но затем едет к Тартаковскому свататься. И получает руку его дочери Цици. А вот в рассказе «Отец» Любка Козак напоминает Фроиму Грачу, что Бенья Крик — это тот самый молодой налетчик, которого испытывали на Тартаковском... И добавляет, что Бенья холост, а, значит, самый подходящий жених для фройимовой Баськи!

Если вспомнить, что в свои сборники Бабель включал всего четыре «Одесских рассказа» о дореволюционной жизни, остается лишь изумляться — в половине рассказов автор помнит про какого-то Тартаковского, но путается в семейном положении главного героя!

Дело, видимо, в том, что «Одесские рассказы» — это не «Жизнь Человека», а герои рассказов — не люди...

Кто ж они?

Вот старик Цудечкис произносит пламенную инвективу, обращенную к Любке Козак:

«весь мир тащите вы к себе, как дети тащут скатерть с хлебными крошками, первую пшеницу хотите вы и первый виноград, белые хлебы хотите вы печь на солнечном припеке, а маленькое дите ваше, такое дите, как звездочка, должно захлестнуть без молока...»

В чем он упрекает ее — в жадности, заставляющей забыть о собственном голодном сыне?

Нет — в неподобающих претензиях, покушении на чужие привилегии! Потому что «первая пшеница» и «первый виноград» — это *биккурим*, первинки, те самые первые плоды нового урожая⁷, которые должно отнести в Иерусалимский

---

⁷ Плоды семи родов произведений Земли Израиля (Втор. 8: 8): «пшеница, ячмень, *виноградные лозы*, смоковницы и гранатовые деревья, <...> масличные деревья и мед».

Храм и пожертвовать Богу. Приношения эти совершаются в праздник Шавуот. И еще сказано:

«белые хлебы хотите вы печь на солнечном припеке»...

А это к чему? Все к тому же празднику и к тем же приношениям первинок:

«От жилищ ваших принесите два *хлеба* возношения; из двух десятых частей эфы тонкой *пшеничной муки* должны они быть, квашеными да будут они *испечены*, это первинки Господу» (Левит, 23:17).

И, наконец:

«а маленькое дите ваше, такое дите, как звездочка, должно захлянуть без молока...»

Причем здесь младенец, его-то никто Храму не жертвует?!

Младенец, и правда, не при чем. Дело в молоке: Шавуот — это праздник дарования Торы; в этот день Моисей спустился с горы Синай, держа в руках скрижали с Десятью заповедями. И, когда евреи вернулись в свой лагерь у подножия горы, им пришлось довольствоваться молочной пищей. С тех пор, в память о прошлом, евреи перед обедом совершают в этот день молочную трапезу.

А Любка Козак своему сыну Давиду в молоке отказывает. Потому ли, что грудь ее пуста?

Молока у Любки нет оттого, что она отказывается выполнять законы, установленные для людей, и хочет занять место Бога. А поскольку в «Одесских рассказах» на это место претендует не она одна, то и говорить надо не о Боге, но о богах.

Но рассказы о богах — это не рассказы, а мифы. И в мифах никого не удивляет ни многоженство Зевса, ни свары олимпийцев.

Одесса родилась до Вавилона. Полагали даже, что и до Одессы. Будто прежде не саманное стойбище Хаджи-Бей здесь горбатилось, а раскинулся античный и культурный город Одессос. Лишь в советское время выяснилось, что Одессос тот и на самом деле стоял, но у соседей — в Болгарии, рядом с Варной...

Но без Вавилона и Одессы не было бы... Потому что Одесса — это не Греция, выброшенная на русский брег. Это Олимп!

Глава VI

СПИСОК КОРАБЛЕЙ

Этот рассказ не вызвал трудностей при чтении, равно как и интереса. Ни у кого. Потому что все с рассказом было ясно: советская агит-сказка про международную солидарность трудящихся. И, в лучшем случае, отношение к рассказу было двойственным — от брезгливости к написанному до (тоже не без брезгливости) жалости к человеку, вынужденному такое писать.

И уж, понятно, никто не доискивался глубин... Глубин чего? — падения?!

А зря!

Итак, «Ты проморгал, капитан!»

Зима, январь, 1924 год, Одесский порт. 9-балльный ветер, а в городе играют оркестры. Сегодня на Красной площади в Москве хоронят Ленина. И матросы с английского парохода тоже хотят участвовать в митинге, но капитан не велит — мол, ветер 9-балльный, как бы чего не вышло! А чтоб матросы не сбежали, приказывает боцману запереть их в трюме. Боцман не возражает, но стоит капитану скрыться в теплой каюте, тут же выбрасывает матросов за борт, и те по льду бегут в город, где жмут руки рабочим и маршируют в траурной колонне. Мораль: ты, капитан, доверился боцману и — проморгал!

А вот завязка конфликта:

«В воскресенье в день похорон Ленина, команда парохода, три китайца, пара негров и один малаец, вызвала капитана на палубу. В городе гремели оркестры и мела метель.

— Капитан О'Нери! — сказали негры и малаец — сегодня нет нагрузки <sic! — «Красная нива»: *погрузки*>, отпустите нас в город до вечера.

– Оставаться на местах, – ответил О’Нири. – Шторм имеет 9 баллов, он усиливается; возле Санджейки замерз во льдах «Биконсфильд», барометр показывает то, чего ему лучше не показывать. В такое время команда должна быть на судне. Оставаться на местах.

И он отошел ко второму помощнику, капитан О’Нири. Они пересмеивались со вторым помощником, курили сигары и тыкали пальцем в город, где в неудержимом горе завывали оркестры и мела метель».

Здесь проиллюстрированы два тезиса обращения ЦК РКП «К партии. Ко всем трудящимся» от 22 января 1924 г.:

«<...> его физическая смерть не есть смерть его дела. <...>

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов».

В первой публикации¹ жанр повествования не обозначен, хотя более всего написанное похоже на очерк. Так или иначе, сочинено это было по поводу конкретного события и подписано псевдонимом «Баб-Эль». Псевдоним, конечно, прозрачный донельзя, но читателю не знакомый (Бабель пользовался им лишь трижды, да и то в 1916–17 годах, в петроградском «Журнале журналов»²). Да и зачем он нужен — псевдоним?! Неужели намек на то, что материал не авторский, а заказной?

И срок, наверное, назначили самый сжатый... Вот начало второго абзаца:

«В воскресенье в день похорон Ленина»...

Так пишут, когда от события до описания прошло меньше недели. Иначе пришлось бы уточнять: «в *прошлое* воскресенье». А Бабель все сроки пропустил, и публикация вышла две недели спустя, когда следовало уже писать: «в *позапрошлом*...»

В сентябре сочинение было перепечатано в «Красной ниве»³ и с 1926 года входило в сборники рассказов Бабея⁴.

---

¹ Известия Одесского Губисполкома. Веч. вып. 1924. № 222. 9.02. С. 2.

² Под рубрикой «Мои листки»: *Бабъ-Эль*. Публичная библиотека // Журнал журналов. 1916. № 48; *Бабъ-Эль*. Девять // Журнал журналов. 1916. № 49; *Бабъ-Эль*. Вдохновение // Журнал журналов. 1917. № 7.

³ Красная нива. 1924. № 39. 28.09. С. 937.

⁴ *Бабель И.* История моей голубятни. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926.

Сравнение газетной версии с журнальной обнаруживает, что текст подвергся правке. Например, во фразе: «в день похорон Ленина, команда парохода, три китайца, пара негров и один малаец, вызвала капитана на палубу» вставлено слово «цветная» — «*цветная команда*». А согласно первому варианту выходило, что вся команда парохода состояла из цветных, зато начальство было сплошь белым!

Более уважительным стало и описание чернокожих: вместо «пары негров» теперь сказано «два негра». Кроме того, о цветных, заглядывающих в капитанскую каюту, уже не сказано, что делали они это «с собачьей тоской».

И то верно — чему тут завидовать, когда все красивое — «*сияющая медь завинченных графинов, окостеневшее лукавство женских портретов*» — из каюты вынесено навсегда.

Матросы бегут в город по льдинам замерзшей гавани — «по окоченевшим волнам», то есть окоченевшим, как труп. Незначительная замена — «окоченевшим» на «окаменевшим» — превращает противостояние жизни и смерти в антонимическое противопоставление жидкого и твердого...

И с городом произошли перемены: только что «*лихорадивший на ветру*», то есть больной, он превратился в «*дрожавший на ветру*», т.е. мерзнувший, но здоровый...

Такую работу мог проделать самый обычный редактор, поставивший себе целью сделать все сколько-нибудь необычное непроходимо банальным.

Тем удивительнее на этом фоне замены иного толка:

«И по окоченевшим волнам <...> летели к берегу, к причалам, пять скорчившихся запятых, пять невиданных фигурок с обуглившимися лицами, в развевающихся пиджаках».

Начиная с «Красной нивы», вместо «пять невиданных фигурок» читается «пять *цветных уродцев*».

«В эту минуту в Москве, на Красной площади, опускали в склеп набальзамированное тело Ленина».

В «Красной ниве» и последующих публикациях устранено слово «набальзамированное», а с 1926 года вместо «тело» читается «*труп*»!

Неужели Бабель принялся перерабатывать текст? Скорее всего, нет — просто и в Одессе был свой редактор. И он усмо-

трел в «цветных уродцах» оскорбление братьев по классу, да и с мертвым Лениным слово «труп» не вязалось... В данном случае с ним оказался солидарен и редактор «Красной нивы», так же заменивший «труп» на «тело». Но одесский редактор решил показать, что и тело Ленина не такое, как у обычных покойников, и добавил определение: «набальзамированное».

Так что «цветные уродцы» и «труп» Ленина — это не позднейшие дополнения, а первоначальный вид текста. Из чего следует, что, приступая к написанию рассказа, Бабель был настроен не самым восторженным образом.

А теперь от политики перейдем к художественным особенностям.

«– Боцман! – прокричал вдруг капитан, – палуба не бульвар. Загоните-ка этих ребят в трюм.

– Есть, сэр, – ответил боцман, колонна из красного мяса, поросшая красными волосами, – и он взял за шиворот взъерошенного малайца. Он потащил его к противоположному борту. Он поставил его к борту, выходившему в открытое море, и выбросил его на веревочную лестницу. Малаец скатился по ней и побежал по льду. Три китайца и пара негров побежали за ним следом.

– Вы загнали людей в трюм? – спросил капитан из каюты, обогретой коньяком и тонким дымом.

– Я загнал их, сэр, – ответил боцман, колонна из красного мяса, – и стал у трапа, как часовой в бурю».

Единственной примечательной черте в образе боцмана — «колонна из красного мяса, поросшая красными волосами» — сразу же находится соответствие:

«Любка <...> пошла во двор. Там уже дожидался ее мистер Троттибэрн, *похожий на колонну из рыжего мяса*. Мистер Троттибэрн был старшим механиком на “Плутархе”».

Речь, как легко догадаться, идет о рассказе «Любка Козак» — единственном, не получившем своего продолжения в описании советской Одессы. Можно полагать, что «Ты проморгал, капитан!» таким продолжением и является. А поскольку в газетной публикации «английский пароход» анонимен, вполне допустимо, что он этот самый «Плутарх» и есть.

Плутарх — греческий писатель, прославившийся своими «Сравнительными жизнеописаниями» («Βίοι Παράλληλοι») — сопоставлением биографий греков и римлян. Корабль упоминается лишь в одной главе: 23-й, «Тесей и Ромул».

«Корабль, на котором отплыл <на Крит> Тесей с молодыми людьми и счастливо вернулся, был тридцативесельный. Афиняне берегли его до времен Деметрия Фалерского, причем отрывали старые доски и заменяли их другими, крепкими, вследствие чего даже философы, рассуждая об увеличении размеров существующего в природе, спорили, приводя в пример этот корабль, — одни говорили, что он остается тем же, чем был раньше, другие — что его более не существует».

Мнение, что корабль остался тем же, что и был, отстаивали последователи Аристотеля, отмечая, что никакая замена материала не силах изменить суть вещи. На этом корабле афиняне и триста лет спустя плавали на остров Делос, для участия в празднествах и доставки священных даров. В самих Афинах в это время проходил самый грандиозный праздник года — Таргелии (Θαργήλια, «жатва, созревание плодов»), и в храм Аполлона со всей Греции приносили первенцы плодов нового урожая.

А теперь вспомним, чего страстно желала Любка Козак:

«весь мир тащите вы к себе, <...> первую пшеницу хотите вы и первый виноград, белые хлебы хотите вы печь на солнечном припеке»...

А это, как мы уже знаем, покушение на прерогативы Бога, в Храм которого со всех концов Земли Обетованной несут первые плоды.

Какие же дары несут иноземцы?

«Любка <...> пошла во двор. Там уже дожидался ее мистер Троттибэрн, похожий на колонну из рыжего мяса. Мистер Троттибэрн был старшим механиком на “Плутархе”.

Он привел с собой к Любке двух матросов. Один из матросов был англичанином, другой был малайцем. Они втащили во двор контрабанду, привезенную из Порт-Саида.

<...> Любка <...> увела моряков в тень под акацию. Они сели там за стол, <...> и мистер Троттибэрн развернул свои товары.

Он вынул из тюка сигары и тонкие шелка, кокаин и напильники, необандероленный табак из штата Виргиния и черное вино, купленное на острове Хиосе. Всякому товару была особая цена, каждую цифру запивали бессарабским вином, пахнущим солнцем и клопами».

Дары эти были описаны уже в 1921 году, в самом первом из классического репертуара «Одесских рассказов» — «Король»:

«Но разве жареных куриц выносит на берег пенистый прибой Одесского моря. Все благороднейшее из нашей контрабанды, все, чем славна земля из края в край, делало в ту звездную, в ту синюю ночь свое разрушительное, свое обольстительное дело. Нездешнее вино разогревало желудки, сладко переламывало ноги, дурманило мозги и вызывало отрывку, звучную, как призыв боевой трубы. Черный кок с “Плутарха”, прибывшего третьего дня из Порт-Саида, вынес за таможенную черту пузатые бутылки ямайского рома, маслянистую мадеру, сигары с плантаций Пирпонта Моргана и апельсины из окрестностей Иерусалима. Вот что выносит на берег пенистый прибой Одесского моря».

А потом мистер Троттиберн,

«утвердившись на вздрогнувших ногах, <...> взял за плечи своих матросов, одного англичанина, другого малайца, и пошел танцевать с ними по захолодевшему двору.

Люди с “Плутарха” — они танцевали в глубокомысленном молчании, и оранжевая звезда, скатившись к самому краю горизонта, смотрела на них во все глаза».

К чему здесь эти танцы? К кораблю Тесея: празднества на Делосе включали в себя священные пляски, в числе которых был танец, представлявший блуждание Тесея в лабиринте...⁵

А перед этим:

---

⁵ Старый матрос Троттибэрн промышлял контрабандой и в рассказе «Пробуждение» (1930), повествующем об одесском детстве Бабеля. Матрос торговал трубками, выточеными его братом в городе Линкольн (графство Линкольншир). Никакой утопии, кроме детской мечты о будущем, в рассказе не прослеживается, а потому корабль Троттибэрна носит имя «Кенсингтон» — района Лондона, где находится Кенсингтонский дворец, резиденция младших принцев британской короны, не имеющих реальных шансов на престол.

«Сумерки побежали уже по двору, сумерки побежали, как вечерняя волна на широкой реке, и пьяный малаец, полный удивления, тронул пальцем Любкину грудь. Он тронул ее одним пальцем, потом всеми пальцами по очереди. Желтые и нежные его глаза повисли над столом, как бумажные фонари на китайской улице; он запел чуть слышно и упал на землю, когда Любка толкнула его кулаком.

– Смотрите, какой хорошо грамотный, – сказала Любка Троттибэрну, – последнее молоко пропадет у меня от этого малайца <...>».

В чем проявилась грамотность малайца? В том, он что ощутил истинную природу Любки Козак — она богиня любви, а не плодородия. Оттого и носит фамилию Шнейвейс — «Белоснежная», как пена морская... Короче, Пенорожденная, Афродита...

А Бенья Крик, покусившийся на убийство отца, чтобы не допустить его ухода к русской красавице Марусе, — это Кронос, серпом оскопивший своего отца Урана. И то, что решающий удар нанесла Бенина сестра Двойра, причем не серпом, а дуршлагом, лишь демонстрирует травестийную картину одесского Олимпа.

Царство Кроноса ассоциировалось у древних греков с «золотым веком». Но священная история кончилась навсегда.

Английский пароход не привез никаких даров. Напротив, он пришел за русской пшеницей. Что касается названия корабля, то газетный редактор мог проявить бдительность и скрыть имя судна, дабы не подставить экипаж под репрессии. А в журнале название парохода сохранилось — «Галифакс». Тем более и соответствующий город в Англии имеется — Галифакс (Halifax), в графстве Уэст-Йоркшир. Но именем своим пароход мог быть обязан и конкретному лицу — сэру Чарльзу Вуду, 1-му виконту Галифаксу (1800–1885). В 1846 году он стал канцлером казначейства, и в этой должности всячески противился оказанию помощи Ирландии, в течение 5 лет (1846–1850) пораженной страшным голодом, впоследствии названным Великим. В частности, он запретил импорт хлеба в Ирландию и не допустил приостановки экспорта пшеницы. По мнению современников, запрет на вывоз хлеба позволял без особых трудностей справиться с голодом, унесшим не менее миллиона жизней.

Преемником Чарльза Вуда на посту канцлера казначейства стал Бенджамин Дизраэли, с 1876 года — лорд Биконсфилд. Еврей по происхождению, он написал роман «Альрой» о еврее из Курдистана, в XII веке объявившем себя царем и мессией. Дизраэли толково объяснил всю беспочвенность и бесперспективность мессианских упований, подтвердив это собственным опытом — двукратным пребыванием на посту премьера Великобритании, ставшей при нем Британской империей. Его роман, переведенный в 1912 году на русский, пользовался большой популярностью у евреев империи Российской. И вот теперь, в день похорон Ленина, выяснилось, что пароход «Биконсфильд» замерз во льдах возле Санджейки...

События всех четырех «Одесских рассказов» происходят летом, полностью отвечая программе явления литературного мессии, облеченного в солнце.

И избылиие — любви, еды, жизни... Так, как в рассказе «Отец»:

«беременные бабы наливались всякой всячиной, как коровье вымя наливается на пастбище розовым молоком весны, и в это время мужья их один за другим приходили с работы. Мужья бранчливых жен отжимали под водопроводным краном всклокоченные свои бороды и уступали потом место горбатым старухам. Старухи купали в корытах жирных младенцев, они шлепали внуков по сияющим ягодицам и заворачивали их в поношенные свои юбки. <...> жизнь Молдаванки, щедрой нашей матери, — жизнь, набитую сосущими младенцами, сохнувшим тряпьем и брачными ночами, полными пригородного шика и солдатской неустомимости».

Но это не только Молдаванка — раскроем книгу «Исход» (1:8–9, 13–19):

«И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас <...> И потому Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью.

Царь Египетский повелел повивальным бабкам Евреянок, из коих одной имя Шифра, а другой Фуа, и сказал [им]: когда вы будете повивать у Евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живет.

Но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых.

Царь Египетский призвал повивальных бабок и сказал им: для чего вы делаете такое дело, что оставляете детей в живых?

Повивальные бабки сказали фараону: Еврейские женщины не так, как Египетские; они здоровы, ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рожают».

Фроим Грач до лета не дожил. Председатель Чека, приехавший из Москвы, ничего о нем не знал и не узнал, а сразу приказал расстрелять.

И той же весной («каштаны были в цвету»), но в рассказе «Конец богадельни»:

«Незнакомая женщина в шали, туго подхватывавшей грудь, хозяйничала в мертвецкой. Там все было переделано наново — стены украшены елками, столы выскоблены. Женщина обмывала младенца. Она ловко ворочала его с боку на бок; вода бриллиантовой струей стекала по вдавившейся, пятнистой спинке».

Повитухи теперь не нужны — еврейские младенцы уже мертвые, и чужие женщины обмывают их пятнистые трупы. И хоронить евреев тоже некому — погребальное братство изгнано с кладбища. Так что, ни рождения, ни похорон... Одна только смерть.

А Бабель из Одессы пишет московскому другу И.Л. Лившицу:

«<...> Видел ли ты мертвого Ленина? Напиши мне, пожалуйста, ленивый холуй.

Одесса мертвее, чем мертвый Ленин. Здесь ужасно»⁶.

Девятибалльный Дух Божий носится над ледяной окоченевшей бездной.

---

⁶ *Бабель И.* Письма другу. Из архива И.Л. Лившица. М.: Три квадрата, 2007. С. 22.

И обозначение времени — «в воскресенье в день похорон Ленина» — это не указание на день недели: и город, и Ленин, и надежда на мессию умерли, чтобы никогда не воскреснуть.

* * *

Кстати, рассказ был замечен — достаточно сравнить список персонажей («цветная команда парохода, три китайца, пара негров и один малаец») с произведением «Мистер Твистер» Самуила Маршака (1933):

«Пенятся волны, и мчится вперед
Многоэтажный дворец-пароход.
В белых каютах
Дворца-парохода
Вы не найдете
Цветного народа:
Негров,
Малайцев
И прочий народ
В море качает
Другой пароход.

<...>

Комнату справа
Снимает китаец,
Комнату слева
Снимает малаец.
Номер над вами
Снимает монгол...

Таким образом, Бабель стал еще и создателем советского колониального нарратива.

Глава VII

НА ЗАКУСКУ

Прозу Бабеля никак нельзя назвать конвенциональной, а потому литературоведы и критики неустанно ищут у него отступления от нормального порядка вещей. И находят.

Михаил Вайскопф обратил внимание на обратный ход времени в таком фрагменте: «Папаша, <...> пожалуйста, закусывайте и выпивайте, пусть вас не волнует этих глупостей...».

Вайскопф резонно указывает, что обычный распорядок действий прямо противоположен: вначале следует выпить и лишь затем закусить¹.

Та же мысль пришла в голову и редакторам — нынешний Бенья Крик произносит:

«— Папаша, <...> пожалуйста, выпивайте и закусывайте <...>»

Редакторы только упустили из виду, что в следующей фразе папаша Крик *«последовал совету сына. Он закусил и выпил»*.

А в пьесе «Закат» (в 1-й сцене) вообще творится несусветное:

«Забегая сегодня к Фанкони, кофейная набита людьми, как синагога в Судный день. Люди закусывают, плюют на пол. Расстраиваются...»

То есть не только что не выпивают, а, закусив, еще и на пол плюют!²

---

¹ Вайскопф М. Советское Рождество: иудаизм и христианство в поэтике Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. / Сб. матер. Междунар. научн. конференции в Гос. литературном музее 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 172–173.

² Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 339.

В чем смысл такого нестандартного поведения? Быть может, дело в том, что мы неправильно понимаем Бабеля? Например, глагол «закусить» — что он означает?

Даже в нормативном языке слово это многозначно: «что-то держать, крепко захватив зубами» («закусить удила»), или — «заедать что-либо» (в том числе, согласно Далю: «съесть ломтик после рюмки вина»)… А еще имеется пропущенный Далем глагол несовершенного вида — «закусывать»…

В Одессе он означал вот что:

«Из планового отдела вышел служащий благороднейшей наружности. Молодая круглая борода висела на его бледном ласковом лице. В руке он держал холодную котлету, которую то и дело подносил ко рту, каждый раз ее внимательно оглядев.

В этом занятии служащему чуть не помешал Балаганов, желавший узнать, на каком этаже находится финсчетный отдел.

— Разве вы не видите, товарищ, что я *закусываю*? — сказал служащий, с негодованием отвернувшись от Балаганова».

Пожирателя котлеты звали Бомзе, а случилось это в романе «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 10).

Легко убедиться, что никакой рюмки Бомзе перед этим не выпивал, и слово «закусывать» значило для него не заедать съеденное или выпитое, а попросту «принимать пищу», короче — «есть».

Что же тогда сказал Бенья Крик старику Менделю? Все-го лишь: «Ешьте, пейте и не терзайте себя волнениями…»». Самые простые слова. Но простых слов у Бабеля не бывает. Потому что за словами стоят непростые смыслы. Например, притча — в данном случае евангельская, от Луки (12: 15–20):

«смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.

И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих?

И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: *покойся, ешь, пей, веселись*.

Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

Покойся, ешь, пей и веселись душа! Праздничные столы не умещаются во дворе, сам Тартаковский в тестях, полиция кончается там, где начинается Бенья!..

Но придет ночь, и душу, польстившуюся на богатство, принесут в жертву... Как жениха...

«Двойра подталкивала мужа к дверям их брачной комнаты и смотрела на него плотоядно, как кошка, которая, держа мышку во рту, легонько пробует ее зубами».

Вот она расплата — закусив зубами, на брачное смертное ложе!

«Закусить» и «выпить» попросту многозначны, можно понимать их и так, и эдак. И эта многозначность обыгрывается.

Хотя временами герой сбивается на норму («Как это делалось в Одессе»):

«— <...> отчего бы ему не сесть за пять копеек на трамвай и не подъехать ко мне на квартиру и не **выпить** с моей семьей **стопку водки и закусить**, чем бог послал?»

Впрочем, в данном случае, Бенья просто переходит на другой язык — с «одесского» на русский. «*Выпить и закусить*» для скрепления сделки — это русский обычай, русскими словами и описанный.

А вот другие высказывания Бени Крика:

«И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы?»

«— Маня, вы не на работе, — заметил ей Бенья Крик, — холоднокровней, Маня».

В первом случае комический эффект возникает оттого, что жители Швейцарии не сплошь французы (имеются и немцы в немалом количестве), а во втором — по той причине, что несдержанность человек обычно проявляет у себя дома (а здесь все перевернуто). Но это привычные приемы, которые может применить любой автор. А здесь еще дело и в языке. Что отличает язык бабелевских персонажей от обычного?

То, что в нем нарушена лексическая связность. Например, «гористый» несомненно относится к горам. Но гористой может быть только местность, а воздух — непременно горным. Слово «первоклассный» — характеристика отеля (Швейцария ими славится), а вот озёра... В лучшем случае — живописные. Слово «холоднокровный» существует, но применяется исключительно к рептилиям. А человеку пристало хладнокровие.

И это неполное владение русской стилистикой стало одним из оснований выстраивания «одесского языка». Бабель всего лишь сделал эту языковую черту тотальной.

Имелись и иные способы («Отец»):

«У вас невыносимый грязь, папаша, но я выведу этот грязь»...

Ни в одном русском диалекте не сыскать, чтобы слово «грязь» относилось к мужскому роду... Откуда же взяла его простая девушка Баська? Скорее всего, Бабель его придумал... «Невыносимый грязь» — это эвфемизм, замена неприличного слова на фонетически и по смыслу схожее, но приличное: «У вас невыносимый *срачь, папаша, но я выведу этот *срачь!»³.

Та легкость, с которой бабелевская выдумка принимается за реальный факт, свидетельствует, в общем-то, об одном: до Бабеля «одесского языка» не было. Точнее так: до Бабеля одесситы не знали, что говорят на особом языке — языке, не похожем ни на какой другой.

А иногда сам язык раскрывает суть вещей и приводит к верным умозаключениям. Например, в пьесе «Закат»...

Боярский. <...> Мосье Боярский, говорит он мне по-французски, я уважаю вас, как фирму <...> и прошу вас, как фирму, выпить со мною две кружки пива и скушать десять раков...

Левка (*грубым голосом*). Я люблю раков.

Арь-Лейб. Скажи еще, что ты любишь жабу.

Боярский. ...и скушать десять раков...

Левка (*упрямо*). Я люблю раков.

Арь-Лейб. Рак — это же жаба...

---

³ Данное слово (хотя и с отклоняющимся значением) известно даже сверхтеснительному «Словарю русских народных говоров» (СПб.: Наука, 2006. Вып. 40. С. 307): «**Срачь**, ж. Уборная с выгребной ямой. Казан., 1847 Ворон.»; впрочем, однокоренные слова *срать* и *засранец* все же остаются для него тайной.

Боярский (*Левке*). Вы простите меня, мосье Крик, если я скажу вам, что еврей не должен уважать раков. Это я говорю вам замечание из жизни. Еврей, который уважает раков, может позволить себе с женским полом больше, чем себе надо позволять, он может сказать сальность за столом, и если у него бывают дети — так на сто процентов выродки и миллиардисты. Это я вам сказал замечание из жизни.

Тут, как будто, все понятно: в самом начале первой сцены Левка уже сказал, что «еврей, который сел на лошадь, перестал быть евреем и стал русским». А раз так, то еврейские пищевые запреты ему не указ. А значит, можно любить и всю некопытную нечисть, в том числе ракообразную. А для Арье-Лейба раки такая же мерзость, как жабы...

Но это религия. Для чего же Боярский считает нужным привести еще «замечание из жизни» и замечание отнюдь не очевидное: «Еврей, который уважает раков, может позволить себе с женским полом больше, чем надо себе позволять». Откуда он это взял?

Из языка! Точнее — из особого значения слова применительно к отношениям с женщиной. Отсюда вывод: «любить раков» то же самое, что «любить раком», т.е. совокупляться с женщиной сзади.

Понятно, что значение слова здесь совсем иное — переносное, когда сексуальный акт уподобляется попятному движению рака. В самом же слове «рак» ничего неприличного нет. А приписывать любителю раков склонность к сальностям и вовсе глупо, поскольку «сальность» произведено из французского *sale* «грязный». И Боярский, болтающий по-французски, должен был это сообразить!

Почему же не сообразил? А потому, что разглядел в слове «сальность» совсем иную ипостась — *сало*, и, наверняка, свиное.

А это еще один запрет — евреи свинину не едят!

Таким образом, разглагольствования Боярского — это пародия на иудейскую экзегезу — символическое толкование Священного Писания.

И — как подтверждение: экзегеза самая доподлинная (в той же пьесе «Закат», сцена 6-я).

Арье-Лейб. «Песня Песней» учит нас — ночью на ложе моем искала я того, кого люблю... Что же говорит нам Рашэ?

<...>

Арье-Лейб. Вот что говорит нам Рашэ: ночью — это значит днем и ночью. Искала я на ложе моем — кто искал? — спрашивает Рашэ. Израиль искал, народ Израиля. Того, кого люблю — кого же любит Израиль, спрашивает Рашэ? Израиль любит Тору, Тору любит Израиль...

Рашэ — это ашкеназское произношение акронима РаШИ, аббревиатуры словосочетания «Рабби Шломо Ицхаки». Так звали крупнейшего комментатора Священного Писания, в XI веке жившего в городе Труа на севере Франции.

А РаШИ, в отличие от Боярского, даже в «Песне песней» видит не эротику, а высочайший духовный смысл: если и есть предмет, достойный любви еврея, — это Тора.

И Бабель над обоими толкователями издевается...

Глава VIII

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЗБРУЧ

За свою жизнь Бабель надавал множество обещаний — написать книгу о ЧК, о коллективизации, о Горьком... И, скорее всего, обещанного не исполнил. Оттого и остался в анналах литературы отличным писателем, но автором одной единственной книги.

И книга эта «Конармия». Мы еще много места уделим разбору отдельных вошедших в нее новелл, но это не отменяет необходимости задуматься и над книгой в целом. Что же она такое? Пронизывает ли ее сквозная главная мысль, или такого стержня в ней нет, и это собрание блистательных новелл представляет собой лишь россыпь бриллиантов?

Попыток понять принцип сцепления новелл в книге было немало (приложил к этому руку и я), — удача не сопутствовала никому.

Но в книге — любой книге — всегда имеются в наличии две вещи: начало и конец. Бабель и здесь пытался запутать дело: в 1933 году снабдил «Конармию» новым концом — рассказом «Аргамак». Об этом рассказе мы поговорим позднее, поскольку, по мнению практически всех исследователей, конец этот к книге приделан механически. Но по-настоящему книга завершилась рассказом «Сын рабби» (см. главу XIX).

А открывалась книга рассказом «Переход через Збруч».

И выясняется, что с началом книги тоже не все слава Богу, поскольку город Новоград-Волынский, где проходит действие рассказа, стоит на реке Случь. И эта несуразность давно была отмечена. А объяснение дали такое: Бабель мистифицировал читателя!

Зачем? Какая, собственно, разница — Збруч, Случь?..

Есть разница — и существенная! Потому что Збруч не просто река, приток Днестра. С 1815-го по 1918 год по реке Збруч проходила граница между двумя империями — Австрийской и Российской. И 17 августа 1914 года переход через Збруч ознаменовал начало боев Первой мировой на Юго-Западном фронте русской армии.

Подъесаул Евгений Тихоцкий, участник тех событий, начал боя описывать так:

«Переправа была смелая и безостановочная. Австро-венгерские эскадроны переправлялись под обстрелом наших спешенных сотен, выравнивали строй и рысью двигались по дороге...»¹.

Это не было пограничной стычкой — части 5-й кавалерийской дивизии рвались к Каменец-Подольску, туда, где стоял тогда штаб Юго-Западного фронта. А в 2 часа пополудни австрийская конница подошла к местечку под названием Городок (две православных церкви, один костёл, семь синагог) и столкнулась с казаками. Подвергнув местечко жесточайшему артобстрелу, эскадроны венгерских гусар пошли в лихую атаку. Дошло до рукопашной... После чего, 18 августа, беспорядочная толпа австрийцев форсировала Збруч в обратном направлении и покинула российскую территорию. В ту же ночь командир 5-й австро-венгерской кавалерийской дивизии генерал Фройрайх-Шабо застрелился.

В России 1914 года 17 августа наступило уже 4-го числа (по старому стилю). Так тот день и запомнился. А потому заглавие рассказа «Переход через Збруч», напечатанного в «Правде» 3 августа 1924 года, современники воспринимали совсем иначе — как напоминание о десятилетней годовщине начала Первой мировой. Символ катастрофы, падения из мира в страдание и войну — переход через Рубикон, шаг безвозвратный и непоправимый.

И это не наша фантазия: вся 4-я полоса данного номера «Правды»² посвящена Первой мировой войне. Вверху страницы помещена серия карикатур под заголовком «Слова и де-

---

¹ Тихоцкий Е. Атака Австро-Венгерской Конницы на 2-ю Сводную Казачью Дивизию под м. Городок 4–17 августа 1914 г. Белград, 1935. С. 7.

² Правда. 1924. № 175. 3.08. С. 4.

ла английской буржуазии в 1914–1924 гг.». Ниже — две карты: старой (до 1914 г.) и новой (послевоенной) Европы. Нетрудно заметить, что ни одной империи на европейском континенте не осталось. Затем следуют статьи: «Америка и война» (И. Амтер), «Рабочая молодежь и империалистская <sic!> война» (Ж. Дорио) и «Война (Из записной книжки рабочего)» (И. Жига). А в «подвале» мы видим подборку из двух рассказов И. Бабеля: «Переход через Збруч» и «Конец святого Ипатия». Замысел редактора очевиден: первый рассказ соотносится с началом Первой мировой, а второй — с гибелью Российской империи (подробнее в гл. XXIV).

Но у книги собственный контекст, и он высвечивает в новелле новые смыслы.

«Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами. Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов. Мосты разрушены, и мы переезжаем реку вброд. Величавая луна лежит на волнах. Лошади по спине уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Кто-то тонет и звонко порочит богородицу».

Наше внимание останавливает свет: нежный в ущельях туч, штандарты заката, лунный на волнах... И цвет — «почерневший Збруч шумит и закручивает пенистые узлы своих порогов».

Что это? А это Огненный Столп, который был облаком и мраком для одних и освещал ночь другим. Книга Исход, переход через Чермное море. Оттого в Новоград-Волынске, в еврейском доме автор увидел не просто следы погрома — «развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал...», но и главное: «черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году — на Пасху».

Пасха, еврейская пасха — Песах — это празднование Исхода из Египта³.

---

³ Шмид В. Орнаментальность и событийность в рассказе И.Э. Бабеля «Переход через Збруч» // Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: Инапресс, 1998. С. 317.

И если всадники тонут, то перед нами не народ Моисея, а войско Фараона.

Но «Переход через Збруч» открывает не сборник рассказов, а книгу. Потому вступление содержит в себе не просто намеки на некоторые моменты дальнейшего повествования, но и указание на финал. И то, что солнце катится по небу отрубленной головой, и то, что тонущие звонко порочат Богородицу, раскрывает все смыслы события — настоящий и будущий. Началось все переходом через Збруч, а кончится головой Крестителя и распятием.

Вот что такое «Конармия» — Заветы Ветхий и Новый, начало и конец.

Надо ли удивляться, что больше Бабель ни одной книги не написал?.. Хуже не хотелось, а лучше Библии — не получится.

Глава IX

ИМЯ

Энтузиасты — ну что за славное племя! Беспокойные, неутомонные, отважные! Всегда готовые бросить камень в задремавший пруд! Что движет ими, откуда неумная эта энергия? Все просто: им открылась истина, или то, что истину от них скрывали. И теперь не будет покоя закосневшей касте маститых толкователей...

Вот один такой специалист провозгласил:

«Бабель — важнейшая фигура в русско-еврейской литературе советского времени, модель еврейского писателя в советской русскоязычной культуре»¹.

И все послушно закивали... Но тут тянет руку энтузиаст и смело задает неделикатные вопросы:

«Первый — зачем числить автора по тому или иному национальному ведомству? Второй — что такое русско-еврейская литература, вершиной которой признан теперь Бабель? Третий — что такое еврейский писатель?»²

И, не полагаясь на отзывчивость оппонента, сам себе отвечает: причислять писателя к той или иной национальной литературе, конечно, можно. Но тогда и нация должна иметься соответствующая — еврейская или русская!

Потому определение «русско-еврейская», хоть и прижилось в головах, но смысла не имеет.

---

¹ Маркиш Ш. Бабель и другие. Киев, 1996. С. 27.

² Дымшиц В. Еврейско-русский обманщик // Народ Книги в мире книг. — СПб. 2002. № 40. < http://narodknigi.ru/journals/40/evreysko_russskiy_obmanshchik >

А тогда извольте отвечать на главный вопрос: еврейский ли писатель Бабель?

«Перейдем от общих рассуждений к конкретным примерам. Ярче всего еврейская тема у Бабеля звучит в “Конармии”. Именно в ней (а не в экзотических “Одесских рассказах”) Бабель показывает широкую панораму еврейской жизни в ключевых для восточноевропейского еврейства регионах, на Волыни и в Галиции. Итак, как же выглядят местечковые, то есть “народные”, “исконные”, евреи в прозе Бабеля? <...>

Для еврейской темы и для структуры всей “Конармии” как книги в целом очень важен самый маленький и, на первый взгляд, самый “еврейский” рассказ в ней — “Кладбище в Козине”. Это поэтическое описание еврейского кладбища играет очень важную роль: оно призвано дать читателю эпическую перспективу, поставить казацкое нашествие Гражданской войны в один ряд с казацкими войнами XVII века.

Отправляясь в первый раз в путешествие по Юго-Западному краю, о старых еврейских кладбищах я судил, в первую очередь, по “Кладбищу в Козине” <...>.

Если исходить из того, что художественная проза (тем более, такая как у Бабеля: рассказы, стилизованные под очерки, основанные на дневниковых записях), <...> имеет какое-то отношение к реальности, то “Кладбище в Козине”, как я быстро понял, ни к какой реальности никакого отношения не имело. Вообще не имело! Совсем никакого!

Рассказ состоит из двух частей: описания надгробий и текста эпитафии. Нет на белом свете таких надгробий и таких эпитафий тоже нет! <...>

Изображения раввинов на надгробиях? Раввин краковский и пражский, покоящийся в заштатном местечке? (Кстати, сама эта формула, сконструированная по модели “митрополит Петербургский и Ладожский”, достаточно нелепа.) Уста Еговы? Этот текст не может быть ориентирован на еврейского читателя, как не может быть ориентировано на русского читателя описание православного кладбища, украшенного шестиконечными звездами и полумесяцами. <...>

Всякий писатель имеет право на вымысел, но то, к чему прибегает Бабель в “Конармии”, трудно назвать вымыслом, фантазией, мистификацией, даже “ложь” выглядит здесь слишком гро-

моздким словом. Уклонение от реальности носит настолько, на первый взгляд, художественно немотивированный характер, что его хочется назвать детским словом “вранье”³.

Что тут возразить? Скажем, по поводу полумесяца и шестиконечной звезды в православном обиходе? Разве что напомнить о полумесяце на православном кресте (в Византии для него существовало специальное слово: *цата*) и о масонах, метивших щитом Давида все, чего касались их руки, — от зданий до надгробий...

Поэтому от мнений о рассказе обратимся к самому рассказу. До того, как попасть в книгу «Конармия» (1926), он был напечатан дважды — в «Известиях Одесского губисполкома» (1923. № 967. 23.02. С. 6) и в московском журнале «Прожектор» (1923. № 21. С. 14). Текст приводится по первой публикации с указанием всех последующих разночтений⁴.

Кладбище в Козине

Кладбище в еврейском местечке —⁵ Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном волынских полях.

Обточенные серые камни с трехсотлетними письменами. Грубое тиснение горельефов⁶, высеченных на обломках⁷ гранита⁸. Изображение рыбы и овцы над мертвой человеческой головой. Изображения раввинов в меховых шапках, подпоясанных⁹ ремнем на узких чреслах. И под безглазыми лицами —¹⁰ волнистая каменная линия завитых бород.

¹¹В стороне,¹² под дубом, разможженным¹³ молнией,¹⁴ стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого. Четыре поколения лежат в этой усыпальнице, нищей,

---

³ Там же.

⁴ П — «Прожектор»; К-26 — Бабель И. Конармия. М.: Госиздат, 1926. С. 76. Условные обозначения: Z — абзац; Z # — снятие абзаца.

⁵ П, К-26 — [-] заменено на: [.]

⁶ П — «горельефов» заменено на: «горильефов» <sic!>

⁷ П — «обломках» заменено на: «обложках» <sic!>

⁸ К-26 — «обломках гранита» заменено на: «граните»

⁹ П, К-26 — «[.] подпоясанных» заменено на: «[.] Раввины подпоясаны»

¹⁰ П, К-26 — [-] устранено

¹¹ К-26 — [Z #]

¹² П — [.] устранено

¹³ П — «разможженным» заменено на: «разможженный» <sic!>

¹⁴ П — [.] устранено

как жилище водоноса. И¹⁵ зазеленевшие скрижали поют о них витиевато, как молитва¹⁶ бедуина:

¹⁷...¹⁸Азриил, сын Анании, уста Еговы.

Илия, сын Азриила –¹⁹ мозг, вступивший в единоборство с забвением.

Вольф, сын Илии –²⁰ принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне.

Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский.

О,²¹ смерть, о,²² корыстолюбец, о²³ жадный вор, отчего ты не пожалел нас хотя-бы²⁴ однажды...^{25 26}

16.7.20.²⁷

А критик приводит еще и цитату из бабелевского дневника:

«Кладбище, разрушенный домик рабби Азраила, три поколения, памятник под выросшим над ним деревом, эти старые камни, все одинаковой формы, одного содержания <...>

Новое и старое кладбище – местечку 400 лет»²⁸.

Так что прав критик: не было на козинском кладбище надгробий с человеческими изображениями. И Бабель сочиняет нечто неподобное!

Зачем?

Если думать, что цель литературы описать словами видимое глазами, ответа нет. Но можно ведь думать, что у литературы задачи иные. Например, описывать словами то, что глазу недоступно...

---

¹⁵ К-26 – «[.] И зазеленевшие скрижали» заменено на: «[.] и скрижали, зазеленевшие скрижали»

¹⁶ П, К-26 – «витиевато, как молитва» заменено на: «витиеватою молитвой»

¹⁷ К-26 – вставка: [«]

¹⁸ П – [...] заменено на: [-]; К-26 – [...] устранено

¹⁹ П, К-26 – [-] заменено на: [.]

²⁰ П, К-26 – [-] заменено на: [.]

²¹ П – [.] устранено

²² П – [.] устранено

²³ К-26 – вставка: [.]

²⁴ П, К-26 – «хотя-бы» заменено на: «хотя бы»

²⁵ К-26 – [...] заменено на: [?]

²⁶ К-26 – вставка: [»]

²⁷ П, К-26 – «16.7.20.» устранено

²⁸ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С.253.

Вчитаемся:

«И под безглазыми лицами — волнистая каменная линия завитых бород».

Но ведь еврейские раввины бороду не завивали!
Вернемся к началу:

«Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном волынских полях».

Это первый ключ — Ассирия, наскальные барельефы, прославляющие ассирийских царей с их роскошными завитыми бородами. И шеренги пленных у ног владыки.

Идем дальше —

«Изображение рыбы и овцы над мертвой человеческой головой».

Символика еврейских надгробий изучена — все три названных персонажа в ней присутствуют. Выясняется, правда, что рыба — это не просто рыба, а Левиафан, кусающий свой хвост, и толкуется сей символ как обещание возвращения, то есть воскресения. А овца в образе агнца встречается лишь в композиции с орлом и означает душу, уносимую смертью. Имеется и череп с костями, но на еврейских кладбищах Волыни и вообще Восточной Европы его не отыскать — только в Венеции (местные евреи позаимствовали его у соседей-христиан)...

Зато в христианской традиции все три перечисленных символа связаны тесно и давно.

Рыба скрывает в себе греческое слово $\iota\chi\theta\upsilon\varsigma$ с тем же значением. Но на самом деле это шифр, где за каждой буквой стоит слово, и означают они «Иисус Христос — сын Божий, Спаситель».

Овца — это, конечно агнец, но иного, высшего порядка — жертвенный агнец. Оттого Иоанн Предтеча, узрев Иисуса, и провозгласил: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя все грехи мира» (Ин 1:29).

А поскольку рыба и овца располагаются «над мертвой человеческой головой», нет сомнений и в том, кому она принадлежала. Это череп Адама.

Уже в III веке Ориген утверждал, что там, где иудеи распяли Иисуса, покоилось тело Адама, и пролитая кровь Спасителя омыла адамовы кости, оживотворив в его лице весь человеческий род. Потому и дано было этому месту имя Голгофа (Голубца — переделанное арамейское *Gulgaltha* '«череп»).

Так устанавливается цепь событий — от Адама через Вавилонский плен к Христу. И объединяет их только одно — история евреев.

А критик ничего еврейского в Бабеле не нашел, и оттого устремил свой взор за еврейские пределы:

«Что же в таком случае представляет собой “Кладбище в Козине”? Собственно говоря, это даже не рассказ, это совсем другой жанр, даже вид литературы, это — поэзия, стихотворение в прозе, жанр, особенно популярный у французских романтиков и символистов. <...> В этом стихотворении (будем его теперь называть так), как ни в каком другом тексте, видна французская выучка Бабеля. Несомненной данью литературной традиции (в диапазоне от парнасцев до Брюсова) выглядят и ориентально-библейские мотивы: Ассирия, таинственное тление Востока, скрижали, молитва бедуина. Текст стихотворения прекрасен, но волынские евреи и еврейские кладбища тут, увы, ни при чем»²⁹.

Предложение прописать Бабеля по департаменту французской литературы увлекательно, но, к сожалению, ничем не обосновано. Зато отнесение «Кладбища в Козине» к жанру стихотворений, видимо, справедливо. Только стихотворение это не французское, а русское:

Без имени

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на чёрном скакуне.

---

²⁹ Дымшиц В. Указ. соч.

«Поют над ним узорной вязью саги...»

~ «И зазеленевшие скрижали поют о них витиевато, как молитва бедуина...»

«Но имя Смерть украла...»

~ «О, смерть, о, корыстолюбец, о жадный вор...»

Это не Брюсов, это Бунин, стихотворение написанное в 1909 году.

Уместным оказывается и образ Смерти, оседлавшей черного скакуна, — это несущая смерть Конармия. Правда, герой Бунина — воин и вождь, покоящийся в саркофаге, а в Козине —

«Четыре поколения лежат в <...> усыпальнице, нищей, как жилище водоноса».

Но об усопшем представителе третьего поколения сказано:

«Вольф, сын Илии — *принц*, похищенный у Торы на девятнадцатой весне».

А у раввинов на надгробьях завитые бороды — так ассирийцы изображали только царей, пусть и плененных, но царей.

И значит еврейские раввины, покоящиеся в нищей гробнице, царского рода. Потому что евреи — цари этого мира.

Да, они не нажили сокровищ, но обладатели сокровищ исчезли бесследно, даже имени от них не осталось.

А имена евреев — вечны:

«Азриил, сын Анании...

Илия, сын Азриила...

Вольф, сын Илии...

Иуда, сын Вольфа»³⁰.

Отчего из всей кладбищенской лирики был выбран именно Бунин. Полагаю, причина в том пиетете, который питали к Бунину одесские писатели, общавшиеся с ним в годы гражданской войны... Своими восторгами они, наверное, делились

---

³⁰ Ибо сказано: «Египет делается пустынею, и Эдом делается пустой степью — за то, что притесняли они сынов Иудиных и проливали невинную кровь в земле их. // А Иуда будет жить вечно, и Иерусалим — в роды родов» (Йоиль, 3: 19–20).

и с Бабелем³¹. Тот ознакомился с творчеством Бунина, прозой, похоже, не увлекся, а вот одно из стихотворений отметил... Оно и всплыло в памяти в нужный момент.

И еще два мелких замечания...

*

«склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого»

Доступным источником сведений об истории местечка Козин служила «Еврейская энциклопедия» Брокгауза-Ефрона (1908–1913):

«**Козин** – в эпоху Речи Посполитой местечко Волынского воеводства, Луцкого повета. В дни Пасхи 1652 г. татары, напавшие на К., перерезали всех евреев. Остались целыми два евр. дома. В 1765 г. в кагале 332 плательщика подушной подати.

Ныне местечко Дубенского уезда Волынской губ. По ревизии 1847 г. “Коз. евр. Общество” состояло из 495 душ; по переписи 1897 г. в К. жит. 1.820, из коих 972 евр.»³².

Татары, зарезавшие козинских евреев, были крымскими и участвовали в войне с поляками как союзники Богдана Хмельницкого. Но Бабелю был важен не конкретный убийца, а возможность упомянуть слово «казаки» и, тем самым, превратить запорожцев в двойников Конармии.

А убили евреев Козина в дни праздника Песах (Пасхи), что снова возвращает нас к распятию и воскресению.

**

И последнее — под рассказом указана дата: 16 июля 1920 г. А, согласно Дневнику, Бабель побывал в местечке Козин 21 июля.

В чем причина? «Кладбище в Козине» входит в самую первую опубликованную подборку конармейских новелл. И, видимо, Бабель искал способ соединить рассказы в книгу. Вначале решил испробовать форму дневника³³, где после-

---

³¹ И.А. Бунин прибыл в Одессу в июне 1918 г. и 6 февраля 1920-го отбыл. А 19 августа 1919 г. в Одессе Бабель сочетался браком с Евгенией Гронфайн. Так что мог не только слышать о Буине, но и видиться с ним...

³² Еврейская энциклопедия. Т. 9. Стб. 653.

³³ О первоначальной ориентации на дневник см. в главе XIII.

довательность эпизодов диктуется хронологией: 15 июля — «Учение о тачанке»; 16 июля — «Грищук» и «Кладбище в Козине».

Но с самого начала прибегают к мистификации — последовательность эпизодов не соответствует реальному течению событий.

Глава X

ПОМИНАНЬЕ

Вскрывая потайные, «кротовые»¹ ходы бабелевского повествования, Михаил Вайскопф останавливает взгляд на именах персонажей:

«[Новелла] “Эскадронный Трунов” начинается с похорон — с показа героя, лежащего в гробу; но слово “труна” по-украински — это и есть “гроб”»².

Действительно, такое слово и именно в данном значении — *тру́на* (*труна́*) в украинском имеется³. И вполне возможно, что Бабель соотносил с ним фамилию Трунов. А мог и не соотносить, поскольку фамилия Трунов не придумана, а совершенно реальна. И уже использовалась при описании этих самых похорон, причем задолго до появления новеллы.

Побольше таких Труновых!

В наши героические, кровавые и скорбные списки надо внести еще одно имя — незабвенное для 6 дивизии, — имя командира 34 кавполка Константина Трунова, убитого 3.VIII в бою под К. Еще одна могила спрячется в тени густых Волынских лесов, еще одна известная жизнь, полная самоотвержения и верности долгу, отдана за дело угнетенных, еще одно пролетарское серд-

---

¹ *Эренбург И.* Предисловие // Бабель И.Э. Избранное. Кемерово: Кемеровское книж. изд-во, 1966. С. 11.

² *Вайскопф М.* Советское Рождество: иудаизм и христианство в поэтике Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. / Сб. матер. Междунар. научн. конференции в Гос. литературном музее 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 179.

³ Это заимствование из польск.: *trumna* (др.-польск. *truna*), в свою очередь заимствованного из ново-верхненем. *truhne* «ящик, ларь» (Етимологічний словник української мови [в 7-ми тт.]. Київ: Наукова думка, 1982– Т. 5. (2006). С. 656).

це разбилось для того, чтобы своей горячей кровью окрасить красные знамена революции. История последних лет жизни тов. Трунова связана неразрывно с титанической борьбой Красной Армии. Чаша им испита до дна — проделаны все походы от Царицына до Воронежа, от Воронежа до берегов Черного моря. В прошлом — голод, лишения, раны, непосильная борьба рядом с первыми и в первых рядах и, наконец, офицерская панская пуля, сразившая ставропольского крестьянина из далеких степей, принесшего чуждым ему людям весть об освобождении.

С первых дней революции т. Трунов, ни минуту не колеблясь, занял свое настоящее место. Мы находили его в числе организаторов первых отрядов ставропольских войск. В регулярной Красной Армии он последовательно занимал должности командира 4 Ставропольского полка, командира 1-й бригады 32-й дивизии, командира 34-го кавполка 6-й дивизии.

Память о нем не заглохнет в наших боевых рядах. В самых тяжелых условиях он вырывал победу у врага своим исключительным беззаветным мужеством, непреклонной настойчивостью, никогда не изменявшим ему хладнокровием, огромным влиянием на родную ему красноармейскую массу. Побольше нам Труновых — тогда крышка панам всего мира⁴.

При этом, конечно, нуждается в объяснении отличие реального Трунова от персонажа — реального звали Константин, а литературного Павел!

Но реальное имя может встретиться и в абсолютно придуманном контексте:

«Как раз такой подвох мы найдем, например, в “Конце богадельни”, где на еврейское кладбище внезапно вторгается пьяный матрос Федька Степун — ярый поборник равенства, который стреляет в небо из нагана. Сомнительно, чтобы все, даже “умные”, читатели в СССР знали об убежденном религиозном социалисте, эмигранте Федоре Степуне»⁵.

О «религиозном социализме» нам еще придется говорить в дальнейшем, особенно в свете проповедуемого Степун-матросом равенства:

---

⁴ «Красный кавалерист». 1920. 13.08; подп.: «Военный корреспондент 6 кавдивизии К. Лютов».

⁵ *Вайсконф М.* Указ. соч. С. 169.

«– Подавили царей, – закричал Федька, – нету царей...
Всем без гробов лежать...».

Но обратим внимание на другое Федькино высказывание:

«– Где ты был, Луговой, – сказал Федька покойнику, – когда я Ростов брал?..»

Эта мемуарная струя, видимо, не случайна и может указывать на конкретное беллетристическое сочинение Степуна-философа — изданные в 1918 году «Записки прапорщика-артиллериста»⁶.

Следующий пример может быть признан сомнительным. Речь идет о газетной публикации новеллы «После боя»:

«Виноградов колотил рукояткой маузера качавшегося жеребца, он плакал и сзывал людей. Я едва высвободился от него и подъехал к киргизу *Гулимову*, скакавшему неподалеку от меня.

– Наверх, *Гулимов*, – сказал я, – завороти коня...

– Кобылячий хвост завороти, – ответил *Гулимов*, сдерживая коня, и оглянулся. Он оглянулся воровато, выстрелил в меня и опалил мне волосы над ухом.

– Твоя завороти, – прошептал *Гулимов* <sic!>, взяв меня за плечи, и стал вытаскивать саблю другой рукой. Сабля туго сидела в ножнах, киргиз дрожал и упирался, он обнимал мое плечо и наклонял глаза.

– Твоя вперед, – повторил он чуть слышно, – твоя вперед, моя следом, – и легонько стукнул меня в грудь клинком подавшейся сабли.

Мне сделалось тогда тошно от близости смерти и от тесноты ее, я отвел ладонью лицо киргиза, твердое и горячее лицо, как камень под солнцем, и расцарапал его так глубоко, как только мог. Теплая кровь зашевелилась у меня под ногтями и пощекотала их, и я отъехал от *Гулимова* <sic!>, задыхаясь, как после долгого пути⁷.

---

⁶ *Стенун Ф.* Из писем прапорщика-артиллериста. М.: Задруга, 1918 (с добавлением мест, выпущенных цензурой, и писем 1916–17 гг.); первая часть была опубликована в журнале «Северные записки» (1916. №№ 7–9, под псевд. «Н. Лугин»).

⁷ Известия Одесского губкома. 1924. № 1477. 2.11. С. 3; новелла была напечатана и в московском журнале «Прожектор» (1924, № 20 (октябрь), с. 11, 13).

Итак, имя киргиза названо в новелле пять раз: вначале (три раза подряд) — он Гулимов, а затем — два раза (40%) — Гумилов. Объяснение этого разнобоя без особого труда отыскивается в ошибке наборщика или машинистки: рукописное #лим# можно прочесть как -лим- и как -мил-.

Не лишено вероятности и другое объяснение: анаграмма.

Писатель никак не хочет назвать чье-то имя, но оно неотвязно присутствует в его сознании, вертится на языке... И писатель, против своей воли, проговаривается:

Гулимов, Гулимов, Гулимов... Гумил... — **Гумил... ев!**

Гумилев — мучительная тема русской литературы 20-х годов. И хочется эту боль как-то вытеснить, а убийц понять...

В 1926 году Багрицкий написал «Стихи о поэте и романтике», и в них были такие строки:

Депеша из Питера: страшная весть
О том, что должны расстрелять Гумилева...

А в печатной версии 1929 года они стали выглядеть так:

Депеша из Питера: страшная весть
О **черном предательстве** Гумилева...

И далее, от лица Романтики:

Я мчалась в телеге, проселками шла;
Последним рублем сторожей подкупила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила.

В 1929 году пришлось поменять всего одну строчку:

Я мчалась в телеге, проселками шла;
И хоть преступленья его не простила,
К последней стене я певца подвела,
Последним крестом его перекрестила.⁸

Ну ладно, с Багрицким все понятно — поэт-романтик вспоминает другого поэта-романтика. А Бабеля это каким боком касается? Тематическим! С 3 февраля 1915 года по 11 января 1916 года в «Биржевых ведомостях» Н.С. Гумилев печатал

---

⁸ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. С. 63.

свою книгу «Записки кавалериста». И в двух ее заключительных главах (XVI–XVII⁹) описана ситуация, весьма напоминающая завязку новеллы «После боя»: столкнувшись с противником, кавалерия стремительно отступает, а противник ее не преследует, опасаясь нападения. Описана и бешеная скачка рассказчика, за которым никто не гонится.

Совершенно очевидно, что, работая над «Конармией», Бабель припоминал новейшие опыты русской военной прозы, такие как гумилевские «Записки кавалериста» и эпистолярная повесть Федора Степуна.

И еще один момент, заслуживающий внимания: Гулимов бежит с поля боя, и, когда Лютов пытается вернуть его в строй, Гулимов в Лютова стреляет... Предательство налицо.

А вот новый пример манипуляции с именами, причем совершенно бесспорный.

В 1924 году Бабель опубликовал новеллу «Колесников». Начинается она так:

«Буденый в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига 2. На его место командарм назначил Колесникова.

Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделю тому назад Колесников был командиром эскадрона.

Нового бригадного вызвали к Буденому. Командарм ждал его, стоя у дерева. Колесников приехал с Гришиным, своим комиссаром»¹⁰.

В 1926 году, в книге «Конармия», новелла сменила заглавие — вместо «Колесников» она именуется теперь «Комбриг 2», Буденый стал Буденным, а комиссар Гришин — Алмазовым.

Никакой иной возможности, кроме необходимости вспомнить белого генерала Гришина-Алмазова, Бабель нам не оставил.

Родился генерал в 1880 году под фамилией Гришин. Успел поучаствовать в русско-японской войне. В Первую мировую, в звании капитана, командовал мортирным дивизионом в составе ударных частей. Награжден многими орденами, а в 1917-м — по настоянию солдат — Георгиевским крестом.

---

⁹ Биржевые ведомости. 1916. № 15316. 11.01.

¹⁰ ЛЕФ. 1923. № 4. С. 70; номер вышел в свет в январе 1924 г.

Примыкал к эсерам и, в звании подполковника, был изгнан из армии большевиками. Одним из первых вступил в Добровольческую армию и в 1918 году был командирован в Сибирь для организации офицерского подполья. Выдавая себя за сотрудника «Закупсбыта» Алмазова, вел в Западной Сибири неустанную работу по созданию подпольных офицерских организаций и 27 мая, узнав о начале чехословацкого выступления, отдал приказ о вооруженном восстании против большевиков. 13 июня Гришин-Алмазов стал командующим четырехтысячной Западно-Сибирской армии, а с 1 июля — военным министром Временного Сибирского правительства, и 10 июля за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры. Прочие члены правительства, этими заслугами напуганные, поспешили обвинить военного министра в монархизме, измене делу англо-французских союзников и даже поручили тайной полиции начать за ним слежку. Оскорбленный Гришин-Алмазов подал в отставку, 22 сентября покинул Омск и через 38 дней добрался до Екатеринодара, где был принят А.И. Деникиным, который направил генерала в Яссы для информирования собравшихся там участников Политического совещания о положении дел в Сибири. Едва закончилось совещание, резко изменилась ситуация на Украине — гетман Скоропадский был низложен, власть в Киеве захватила Директория и украинские части вошли в Одессу. И тогда, по инициативе французского консула Эмиля Энно и уполномоченных Добровольческой армии Шульгина и Степанова, Гришин-Алмазов был назначен военным губернатором Одессы. Новый губернатор быстро организовал добровольческие офицерские отряды и в начале декабря 1918 г. выбил из Одессы украинские войска, а впоследствии сорвал наступление большевиков. В самой Одессе Гришин-Алмазов повел беспощадную борьбу с уголовниками. Он набрал себе конвой из 70-ти татар, поклявшихся на Коране охранять генерала. Свой выбор Гришин-Алмазов объяснил так:

«У них воровство — это самое позорное деяние. Кто-то из них украл у товарища пустячную вещь. Они его на месте убили»¹¹.

---

¹¹ Шульгин В.В. 1917 — 1919. Пред. и публ. Р.Г. Красюкова. Комм. Б.И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. С. 250.

Эти татары и повели борьбу с воровской Одессой. Позднее большевики окрестили эту борьбу «бессудными» убийствами. Всего было убито 11 бандитов. И тогда Мишка Япончик прислал губернатору письмо. Содержание письма, не претендуя на текстуальную точность, изложил В.В. Шульгин:

«Мы не большевики и не украинцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем. Какое вам дело, что мы грабим? Кого мы грабим? В Одессе есть тайные игорные дома, где ведется большая игра. Деньги мало что стоят. Ведется игра на драгоценности: брошки, серьги, золотые портсигары. Вот этих мы и грабим. Неужели вы их будете защищать?

Прочитав мне это, Гришин-Алмазов спросил:

– Ну, что вы скажете?

Я спросил его в свою очередь:

– Что же вы сделали?

– Я не ответил. Не может же власть вступить в переговоры с уголовниками»¹².

Перед нами фабула рассказа «Фроим Грач». Старый главарь бандитской Одессы идет в ЧК, чтобы выступить в защиту своих беспощадно истребляемых орлов, и новый начальник Симен, человек для Одессы чужой, тут же приказывает расстрелять старика без суда. А потом объясняет чекисту-одесситу Боровому мотивы своего решения:

«– Ты сердисься на меня, я знаю, – сказал он, – но только мы власть, Саша, мы – государственная власть, это надо помнить...

– Я не сержусь, – ответил Боровой и отвернулся, – вы не одессит, вы не можете этого знать, тут целая история с этим стариком...

<...> Симен держал руку Борового в своей руке и пожимал ее.

– Ответь мне, как чекист, – сказал он после молчания, – ответь мне, как революционер – зачем нужен этот человек в будущем обществе?

– Не знаю, – Боровой не двигался и смотрел прямо перед собой, – наверное не нужен...

Он сделал усилие и прогнал от себя воспоминания».

---

¹² Там же. С. 252.

В январе 1919 года в Одессе высадились французская дивизия, а в марте должность Верховного комиссара Франции на Юге России занял генерал Франше д'Эспере и приказал Гришину-Алмазову покинуть Одессу в 24 часа.

А вскоре Гришин-Алмазов, во главе военной делегации из 16 офицеров и 25 солдат, был послан в Сибирь — установить связь с правительством Колчака. Но 5 мая 1919 года в Каспийском море пароход, на котором находилась делегация, был захвачен советским эсминцем. Не желая сдаваться большевикам, Гришин-Алмазов застрелился¹⁵.

Лишь полтора месяца спустя новость эта достигла Одессы. Бунин записал в дневнике:

«11 июня [24.06. 1919 г., Одесса].

Едва дождался газет. Все очень хорошо:

“Мы оставили Богучар... Мы в 120 верстах западнее Царицына... Палач Колчак идет на соединение с Деникиным...”

И вдруг:

“Угнетатель рабочих Гришин-Алмазов застрелился...”

Троцкий в поездной газете сообщает, что наш миноносец захватил в Азовском море пароход, на котором известный черносотенец и душегуб Гришин-Алмазов вез Колчаку письмо Деникина. Гришин-Алмазов застрелился”».

Бабель, видимо, Гришина-Алмазова осуждал... Не был ему симпатичен и комиссар Гришин, которого, судя по «Планам и наброскам» (Л. 43), Бабель намеревался сделать персонажем еще одной новеллы:

«Три военкома.

Прощание с Бахт[уровым]. Губанов, Ширяев, Винокуров... Рассказ о Губанове — прихрамывающий двадцатидвухлетний парень, властелин нехотя, ученик городского училища, мелкий мещанин — вижу, к[а]к он едет во главе полка...

Ширяев и Книга... — Гришин... Новое поколение — мещане... Гришин — донской казак... Губанов — мельчает порода, ну, кто

---

¹⁵ Имеется и иная версия гибели Гришина-Алмазова: во время одной из служебных командировок был схвачен большевиками и заключен в тюрьму под г. Гурьевом, где покончил с собой (*Вибе П.П., Михеев А.П., Лугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 67).

таких Апанасенко, ухажу, устал, его ординарцы, рисуется, медленно взбирается на лошадь...

Гришин с красными губами... О новой породе мещан».

Но в новелле «Комбриг 2» Гришин упомянут один-единственный раз, безо всякой оценки — просто названы должность и фамилия: комиссар Гришин. И больше во всей «Конармии» о нем не сказано ни слова. Какую же тайную мысль хотел донести до читателя Бабель, переименовав своего героя в Алмазова? И хотел ли? Не мог же он рассчитывать, что кто-то в поисках единственного различия примется сравнивать книжную публикацию с журнальной!

Глава XI

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Некоторые новеллы Бабеля демонстративно незамысловаты. К примеру, «История одной лошади». Был в Первой Конной начдив Тимошенко — будущий советский маршал, но про его и свое будущее тогда никто еще не знал. И начдив этот отобрал у командира эскадрона Мельникова белого жеребца. А взамен всучил вороную кобыленку. Комэск обиделся до глубины души и всячески эту лошадь третировал — держал ее, в согласии с мастью, «в черном теле». А потом Тимошенко своего поста лишился, Мельников поспешил в штаб и получил бумагу с предписанием «возвратить жеребца в первобытное состояние». С этой бумагой Мельников отскакал сто верст и явился к бывшему начдиву. Тот читал бумагу «необыкновенно долго», а потом —

«обернул <...> к Мельникову помертвевшее лицо.

— Я еще живой, Мельников, <...> — сказал он, — я... Я еще живой, мать твою и Иисуса Христа распроэтакую мать, еще ноги мои ходят, еще кони мои скачут, еще руки мои тебя достанут и пушка моя греется около моего тела».

И «вынул револьвер, лежавший у него на голом животе». Мельников

«повернулся на каблуках, шпоры его застонали, он вышел со двора, как ординарец, получивший эстафету, и снова сделал сто верст для того, чтобы найти начальника штаба, но тот прогнал от себя Мельникова.

— Твое дело, командир, решенное, — сказал начальник штаба, — жеребец тебе мною возвращен, а докуки мне без тебя хватает...».

После чего обозленный Мельников садится писать заявление о... выходе из коммунистической партии.

«Коммунистическая партия <...> основана, полагаю, для радости и твердой правды без предела и должна также осматриваться на малых. Теперь коснусь до белого жеребца, которого я отбил у невероятных по своей контре крестьян, имевший захудалый вид, и многие товарищи беззастенчиво надсмехались над этим видом, но я имел силы выдержать тот резкий смех и, сжав зубы за общее дело, выхолил жеребца до желаемой перемены, потому я есть, товарищи, до белых коней охотник и положил на них силы, в малом количестве оставшиеся мне от империалистской и гражданской войны, и такие жеребцы чувствуют мою руку и я также могу чувствовать его бессловесную нужду и что ему требуется, но несправедливая вороная кобылица мне без надобности, я не могу ее чувствовать и не могу ее переносить, что все товарищи могут подтвердить, как бы не дошло до беды. И вот партия не может мне возворотить, согласно резолюции, мое кровное, то я не имею выхода, как писать это заявление со слезами, которые не подобают бойцу, но текут бесперечь и секут сердце, засекая сердце в кровь...».

Тут-то сослуживцы и сообразили, что командир эскадрона попросту спятил. Диагноз подтверждает медкомиссия, и Мельникова из армии демобилизуют.

Бабель опечален:

«Я ужасно был этим опечален, потому что Мельников был тихий человек, похожий на меня характером. У него одного в эскадроне был самовар. В дни затишья мы пили с ним горячий чай. И он рассказывал мне о женщинах так подробно, что мне было стыдно и приятно слушать. Это, я думаю, потому, что нас потрясали одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

Вот такая картинка нравов. Имеются и литературные аналогии — чеховская «Смерть чиновника». Вот только Чехов лирикой не соблазнился, своего героя назвал Червяковым и рассказ отнес к юмористическим.

В дальнейшем Бабель за свою новеллу просил извинения:

«В 1920 году я служил в 6-й дивизии I Конной армии. Начдивом 6-й был тогда т. Тимошенко. Я с восхищением наблюдал его героическую, боевую и революционную работу. Прекрасный, цельный, этот образ долго владел моим воображением, и когда я собрался писать воспоминания о польской кампании, я часто возвращался мыслью к любимому моему начдиву. Но в процессе работы над моими записками я скоро отказался от намерения придать им характер исторической достоверности и решил выразить мои мысли в художественной беллетристической форме. От первоначальных замыслов в моих очерках осталось только несколько подлинных фамилий. По непрости-тельной моей рассеянности, я не удосужился их вымарать, и вот к величайшему моему огорчению — подлинные фамилии сохранились случайно и в очерке “Тимошенко и Мельников”, помещенном в 3-й книге журнала “Красная новь” за 1924 г. Все дело тут в том, что материалы для этого номера я сдавал поздно, редакция и, главное, типография торопили меня чрезвычай-но, и в спешке этой я упустил из виду необходимость переменить в чистовых <рукописях — Б.-С.> первоначальные фамилии. Излишне говорить о том, что тов. Тимошенко не имеет ничего общего с персонажами из моего очерка. Это ясно для всех, кто сталкивался хотя бы однажды с бывшим начдивом 6-й, одним из самых мужественных и самоотверженных наших красных командиров.

И. Бабель»¹

Что к этому можно добавить? Только оправдать редакторов и печатников «Красной нови», вспомнив, что 13 апреля Бабель опубликовал ту же новеллу в «Известиях Одесского Губисполкома», где никто его не подгонял, но имена героев были те же самые — Тимошенко и Мельников. Впрочем, в книге их уже не опознать — персонажей зовут теперь Савицкий и Хлебников.

Одно только осталось непонятным — для чего эта новелла была написана?.. Что хотел сказать автор? Или он в нее никакой тайной мысли не вложил?

---

¹ Бабель И. Письмо в редакцию // Октябрь. 1924. (Ноябрь–дек.) № 4. С. 223.

Вчитаемся... Вот Мельников находит Тимошенко в Радзивиллове,

«изувеченном городишке, похожем на оборванную салопницу. <...> Облитый французскими духами и похожий на Петра Великого, он жил в опале с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта, и с двадцатью кровными лошадьми, которых мы все считали его собственностью. Солнце на его дворе напрягалось и томилось слепотой своих лучей, жеребята на его дворе бурно сосали маток, конюхи с взмокшими спинами просеивали овес на выцветших веялках и только Мельников, израненный истинной и ведомый мезтью, шел напрямик к забаррикадированному двору».

Из всей этой благостной картины выламывается один фрагмент:

«Солнце на его дворе напрягалось и томилось слепотой своих лучей».

С чего бы солнцу напрягаться и томиться, причем именно на дворе Тимошенко? Причина станет понятной, если мы остановим внимание на сцеплении трех слов: «солнце» и «своих лучей». Они из другой песни, и зовут эту песню «Интернационал»:

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей, —
Для нас всё так же *солнце* станет
Сиять огнём *своих лучей*².

При чем здесь «Интернационал»?

---

² Еще один пример опоры на текст пролетарского гимна:

«Селина <*sic!* – вместо: «Селин»> же порсто <*sic!* – вместо: «просто»> сжигает **все**, на чем есть клеймо современного **мира** – любовь, женщину, молодость, положение, политику. Он <в романе «Путешествие на край ночи» – Б–С> сжигает **все до основ**, не обещая что-либо **построить** на пожарище» (И.Э. Бабель о заграничной поездке // Литературный Ленинград. 1933. № 9. 26.09. С. 4).

Ср.:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир **построим**,
Кто был ничем, тот станет всем.

Попробуем понять... Где проживает опальный красный генерал? Понятно, что не под открытым небом, а в доме. Перед домом двор. А на дворе конюшни, собственный табун в двадцать голов, толпа конюхов у веялок веет овес... Значит, овес нового урожая, еще не очищенный от мякины... А сам двор забаррикадирован — любому чужаку вход закрыт... Нет, это не дом и не двор... Это поместье! А опальный начдив — помещик!

Так что, кто «*был ничем*», так ничем и остался, и добра своего не отвоевал — его снова отобрали. Господ старых прогнали, так новые пришли... Оттого-то и пишет Мельников заявление о выходе из партии, пообещавшей свободу и обманувшей.

«И вот партия не может мне *возвратить*, согласно резолюции, мое кровное, то я не имею выхода, как писать это заявление со слезами, которые не подобают бойцу, но текут беспечно и секут сердце, засекая сердце в кровь».

***

Вот такая душераздирающая история. Гнетущая правда жизни!

Раскрываем «Дневник», и — полное изумление:

«5.8.20. Хотин

<...>

Главное — внутренние перемены, все перевернуто.

Начдива жалко до боли, казачество волнуется, разговоры из-под угла, интересное явление, собираются, шепчутся, Бахтуров³ подавлен, герой был начдив, теперь командир в комнате не пускает, <...> тяжкое унижение, в лицо бросили — вы предатель, Тимошенко засмеялся, — Апанасенко, новая и яркая фигура, некрасив, коряв, страстен, самолюбив, честолюбив, написал воззвание в Ставрополь и на Дон о беспорядках тыла, для того, чтобы сообщить в родные места, что он начдив. Тимошенко был легче, веселее, шире и, может быть, хуже. Два человека, не любили они, верно, друг друга. <...>

Вечером музыка и пляска — Апанасенко ищет популярности, круг шире, Бахтурову выбирает лошадь из польских, нынче все ездят на польских, великолепные кони, узкогрудые, высо-

---

³ Бахтуров Павел Васильевич (1889–1920) – комиссар нескольких кавалерийских дивизий 1-ой Конной армии, убит в бою с врангелевцами.

кие, английские, рыжие кони, этого нельзя забыть. Апанасенко заставляет проводить лошадей»⁴.

Выясняется, что Тимошенко вызывал у Бабеля живую симпатию («начдива жалко до боли»; «тяжкое унижение, в лицо бросили — вы предатель, Тимошенко засмеялся»)...

Фамилия же Мельников в «Дневнике» вообще ни разу не упомянута! Нет ее в «Планах и набросках»... Как нет ни слова об отобрании жеребца!

Однако тема лошади все же возникает: новый начдив-6 Апанасенко «ищет популярности» и «Бахтурову выбирает лошадь из польских, нынче все ездят на польских, великолепные кони, узкогрудые, высокие».

Итак, старый начдив Тимошенко никого не обезлошадил, а новый, Апанасенко, напротив, лошадью одарил!

И вручил он ее военкому Бахтурову — это прощальный подарок.

«5.8.20. Хотин

<...>

Запомнить — фигура, лицо, радость Апанасенки, его любовь к лошадям, как проводит лошадей, выбирает для Бахтурова.

Об ординарцах, связывающих свою судьбу с «господами». Что будет делать Михеев, хромой Сухоруков, все эти Гребушки, Тарасовы, Иван Иванович с Бахтуровым»⁵.

«6.8.20. Хотин

<...>

Утром уезжает Бахтуров, за ним свита, слежу за работой нового военкома, тупой, но обтесавшийся московский рабочий»⁶.

Военком появляется и в новелле, где он читает и рвет заявление Мельникова о выходе из партии, но обсуждать с ним свой поступок Мельников отказывается.

А затем Бахтуров возникает в «Планах и набросках»:

«Порядок.

День покоя. Прохожу мимо двора, в котором живет Бахтуров. Жена. — Отступление — о женщинах в Конармии <...>

---

⁴ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 282–283.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ Там же. С. 284.

Начало — о женщинах в Конармии. — Сегодня Бахтуров женат. — *Среди села — он как помещик. — Заглядываю внутрь двора.* — Ночью — он выходит, почесывается. — Стройная, в шали, — высокие ноги, хозяйство. — *Жена или наложница.* — О женщинах в Конармии. <...> Кучер жены Бахтурова. — Она держится особняком. — Белев? — Хотин?»⁷

Вот и оказывается: не опальный начдив, а военком живет, как помещик! Не раскрыв сюжета, едва ли возможно было разобратся во всех этих многоходовых рокировках и проследить путь от «Дневника» к новелле.

На этом пути изменилось и мнение Бабеля о Тимошенко. Впрочем, какие-то сомнения не оставляли писателя с самого начала: наблюдая Апанасенко (подробнее о нем в гл. XIII), Бабель записывает:

«Тимошенко был легче, веселее, шире и, может быть, хуже».

И он стал хуже. Военком же на Петра Великого, понятно, не тянул. Выходить из-за такого из партии не позволяла художественная правда, та, что выше любой правды жизни.

***

Но история одного жеребца имела еще одно продолжение. На него обратил мое внимание Давид Фельдман. В 1974 году Сергей Поварцов опубликовал письмо Бабелю, написанное самим С.М. Мельниковым:

«Прежде чем указать Вам на несправедливость указанного Вами заявления, скажу пару слов о том, что мне никогда в голову не приходило, что после затишья на красных фронтах кто-нибудь скажет несколько слов про жизнь скромного бойца командира, и мне на первых порах как-то неловко было».

Далее Мельников сетует на отсутствие в новелле описания города Ровно, комендантом которого некоторое время состоял, и переходит к главному:

«А теперь, уважаемый тов. Бабель, прошу Вас исправить вкрадую ошибку в Вашей книге, ибо указание, что я подал военному заявление о выходе из РКП(б) не соответствует истине, подобного заявления я военному не подавал, были только

---

⁷ Там же. С. 360.

горячие споры оттого, что Начдив, коммунист, отнимая у своего подчиненного командира коня, злоупотребляет властью и делает преступление, что и было указано в рапорте, поданном мной в Штаб Армии, на каковом и была действительно положена резолюция “возвратить белого коня Командиру I-го Эскадрона Мельникову”.

Тов. Бабель, если Вы еще не закончили писать книгу о Конармии и Вам нужны материалы, то напишите мне или, вернее, в письме поставьте ряд вопросов, которые Вас интересуют, и я с большим удовольствием на них, по возможности, отвечу. Простите, тов. Бабель, что вместо просьб об исправлении ошибки — написал, быть может, и неуместное, большое письмо. Во всяком случае, нужен Вам материал или не нужен, прошу ответить мне по указанному ниже адресу, буду Вам очень благодарен.

Эх, тов. Бабель, славная, красивая и полная героизма была жизнь и работа, хотя и полна опасности в нашей непобедимой, прославленной Конармии, а белого жеребца не забуду пока жив.

С товарищеским приветом
С. Мельников»⁸

Кроме того, Поварцов отыскал и другое письмо — Марии Федоровны Андреевой А.М. Горькому, от 8 июля 1924 года, где раскрывалась подоплека события:

«...Был у меня на днях случай — пожалела я очень, что тебя при нем не было. Принесли мне на просмотр картину: главное действующее лицо — великолепнейший черный конь. Будто он вовсе дикий. Показано, как он свой косяк блюдет, как дерется с таким же диким конем белым, отбивая своих маток, причем драка настоящая, в кровь! Как он прячет свой косяк от покушений поймать со стороны людей и опять-таки — играет конь так, что полная иллюзия настоящей дикой лошадиной жизни, в горах, в лесу, в огромных долинах.

О побочной интриге не стоит говорить. Но вот пришел ловить его особенный человек, милый, приятный, молодой, очень смелый и весь какой-то ясный. Гоняется он за конем с

---

⁸ Поварцов С. Прототип и персонаж (О рассказе И. Бабеля «История одной лошади») // Вопросы литературы. 1974. № 8. С. 318–319.

лассо день, два, много дней. Поражается умом, ловкостью, смелостью коня. Однажды конь, загнанный на скалу, делает прыжок в две сажени минимум и перепрыгивает через пропасть, и видно — восхищается человек зверем, гордится за него, и не хочется ему больше ловить его, пусть-де остается свободным. Но загорелся лес, пожар принимает колоссальные размеры, кони мечутся; черный конь, спасая свой косяк, загоняя его в безопасное место, в горы, задержался и попал в самую опасную, охваченную огнем со всех сторон западню. Ржет конь. Дрожит.

В это именно время приходит человек, он бросился в огонь спасать коня, и конь это чувствует, но боится человека. Начинается изумительная борьба. Страх перед поработителем-человеком и еще пуший страх перед огнем. Со всех сторон вспыхивают деревья, падают на землю, пламя и дым душат и человека и коня. Человек говорит, просит, убеждает верить ему. Конь то бросается бежать от него, то будто решается подойти. И вдруг ты ясно видишь — конь думает: “уж лучше этот человек, он, кажется, правда честен, он, кажется, не обманет”, — закрывает глаза и подходит к человеку.

Человек торопливо оглаживает его и бежит, ища выхода, а конь за ним по пятам, уже слепо отдаваясь воле человека.

Выбежали. Спаслись. Человек бросается в воду, платье на нем дымится. Конь остается на берегу. Человек говорит ему: “Ты свободен, иди, приятель! Опасности больше нет”.

Конь бежит и уже будто скрылся из виду. Человек вылез на берег, сел, снял свое сомбреро... А из лесу тихонько, останавливаясь, настораживаясь, выходит конь, медленно подходит к человеку и, вдруг решившись, кладет ему голову на плечо...

Все это так изумительно сделано, лошадь так чудесно переживает, что смотришь — и трогаешься до слез!

Дальше еще целый ряд эпизодов, как этот черный конь сторожит своего друга и при малейшей опасности будит его. Спасает его, когда человека ранили и сбросили в реку, вытаскивает из воды, как слушается призывного свиста — и тебе ясно, что это равный идет на призыв друга!

Кончается картина тем, что человек благодарит коня за дружбу, за помощь, целует его в морду и отпускает на свободу. Конь бежит, ржет, летом мчится к горам, стоит высоко-высоко

на скале, ржет... Осматривается, поворачивает голову влево... вправо... И вдруг внизу, в долине видит своего друга. Опять ты ясно видишь, что конь думает, что в нем происходит борьба, и вдруг — он решается, он бежит к человеку, который сумел заставить его полюбить себя, которому он поверил.

Прибегает, кладет морду человеку на плечо, а у человека все лицо озаряется счастьем.

Кончилась картина. Смотрю, когда зажгли свет в просмотровой комнате, сидит за мной наш служащий Мельников, лицо залито слезами и весь он дрожит, как конь этот черный.

— Что вы? — говорю ему. — Милый, чего вы?

— Ох, М.Ф., голубушка, родная вы моя! Ведь вот этот конь совсем как мой... которого отняли у меня... Только мой — белый был...

И рассказывает потом, как нашли они, солдаты Буденного, в каком-то помещичьем угодье, под Польшей, замурованными в погребе две лошади: одна кобыла, а другая — вот этот белый конь. Только окошечко оставлено им было. Как они, солдаты, увидели свежую штукатурку, отбили ее. Как он, Мельников, сразу влюбился в коня и вымолил его себе. Как в один месяц выдрессировал его, тот слова слушался. Какой это был изумительный конь! Чистый конь — никогда не ляжет, если ему чистой соломы не постелили, как голубь белый. Сам его чистил, кормил, никого к нему не подпускал.

И вдруг случилось “несчастье” — об этом “несчастье” ты, должно быть, читал у Бабеля в “Красной нови”? Это тот самый Мельников, чудесный малый. Сейчас он, конечно, пообтесался немного, даже по-немецки говорит. Славная морда, такая круглая, русская. Волосы кудрявые, русые.

Всхлипывает, рассказывая, и — конфузится, басит, а у самого подбородок с ямочкой дрожит. Лет ему теперь, должно быть, 24–25.

— Вот четыре года прошло, а вспомнить не могу! Ведь какой конь, а он, Тимошенко, третирует его! Даже бил — один раз даже укусил его за это конь мой... Слава богу — убили его под Тимошенко, недолго он им владел!.. Разбередили вы меня картиной вашей, Мария Федоровна, опять душа болит! Будто не четыре года, а четыре дня прошло, ох господи!!

Вот тебе и коммунист!

Ну, прощай, голубчик, всего тебе светлого.

М.Ф.

8. VII – 924

Р.С. А картина – удивительная. Американская, называется – “Король степей”»⁹.

С. Поварцов обнаружил также печатный мемуар С. Мельникова. В нем история жеребца выглядит уже так:

«У меня был конь лучший в дивизии. Начальник дивизии давно на него зарился и не раз предлагал обмен.

– Не согласен! – коротко, но твердо отвечал я ему.

Тогда под предлогом, что его кони измучены большим переходом, начдив взял у меня моего коня на несколько часов – и не вернул, а прислал двух своих коней.

Все мои усилия получить коня обратно были напрасны, и я не могу описать до какой степени я страдал.

Я не мог забыть этой потери. Но рассказ Бабеля (в его “Конармии”) о том, будто я под влиянием этого случая подал заявление о выходе – из партии, – неверен.

Созданная Лениным ВКП(б) была есть и будет подлинным организатором, вождем и вдохновителем героизма масс»¹⁰.

Новелле «Тимошенко и Мельников» повезло. Во-первых, она единственная из всей «Конармии», которую (пусть и глумливо) цитирует в своей «ценной заметке»¹¹ Буденный:

«Он смотрит на мир, “как на луг, по которому ходят голые бабы, жеребцы и кобылы”»¹².

В заключение Буденный замечал, что редактору «Красной Нови»

---

⁹ Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой / Сост., ст. и коммент. А.П. Григорьевой и С.В. Щириной. М.: Искусство, 1961. С. 720.

¹⁰ Мельников С. Первая Конная: Из воспоминаний бойца // Красная нива. 1930. № 6. 25.02. С. 7.

¹¹ «Примечание. Охотно предоставляя место ценной заметке вождя Красной Конницы, — редакция предполагает в ближайшее время подробно осветить вопрос о творчестве Бабеля. Редакция» (Октябрь. 1924. № 3. Сент. — окт.). С. 197).

¹² У Бабеля: «Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони».

«т. Воронскому отнюдь не безызвестны фамилии тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классово-ненависти».

И Бабель, отвечая Буденному в следующем номере «Октябрь», признает за собой одно-единственное прегрешение:

«От первоначальных замыслов в моих очерках осталось только несколько подлинных фамилий. По непростительной моей рассеянности, я не удосужился их вымарать, и вот к величайшему моему огорчению — подлинные фамилии сохранились случайно и в очерке *“Тимошенко и Мельников”*».

А за три месяца до выступления Буденного подал голос из далекого Берлина и сам персонаж — беспокойный Мельников...

Но вот, что странно: Бабель, в октябре 1924 года обвиненный Буденным во лжи («выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет»), защищаясь в декабре от нападков разъяренного военачальника, ни словом не обмолвился о свидетеле своей правоты — Мельникове!

В чем причина?

Возможно, дело обстояло так: служащий берлинского торгпредства по фамилии Мельников прочитал в журнале рассказ Бабея «Тимошенко и Мельников» и, по наивности своей, подумал, что все написанное там чистая правда. И решил соорудить себе героическое прошлое — объявив себя командиром-конармейцем. А тут фильм американский привезли... Вот и повод поделиться вычитанными воспоминаниями.

Вот только была в том рассказе одна ненужная деталь — заявление о выходе из РКП(б). И Мельников придумал, как от нее избавиться — послал Бабелю письмо на адрес редакции «Красной нови». Ответит Бабель — хорошо. Не ответит — еще лучше!

На чем основано наше предположение? На возрасте — по словам Марии Андреевой, в 1924 году выглядел Мельников лет на 24–25. Значит, в 1920-м было ему не больше 19–20-ти. Так Гайдар был еще моложе...

Конечно, к Конармии прибывались разные люди, но командные должности занимали казаки с опытом боев Первой

мировой. А до 1918-го в армию призывали по достижении 21 года... Так что, имей берлинский Мельников конармейское командное прошлое, было бы ему в 1924 году под тридцать... Глубоко штатская Мария Федоровна в таких тонкостях, наверняка, не разбиралась...

Но все могло быть и иначе, и на такую возможность при обсуждении данной главы указал Давид Фельдман.

Он предположил, что письмо С. Мельникова было написано не в 1924 году, а четырьмя годами позже, и намечалось к предъявлению на новом этапе дискуссии с Буденным, атаковавшим на этот раз вступившегося за Бабеля А.М. Горького.

А Горький, со своей стороны, мог поручить М.Ф. Андреевой внести несколько новых строк в свое старое письмо из Берлина.

Именно поэтому в 1924 году Бабель и не стал прикрываться от ярости Буденного Мельниковским письмом — не было тогда такого письма.

Более того: письмо Мельникова сам Бабель и написал!

Действительно, с источниковедческой точки зрения письма эти весьма уязвимы. Мельниковское представлено машинописной копией, а где оригинал? Письмо же Марии Андреевой сами публикаторы называют «отрывком», не сообщая, где оно хранится и в каком виде до нас дошло — полностью, или приведенный отрывок это все, чем мы обладаем?

Согласиться с такой гипотезой, конечно, нелегко...

Мы бы и не согласились, кабы не один неожиданный пассаж в мемуаре Мельникова:

«Когда полки возвращались на бивуак после боя, их можно было различить по песням.

Кубанцы пели протяжно, стройно мелодично. Пение их, однако, порою смахивало на церковный хор. Донцы пели лихо, с гиканьем и присвистом. Но особенно выразительно и очень своеобразно пели ставропольцы. Они вообще держались особняком, по-семейному. (Часто в полку или в эскадроне воевала вся семья, все мужчины: отец, сыновья, племянники.)

Под эти песни не один командир и комиссар после напряженного боевого дня, вспомнив понесенные потери, иногда убитого друга, невольно опускал голову и грустно поникал в седле.

Но не время было грустить и предаваться меланхолическим чувствам.

– *Интернационал!* – раздавалась команда, и бойцы затягивали слова пролетарского гимна.

Под его мощные призывные звуки отряд бодро и весело въезжал на бивуак.

На бивуаке нужно было подумать о еде, о мытье, почитать газету, поговорить с местными жителями, поухаживать за своим боевым товарищем и другом – конем».

И сразу после этого – история одного жеребца.

Иными словами, в своем мемуаре Мельников не только выдал за правду вымышленный Бабелем эпизод, но проявил и завидное знание глубоко скрытого подтекста бабелевской новеллы – песни «Интернационал».

Глава XII

ПАРАД-АЛЛЕ

В повествовании «Конармии», среди не отмеченных до сих пор моментов, можно отыскать и те, что связаны с цирком.

Уже в самой первой новелле, «Переход через Збруч», мы читаем:

«Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они *прыгают в обезьяны, по-обезьяны, как японцы в цирке*, их шеи пухнут и вертятся».

Цирк, как и прочая культура (письменность, буддизм), прибыл в Японию из Китая. Но развития не получил. Все цирковое зрелище свелось к уличным выступлениям бродячих актеров, демонстрировавших дрессированных обезьян. Но увидеть цирковое представление, в котором главную роль играют люди, ни в Японии, ни в другом месте было нельзя. Так что видеть японский цирк или слышать о нем Бабель не мог.

Поэтому слова Бабеля («*как японцы в цирке*») следует, видимо, понимать буквально: прыгают по-обезьяны и молча, как цирковые актеры, *изображающие японцев!*

И такой цирковой номер Бабель вполне мог наблюдать в Одессе, где во время русско-японской войны на арене местного цирка была представлена патриотическая пантомима «Подвиг рядового Рябова». «Сделана она была, — уверяет очевидец, — скверно, наспех, и успеха не имела»¹.

А подвиг свой Василий Рябов совершил в сентябре 1904 года. Переодевшись китайцем и прицепив косу, он отправился на разведку, но был схвачен японцами и казнен за шпионаж.

---

¹ Альперов Д.С. На арене старого цирка: Записки клоуна. Лит. обработка, предисл. и прим. В.Е. Беклемишевой. М., Гослитиздат, 1936. С. 188.

Спустя сутки разезд 1-го Оренбургского казачьего полка обнаружил письмо, подброшенное к одинокому дубу на ничейной территории. В нем было сказано:

«Запасной солдат Василий Рябов, 33 года, из охотничьей команды 284-го пехотного Чембарского полка, уроженец Пензенской губернии, Пензенского уезда, села Лебедёвки, одетый, как китайский крестьянин, 17 сентября 1904 года был пойман нашими солдатами в пределах передовой линии. По его устному показанию выяснилось, что он по изъявленному им желанию был послан к нам для разведывания о местоположении и действиях нашей армии и пробрался в нашу цепь 14 сентября через Янтай, по юго-восточному направлению. После рассмотрения дела установленным порядком Рябов приговорен к смертной казни. Последняя была совершена 17 сентября ружейным выстрелом.

Доводя это событие до сведения русской армии, наша армия не может не высказать наших искренних пожеланий уважаемой армии, чтобы последняя воспитывала побольше таких прекрасных, достойных полного уважения воинов, как означенный Рябов. Сочувствие к этому истинно храброму, преисполненному чувства своего долга, примерному солдату достигло высшего предела.

С почтением. Капитан штаба Японской армии»².

Авторы пантомимы, наверное, благородства противника оценить не захотели и изобразили врага привычным способом — в образе прыгающих и кривляющихся желтых обезьян.

Еще раз цирк в связи с иностранцами упомянут в новелле «Эскадронный Трунов»:

«Девятый этот был юноша, *похожий на немецкого гимнаста из хорошего цирка*, юноша с гордой немецкой грудью и с бачками, в триковой фуфайке и в егерских кальсонах».

Бабель не сомневается, что его читатель не только знаком с немецким цирком, но даже способен отличить хороший немецкий цирк от плохого... Короче, писатель убежден, что говорит о вещах известных столь же широко, как егерские

---

² Улыбин С. Подвиг Василия Рябова. Пенза: газ. «Сталинское знамя», 1943.

кальсоны — шерстяное белье, полезность которого для здоровья увлеченно доказывал немецкий биолог Густав Йегерн, сначала в книге «Нормальная одежда как способ охраны здоровья» («Die Normalkleidung als Gesundheitsschutz», 1880), а затем в специальном журнале «Ежемесячный листок» («Monatsblatt»).

Но куда любопытней цирковые аспекты в описании конармейцев.

«Начальник конзапаса» (цитируется по рукописи):

«На огненном своем англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, *бывший цирковой атлет*, а ныне начальник конского запаса — краснорожий, седоусый, в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар»³.

А вот начало новеллы (цитируется по рукописи):

«На деревне стон стоит. Конница травит хлеба и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Бранить тут некого. Без лошади нет армии.

У здания штаба неотступно толпятся крестьяне.

Они тащут на веревках упирающихся, скользящих от слабости, одров. Лишенные кормильцев мужики — чувствуя в себе прилив горькой храбрости и зная, что храбрости не надолго хватит, спешат безо всякой надежды, надерзить начальству, богу и своей жалкой доле.

Начальник штаба в полной форме стоит на крыльце. Прикрыв воспаленные веки, он с видимым вниманием слушает мужичьи жалобы. Но внимание его не более, как прием. Как всякий вышколенный и переутомившийся работник, умеет в пустые минуты существования полностью прекратить мозговую работу. В эти немногие минуты коровье-блаженного бессмыслия, он встряхивает изношенную машину.

Так и на этот раз с мужиками»⁴.

И тут подскакал Дьяков.

«и тотчас же к нему под стремя подвалилась облезлая лошаденка, одна из обмененных козаками.

---

³ РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 403. ЛЛ. 5.

⁴ Там же.

– Вон, товарищ начальник, – завопил мужик, хлопая себя по штанам, – вон чего ваш брат дает нашему брату... Видал чего дают. Хозяйствуй на ей.

– А за этого коня, – раздельно и веско начал тогда Дьяков, – за этого коня, почтенный друг, ты в полном своем праве получить в конском запасе пятнадцать тысяч рублей, а ежели этот конь был бы повеселее, то в ефтим случае ты получил бы, желанный друг, в конском запасе двадцать тысяч рублей. Но, однако, что конь упал – это не хватк. Ежели конь упал и подымается, то это – конь; ежели он, обратно сказать, не подымается, тогда это не конь. Но, между прочим, эта справная кобылка у меня поднимется...

– О, Господи, мамуня же ты моя всемилостивая, – взмахнул руками мужик, – где ей сироте, подняться... Она, сирота, подохнет...

– Обижаешь коня, кум, – с глубоким убеждением ответил Дьяков, – прямо-таки богохульствуешь, кум, – и он ловко снял с седла свое статное тело атлета. Расправляя прекрасные ноги, схваченные в коленях ремешком, пышный и ловкий, как на сцене, он двинулся к издыхающему животному. Оно уныло уставилось в Дьякова своим крутым, глубоким глазом <...> какое-то невидимое повеление и тотчас же обессиленная лошадь почувствовала умелую силу, истекавшую от этого седого, цветущего и молодцеватого Ромео. Поводя мордой и скользя подламывающимися ногами, ощущая нетерпеливое и властное щекотание хлыста под брюхом – кляча медленно и внимательно становилась на ноги. И вот все мы увидели, как тонкая кисть в развевающемся рукаве потрепала грязную гриву и хлыст со стоном прильнул к кровотоющим бокам. Дрожа всем телом, кляча стояла на своих на четырех и не сводила с Дьякова собачьих, боязливых и влюбленных глаз.

– Значит, что конь – сказал Дьяков мужику и добавил мягко, – а ты жалился, желанный друг...

Бросив ординарцу поводья, начальник конзапаса взял с маху четыре ступеньки, и взметнув *оперным плащом*, исчез в здании штаба⁵.

Нам продемонстрировали самую архаическую форму циркового представления. Клоун (clown) ведет свое происхож-

---

⁵ Там же. ЛЛ. 5–6.

дение от латинского *colonus* — обозначения категории полувисимых крестьян времен упадка Римской империи (III в. н.э.). Позднее слово это означало просто крестьянина. И клоуном стали именовать персонаж, изображающий деревенщину — недалекого крестьянина, пришедшего на ярмарку, где его дурят и обманывают ловкие мошенники и барышники. Да еще над ним и насмеваются.

Отразился Дьяков и в «Дневнике»:

«Белёв. 13.7.20 <...>

Начальник конского запаса Дьяков — феерическая картина, красные штаны с серебряными лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона, короткие седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична, привозят из отдела снабжения, разломал стол, но достал. Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, *был атлетом*, полуграмотен, теперь «я инспектор кавалерии», генерал, Дьяков — коммунист, смелый старый буденновец. Встретился с миллионером, дама под ручкой, что, господин Дьяков, не встречался ли я с вами в клубе? Был в 8-ми государствах, выйду *на сцену*, моргну.

Танцор, гармонист, хитрец, враль, живописнейшая фигура. С трудом читает бумажки, каждый раз теряет их, одолела, говорит, канцелярщина, откажусь, что без меня делать будут, ругань, разговор с мужиками, те разинули рты.

Тачанка и пара тощих лошадей, о лошадях.

К Дьякову с требованиями, уф, заморился, раздавать белье, все в затылок, отношения отеческие, ты будешь (больному) старшим гуртовщиком»⁶.

Вот только неясно: вправду он был цирковым атлетом, или наврал бойцам своей команды?

Ладно, отправляемся дальше — новелла «Конкин». Герой преследует убегающего польского генерала, догоняет его, а тот заявляет, что готов сдаться, но саблю свою отдаст только Буденному.

«— Пан, — кричу я и плачу, и зубами скрегочу, — слово пролетария, я сам высший начальник. Ты шитья на мне не ищи, а титул есть. Титул, вон он — музыкальный эксцентрик и салонный чревоушитель из города Нижнего... Нижний город на Волге реке...

---

⁶ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 238.

И бес меня взмыл. Генеральские глаза передо мной, как фонари мигнули. Красное море передо мной открылось. Обида солью вошла мне в рану, потому, вижу, не верит мне дед. Замкнул я тогда рот, ребята, поджал брюхо, взял воздуху и понес по старинке, по-нашенскому, по-бойцовски, по-нижегородски, и доказал шляхте мое чревовещание.

Побелел тут старик, взялся за сердце и сел на землю.

– Верись теперь Ваське эксцентрику, третьей непобедимой кавбригады комиссару?..»

Старик поверил, но потом Конкин его все-таки зарубил.

Конкин упомянут Бабелем еще несколько раз, но не в книге, и не в «Дневнике», а в планах и набросках к «Конармии». Самая пространная запись выглядит так:

«Вася Рыбочкин.

Стиль – [В Белеве] – Короткие главы, насыщенные содержанием.

Конкин. Застаю бригаду в ожидании. Представление у бабюшки. Чего тебе, Масейка. – Известие за героя Василия Рыбочкина. – Приказ командарма. Другой Рыбочкин. – [Бой] Плетит казака. – Потом из боя, золотые часы, сундуки, конь. – Приеду в Нижний, эх, запылю... Сестра милосердия на лошади, [зара<за>] стерва... – Заработал комиссар. – *Карточка клоуна. Привет из Нижнего. – Всемирно знаменитый [кло<ун>] чудо-клоун и парфорсный [но] ездок-иностранец*.⁷

Парфорсная (от французского par force – «силой») езда – цирковой номер, в котором наездник выполняет акробатические упражнения на лошади, преодолевающей различные искусственные препятствия. Непонятно только, к кому относятся эти цирковые черты – к Конкину или неведомому Васе Рыбочкину? Наверное, все-таки к Рыбочкину: Конкин объявляет себя не атлетом, но чревовещателем, а часть перечисленных в наброске черт переданы персонажу новеллы «Вдова» — кучеру начдива Левке:

«Левка размешивает веткой в котелке. Он говорит:

– Приехал я в Темрюк-городок. Местность малоизвестная, братва, вся как есть, незнаемая. Работаю в цирке парфорсную

---

⁷ Там же. С. 342–343.

езду, а также атлет легкого веса. Городок, конечно, для женщины утомительный, завидели меня дамочки, стены рушат... Лев Гаврилыч, не откажите принять закуску по карте, не пожалеете безвозвратно потерянного времени...

Подались мы с одной в трактир. Требуем телятины две порции, требуем полштофа, сидим с ней совершенно тихо, выпиваем... Гляжу — суется ко мне некоторый господин, одет ничего, чисто, но в личности его я замечаю большое воображение, и сам он под мухой.

– Извиняюсь, говорит, какая у вас, между прочим, национальность?

– По какой причине, спрашиваю, вы меня, господин, за национальность трогаете, когда я тем более нахожусь при дамском обществе?

А он:

– Какой вы, говорит, есть атлет?... Во французской борьбе из таких бессрочную подкладку делают. Докажите мне свою нацию...»⁸.

Итак, как мы видим, оснований для цирковых ассоциаций реальные биографии конармейцев не дают. Разве что в одном случае, да и то сомнительном...

Какую же цель преследовал Бабель, погружая своих персонажей в цирковой антураж?

Едва ли мы встречаем здесь некий прием. Приемы оказывают свое действие немедленно, в пределах фразы — они сразу же заставляют читателя увидеть описанное под новым углом. А в собранной нами коллекции ничего подобного нет.

Видимо, речь идет о концепции более общего свойства, иначе говоря, о сюжете. Бабель не сразу пришел к тому способу описания, который мы видим в «Конармии», и на каком-то этапе попытался разрешить столкновения человека с нечеловеческими условиями существования, представив происходящее как жестокую, кровавую, но игру. А в вождях Конармии увидеть руководителей труппы, наряженных в цирковые костюмы:

«Буденный в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева» («Комбриг 2»).

---

⁸ Известия Одесского губкома. — Лит.-худож. приложение. 1923. № 1084. 15.07. С. 6.

А это — реальность:

«31.8.20. Чесники

<...>

Ворошилов и Буденный все время с нами. Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку»⁹.

Но цирк Первую Конную вместить не сумел, оставив по себе в книге разрозненные следы литературной неудачи.

Ни до, ни после «Конармии» Бабель к цирковым образам не обращался. Откуда же они здесь взялись?

Видимо, из Одессы... Вначале детское воспоминание о патриотической пантомиме «Подвиг рядового Рябова», а затем, наверное, встреча с Юрием Олешей в 1919 году. Цирковая страсть поразила Олешу с самого детства¹⁰, в 1917 году была описана в фельетоне¹¹, а завершилась революционером-канатоходцем Тибулом. И Бабель был не единственным, поддавшимся Олешину искушению — в 1934 году Ильф и Петров с Катаевым написали пьесу «Под куполом цирка» и переделали ее в сценарий, из которого родился знаменитый кинофильм Александра «Цирк». Но на сценарий он оказался до такой степени не похож, что авторы запретили указывать свои имена в титрах.

---

⁹ Там же. С. 323.

¹⁰ Олеша Ю.К. Книга возвращения. М.: Вагриус, 2006. С. 83, 278–279.

Олеша описывает и балаганный аттракцион времен русско-японской войны:

«Я еще застал ярмарочного характера зрелище. Так, я видел, как кидали мяч в картонную на шарнирах фигуру японского солдата, заставляя ее при попадании не то повалиться вверх тормашками, не то... не помню! Словом, с солдатом происходило нечто незадачливое, вызывающее хохот» (Там же. С. 89).

¹¹ Олеша Ю. В цирке // Бомба. Журнал революционной сатиры. — Одесса. 1917, № 6. С. 9.

Глава XIII

ИОСИФ УЖАСНЫЙ

Новелла «Жизнеописание Павличенки Матвея Родионыча» представлена 4-мя ранними источниками: журнальными публикациями 1924–25 гг. («Шквал». — Одесса. 1924. № 8; «30 дней». 1925. № 1), книжным текстом («Конармия», 1926)¹ и недатированной правленной машинописью².

Между правленной машинописью и печатными версиями отмечается не менее 200 разночтений, что, согласимся, для текста, занимающего менее 5 страниц, немало.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство — данная правленная машинопись не могла служить источником ни одной из известных нам публикаций.

Первостепенный интерес представляет, однако, машинописный слой, предшествующий правке.

Многочисленные его особенности — минимальная пунктуация, бездефисное написание частиц «-то» и «-нибудь», отсутствие абзацев, — спорадически отраженные в журнальных публикациях и знакомые нам по рукописям Бабеля, свидетельствуют о том, что до правки машинопись содержала тот вариант текста, который был общим для всех печатных редакций.

Иными словами, все четыре версии текста восходят к одному общему источнику — рукописному оригиналу, на пути превращения в публикации претерпевавшему разнообразные редакторско-корректорские перипетии.

Это открывает возможность реконструкции рукописного «протографа», который, несомненно, представлял собой бе-

---

¹ ИМЛИ РАН. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 3 (машинопись с правкой и подписью автора — 5 лл.).

² Шквал. — Одесса. 1924. № 8. С. [...]–5; 30 дней. 1925. № 1. С. 20–26; Бабель И. Конармия. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 69–75.

ловик, почти не сохранивший следов предшествующей работы автора над текстом.

Такая реконструкция наталкивается, правда, на одну трудность — бессистемное чередование знаков, завершающих фразу:

«– Настя, = говорю, = или вы надо мной надсмехаетесь[...]...»
(Л. 1)

В машинописи конец фразы обозначен точкой — Бабель меняет ее на многоточие.

В версии журналов «Шквал» и «30 дней» на этом месте стоит точка, а в «Конармии» 1926 года — вопросительный знак с многоточием.

«<...> расчет можешь *от меня* получить [от меня], но только не должен ли ты мне, дружок мой Матюша, какойнибудь пустаковины[.]?..» (Л. 2)

В машинописи стоит точка, Бабель ставит вместо нее вопросительный знак с многоточием. В журнале «Шквал» на этом месте стоит восклицательный знак с многоточием, в «Конармии» 1926 года — знак восклицательный, а в журнале «30 дней» — простая точка.

«И эх, любя ж ты моя, восемнадцатый годок[.]!..» (Л. 3)

В машинописи все та же точка, Бабель меняет ее на восклицание с многоточием. В «Шквале» и «Конармии» на этом месте стоит восклицательный знак, а в журнале «30 дней» — точка.

«И неужели не погулять нам с тобой еще разок, кровиночка ты моя, восемнадцатый годок[.]!» (Л. 3)

В машинописи — точка, Бабель заменяет ее восклицательным знаком. В «Конармии» тут поставлен знак вопросительный, а в «Шквале» и «30 днях» — точка!..

Объясняется этот разнобой весьма просто — в клавиатуре тогдашних пишущих машинок вопросительный и восклицательный знаки отсутствовали, и единственным обозначением конца фразы служила точка.

И Бабель вносил правку в готовую машинопись — не сверяясь с рукописью и не всегда достаточно внимательно. Та-

ким образом, однообразные машинописные копии каждый раз расцвечивались новыми пунктуационными красками. А затем в дело вступали редактор с корректором и устраняли бабелевские недоработки, например, деепричастные обороты выделяли запятыми с обеих сторон...

Куда занимательнее цензурная история. Но прежде, чем перейти к ней, позволю себе напомнить фабулу новеллы.

Некий рассказчик (по лингво-стилистическим характеристикам — явно не Лютов) высказывает намерение очертить жизненный путь красного генерала Павличенки. Но уже со второго абзаца и до самого конца рассказ ведется от первого лица — лица героя.

Итак, Матвей Павличенко служил пастухом у помещика Никитинского — вначале пас свиней, а затем был повышен до коровьего пастуха. Женился на некой Насте, после чего узнал, что за ней активно ухаживает помещик. Павличенко явился к Никитинскому и потребовал расчет, а помещик вчинил ему встречный иск — за сломанное ядро. Павличенко попросил об отсрочке долга и пропал на 5 лет. О судьбе жены, Насти, ничего более не сказано, даже имя ее в дальнейшем повествовании ни разу не упоминается. Спустя пять лет, в 1918 году, красный партизан Павличенко является к помещику и выражает готовность вернуть долг. Понимая, чем ему это грозит, Никитинский пытается откупиться, но Павличенко безжалостен и Никитинского убивает, причем весьма зверским и необычным способом — затоптав помещика насмерть. И в процессе этого топтания герой «жизнь сполна узнал».

Такой оборот событий, естественно, вызывал претензии редакторов. В частности, редактора первого книжного издания «Конармии» Д.А. Фурманова.

4 февраля 1926 года Бабель отослал ему письмо:

«Дорогой дядя Митяй.

Посылаю Конармию в исправленном виде. <...> Все твои указания принял к руководству и исполнению, *изменения не коснулись только Павличенки* и Истории одной лошади. Мне не приходит в голову, чем можно заменить “обвиняемые” фразы. Хорошо бы оставить их в “первобытном состоянии”. Уверяю тебя, Дмитрий Андреевич, никто за это к нам не придерется.

Опасные места я выбросил даже сверх нормы, например, в Чесниках и проч.»³. (курсив мой. — Б.-С.)

Сравнивая сегодня публикации рассказа с машинописью, мы можем удостовериться, что Фурманова Бабелю убедить удалось. Зато редакторы журналов оказались куда боязливее.

«И стали жить мы с Настей, как умели, а уметь мы умели. Всю ночь нам жарко было, зимой нам жарко было, всю долгу ночь мы голые ходили и друг с дружки шкуру обрывали».

Редактор одесского «Шквала» удалил выражение: «а уметь мы умели».

«<...> кровиночка ты моя, восемнадцатый годок! Расточили мы твои песни, выпили твое вино, постановили твою правду, одни писаря нам от тебя остались. И эх, люба моя, не писаря летели в те дни по Кубани и выпускали на воздух генеральскую душу с одного шагу дистанции»

В «Шквале» всякое упоминание о писарях исчезло.

«И тогда я потоптал барина моего Никитинского. Я час его топтал или более часу. И за то время я жизнь сполна узнал»

Московский журнал «30 дней» счел неудобным входить в детали расправы и — вместо «Я час его топтал или более часу» — невнятно пробормотал: «Я час с ним бился или более часу».

Зато одесского редактора покорило другое, и он истребил фразу: «И за то время я жизнь сполна узнал».

Оттого и финал рассказа:

«Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...»

— в двух журналах разный. Московский — вместо «врага час топчу» — привычно вставил: «с врагом час бьюсь», а одесский выбросил финал целиком!

Удивительным образом оказывается, что чем дальше от центра власти, тем цензура жестче!

---

³ Куванова Л.К. Фурманов и Бабель // Из творческого наследия советских писателей / Литературное наследство. Т. 74. М.: Наука, 1965. С. 509–510.

Уже полвека назад И.А. Смирин назвал прототип главного героя новеллы — это командир 6-й дивизии 1-й конной армии И.Р. Апанасенко⁴.

Впервые намерение писать об Апанасенко Бабель высказал в конармейском дневнике:

«12.8.20. Лашков <...> Надо писать <...> жизнеописание Апанасенки».

Следует сказать, что, помимо данной записи, Апанасенко упоминается в «Дневнике» еще 45 раз. Смирин привел и соответствующий недатированный фрагмент из планов и набросков «Конармии», излагающий замысел новеллы:

«[39] Жизнеописание Апанасенки.

Унтер-офицер. 4 Георгия. Сын свинопаса. — Собрал деревню. Действовал на свой страх и риск. — Соединился с Буденным. — Астраханский поход.

Послание к полкам, которое начинается так: Сволочи. Составить послание»⁵.

Нетрудно заметить, что ни один из моментов данной записи не нашел отражения в новелле. Не было приведено и каких-либо аргументов в пользу отождествления Апанасенко с героем «Жизнеописания Павличенки». Доказательства были представлены лишь в 2014 году Еленой Иосифовной Погорельской⁶.

Дело в том, что Павличенко действует и упоминается еще в 4-х конармейских новеллах — «Письмо», «Комбриг-2» («Колесников»), «Берестечко», «Чесники». И во всех газетных и журнальных публикациях, предшествовавших книжной, данный персонаж носит свое подлинное имя — Апанасенко⁷. А Павличенкой он стал только в 1926 году — в книге. Что же ка-

---

⁴ Смирин И.А. На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабеля) // Из творческого наследия советских писателей / Литературное наследство. Т. 74. М.: Наука, 1965. С. 478.

⁵ Там же. Сверено с публ.: Бабель И. Собр. соч. в 4 тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 357–358.

⁶ Бабель И. Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. (Серия: «Рукописи» [Подарочное изд.]). С. 552.

⁷ «Письмо» // Известия Одесского губкома. 1923. № 957. 11.02; ЛЕФ. 1923. № 4 (август–декабрь); «Комбриг 2» («Колесников») // ЛЕФ. 1923. № 4 (август–декабрь); «Берестечко» // Известия Одесского губкома. 1924. № 1273. 1.03;

сается разбираемого нами «Жизнеописания», то в нем герой выступал под фамилией Павличенко с самого начала. Понятно, что, рисуя своего героя в столь непрезентабельном виде, Бабель не рискнул вывести его под истинным именем. От подлинного имени — Иосиф Родионович Апанасенко — Бабель оставил только отчество: Матвей Родионович Павличенко. Но чем был продиктован выбор именно этих заместителей?

Обратимся к тексту. Павличенко является в имение Никитинского и обнаруживает там представителей «земельной власти», то есть местного самоуправления. И один из них — «по выговору <...> землемер» — обращается к Павличенко с вопросом:

«ты, товарищ Павличенко, скакал, видать, издалека, грязь пересекает твой образ, мы, земельная власть, ужасаемся такого образа, почему это такое?»

«Образ» — это, очевидно, лицо товарища Павличенко, хотя выбор слова достаточно необычен и, как мы вскоре убедимся, не случаен.

Сразу приходит на память:

<...>Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Это «Полтава», Петр. А вот тот же Петр в «Медном Всаднике»:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!

Красная новь. 1924. № 3 (апрель–май); «Чесники» // Красная новь. 1924. № 3 (апрель–май).

Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Обладатель ужасного образа Павличенко тоже прискакал в имение на коне, а перед тем спел дифирамб лошадям:

«...пять пропащих годов пропал я покуда ко мне, к пропащему, не прибыл в гости восемнадцатый годок. На веселых жеребцах прибыл он, на кабардинских своих лошадаках».

Сопоставление с царем находит и иные подтверждения. Сошедшая с ума супруга Никитинского, Надежда Васильевна, ходит по зале обряженная в бархатную корону и с шашкой наголо. И, завидя Павличенку, делает ему шашкой на караул. А отдание чести августейшей особой — это признание за чествуемым равного, то есть царского статуса. Но тогда и Никитинский царственный супруг! Что сказано о нем? То, что, встречая в горнице просившего расчет Павличенку, Никитинский «настелил на пол малиновых потничков, они малиновой царских флагов были, потнички его» и «встал над ними».

Цвета российского царского флага, как известно, черный, желтый и белый. Но так было не всегда — первое из известных нам гербовых знамен представляло собой скошенное книзу полотнище *красного* цвета. И флаг этот, как и пушкинская «Полтава», связан с воинскими подвигами императора — его изготовили в 1696 году, в преддверии второго Азовского похода Петра Первого.

Отчего же было не дать персонажу фамилию Петренко или Петриченко?

Объяснение самое простое — нежелание обнажать прием.

И Бабель присваивает Апанасенко фамилию Павличенко — святые первоверховные апостолы Петр и Павел неразрывно связаны одним церковным праздником, а Петропавловский собор в Петербурге служил усыпальницей русских царей, начиная с Петра.

Оттого и Никитинский перед смертью поминает апостолов:

«<...> жизнь наша на чортову сторону схилилась и кровь в Российской *равноапостольной* державе дешева стала <...>».

Аналогичными соображениями вызвано и именование лица Павличенки «образом», а не «ликом». «Лик» — через Пушкина — слишком прямолинейно указывал на Петра. И тогда были задействованы иные семантические связи — словосочетание «лики святых» означает «иконы», а обозначением иконы служит слово «образ».

Неслучайность выбора слов в новелле можно проиллюстрировать еще одним примером:

«<...> Матвей Родионич лежал тогда на крови под Прикумском <...>».

«Лежал на крови»... — что имеется в виду: лежал раненный в луже собственной крови? Едва ли, поскольку в машинописи за этим следует:

«так церковь Спаса лежит на древней крови».

Но уже в машинописи этот пассаж вычеркнут! Почему? Немного терпения...

На вопрос землемера, отчего образ Павличенки столь ужасен, следует ответ:

«— Потому это, — отвечаю, — земельная вы, холоднокровная власть, потому оно, что в образе моем щека одна пять годов горит, в окопе горит, в походе горит, при бабе горит, на последнем суде гореть будет...».

Сравним:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Евангелие от Матфея (5:38–39). Павличенко переворачивает Иисусову заповедь и, следовательно, он новый евангелист. Оттого и дано ему имя *Матвей*.

Зато подлинное имя — Иосиф — ушло в подтекст, и на него указывает лишь пушкинская рифма:

«Лик его ужасен.
<...> Он прекрасен»

А Павличенко добавляет:

«На последнем суде, — говорю и смотрю на Никитинского».

Значит, Павличенко прибыл в имение, чтобы вершить последний, Страшный, Божий суд.

«Он весь, как Божия гроза».

И вершит он его, как положено — «по написанному в книгах, сообразно с делами» (Откр., 20:12):

«<...> вынимаю я книгу приказов, раскрываю на чистом листе и читаю, хотя сам неграмотный до глубины души.

— Именем народа — читаю, — и для основания будущей светлой жизни, приказываю Павличенке, Матвею Родиону, лишать разных людей жизни согласно его усмотрения...».

Новейший Завет пишется с чистого листа...

Однако в новелле прослеживается еще один — нереминисцентный, а потому более важный сюжетный слой.

Выслушав просьбу Павличенки получить расчет, Никитинский отвечает:

«— Вольному воля, — говорит он мне и петушится, — я мамашей ваших, православные христиане, всех тараканил, расчет можешь от меня получить <...>».

«Тараканить» — слово редкое, не всем знакомое. В русской литературе до Бабеля его употреблял лишь один автор — Чехов Антон Павлович, да и то в частной переписке. Вот все, что удалось обнаружить. В письме редактору Н.А. Лейкину от 19 января 1886 года:

«Жениху <, который собирается *тараканить* свою невесту,> такая музыка должна быть приятна, мне же, немощному, она мешает спать»⁸.

Н.А. Лейкину, 14 мая 1887 г.:

---

⁸ С купюрами: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. М.: Наука, 1974–1983. Письма. Т. 1 (1974). С. 186.

«Благородного потомка Апеля и его <...> Рогульки прошу оставить для меня, если только он кобелек, не урод и если Ваши дворняжки не помогли Апелю **тараканить** Рогульку в период зачатия. Я приеду и возьму»⁹.

Архитектору Ф.О. Шехтелю, 4–5 июня 1887 г.:

«В Бабкине по-прежнему <**тараканить** некого>. Работы много, так что <бзднуть> некогда»¹⁰.

Ф.О. Шехтелю, 7 июня 1892 г.:

«Благодаря окаянному зелью, которое Вы подарили мне, вся моя земля покрылась маленькими членами in erecktirten Zustande¹. Я посадил зелье в трех местах, и все эти три места уже имеют такой вид, как будто хотят **тараканить**»¹¹.

А.С. Суворину, 24 или 25 ноября 1888 г.:

«Женщины, которые употребляются, или, выражаясь по-московски, **тараканятся** на каждом диване, не суть бешеные, это дохлые кошки, страдающие нимфоманией»¹².

Если не видеть в словах Никитинского эвфемистическую замену известного ругательства, то смысл высказывания таков: «Что я с вашими матерями делал, то и с вашими женами делать буду». А тогда финальная сцена новеллы получает совершенно иной смысл, поскольку применительно к птицам глагол «топтать» означает «совокупляться» — наиболее известный контекст: «петух курицу топчет»¹³.

---

⁹ Там же. Т. 2. (1975). С. 84.

¹⁰ С купюрами: Там же. С. 92.

¹¹ Там же. Т. 5 (1977). С. 74; *окайнное зелье* — порода хвоща, посаженного около террасы в Мелихове; *in erecktirten Zustande* «в эрегированном состоянии».

¹² Чудаков А. «Неприличные слова» и облик классика: О купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение. Специальный выпуск «Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней. Тексты и комментарии». 1992. С. 55.

¹³ См. еще в рассказе «Мой первый гонорар»: «Номерной гостиницы, в которой я остановился, обещал мне богатых гостей, но пока он приводит только духанщиков с вываливающимися животами... Эти люди любят свою страну, свои песни, свое вино и **топчут** чужие души и **чужих женщин**, как деревенский вор топчет огород соседа...».

В пьесе «Закат» (1926–27, сцена 6-я) ситуация, как будто, иная. Сыновья Менделя Крика (Беня и Левка), прослышав о намерении отца продать семейное предприятие и с любовницей Марусей уехать в Бессарабию, задают

И то, что здесь выбрано именно это значение, подтверждается тем, как Никитинский произносит свою сакраментальную фразу:

«– Вольному воля, – говорит он мне и *петушится*, – я мамашей ваших, православные христиане, всех *тараканил* <...>».

А происходит расправа на глазах барыни Никитинской, Надежды Васильевны, наряженной в бархатную корону с *перьями*.

Отметим, что для обозначения сексуального акта, персонажи употребляют слова из области нечеловеческого – мира насекомых и пернатых.

Становятся теперь понятными и слова Павличенки о горящей щеке – это возвращение от Благодати к Закону: око за око, зуб за зуб, за изнасилование – изнасилование.

Гомосексуальное насилие как способ смертной казни в анналах истории не значит. Единственный пример в литературе – «Епифанские шлюзы», о событиях Петровской эпохи. Писать эту повесть Андрей Платонов начал в год выхода «Конармии»¹⁴.

ему вопрос: соответствует ли это истине. В ответ Мендель громогласно объявляет:

«Люди и хозяева, вот смотрите на мою кровь, на мою кровь, которая заносит на меня руку...».

После чего «кидается на Левку, валит его с ног, бьет по лицу», и, в заключение драки, «*топчет* сына».

Можно подумать, что перед нами не более, чем избивание противника ногами. Но после того как Бенья рукояткой пистолета проламывает отцу голову, Левка, плача и топая ногой, говорит:

«Он под низ живота меня бил, сука...»

Следовательно, отец не просто избивал сына, он стремился отбить ему половые органы, т.е. оскотить, иными словами – превратить в женщину. А тогда глагол «*топтать*» выступает в своем истинном значении. И Левка, *топая* ногой, демонстрирует победу над отцом.

¹⁴ Внимание привлекает и такое многозначительное схождение:

Платонов:

«– Где ж твой топор? – спросил Перри <...>

– Топор! – сказал палач.– Я без топора с тобой управлюсь! <...>

Через час в башне загремел железом дьяк.

– Готово, Игнатий?– крикнул он сквозь дверь, притулясь и прислушиваясь.

– Обожди, не лезь, гнида! – скрежеща и сопя, отвечал оттуда палач.

– Вот сатана!– бормотал дьяк.– Такого не видал вовеки: пока лютостью не изойдет – входит страховито!»

Но увидев в словах Никитинского нечто большее, чем эвфемизм, приходится вдуматься и в их прямой смысл, поскольку буквально они означают: дети ваших матерей — мои дети. Я ваш отец. Оттого и от смерти он хочет откупиться не только перстнями, ожерельями и орденами, но и жемчужной святыней:

«— Твое, — говорит, — владей Никитинской святыней и шагай прочь, Матвей, в Прикумское твоё логово...».

Отец объявляет сына наследником. И взявшая саблю на караул безумная барыня это подтверждает — Павличенко царского рода. А царственный её супруг — царь-*батюшка*.

С чего вдруг появились здесь монархические аллюзии? Ответ — в новелле «Вечер», в просветительских лекциях редактора газеты «Красный кавалерист»:

«<...> из вагона выходит Галин для того, чтобы содрогнуться от укусов неразделенной любви к поездной нашей прачке Ирине.

— В прошлый раз, — говорит Галин, узкий в плечах, бледный и слепой, — в прошлый раз мы рассмотрели, Ирина, расстрел Николая Кровавого, казненного екатеринбургским пролетариатом. Теперь перейдем к другим тиранам, умершим собачьей смертью. Петра Третьего задушил Орлов, любовник его жены; Павла растерзали его придворные и собственный сын; Николай Палкин отравился, его сын пал 1 марта; его внук умер от пьянства... Об этом вам надо знать, Ирина...

И, подняв на прачку голый глаз, полный обожания, Галин неумоимо ворошит склепы погибших императоров»¹⁵.

Вот оно — фамилия дана Павличенке не только в память апостолов Петра и Павла, но и конкретных исторических персонажей: Петра I, убившего собственного сына, и Павла I, соб-

---

Бабель:

«И тогда я потоптал барина моего Никитинского. Я час его топтал или более часу. И за то время я жизнь сполна узнал. Стрельбой — я так выскажу, — от человека только отделаться можно, стрельба — это ему помилование, а себе гнусная л[е]ткость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я[,] бывает, себя не жалею, я бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...».

¹⁵ Текст приводится по первой публикации под заглавием «Галин» (Красная новь. 1925. № 3. — Апрель. С. 127). Приношу свою благодарность Е.И. Погорельской, обратившей мое внимание на этот фрагмент.

ственным сыном убитого. И тогда жизнеописание красного генерала — это травестия истории русской царской династии¹⁶.

А теперь пришла очередь разгадки вычеркнутого уподобления лежания Павличенко под Прикумском: «так церковь Спаса лежит на древней крови».

Таких церквей в России было ровно две: одна в Угличе, на месте гибели (убийства!) 15 мая 1591 года царевича Дмитрия, вторая в Петербурге, на месте убийства 1 марта 1881 года государя Александра II.

Об этом и речь: убийство царей-отцов и сыновей цариц!

Новая проза безжалостно кромсала прокисшее тесто старой русской литературы.

Оттого и притча о блудном сыне, пять лет неведомо где пропадавшем, кончается не прощением, а убийством — отцеубийством.

И это главный сюжет.

Бабелю не были чужды и такие коллизии. В рассказе и пьесе «Закат» сыновья решают убить Менделя Крика. Старик выжил, но превратился в слабоумного и запуганного калеку — тень человека.

Но куда важнее, что об отцеубийстве напрямую сказано в самой «Конармии» — новелле «Письмо». Там рассказано о казни белоказака Тимофея Курдюкова, и убивает его собственный сын — Семен. А перед тем Тимофей Курдюков собственноручно зарезал своего сына Федора...

И после убийства сына отец обращается к сыну младшему — мальчику Василию:

«<...> вы — материны дети, вы — ейный корень, потаскухин, я вашу матку брюхатил и буду брюхатить <...>»

---

¹⁶ См. также в новелле «История одной лошади» описание смещенного начдива Савицкого (Тимошенко): «Облитый французскими духами и *похожий на Петра Великого*, он жил в опале с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта <...>».

Родословная казачки проста — это Марта Крузе (в девичестве Скавронская), пленница фельдмаршала Шереметева, у которого ее отбил всеильный Меншиков, в свою очередь вынужденный уступить ее царю, сделавшему из нее императрицу Екатерину I. Травестийный эффект создается замещением фельдмаршала и князя евреем-интендантом.

Но куда примечательнее именник: Петр и Павла, все та же пара — Петр и Павел.

А вот это сказал Матвею Павличенке Никитинский:

«я мамашей ваших, православные христиане, всех тараканил <...>»

Мы уже говорили о грамматических странностях «Жизнеописания» — вначале обещано говорить о красном генерале Матвее Павличенке, а затем рассказ ведется от первого лица¹⁷. Обращается же рассказчик к «ребятам ставропольским, землякам моим, товарищам, рódным моим братьям».

Что же это за жанр? Ответ можно найти в конармейском дневнике Бабея:

«5.8.20. Хотин <...> Апанасенко, новая и яркая фигура, некрасив, коряв, страстен, самолюбив, честолобив, написал воззвание в Ставрополь и на Дон о беспорядках тыла, для того, чтобы сообщить в родные места, что он начдив»¹⁸.

Таким образом, «Жизнеописание Павличенки» — это послание к землякам, иными словами — письмо. Письмом является и новелла об убийстве отца мальчика Курдюкова. Более того, Курдюкову выпадает на долю повторить то, о чем писал в родные места Апанасенко — «о беспорядках тыла»:

«И что же мы увидали в городе Майкопе? Мы увидали, что тыл никак не сочувствует фронту и в ем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме».

И последний штрих — от реального Апанасенко в Павличенке осталось только отчество — Родионович. Но именно таким отчеством снабжен персонаж, заведомо выдуманный, — сыноубийца и жертва отцеубийства Тимофей Родионович Курдюков.

Не случайно, видимо, и то, что сын его, Василий, служит в «красной бригаде товарища Павличенки» (в журнальной версии — Апанасенки).

---

¹⁷ В середине новеллы повествование еще раз переключается на третье лицо и снова возвращается к «Ich-Erzählung»: «Матвей Родионыч лежал тогда на крови под Прикумском[так церковь Спаса лежит на древней крови] и оставалось от Матвей Родионыча до усадьбы Лидино пять верст последнего перехода. Я и поехал туда один, без отряда».

¹⁸ Этой своей привычке Апанасенко остался верен и в дальнейшем: *Апанасенко И.Р.* Горжусь Ставрополем. Письмо комкора землякам (из Смоленска) // *Орджоникидзева правда.* 1937. № 210. 12.09. С. 4 (с 13 марта 1937 г. по 12 января 1943 г. Ставропольский край именовался Орджоникидзевским).

Таким образом, «Жизнеописание» и «Письмо», совершенно несхожие фабульно, образуют сюжетно-жанровую пару.

Однако в книге новеллы эти занимают соответственно позиции 15-ю и 4-ю, что заведомо лишает читателя возможности ощутить их сюжетную или любую иную тесную связь.

Предположению о том, что расположение новелл в «Конармии» было изначально подчинено какому-то жесткому принципу, противоречит, видимо, история текста. Изначально, судя по всему, Бабель знал лишь, что пишет книгу, а не отдельные рассказы. Но объем и структура этой книги оставались для него весьма неопределенными, о чем свидетельствует намерение Бабеля — уже на одном из заключительных этапов — включить в книгу 50 новелл¹⁹.

«Конармия» 1926 года состоит, как известно, из 34 новелл, к моменту выхода книги уже опубликованных в периодике. В прессе же печатались не только отдельные рассказы, но и целые подборки. Были эти подборки случайными, или уже на этой стадии автором предпринимались какие-то попытки циклизации?

23 февраля 1923 года в одесских «Известиях» под рубрикой «Из книги “Конармия”» были опубликованы три рассказа: «Учение о тачанке», «Грищук» и «Кладбище в Козине»²⁰. Очевидный связующий момент прослеживается в первых двух рассказах — это фигура Грищука. В «Учении о тачанке» сообщается, что Бабель стал обладателем собственной брички и приданного к ней кучера по фамилии Грищук. В следующем рассказе излагается история самого Грищука. Но третий рассказ — «Кладбище в Козине» — никакой фабульной связи с первыми двумя не обнаруживает.

¹⁹ Согласно дневнику редактора «Конармии» Д.А. Фурманова (запись от 17 декабря 1924 г.), в ходе личной встречи Бабель обещал к 15 января 1925 года (т.е. через месяц) представить в издательство все 50 «глав сборника», причем 10 из них, уверял Бабель, будут «большие, серьезные, в них будет положительное о коннице, они должны восполнить будут пробел...». Два дня спустя, при новой встрече, Бабель это свое обещание конкретизировал: «Что я видел у Буденного — то и дал... Вижу, что не дал я там вовсе политработника, не дал вообще многого о Красной Армии — дам, если сумею, дальше. Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, свое...» (*Куванова Л.К. Фурманов и Бабель // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 74 (Из творческого наследия советских писателей). С. 506–507*).

²⁰ Известия Одесского губисполкома... 1923. № 967. 23.02. С. 6.

Тем не менее, три рассказа образуют несомненное единство: новелла «Учение о тачанке» датирована 15 июля 1920 года, «Грищук» — 16 июля 1920 года, и точно такая же дата — 16 июля 1920 года — стоит под новеллой «Кладбище в Козине». Таким образом, перед нами последовательное изложение впечатлений, накопленных за два дня конармейской жизни. И тип связи здесь совершенно ясен — это дневник. С той только разницей, что дата поставлена не перед записью, а после нее! И календарные пометы в газетно-журнальных публикациях датируют не время написания новеллы, а время *события*.

Такой, очевидно, на первых порах и представлялась Бабелю книга — конармейский «Дневник», переплавленный в прозу.

В конце того же 1923 года Бабель публикует в московском журнале «Прожектор» новую подборку из трех конармейских рассказов. Второй и третий нам известны — «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине». А первым стал «Путь в Броды». Новелла «Грищук» исчезла навсегда (она не войдет и в книгу), но связь сохранилась — это все та же фигура Грищука (в рассказе «Путь в Броды» сказано: «<...> и даже Грищук, дремавший на козлах, передвинул картуз на бок»). Примечательно и еще одно обстоятельство — в журнале «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине» лишены дат. Зато «Путь в Броды» датирован — августом 1920 года. Эти превращения могут показаться понятными — при сохранении дат двух последних новелл повествование обратилось бы вспять.

Однако, и для «Пути в Броды» публикация в «Прожекторе» не была первой — 17 июня 1923 года рассказ был напечатан в тех же одесских «Известиях» и тоже в составе подборки из двух рассказов²¹, и второе место было отдано новелле «Прищепе». И обе новеллы сопровождались датами: «Путь в Броды» — август 1920-го, «Прищепе» — июль 1920 года. В данном случае попятное движение времени Бабеля не смутило.

В книге же упомянутые новеллы размещены парами: «Путь в Броды» и «Учение о тачанке» занимают 10-ю и 11-ю позиции; «Кладбище в Козине» и «Прищепе» — 16-ю и 17-ю.

---

²¹ Литературно-научное приложение к № 100 <газеты> Известия Одесского губисполкома... 1923. 17.06. С. 1.

Весьма возможно, что композиционная структура книги отражает взаимодействие нескольких принципов. В частности место «Кладбища в Козине» и «Прищепы» определяет их последовательность в «Дневнике»:

«24.7.20

Утром – в Штарме. 6 дивизия ликвидирует противника, напавшего на нас в Хотине, район боев Хотин – Козин, и я думаю – несчастный Козин.

Кладбище, круглые камни.

Из Кривих с Прищепой еду в Лешнюв на Демидовку. Душа Прищепы – безграмотный мальчик, коммунист, родителей убили кадеты, рассказывает, как собирал свое имущество по станции. Декоративен, башлык, прост как трава, будет барахольщик, презирает Грищука за то, что тот не любит и не понимает лошадей».

Новелла «Прищепы» является одной из первых (если не первой!) из конармейских новелл, написанных Бабелем (см. главу XVI), и ее первоначальная связь с «Кладбищем в Козине» пережила все последующие перестановки...

Поэтому, принимаясь за анализ композиции «Конармии», следует быть готовым к тому, что мелочная текстологическая работа способна обесценить самые остроумные построения.

Глава XIV

СИЛА НЕБЕСНАЯ

Творческая история новеллы «Эскадронный Трунов», наверное, самая сложная из известных нам. Начнем с того, что Бабель намеревался писать совсем другой рассказ — «Их было девять». Мало того, он его написал!

Первый набросок¹ представлял собой простую переработку дневниковой записи от 30 августа 1920 года:

---

¹ Приводим текст наброска, поскольку до сих пор он был известен лишь в виде перечня разночтений и вариантов новеллы «Их было девять» (Бабель И. Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 178). Приношу свою благодарность Е.И. Погорельской любезно снабдившей меня транскрипцией автографа (в квадратный скобках — [вычеркнутый текст]).

«[Чесники]

Их было десять

Станция Завады. Это было вчера. В каменном строении, на перекрестке железнодорожных путей, засело человек тридцать поляков. Начальник штаба ввязался в это несостоящее дело. С револьвером в руках он шел впереди цепи. Я подумал: — как глупо умереть у станции Завады и пошел за начальником штаба.

Поляки бежали, завидев первую цепь. Десять человек мы захватили живыми. Их вывели в поле. Издали они похожи были на полосатое одеяло, разостланное по земле. Перед нами на коне стоял Голов, командир взвода.

— Офицера сознавайся, — сказал он и тронул поводья. Кровь стекала с его головы, как дождь со скирды. Он был ранен в лоб.

— Офицера выходи — повторил он глуше и слез с коня. [Казак стоявший рядом подал ему саблю.] Тогда из толпы пленных выступил длинный человек с обвислыми усиками.

— Край той войне, — сказал он с восторгом и заплакал. — Офицер утик, край той войне...

И длинный протянул [Голову] взводному синюю руку. На лице его отразилось [жалкий страх и] непонятное блаженство.

— Пять пальцев, — пробормотал он, рыдая, — цими пальцами я выховал мое семейство...

«30.8.20

<...>

Опять мотня. Едем с Шеко к 3-й бригаде. Он с револьвером в руках идет в наступление на станцию Завады. <...> Бой у станции. У Шеко обреченное лицо. Описать “частую перестрелку”. Взяли станцию. Едем к полотну железной дороги. 10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер. Кровь идет изо рта. Густая красная кровь в комьях, заливает все лицо, оно ужасное, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раздеты. У командира эскадрона через седло перекинута штаны. Шеко заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская фуражка. “Их было девять”. Вокруг них грязные слова. Хотят убить. Лысый хромящий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью, страшное лицо, наверное, офицер, надоедает всем, не может идти, все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские пролетарии, другой поляк — статный, спокойный, с бачками, в вязаной фуфайке, держит себя с достоинством, все допытываются — не офицер ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый путиловский рабочий, рубать их всех надо, гадов, еврей прыгает за нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем на ответственность конвоиров. Что с ними будет. Ярость путиловского рабочего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду»².

И назывался первый вариант иначе: «Их было десять». В дошедшей до нас рукописи текст обрывается на полуфразе, но этот обрыв приходится на конец листа. Последующие листы могли быть просто утрачены, поэтому сказать с уверен-

---

И он медленно с пылающими глазами взмахнул перед нами громадной и вялой своей рукой.

Голов отвел ее саблей.

— Офицера ваши, — закричал он, — бросили тут одежду. Я пробу сделаю. На кого придется — тому крышка.

Он выхватил из кучи тряпья фуражку без козырька и надвинул ее на длинного.

— Впору, — прошептал Голов, — придвинулся к пленному ближе, заглянул ему в глаза и всунул ему саблю в глотку. Длинный упал, вздрогнул и в истоме повел ногами. Из горла его забил пенистый кровавый фонтан. Румяный казачок с шелковыми волосами опустился перед умирающим на колени. Он расстегнул ему... <текст обрывается>».

² Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 320–321.

ностью, что Бабель новеллу дописал, или, напротив, бросил на середине, мы не можем. Зато второй вариант новеллы — «Их было девять» — сохранился полностью. Мы даже знаем, что работу над ним Бабель завершил 4 августа 1923 года, проживая в немецкой колонии Гликсталь (Долина счастья; окрестное население называло примыкающий к колонии овраг Черной долиной) Тернопольского уезда.

Завершил, а потом принялся кардинально переделывать.

В первой редакции новеллы эскадронный Трунов даже не упомянут — главный герой командир взвода Голов. Содержание рассказа: бессудная расправа над польскими военнопленными. Финальная сцена повествует об истреблении конармейцами пчелиных ульев, что заставляет рассказчика с горечью резюмировать:

«Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне».

Самый первый набросок начинается с указания места действия: «Чесники». Но слово «Чесники» зачеркнуто и первая фраза такова: «Станция Завады», что полностью соответствует дневниковой записи. Откуда же взялись «Чесники»?

Основу новеллы составили две дневниковых записи: одна о расправе над пленными (30 августа, станция Завады), а вторая — о пчелиных ульях, сделанная 31 августа в Чесниках. И, видимо, Бабель намеревался приурочить к Чесникам оба события, но затем решил держаться ближе к истине.

Однако, новелла «Их было девять» писателя по какой-то причине не удовлетворила (возможно, Бабель счел истребление пчел и убийство пленными несоизмеримыми). И тогда писатель решил новеллу обрामить. Рамкой послужила другая новелла — о неравном бое конармейцев с неприятельской авиацией.

В окончательном виде новелла стала выглядеть так: заглавие «Эскадронный Трунов», открывается описанием похорон Трунова, затем следуют воспоминания рассказчика об убийстве Труновым пленных, налет неприятельских аэропланов и гибель Трунова в неравном бою с ними.

А был ли этот неравный бой? В «Дневнике» Бабель о нем не упоминает, равно как и о Трунове. Об аэропланах сказано в другой записи — от 17 августа:

«<...> поляки главным образом защищаются аэропланами, они становятся грозными, описать воздушную атаку, отдаленный и как будто медленный стук пулемета, паника в обозах, нервирует, беспрерывно планируют, скрываемся от них. Новое применение авиации, вспоминаю Мошера, капитан Фонт-Ле-Ро во Львовке <...>»³.

А перед этим — подробное описание еще одной расправы с пленными, завершающееся авторским криком:

«Ад. Как мы несем свободу, ужасно»⁴.

О Мошере и капитане Фонт-Ле-Ро мы еще поговорим. А пока обратимся к новелле. Когда полякам стало ясно, что их возьмут в плен, они разделись до белья, чтобы по мундирам и знакам отличия нельзя было понять, кто из них простой солдат, а кто офицер. И вот Трунов устанавливает истину:

«— Офицеры ваши гады, — сказал эскадронный, — офицеры ваши побросали здесь одежду, на кого придется — тому крышка, я пробу сделаю...

И тут же эскадронный выбрал из кучи тряпья фуражку с кантом и надвинул ее на старого.

— Впору, — пробормотал Трунов, придвигаясь и пришептывая, — впору... — и всунул пленному саблю в глотку. Старик упал, повел ногами, и из горла его вылился пенистый коралловый ручей. Тогда к нему подобрался, блестя серьгой и круглой деревянной шеей, Андрюшка Восьмилетов⁵. Андрюшка расстегнул у поляка пуговицы, встряхнул его легонько и стал стаскивать с умирающего штаны. Он перебросил их к себе на седло,

---

³ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 306.

⁴ Там же. С. 304–305.

⁵ Такого персонажа мы ни в «Дневнике» 1920 года, ни в «Планах и набросках» не отыщем. Что же касается фамилии, то она, видимо, должна была напомнить об Эммануиле Федоровиче Семилетове, одном из самых известных донских казачьих генералов (1872–1919), в 1917 году организовавшем на Дону молодежный антибольшевистский партизанский отряд, вместе с которым он проделал Степной поход Донской армии. В дальнейшем командовал сводно-партизанской дивизией («Партизанским корпусом»), 3-й отдельной Донской добровольческой бригадой и скончался от сыпного тифа в Новочеркасске. Переименование имен белых генералов отмечено еще не менее двух раз: военный комиссар Гришин, переименовывается в Алмазов (ср. А.Н. Гришин-Алмазов — гл. X), «махновец» Гнилошуров получает свою фамилию от казачьего генерала М.Н. Гнилорыбова (см. гл. XXII).

взял еще два мундира из кучи, потом отъехал от нас и заиграл плетью. Солнце в это мгновение вышло из туч. Оно стремительно окружило Андрюшкину лошадь, веселый ее бег, беспечные качанья ее куцего хвоста. Андрюшка ехал по тропинке к лесу, в лесу стоял наш обоз, кучера из обоза бесновались, свистели и делали Восьмилетову знаки, как немому.

Казак доехал уже до середины пути, но тут Трунов, упавший вдруг на колена, прохрипел ему вслед:

– Андрей, – сказал эскадронный, глядя в землю, – Андрей, – повторил он, не поднимая глаз от земли, – республика наша советская живая еще, рано дележку ей делать, скидай барахло, Андрей...

Но Восьмилетов не обернулся даже. Он ехал казацкой удивительной своей рысью, лошаденка его бойко выкидывала из-под себя хвост, точно отмахивалась от нас.

– Измена, – пробормотал тогда Трунов и удивился, – измена, – сказал он торопливо, вскинул карабин на плечо, выстрелил и промахнулся второпях. Но Андрей остановился на этот раз. Он повернул к нам коня, запрыгал в седле по-бабьи, лицо его стало красно и сердито, и он задрогал ногами.

– Слышь, земляк, – закричал он, подъезжая, и тут же успокоился от звука глубокого и сильного своего голоса, – как бы я не стукнул тебя, земляк, к такой-то свет матери... Тебе десяток шляхты прибрать – ты вона как панику делаешь, мы по сотне прибирали – тебя не звали... рабочий ты если – так сполный свое дело...

И, выбросив из седла штаны и два мундира, Андрюшка зашопел носом и, отворачиваясь от эскадронного, взялся помогать мне составлять список на оставшихся пленных...».

Одна фраза в этом фрагменте, на первый взгляд, совершенно понятна:

«республика наша советская живая еще, рано дележку ей делать, скидай барахло».

Иными словами, трофеи являются общим достоянием трудового народа, и тот, кто республику грабит, – изменник трудовому народу.

Но имеется во фразе слово, давно и прочно вписанное в совсем иной контекст:

«Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий» (Мф 27:35);

«Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять» (Мк 15:24);

«И делили одежды его, бросая жребий» (Лк 23:34).

Бабель продолжает:

«Возясь с пленными, я истощил все проклятия и кое-как записал восемь человек, номера их частей, род оружия и перешел к девятому. Девятый этот был юноша, похожий на немецкого гимнаста из хорошего цирка, юноша с гордой немецкой грудью и с бачками, в триковой фуфайке и в егерских кальсонах. Он повернул ко мне два соска на высокой груди, откинул вспотевшие белые волосы и назвал свою часть. Тогда Андриушка схватил его за кальсоны и спросил строго:

– Откуда сподники достал?

– Матка вязала, – ответил пленный и покачнулся.

– Фабричная у тебя матка, – сказал Андриушка, все приглядываясь, и подушечками пальцев потрогал у поляка холеные ногти, – фабричная у тебя матка, наш брат таких не нашивал...

Он еще раз пощупал егерские кальсоны и взял за руку девятого для того, чтобы отвести к остальным пленным, уже записанным. Но в это мгновение я увидел Трунова, вылезавшего из-за бугра. Кровь стекала с головы эскадронного, как дождь со скирды, грязная тряпка его размоталась и повисла, он полз на животе и держал карабин в руках. Это был японский карабин, отлакированный и с сильным боем. С двадцати шагов Пашка разнес юноше череп, и мозги поляка посыпались мне на руки. Тогда Трунов выбросил гильзу из ружья и подошел ко мне.

– Вымарай одного, – сказал он, указывая на список.

– Не стану вымарывать, – ответил я, содрогаясь. – Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет, Павел...

– Вымарай одного, – повторил Трунов и ткнул в бумажку черным пальцем.

– Не стану вымарывать, – закричал я изо всех сил. – Было десять, стало восемь, в штабе не посмотрят на тебя, Пашка...

– В штабе через несчастную нашу жизнь посмотрят, – ответил Трунов и стал продвигаться ко мне, весь разодранный, охрипший и в дыму».

И вдруг Трунов —

«остановился, поднял к небесам окровавленную голову и сказал с горьким упреком: — Гуди, гуди, — сказал он, — эвон еще и другой гудит...

И эскадронный показал нам четыре точки в небе, четыре бомбовоза, заплывавшие за сияющие лебединые облака. Это были машины из воздушной эскадрильи майора Фаунт-Ле-Ро, просторные бронированные машины.

— По коням, — закричали взводные, увидев их, и на рысях отвели эскадрон к лесу, но Трунов не поехал со своим эскадром. Он остался у станционного здания, прижался к стене и затих. Андрюшка Восьмилетов и два пулеметчика, два босых парня в малиновых рейтузах, стояли возле него и тревожились.

— Нарезай винты, ребята, — сказал им Трунов, и кровь стала уходить из его лица, — вот донесение Пугачу от меня...

И гигантскими мужицкими буквами Трунов написал на косо выданном листке бумаги:

“Имея погибнуть сего числа, — написал он, — нахожу долгом приставить двух номеров к возможному сбитию неприятеля и в тоё же время отдаю командование Семену Голову, взводному”.

Он запечатал письмо, сел на землю и, понатужившись, стянул с себя сапоги.

— Пользуйся, — сказал он, отдавая пулеметчикам донесение и сапоги, — пользуйся, сапоги новые...

— Счастливо вам, командир, — пробормотали ему в ответ пулеметчики, переступили с ноги на ногу и мешкали уходить.

— И вам счастливо, — сказал Трунов, — как-нибудь, ребята, — и пошел к пулемету, стоявшему на холмике, у станционной будки. Там ждал его Андрюшка Восьмилетов, барахольщик.

— Как-нибудь, — сказал ему Трунов и взялся наводить пулемет, — ты со мной, што ль, побудешь, Андрей?..

— Господа Исуса, — испуганно ответил Андрюшка, всхлипнул, побелел и засмеялся. — Господа Исуса хоругву мать!..

И стал наводить на аэропланы второй пулемет.

А аэропланы залетали уже над станцией все круче, они хлопотливо трещали в вышине, снижались, описывали дуги, и солнце розовым лучом ложилось на желтый блеск их крыльев.

В это время мы, четвертый эскадрон, сидели в лесу. Там, в лесу, мы дождались неравного боя между Пашкой Труновым

и майором американской службы Реджинальдом Фаунт-Ле-Ро. Майор и три его бомбометчика выказали уменье в этом бою. Они снизились на триста метров и расстреляли из пулеметов сначала Андриюшку и потом Трунова. Все ленты, выпущенные нашими, не причинили американцам вреда, и они улетели в сторону, не заметив эскадрона, спрятанного в лесу».

Оказывается два отъявленных мерзавца — убийца безоружных пленных и отпетый мародер, убивавший их десятками, — на самом-то деле, герои. И сознательно жертвуют жизнью ради спасения товарищей!

Можно, конечно, выразить сомнение: могли ли летчики разглядеть эскадрон, спрятавшийся в лесу? Но вот, что совершенно бесспорно: в составе 7-й (имени Костюшко) эскадрильи, которой командовал майор Фаунт-Ле-Ро, ни одного бронированного самолета не было. Для чего же они понадобились Бабелю?

Наверное, для того, чтобы подчеркнуть бессилие человека перед западной техникой и, одновременно, провозгласить величие человеческого духа.

А, может быть, здесь кроется намек:

«На ней были *брони*, как бы *брони железные*, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала»...

«Откровение Иоанна Богослова» (9:9–10) — описание саранчи, посланной на землю Пятым Ангелом.

И тогда многое проясняется: злодеяния переполнили чашу Господнего терпения, и Бог наказывает грешников. И Трунов с Восьмилетовым понимают, что пришел час Божьего Суда, от которого не убежать. Трунов пишет последний в своей жизни приказ: «Имея погибнуть сего числа...», после чего обращается к Восьмилетову:

«ты со мной, што ль, побудешь, Андрей?..»

— Господа Иисуса, — испуганно ответил Андриюшка, всхлипнул, побелел и засмеялся. — Господа Иисуса хоругву мать!..»

Восьмилетова близкая смерть вначале напугала, а потом вызвала смех... Чему он смеялся? Тому, что Господь наказыв-

вает его при жизни, а, значит, не нужно больше мучительно ждать воздаяния за смертные свои грехи и душа его спасется.

Оттого в самом начале новеллы командир полка Пугачев надгробную свою речь над телом Трунова приносит «подняв к небу глаза, раскаленные бессонницей».

***

А теперь обещанный рассказ о майоре Фаунт-Ле-Ро (1891–1963). Был он американцем, носил фамилию Фаунтлерой (Fauntleroy), но в польских документах его неизменно величали Faunt Le Roy, или даже Faunt-Le-Roy. А звали его не Реджинальд, а Седрик (Cedric). Так что был он полным тезкой маленького лорда, придуманного в 1885 году англо-американкой Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт. С 1916 года, окончив авиашколу, воевал во Франции, а в 1920 вступил добровольцем в польскую армию, где создал 7-ю имени Тадеуша Костюшко эскадрилью и совершил 129 боевых вылетов. Был награжден Серебряным Крестом *Virtuti Militari* и за отвагу на поле боя Крестом Храбрых (*Krzyż Walecznych*).

Куда занимательнее, однако, история Франка Мошера. С ним Бабель встречался лично, о чем и оставил запись в «Дневнике»:

«Белёв. 14.7.20 <...>

Франк Мошер. Сбитый летчик американец, босой, но элегантен, шея как колонна, ослепительно белые зубы, костюм в масле и грязи. С тревогой спрашивает меня, неужели я совершил преступление, воюя с советской Россией. Сильно наше дело. Ах, как запахло Европой, кафе, цивилизацией, силой, старой культурой, много мыслей, смотрю, не отпускаю. Письмо майора Фонт-Ле-Ро — в Польше плохо, нет конституции, большевики сильны, социалисты в центре внимания, но не у власти. Надо учиться новым способам войны. Что говорят западноевропейским солдатам? Русский империализм, хотя уничтожить национальности, обычаи — вот главное, захватить все славянские земли, какие старые слова. Нескончаемый разговор с Мошером, погружаюсь в старое, растрясут тебя, Мошер, эх, Конан-Дойль, письма в Нью-Йорк. Лукавит Мошер или нет — судорожно добивается, что такое большевизм. Грустное и сладостное впечатление»⁶.

---

⁶ Там же. 240.

Можно лишь поражаться наивности Бабеля, не распознавшего, что в каждом своем слове Мошер беззастенчиво врал. Начнем с того, что и Мошером он не был, а звали его Мериан Купер (Merian Cooper). Окончив авиашколу, был направлен во Францию, где принял участие в битве у Сан-Мишеля, но осенью 1918 года был сбит и до конца войны находился в немецком плену. В августе 1919 года поступил на службу в польскую армию, успешно выполнял боевые задания, но 13 июля 1920 года у местечка Дыбице (вблизи Львова) его самолет был сбит, и Купер снова оказался в плену, на этот раз советском. На следующий день доставили переводчика — им оказался Бабель. Кроме выпытывания сведений военного характера, Бабель, как можно понять, вел с Купером private разговоры — о Европе, европейской культуре, Польше, политике — и даже пытался американца распропагандировать. Затем Купера послали в концлагерь Владыкино под Москвой, но до места назначения он не доехал — вместе с двумя польскими лейтенантами сбежал, дождался поезда на Ригу и был таков. А в 1933 году поставил фильм по собственному сценарию — «Кинг-Конг», о гигантской обезьяне, похитившей блондинку и павшей в неравном бою с аэропланами... Киноведы не исключают, что образ Кинг-Конга был навеян воспоминаниями о Первой Конной и пребывании в советском плену.

Но в жизнеописании Мериана Купера имеется еще одна деталь, имеющая непосредственное отношение к разбираемой нами новелле. Дело в том, что, попав в плен и зная об отношении красноармейцев к офицерам, Купер скрыл свое истинное имя и воинское звание (капитан) и выдал себя за капрала Фрэнка Мошера. Оказалось, что Красный Крест жертвовал Польше немалое количество подержанного армейского нижнего белья, и Куперу досталась пара, на которой стояло имя бывшего владельца⁷. А теперь вспомним селекцию военнопленных в новелле: офицеры разделись до белья, чтобы стать неотличимыми от солдат. Но Восьмилетов разоблачает обладателя неподобающе дорогого егерского белья, а Трунов пулей из карабина разносит юноше череп.

---

⁷ *Batuman E. Babel in Caliphornia // Happiness ten years on n+1. NY: Farrar, Straus & Giroaux, 2014. P. 100–102.*

Глава XV

ЧИСТИЛИЩЕ

«Конармия» должна была вот-вот выйти в свет¹, и Бабель поспешил опубликовать новеллу «Измена», единственную, миновавшую страницы периодики. Причем успел тиснуть дважды — в ленинградской «Вечерней Красной газете»² и в харьковском альманахе «Пролетарий»³, снабдив обе «Измены» подзаголовком: «Неизданная глава из “Конармии”». Что такое «Конармия» — уточнений уже не требовало.

Фабула новеллы, на первый взгляд, довольно нелепа. Это письмо конармейца Балмашева следователю Бурденко. Прибыв в госпиталь, автор письма и двое его земляков-сослуживцев отказываются пройти санобработку и сдать оружие. И вот со всеми своими вшами и шашками они вламываются в больничную палату, где их глазам открывается нечто неподобное: грудастые сестры милосердия, несущие на подносах какао, пехотинцы в больничных халатах, наевшие пузо и встречающие израненных конармейцев подлыми насмешками, что, мол, и вы, герои, отвоевались. Затем, обманом опоив конармейцев сонным порошком, медсестры их переодевают в больничное. Но, проснувшись, красные герои, под предлогом отправления естественной надобности, выходят на площадь и врываются в уездный ревком, где находят гражданина Бойдермана, занятого, видите ли, бракосочетанием неких совслужащих и слышать не желающего про засевших в госпитале изменников. Впав от такой нечуткости в бессознательное состояние, герои выходят на площадь, спешивают и разоружают милиционера, а затем, углядев в окошке ухмыляющегося врача, открывают

---

¹ Согласно «Книжной летописи» вышла не позднее 25 мая 1926 г.

² Красная газета. Веч. вып. 1926. № 62. 13.03. С. 2.

³ Пролетарий. Лит.-худ. альм. Харьков, 1926. С. 127–132.

огонь по госпиталю. О дальнейших событиях автор письма умолчал, но можно понять, что буянов, наконец-то, повязали.

Е. Добренко видит в письме Балмашева политический донос, в связи с чем вынесенное в название слово «измена» можно квалифицировать как злонамеренное подведение идеологической базы под конфликт пациентов с госпитальным начальством. И констатирует:

«“Измена” не только героем связана с “Солью”, она продолжает и завершает сквозную тему “Конармии”: раскрытие и дискредитация мифологизированного мышления, основанного на кичливой дикости, подозрительности, жестокости»⁴.

К сожалению, метод Сквожения и Алисе оказался не по зубам, поэтому сосредоточимся на мелочах.

Во-первых, отметим поучительный опыт Е.И. Погорельской по установлению реальных событий, отраженных в новелле «Измена»⁵. А события происходили следующие. 15 июля 1920 года ревтройка города Черкассы отбила Реввоенсовету 1-й Конной армии телеграмму:

«Больные и раненые красноармейцы Первой Конной армии, прибывающие в Черкассы, вносят полную дезорганизацию в работу Советвласти, руганью и угрозами оружия терроризируют ответственных работников как в учреждениях, так равно и на улицах, театрах, госпиталях, не считаясь с нашими заявлениями и угрозами, врываются на фабрики и хозяйственные организации и самовольно берут, делают, что им заблагорассудится. Местная власть не в силах прекратить подобные явления и просит принять надлежащие меры»⁶.

И такое творилось повсюду — например, в Житомире. В ночь с 11-го на 12 августа воинские команды, каждой из которых были приданы уполномоченный и 5 агентов ВУЧК, получили приказ навестить госпитали.

Предписание:

---

⁴ Добренко Е. Логика цикла // Беляя Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Российский университет, 2004. С. 87–88.

⁵ Погорельская Е. Комментарии // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита нова, 2014. С. 562–563.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 612.

«Каждый отряд» при военком госпиталю отправляется к месту назначения в 4 часа утра в боевом порядке и, прибыв на место назначения, окружает здание госпиталя, заняв все входы и выходы. Уполномоченный, агенты, военком госпиталя с незначительной частью из отряда входят в госпиталь и в вежливой форме находящимся там больным предлагают выдать имеющееся у них оружие, как огнестрельное, так и холодное, и, несмотря на сдачу, уполномоченному и имеющимся в его распоряжении агентам произвести тщательный обыск в помещениях красноармейцев для изъятия как оружия, так и всего незаконно хранящегося.

В случае неисполнения приказа о сдаче и сопротивления, начальник отряда принимает все меры к предотвращению применения оружия и, в крайнем случае, под личной ответственностью как строевого начальника отряда, уполномоченного и военкома госпиталя принять карательные меры по изъятию сопротивляющихся»⁷.

И приказ был выполнен, о чем свидетельствует «Резолюция раненых бойцов 1-го Хирургического госпиталя имени тов. Буденного», направленная в Реввоенсовет и, как отмечено Е.И. Погорельской, служащая иллюстрацией к новелле:

«Мы, раненые бойцы, просим обратить внимание Реввоенсовета на следующие возмутительные явления, выразившиеся со стороны местных властей. 12 августа с/г в 3 часа ночи вдруг без всякого предупреждения военкома или политрука был оцеплен госпиталь войсками. Выставлены были пулеметы, а также выставлены были часовые у дверей каждой палаты. Во время обстрела госпиталей раненые красноармейцы, не зная, откуда производится стрельба, стали бросаться к дверям. Но часовые силой оружия заставили обратно войти их в палаты. Такой случай был со стороны красного офицера, который также наставлял револьвер к груди раненого красноармейца. Расспрашивая часовых, что это происходит, некоторые из них говорили, что на город Житомир напали бандиты. Спустя несколько минут они стали производить обыск оружия, переворачивая матрацы под ранеными, которые, растревоженные этим, начали стонать от боли ран. А на втором этаже

---

⁷ РГВА. Ф. 245. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

раненые, услышав эти стоны, стали волноваться, думая, что внизу убивают их товарищей. Несмотря на все угрозы часовых, начали бежать на низ по направлению к улице, дабы спасти свою жизнь.

Общее собрание ранбольных бойцов признает этот порядок неорганизованным и незаконным, нарушающим спокойствие госпиталя. Подобный поступок мог повести <к> весьма нежелательным результатам, к столкновению обеих сторон.

А потому просим Реввоенсовет 1-й Конной армии произвести строжайшее расследование по поводу этих действий и привлечь виновников произвола к ответственности и что впредь таких случаев действий над ранеными бойцами не было.

Общее собрание признает, что подобные явления могут отразиться на фронте»⁸.

А теперь зададимся вопросом: кто такой Балмашев? В «Дневнике» мы такого не находим. Однако, в личной беседе, Леонид Кацис обратил наше внимание на его однофамильца — Балмашева Степана Валериановича, студента Киевского университета, 2 апреля 1902 года, за сутки до своего 21-го дня рождения, убившего министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Через месяц Балмашева повесили, сделав его первым политзаключенным, казненным при Николае II.

Сам Степан Балмашев к террору относился отрицательно, в чем и признался на допросе:

«Террористический способ борьбы я считаю бесчеловечным и жестоким, но он является неизбежным при современном режиме»⁹.

И просить о помиловании тоже отказался, заявив, что:

«должен идти на казнь, иначе подача прошения поселит раздор в партии; одни будут обвинять его, другие — защищать и много сил потратят на такое ничтожное дело, смерть же его объединит всех»¹⁰.

---

⁸ РГВА. Ф. 245. Оп. 19. Д. 4. Л. 1.

⁹ *Вайнберг И.И.* За горьковской строкой: реальный факт и правда искусства в романе «Жизнь Клима Самгина». М.: Советский писатель, 1976. С. 186.

¹⁰ Там же. С. 187.

Если Бабель действительно соотносил своего Павла Балмашева с террористом начала века и его взглядами на смерть, это резко меняет всю оптику новеллы.

И, первым делом, требует ответа вопрос: в чем заключается измена?

Итак, едва живые конармейцы попадают в госпиталь. Что же они видят?

«Немилосердные сиделки <...> трясут <...> молодыми грудями и несут нам на блюдах какаву, а молока в этом какаве хоть залейся».

Здесь, что ни слово, то символ. «Немилосердными» сиделки названы оттого, что не отвечают идеалу сестер милосердия — монашек без признаков пола.

Молодые груди и какао с немереным количеством молока — образ блаженного сосущего младенчества.

«Мы увидели красноармейцев, исключительную пехоту, сидящих на устланных постелях, играющих в шашки».

Постели означают отдых и покой.

Игра в шашки — это боевое кавалерийское оружие, превращенное в игрушку. А о войне пациенты госпиталя ни думать, ни слышать не хотят. И напрасно взывает к ним Павел Балмашев:

«— Рано, — говорю я раненым, — рано ты отвоевалась, пехота, когда враг на мягких лапах ходит в пятнадцати верстах от местечка и когда в газете “Красный Кавалерист” можно читать про наше международное положение, что это одна ужась, и на горизонте полно туч. Но слова мои отскочили от героической пехоты, как овечий помет от полкового барабана».

Здесь снова игра словами: овцы испражняются твердыми мелкими катышками, которые называют «овечьим горохом». И овечий помет, отскочивший от *полкового* барабана, — это милитаризованный парафраз выражения «как об стенку горох», обозначающего полную невосприимчивость к доводам собеседника.

А затем коварные сиделки опаивают героев сонным порошком, но те, очнувшись, продолжают свою яростную борь-

бу — сбегает из госпиталя и идет в уездный ревком требовать... «поголовное удостоверение личности»! Не получив какого, потеряли сознание и в бессознательном состоянии разоружили милиционера и обстреляли госпиталь...

Что же произошло на самом деле? А то, что конармейцы попали не в госпиталь, они уже в раю, но продолжают яростно отстаивать свое право на жизнь. И от предуревкома они требуют удостоверить то, что они еще живы!

Примечательно и место действия новеллы — местечко Козин, ничем, кроме кладбища, в «Конармии» не обозначенное. А измена —

«мигает нам из окошка, вот она насмешничает над грубым пролетариатом, но пролетариат, товарищи, сам знает, что он грубый, нам больно от этого, мы хотим жить, мы хотим умереть, душа горит и рвет огнем тюрьму тела и острог постылых ребер...».

«Мы хотим жить» — такое заявление вопросов не вызывает. Но за ним следует: «мы хотим умереть»... Нужно ли это понимать, как желание умереть в борьбе за пролетарское дело? Едва ли, потому что сказано: «душа горит и рвет огнем тюрьму тела и острог постылых ребер».

Перед нами совершенно особый взгляд на вещи — гностический. Мир создан двумя богами. Один бог ветхозаветный, он создал мир материальный. А со вторым богом был заключен завет Новый. Это бог Духа. Душа человеческая заключена в материальную оболочку, тело. И «острог постылых ребер» — не просто грудная клетка. Это клетка в самом полном смысле слова — тюрьма души. И цель человека освободить свою душу из телесной тюрьмы, вернуться к Создателю.

Доктрина, несомненно, еретическая... Но при чем здесь пролетариат? Обратимся к мельком упомянутому (в главе X) Федору Степуну, религиозному социалисту:

«<...> душа пролетариата представляется религиозному социализму местом наиболее вероятного перерождения окончательно обесмысленной жизни, в жизнь, обретающую высший смысл»¹¹.

---

¹¹ Степун Ф.А. Религиозный социализм и христианство // Путь. — Париж. 1931. № 29. Август. С. 28.

Это, правда, написано в 1931 году, но религиозных социалистов в России и без Степуна хватало... Да и в революционной мистике недостатка не было (см., напр., описание культа смерти и соответствующего радения в отряде матроса Железняка 1917 года¹²).

А изменниками объявлены те, кто выше всего ставит не дух и душу, а материальные блага. Или, скажем, соль... Чтобы провезти куль соли в эшелоне, женщина пошла на гнуснейший обман — выдала куль за младенца, а себя за его мать. Поэтому вместо нее коноармейцы, изнасиловали двух невинных девиц. И, обнаружив подлог, Балмашев женщину казнил. Как его тезка министра Сипягина.

Кстати, присущая религиозным социалистам невозможность порвать с марксизмом тоже не случайна — марксизм, хоть и необычная, но несомненно гностическая доктрина¹³.

И еще одна деталь: трое раненых конармейцев не только соживцы, но и земляки — из кубанской станицы Иван Святой.

Станицы с таким названием в Кубанской области никогда не было, да и быть не могло! Станица — слово женского рода, и название носит соответствующее, в форме притяжательного прилагательного: Благовещенская, Динская, Куцевская, Лабинская...

Почему же Бабель дал ей название Иван Святой?

Святой Иоанн — автор 4-го Евангелия, гностического. Написал он еще одну книгу: «Откровение Иоанна Богослова» или «Апокалипсис», о гибели мира и Страшном Господнем Суде, когда все души человеческие покинут постылый телесный плен и тлен.

И тогда становится понятным финал новеллы:

«Измена, говорю я вам, товарищ следователь Бурденко, смеется нам из окошка, измена ходит разувшись в нашем дому, измена закинула за спину щиблеты, чтобы не скрипели половицы в обворовываемом дому. Но мы отдерем половицу, вос-

---

¹² Бонч-Бруевич В.Д. Страшное в революции: По личным воспоминаниям. М.: Огонек, 1926. (На обл.: Бонч-Бруевич В.Д. Недавнее). (Б-ка «Огонек». № 149). С. 20–24.

¹³ Бар-Селла З. Марксизм как нетипичная гностическая доктрина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — Eichstätt. 2004. № 1 <http://www1.ku-eichstaet.de/ZIMOS/forum/inhaltrussl.html>

ставшую против невинной грубости нашей, и мы нальем черной крови в сапоги, обученные не скрипеть...».

Последняя фраза сохранилась лишь в одной публикации — харьковского альманаха «Пролетарий».

«Половица», восставшая против невинной грубости пролетариата, — это прозрачный псевдоним белогвардейского подполя. Но кровь у него не белая, не голубая, а черная.

Глава XVI

ОГОНЬ

Новелла «Прищеп» одна из самых кратких (в издании 1926 г. она насчитывает всего 38 строк). До того, как войти в книгу, новелла была напечатана дважды — в журнале «ЛЕФ»¹ и в одесских «Известиях»². Сохранился и машинописный оригинал «лефовской» публикации³.

Поскольку пересказ содержания займет почти столько же места, что и сама новелла, приведем ее текст полностью (в основу положена архивная машинопись).

Прищеп

Пробираюсь в Лешнюв, где расположился штаб дивизии. Попутчик мой попрежнему Прищеп — молодой кубанец, неумительный хам, вычищенный коммунист, будущий барахолщик, беспечный сифилитик, неторопливый враль. На нем малиновая черкеска из тонкого сукна и пуховый башлык, закинутый за спину. По дороге он рассказывал о себе. Мне не забыть его рассказа⁴.

Год тому назад Прищеп бежал от белых. В отместку они взяли заложниками его родителей и убили их в контр-разведке. Имущество расхитили соседи. Когда белых прогнали с Кубани,⁵ Прищеп вернулся в родную станицу.

---

¹ «ЛЕФ». 1923. № 4 (август–декабрь). С. 72; номер вышел в свет в январе 1924 г.

² «Известия Одесского губкома». 1924. № 1301. 6.04. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 2852 (О.М. Брик). Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 7.

⁴ Изв. Од. — «Мне не забыть его рассказа» заменено на: «Рассказа его мне не забыть».

⁵ Изв. Од. — [.] заменено на: [-]

Было утро, рассвет, мужичий сон вздыхал в прокисшей духоте. Прищепа подрядил казенную телегу и пошел по станице собирать свои граммофоны, жбаны для кваса и расшитые матерью полотенца. Он вышел на улицу в черной бурке с кривым кинжалом за поясом, телега плелась сзади. Прищепа ходил от одного соседа к другому⁶ и кровавая печать его подошв тянулась за ним следом. В тех хатах, где козак⁷ <sic!> находил вещи матери или чубук отца,⁸ –⁹ он оставлял подколотых старух, собак, по[к]вешенных над колодцем[.]¹⁰ <sic!> и иконы, загаженные пометом. Станичники, раскуривая трубки, угрюмо следили его путь. Молодые козаки¹¹ <sic!>. рассыпались в степи и вели счет. Счет разбухал¹² и станица молчала. Кончив –¹³ Прищепа вернулся в опустошенный отчий дом. Отбитую мебель он расставил в порядке, который был ему памятен с детства¹⁴ и послал за водкой. Запершись в хате¹⁵ он пил двое суток, пел, плакал и рубил шашкой столы. На третью ночь станица увидела дым над избой Прищепы. Опаленный¹⁶ и рваный, виляя ногами, он вывел из стойла корову, вложил ей в рот револьвер и выстрелил. Земля курилась под ним, голубое кольцо пламени вылетело из трубы и растаяло, в конюшне зарыдал оставленный бычок. Пожар сиял, как воскресенье. Прищепа отвязал коня, прыгнул в седло,¹⁷ бросил в огонь прядь своих волос и сгинул.

Демидовка, июль, 1920.¹⁸

Наше внимание сразу останавливает вторая фраза новеллы: «Попутчик мой попрежнему Прищепа <...>».

«Попржнему»... Но ни до, ни после имя Прищепы в книге не упоминается! По всей видимости, перед нами след еще од-

⁶ К-26 – вставка: [.]

⁷ ЛЕФ, К-26 – «козак» «заменено на: «казак» <sic!>

⁸ Изв. Од. – [.] устранено

⁹ К-26 – [-] устранено

¹⁰ ЛЕФ, К-26 – вставка: [.]

¹¹ ЛЕФ, К-26 – «козаки» «заменено на: «казак» <sic!>

¹² К-26 – вставка: [.]

¹³ К-26 – [-] заменено на: [.]

¹⁴ К-26 – вставка: [.]

¹⁵ К-26 – вставка: [.]

¹⁶ К-26 – «опаленный» заменено на: «опаленный» <sic!>

¹⁷ Изв. Од. – [.] устранено

¹⁸ К-26 – «Демидовка, июль, 1920[.]» устранено

ной новеллы, написанной, но в книгу не вошедшей. В «Дневнике» о Прищепе написано куда более подробно — описаны его наглое поведение в еврейском доме, куда он вместе с Бабелем был помещен на постой, неудержимая его похоть и изумляющая Бабеля податливость женщин прищепиному натиску... Видимо, это и было содержанием утраченной новеллы...

Но в «Дневнике» мы находим и то, что прямо касается разбираемого нами текста:

«24.7.20 <...>

Из Кривих с Прищепой еду в Лешнюв на Демидовку. Душа Прищепы — безграмотный мальчик, коммунист, родителей убили кадеты, рассказывает, как собирал свое имущество по станице. Декоративен, башлык, прост как трава, будет барахольщик, презирует Грищука за то, что тот не любит и не понимает лошадей».

«25.7.20

Утром отъезд из Демидовки.<...>

Едем с Прищепой, рассказ Прищепы <...>»

А среди «планов и набросков» имеется еще один текст, правда, дошедший до нас в весьма неудовлетворительном виде — оторвана вся правая часть страницы (а в конце фрагмента, на л. 34, — повреждено и начало 4-х строк):

Л. 33

Мы приехали в Демидо
путчиком был простой *как трава и свир* Прищеп
тельный хам, безграмо
ративное пятно, будущи
ный сифилитик и нет
[бел] красную черкеску
[ба] белоснежный
тый за спину. Всю дор
мне о том, как он с
[в родной] по станице
тоин [чт] того, чтобы
Кубань пришли бел
его родители были
в контр-разведке

щено соседями.
вернулся в родну
ноармейцем, под

Л. 34

полотенца. Он вышел
ной черкеске с кривым
<...>оясом, телега с мебелью
ди. Прищепца ходил от
и кровавый [след] отпечаток его подошв
[путь.] В тех хатах где
цыплят своей матери
отца — он оставлял
черепа младенцев,
повешенных над
иконы загаженные
<...>убатые старики, пону-
<...>юмо следили его путь,
ница молчала п. ч.]
казаки рассыпались
хал и станица молчала
<...>улся в свой опустошен
вил отбитую у соседей мебель]¹⁹

Сравнение с опубликованным текстом новеллы позволяет
заполнить большую часть лакун²⁰:

Л. 33

Мы приехали в Демидо<вку, по->
путчиком был простой *как трава и свир<епный>* Прищепца
<, *неутоми-*>
тельный хам, безграмо<мотный __ деко->
ративное пятно, будущи<й *барахольщик, беспеч-*>
ный сифилитик и нет<оропливый враль>
[бел<ый>] красную черкеску <__>
[ба<шлык>] белоснежный <*башлык, закину-*>
тый за спину. Всю дор<орогу он рассказывал>

---

¹⁹ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 355 — 356.

²⁰ *Жирный курсив* — авторская вставка; [текст, вычеркнутый автором];
<восстановленный текст>; <__> — текст, не поддающийся восстановлению.

мне о том, как он с **<обирал свое имущество>**
 [в родной] по станице **<_____ (?) дос->**
 тоин [чт**<обы>**] того, чтобы **<_____ Когда на>**
 Кубань пришли бел**<ые, Прищепа бежал. В отместку>**
 его родители были **<взяты в заложники и убиты>**
 в контр-разведке**<, имущество раста->**
 щено соседями. **<Когда белых прогнали, он>**
 вернулся в родну**<ю станицу крас->**
 ноармейцем, под**<дрядил телегу и пошел собирать**
|| свои граммофоны,
|| жбаны для кваса и
|| расшитые матерью>

Л. 34

полотенца. Он вышел **<в крас->**
 ной черкеске с кривым **<кинжалом за>**
<п>оясом, телега с мебелью **<сза->**
 ди. Прищепа ходил от **<дома к дому>**
 и кровавый [след] отпечаток его подошв **<_____ [обозначал>**
 путь.] В тех хатах где **<находил>**
 цыплят своей матери **<или чубук>**
 отца — он оставлял **<разбитые>**
 черепа младенцев, **<собак,>**
 повешенных над **<колодцами, >**
 иконы загаженные **<пометом. _____>**
<ч>убатые старики, пону-
<ро и угр>юмо следили его путь, **<[ста->**
 ница молчала п**<отому>** ч**<то>**] **<Молодые>**
 казаки рассыпались **<в степи. Счет разбу->**
 хал и станица молчала **<Прищепа вер->**
<н>улся в свой опустошен**<ный дом, [<раста->**
 вил отбитую у соседей мебель]

Восстановление стало возможным ввиду исключительной близости двух текстов — рукописного и печатного. А из этого следует, что «Прищепа» — единственный образчик конармейской новеллы, которую Бабель писал сразу и набело (до сих пор мы располагали лишь рукописными вариантами новеллы «Эскадронный Трунов», в которых от редакции к редакции менялось все, начиная с заглавия).

В рукописи «Прищепы» мы находим необычное сочетание: «ное пятно». Сравнение с дневниковой записью («Декоративен, башлык, прост как трава») позволяет восстановить здесь «<декоратив>ное пятно». Откуда взялось пятно на белоснежном башлыке, да к тому же декоративное?

Ответ ясен — из Гоголя:

«первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. *Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения*».

Кубанские казаки от запорожцев свой род и ведут.

Литературе обязана своим происхождением и «малиновая (первоначально «красная») черкеска». Это воспоминание о Лермонтове и Кавказских войнах.

«Лермонтов принял <...> начальство над охотниками, выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии. Эта команда головорезов, именовавшаяся “лермонтовским отрядом”, рыская впереди главной колонны войск, открывала присутствие неприятеля, как снег на головы сваливаясь на аулы чеченцев и, действуя исключительно холодным оружием, не давала никому пощады. Лихо заломив белую холщовую шапку, вечно расстегнутом и без погон сюртуке, из-под которого выглядывала красная канавусовая рубаха, Лермонтов на белом коне не раз бросался в атаку на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов и ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь, служа этим для своих подчиненных лучшим примером воздержания. Современник говорит, что Лермонтов в походе не обращал внимания на существовавшую тогда форму — отпустил баки и бороду и носил длинные волосы, не зачесывая их на висках»²¹.

---

²¹ Ракович Д. Тенгинский пехотный полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900. С. 247–248.

Бойцы «лермонтовского отряда» назывались «командой охотников» и, отправляясь на дело — вырезать горские аулы, надевали красные рубахи, на которых не так видны совсем не декоративные пятна крови. Кстати, как гласит биографическое предание, Лермонтов проводил «минуты отдыха» со своими головорезами оттого, что офицеры полка отказывались находиться с ним в одной палатке (их представлению об офицерской чести претило убийство безоружных).

На пути от рукописи к печати текст Бабеля несколько смягчился. Машинописному варианту:

«В тех хатах, где козак находил вещи матери или чубук отца, — он оставлял подколотых старух, собак, по[к]вешенных над колодцем[,] и иконы, загаженные пометом».

соответствует куда более безжалостное рукописное:

«В тех хатах где *<находил>* цыплят своей матери *<или чубук>* отца — он оставлял *<разбитые>* черепа младенцев, *<собак,>* повешенных над *<колодцами,>* иконы загаженные *<пометом.>*»

Это уже не месть — это Господне наказание:

«Дщерь Вавилонская, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!

Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень»²².

Но главная загадка новеллы — это ее финал:

«Прищепа вернулся в опустошенный отчий дом. Отбитую мебель он расставил в порядке, который был ему памятен с детства, и послал за водкой. Запершись в хате, он пил двое суток, пел, плакал и рубил шашкой столы. На третью ночь станица увидела дым над избой Прищепы. Опаленный и рваный, виляя ногами, он вывел из стойла корову, вложил ей в рот револьвер и выстрелил. Земля курилась под ним, голубое кольцо пламени вылетело из трубы и растаяло, в конюшне зарыдал оставленный бычок. Пожар сиял, как воскресенье. Прищепа отвязал коня, прыгнул в седло, бросил в огонь прядь своих волос и сгинул».

---

²² Thehilim, 137; Пс. 136.

На брошенную Прищепой в огонь прядь собственных волос обратили внимание многие. Франк О'Коннор усмотрел здесь отражение универсальной эпической модели:

«That might easily be an incident in an Irish or Icelandic saga»²³

Патрисия Карден опознала здесь «ритуальное неистовство (frenzy)» разрушения²⁴, а Мария Ланглебен открыла русскую сказку, в основание которой положен индоевропейский (по версии Вяч. Вс. Иванова²⁵ и В.Н. Топорова²⁶) погребальный обряд²⁷.

Правда, назвать конкретную сказку или привести сходный пример сжигания собственных волос и последующего исчезновения никто из указанных авторов не сумел.

Можно, конечно, сойти с пути язычников и обратиться к Книги Иезекииля (5:1–4):

«А ты, сын человеческий, возьми себе острый нож, бритву брадобреев возьми себе, и води ею по голове твоей и по бороде твоей, и возьми себе весы, и раздели волосы на части.

Третью часть сожги огнем посреди города, когда исполнятся дни осады; третью часть возьми и изруби ножом в окрестностях его; и третью часть развеи по ветру; а Я обнажу меч вслед за ними.

И возьми из этого небольшое число, и завяжи их у себя в полы.

Но и из этого еще возьми, и брось в огонь, и сожги это в огне. Оттуда выйдет огонь на весь дом Израиля».

Бритье волос символизирует позор (2Цар 10:4–5) и опустошение (Ис 7:20), а разнообразия виды уничтожения сбритых

---

²³ O'Connor F. The Lonely Voice: A Study of the Short Story. London: Macmillan & Co., 1963. P. 198.

²⁴ Carden P. The Art of Isaak Babel. Cornell Univ. Press, 1972. P. 96–97

²⁵ Иванов Вяч. Вс. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 5, 8.

²⁶ Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 17.

²⁷ Ланглебен М. Срединный стержень в Конармии Бабеля: «Кладбище в Козине» и «Прищеп» // Russian Literature. 2000. Vol. XLVII. Fasc. 2. P. 30–33.

волос, пророк раскрывает какими способами Господь свершит свой суд над Иерусалимом и Иудеей.

Поскольку Прищепа не пророк и не еврей, такое объяснение вряд ли применимо к его поступку.

Каков же смысл этого поступка?

Собрав свое расхищенное станичниками имущество, Прищепа осуществил революционную заповедь об экспроприации экспроприаторов. Следующим шагом должно было стать возвращение к мирной жизни... Но нет: после двухдневного запоя Прищепа все свое имущество — дом, живой и мертвый инвентарь — поджег и уничтожил. Обратим внимание и на одну странность: корову Прищепа приканчивает, вложив ей в рот револьвер и выстрелив. Но крупных животных так не убивают — им стреляют в ухо... И невозможно представить, чтобы служа в Конармии, Бабель не стал свидетелем многих и многих случаев ликвидации смертельно раненных или безнадежно загнанных лошадей, как сам и описал в новелле «Афонька Бида»:

«<...> к лошади подошел Маслак, вставил револьвер ей в ухо и выстрелил».

А револьвер вкладывают в рот только люди, желающие покончить с собой с полной гарантией... И символика странной коровьей смерти немедленно раскрывается.

Устроив всеожжение, Прищепа принес искупительную жертву. А потом бросил в огонь частицу себя — прядь волос. То есть сам себя принес в жертву — взошел на костер. И тут же сгинул! Жертва была принята.

О пламени, в котором сгорали дом и имущество Прищепы сказано:

«Пожар сиял, как воскресенье».

С обыгрыванием двойной семантики слово «воскресенье» (день недели и воскресение) мы уже сталкивались (см. главу VI «Список кораблей»).

О каком воскресении идет речь здесь?

Все, что Прищепа истребляет огнем, — это мертвая материя и живая плоть. И ключ к этому тот же самый, что заперал новеллу «Измена», — гностический:

«пролетариат, товарищи, сам знает, что он грубый, нам больно от этого, мы хотим жить, мы хотим умереть, душа горит и рвет огнем тюрьму тела и острог постылых ребер...».

В этом смысл воскресения и сюжет новеллы: свобода, освобождение души, томящейся в темнице тела! Оттого пролетариат и стал классом-гегемоном — кроме цепей, приковавших к земной юдоли, ему нечего терять.

Глава XVII

НИЗВЕРЖЕНИЕ В ХАОС

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки...

Алексей Сурков «Конармейская» 1939 года... «Замостье»
понадобилось Суркову для рифмы на слово «кости».

Остальное —

Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки...

— смесь преувеличений (на конармейскую эпоху пришелся всего один атаман Войска Донского — Богаевский Африкан Петрович) и исторической лжи — в сражении за Замостье победу одержали как раз поляки.

А вот другое произведение конармейской классики — новеллу Бабеля «Замостье» (наряду с «Кладбищем в Козине») — Евгений Добренко квалифицирует как совершенно загадочное¹. Чуть ниже он, впрочем, отмечает, что «Кладбище в Козине» все-таки «может быть понято», и даже объясняет, как такого понимания достичь:

«...“Кладбище в Козине” — не “восточная экзотика”, как ее часто трактуют. В контексте цикла эта зарисовка не просто обретает некий бытийный смысл. Она — призма, через которую преломилось “Жизнеописание Павличенки”...».²

---

¹ Добренко Е.А. Логика цикла // Беляя Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Российский университет, 2004. С. 40.

² Там же. С. 67.

Мы, со своей стороны, тоже пытались разобраться с «Кладбищем в Козине» (глава IX) и «Жизнеописанием Павличенки» (XIII), но указанной связи между ними не обнаружили. И это нам чести не делает... А с «Замостью» дела обстоят еще хуже:

«...все необычно в “Замостье”»: отсутствие характеров, сюжета, подчиненного каузальным связям, конфликта, наконец, новеллистические “рамки” (в этом смысле рядом с “Замостью” можно поставить лишь “Кладбище в Козине”)³.

Не найдя сюжета и рамок, Добренко решил отыскать здесь хотя бы что-то общечеловеческое — эстетику и мировоззрение. Эстетика оказалась абсурдистской, а мировоззрение пессимистическим⁴.

Присутствие в рассказе абсурдистской эстетики вытекает из того, что рассказчик периодически задремывает, а пробудившись с изумлением озирает место, где оказался; в сновидениях он созерцает себя то умершим, то живым и спящим... Понятно, что непрспавшийся герой и действительность воспринимает неадекватно. И тогда Добренко приходит к выводу: течение событий в рассказе подчинено требованиям не просто абсурдистской эстетики, но эстетики совершенно конкретной — театра абсурда. Что и подтверждает цитатой: театр абсурда — это «непосредственная передача чувства шока, возникающего при осознании полной бессмысленности действительности и человеческого существования»». Цитата представляется Добренко настолько авторитетной, что даже не требует указания на источник. Мы этот источник отыскали⁵ и не впечатлились. А если бы впечатлились, непременно отметили революционную роль новеллы «Замостье» в мировой культуре. Ведь ранее считалось, что до идеи театра абсурда додумались лишь обэриуты в 1930-е годы, а европейцы — те и вовсе в 50-е! А тут — апрель 1924-го!

Но обратившись к самой новелле, мы убедимся, что во многом Добренко прав: отсутствуют в ней и внятный сюжет, и (если мы правильно понимаем термин «новеллистические

---

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 87–88.

⁵ Кириллова М. Абсурда драма // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. Т. 9 (дополнительный). 1978. Стб. 21.

“рамки”)») фабула... Имеется лишь последовательность «картин»:

Конармия осаждает Замостье, штаб расположился в голом поле, льет дождь, засыпающий герой ложится в наполненную водой яму, которую сам называет могилой; герою снится, что он лежит в сарае, к нему является знакомая женщина по имени Марго, но герой не способен пошевелить ни одним членом или издать хоть какой-то звук; Марго заявляет, что герой мертв, и тот понимает, что женщина права; герой просыпается и едет к солдатам, стоящим в цепи; из-за линии фронта слышится странный звук, и герой понимает, что поляки убивают евреев; солдат-конармеец заявляет, что после войны евреев почти не останется; герой едет в тыл, входит в какой-то дом, требует у хозяйки еды, та приносит кувшин молока и хлеб, герой приступает к трапезе, но поляки наступают, и он со своим спутником бежит. По дороге спутник констатирует: «Мы проиграли кампанию». Всё.

Единственное общее в перечисленных эпизодах — это присутствие в каждом из них героя.

Вот художественное повествование:

«Начдив и штаб его лежали на скошенном поле в трех верстах от Замостья. Войскам предстояла ночная атака города. Приказ по армии требовал, чтобы мы ночевали в Замостье, и начдив ждал донесений о победе.

Шел дождь. Над залитой землей летели ветер и тьма. Все звезды были задушены раздувшимися чернилами туч. Изнеможенные лошади вздыхали и переминались во мраке. Им нечего было дать».

Сравним с описанием этого события в «Дневнике»:

«29.08. <...> Подходим к Замостью. Страшный день. Дождь-победитель не затихает ни на минуту. Лошади едва вытягивают. Описать этот непереносимый дождь. Мотаемся до глубокой ночи. Промокли до нитки, устали,<...> Мы сидим на полях, ждем донесений, несутся мутные потоки.<...>

30.08. <...> Мы в 3-х верстах от Замостья, ждем взятия города, будем там ночевать. Поле, ночь, дождь, пронизывающий холод, лежим на мокрой земле, лошадям нечего дать, темно»⁶.

---

⁶ Бабель И. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 320–322.

Отличия налицо: в рассказе дожди, лившие два дня подряд, сбиты в один дождь и день. А описанная в дневнике ночевка на мокрой земле в рассказе оборачивается сном в месте еще более мокро — яме, наполненной водой.

Не ближе к истине и эмоциональный рассказ о добывании еды:

«– Вина, — сказал я хозяйке, — вина, мяса и хлеба! <...>

– Ниц нема, — ответила она равнодушно. — И того времени не упомяну, когда было.

<...>

Я <...> вынул спички из кармана и поджег кучу соломы на полу. <...>

– Что ты делаешь, пан? — сказала старуха и отступила в ужасе. <...>

– Я спалю тебя, старая, — пробормотал я <...>, — тебя спалю и твою краденую телку.

– Чекай, — закричала хозяйка высоким голосом. Она побежала в сени и вернулась с кувшином молока и хлебом.

Мы не успели съесть и половины, как во дворе застучали выстрелы».

На самом деле обошлось без поджогов и намного сытнее:

«Мечта осуществляется. Старый растерянный поляк со старухой. <...> Испуг чрезвычайный, все сидели в погребах. Масса молока, масла, лапша, блаженство. Я каждый раз вытаскиваю новую пищу. Замученная хорошая старушка. Восхитительное топленое масло. Вдруг обстрел, пули свистят у конюшен, у лошадей»⁷.

А встречу с красавицей Марго (не иначе, королевой...) навели французские романы, в изобилии брошенные в поместье Кулагковского на подъезде к Замостью. Так что не логику абсурда мы здесь видим, а, скорее, образец махровейшего реализма...

Имеется в повествовании еще один момент, явно значимый — о евреях:

«...в двух шагах от нас лежала передовая цепь. Мне видны были трубы Замостья, вороватые огни в теснинах его гетто и

---

⁷ Там же. С. 322.

каланча с разбитым фонарем. Сырой рассвет стекал на нас, как волны хлороформа. Зеленые ракеты взвились над польским лагерем. Они затрепетали в воздухе, осыпались, как розы под луной, и угасли.

И я услышал отдаленное дуновение стога. Дым потаенного убийства бродил вокруг нас.

– Бьют кого-то, – сказал я, – кого это бьют?..

– Поляк тревожится, – ответил мне мужик, – поляк жидов режет... <...> Жид всякому виноват, – сказал он, – и нашему, и вашему. Их после войны самое малое количество останется. Сколько в свете жидов считается?

– Десять миллионов, – ответил я <...>

– Их двести тысяч останется, – вскричал мужик».

Этот фрагмент никаких оснований в реальности, то есть в дневнике не имел. Откуда же он взялся? Ключевое слово здесь – Замостье.

Дело в том, что этот город казаки стремились захватить не впервые. В 1654 году к нему уже подступали казаки Богдана Хмельницкого. Города взять не смогли и удовлетворились выкупом в 20 тысяч злотых. Но перед тем разгромили множество еврейских общин в соседних местечках. Рассказ об этом содержится в хронике Натана Ганновера «Пучина бездонная» («Yaven meula»), изданной в Венеции в 1653 году. И Бабель с этой хроникой несомненно был знаком, что явствует из рассказа «Дорога» (цит. по рукописи):

«Рядом со мною дремали, сидя, учитель Иегуда Вейнберг с женой. Учитель женился несколько дней тому назад и увозил молодую в Петербург. Всю дорогу они [вор>ковали] *шентались* о комплексном методе преподавания, потом заснули. Руки их и во сне были сцеплены, вдеты одна в другую.

Телеграфист прочитал их мандат, подписанный Луначарским, вытащил из-под дохи маузер с узким и грязным дулом и выстрелил учителю в лицо. За спиной телеграфиста топтался сутулый, большой мужик, в развязавшемся треухе. Начальник мигнул мужику, тот поставил на пол фонарь, расстегнул убитого, отрезал ему ножиком половые части и стал совать их в рот его жене.

– Брезговала трэфным, – сказал телеграфист, – кушай кошерное.

У женщины вздулась мягкая шея. Она мычала⁸ <...>⁹

А это источник (глава «Бедствия св. общины Замостье»):

«...была большая резня, и много тысяч евреев было убито. В св. общине Кременец один злодей взял нож еврейского резника и зарезал им несколько сот еврейских детей. Он спрашивал своего приятеля: кошерное ли это мясо или тrefное? Когда тот отвечал: “тrefное”, он бросал тело ребенка собакам. Потом брал другого мальчика на бойню, резал его, тогда приятель говорил: “кошерное”. Они подвергали мясо осмотру (как это поступают с мясом козлят и овец) и, надев его на шест, носили по всем улицам города, возглашая: “Кто хочет купить козлятину или овечину”? Господь да отомстит за их кровь»¹⁰.

Но в новелле отразился еще один источник:

«Шел дождь. Над залитой землей летели ветер и тьма. Все звезды были задушены раздувшимися чернилами туч».

Сравним:

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий (“руах Элоhim”) носился над водою» (Быт 1:2).

На самом деле, сходств еще больше, поскольку в оригинале слово «Дух» (в сочетании «Дух Божий») — это «руах», что значит «ветер».

Какой цели служит здесь аллюзии из Священного Писания? Вернемся к разговору о евреях:

«Жид всякому виноват, — сказал он, — и нашему, и вашему. Их после войны самое малое количество останется. Сколько в свете жидов считается?»

– Десять миллионов, — ответил я <...>

– Их двести тысяч останется, — вскричал мужик»...

Прозрениями своими мужик, конечно, обязан Илье Эренбургу и 11-й главе популярнейшего романа «Необыкновенные похождения Хулио Хуренито» (1922):

---

⁸ В публикации журнала «30 дней» (1932. № 3): «молчала»!

⁹ РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 3.

¹⁰ [Боровой С.Я.] Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничны». Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 119.

«Сегодня я хорошо потрудился. Дело идет на лад. Теперь можно немного отдохнуть и поболтать. Только раньше, чтобы не забыть, я заготовлю текст приглашений, а ты, Алексей Спиридонович, снесешь их завтра в типографию «Унион»».

Пять минут спустя он показал нам следующее:

«В недалеком будущем состоятся торжественные сеансы уничтожения еврейского племени в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих иных местах.

В программу войдут, кроме излюбленных уважаемой публикой традиционных погромов, реставрированные в духе эпохи сожжение евреев, закапывание их живьем в землю, опрыскивание полей еврейской кровью, а также новые приемы «эвакуации», «очистки от подозрительных элементов» и пр., пр.

Приглашаются кардиналы, епископы, архимандриты, английские лорды, румынские бояре, русские либералы, французские журналисты, члены семьи Гогенцоллернов, греки без различия звания и все желающие. О месте и времени будет объявлено особо.

Вход бесплатный».

«Учитель! — воскликнул в ужасе Алексей Спиридонович. — Это невысказано!»

«Двадцатый век, и такая гнусность! Как я могу отнести это в «Унион», — я, читавший Мережковского?»¹¹.

И Учитель объясняет, как и почему:

«Евреи выносили нового младенца. Вы увидите его дикие глаза, рыжие волосики и крепкие, как сталь, ручки. Родив, евреи готовы умереть. Героический жест — «нет больше народов, нет больше нас, но все мы!» О, наивные, неисправимые сектанты! Вашего ребенка возьмут, вымоют, приденут — и будет он совсем как Шмидт. Снова скажут — «справедливость», но подменят ее целесообразностью. И снова уйдете вы, чтобы ненавидеть и ждаты, ломать стенку и стонать «доколе?»

Отвечу, — до дней безумия вашего и нашего, до дней младенчества, до далеких дней. А пока будет это племя обливаться кровью роженицы на площадях Европы, рожая еще одно дитя, которое его предаст.

---

¹¹ Эренбург И. Собр. соч. в 8-ми тт. М.: Художественная лит-ра, 1990. Т.1. С.296.

<...> Прольется еврейская кровь, будут аплодировать приглашенные гости, но по древним нашептываниям она горше отравит землю. Великое лекарство мира!»¹²

За пять дней Господь создал свет, землю, небо и тварей, а в день шестой — венец Творения: человека. А затем из всех избрал тех, которых возлюбил душой, — избранный народ. Богом избранный. И потому гибель евреев — это не убийство народа, даже не убийство Человека вообще... Это Конец Мира, провал в беспросветный хаос, отмена Творения.

А значит попытка сотворения нового мира провалилась. Равно как и попытка обращения Европы в новую веру.

Еще не очнувшись от наркотического сна и кошмарных ночных фантазий, бежит от Замостья конармия...

«Обозы бежали, ревели и тонули в грязи. И утро сочилось на нас, как хлороформ сочится на госпитальный стол».

И финал — неотвратимое пробуждение:

«— Мы проиграли кампанию, — бормочет Волков и всхрапывает.

— Да, — говорю я».

---

¹² Там же. С. 300-301.

Глава XVIII

РАСКЛАД

В новелле «Замостье», сразу за описанием библейского довременного хаоса, следует продолжение:

«Изнеможенные лошади вздыхали и переминались во мраке. Им нечего было дать. Я привязал повод коня к моей ноге, завернулся в плащ и лег в яму, полную воды. Размокшая земля открыла мне успокоительные объятия могилы. Лошадь натянула повод и потащила меня за ногу. Она нашла пучок травы и стала щипать его. Тогда я заснул».

Могильные мысли ведут рассказчика дальше, и ему снится, что он умер. А когда проснулся, увидел, что сон был, как будто, и не сон:

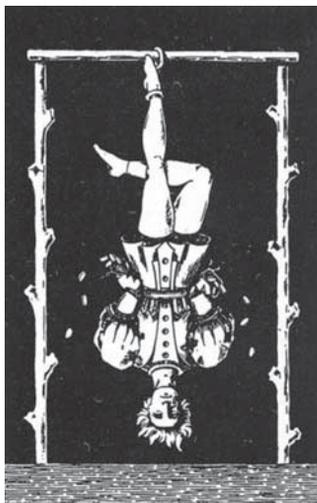
«Спина лошади черной перекладной резала небо. Повод тугой петлей сжимал мою ногу, торчавшую вверх».

Перекладина, петля, торчащая вверх нога... Знакомая картина, вернее картинка:

«Два обуглившихся ствола дерева, некогда сожженные молнией, с шестью коротко обрубленными сучьями на каждом из них, поддерживают жердь *в виде перекладки, на которой висит привязанный за левую ногу Повешенный*. Правая нога его заложена за левую так, что они образуют крест. Руки связаны за спиной и вместе с откинутой головой они образуют треугольник вершиной вниз»¹.

---

¹ Шмаков В.А. Священная книга Тота: Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма: Опыт комментария. М., 1916. С. 268.

Карта Таро «Повешенный»
(аркан XII)

Карта Таро, XII Старший Аркан. А авторитетный маг спешит раскрыть и тайный смысл изображения:

«...для еврейских каббалистов, этот повешенный, соответствующий их двенадцатому догмату, учению об обещанном Мессии — протест против признаваемого христианами Спасителя»².

Как видим, толкование недалеко ушло от сюжета новеллы... Имеется, правда, одна неувязка: карта XII несет на себе букву «Ламед», которая в еврейском алфавите обозначает цифру «30». А новелла «Замостье» занимает в книге 29-е место!

Но канонический текст «Конармии» сложился не сразу. И не только последовательность, но и само число новелл могло меняться. Например, в 1923 году под шапкой «Из книги “Конармия”» была напечатана подборка из трех новелл³. Две из них — «Учение о тачанке» и «Кладбище в Козине» — вошли в книгу, а третья, поставленная между ними, — «Грищук» — из оборота выпала⁴. Как будто и не было ее никогда. Но из газетной публикации следует, что, по крайней мере, в 1923 году свое место в книге она занимала... А потом место это опустело, и оказалось, что новелла «Замостье» занимает уже не 30-ю позицию, а 29-ю...

Но в колоде Таро не один Старший Аркан, а 22 — по числу букв еврейского алфавита. Отразились ли в «Конармии» остальные карты?

Аркан I. Названия варьируются: «Маг», «Шут», «Единство». Символ — буква «Алеф». Цифровое значение — 1.

² Леви Э. [А.Л. Констан] Учение и ритуал высшей магии. Т. 1. Учение / Пер. А. Александрова. СПб.: Центр. книжн. склад для иногородних, 1910. С. 203.

³ Известия Одесского губисполкома. 1923. № 967. 23.02. С. 6.

⁴ О первоначальном порядке следования новелл см. гл. XI.

На карте изображен старик с посохом или путник, держащий на плече палку с котомкой. Элифас Леви называет персонажа карты «Вступающий», связывает его с «Изумрудной Таблицей» Гермеса Трисмегистоса и уверяет, что карта ставит перед гадателем вопрос:

«кто — ты, держащий в руках эту книгу и собирающийся прочесть ее?»⁵...

Раскроем «Конармию» — «Переход через Збруч», *первая новелла, открывающая книгу и повествующая о вступлении в Польшу.*

Аркан II. Названия: «Изида», «Гнозис», «Папесса», «Врата Святилища». Символ — буква «Бет». Цифровое значение — 2.

Изображение:

«Пред массивным каменным пилоном — входом в храм, на гладком полированном кубическом камне сидит Женщина; ее обнаженное тело невольно поражает своим восковым, янтарным, полупрозрачным цветом <...> Непосредственно сзади Женщины на фоне пилона ясно вырисовываются две могучие колонны, поддерживающие портал»⁶.

«Конармия», новелла *вторая*: «Костел в Новограде»...

Карта Таро Шут, Маг, Вступающий (аркан I)

Карта Таро Врата Святилища, Изида, Папесса, (аркан II)

⁵ Леви Э. Указ соч. С. 43.

⁶ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 81.

Карта Таро Император,
Иегова (аркан IV)

средней золотисто-зеленой и верхней голубой, в правой руке держит жезл Венеры, левой же рукой, у которой три пальца соединены вместе, а четвертый отогнут в сторону, указывает на положение ног. Его правая нога заложена за левую и они образуют крест. Сзади Него <...> камень кубической формы, на нем изображен орел, у которого одно крыло опущено, а другое горизонтально, а по биссектрисе угла висит символ, известный под именем "ключа великого иерофанта". Нижняя переключидна кровавого цвета, вторая зеленого, третья оранжевого; петля и вертикальная часть белого цвета <...> Одежания повелителя сверкали белизной, вокруг шеи виднелась серебротканая пелерина, ноги были босы»¹⁰.

«Конармия», новелла *четвертая*: «Начальник конзапаса».

Образ начальника конзапаса Дьякова явно пародиен: место Великого Мужа с многоцветной короной, облаченного в белые одежды со серебротканой пелериной занял «красноро-

«На кухне встретила меня *пани* Элиза, экономка иезуита. Она дала мне *янтарного* чаю с бисквитами. Бисквиты пахли, как распятие»⁷.

«В глубине сада зияют раскрытые *ворота костела*. Я колеблюсь, задыхаюсь и вхожу»⁸.

«Храм древен, полон тайны»⁹.

Аркан IV. Названия: «IIII» (Тетраграмматон — произносимое имя Бога), «Forma», «Auctoritas», «Adaptatio», «Император». Символ — буква «Далет». Цифровое значение — 4.

Изображение:

«Могучий Муж, увенчанный тройной короной фараонов страны Кеми, нижней красно-фиолетовой,

⁷ Известия Одесского губисполкома. 1923. № 963. 18.02. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 121.

жий, седоусый» проходимец «в черном плаще и с серебряными лампасами вдоль красных шаровар». Сказано и о ногах: «прекрасные ноги, схваченные в коленях ремешком». Ключ Великого Иерофанта превращен в хлыст. Впрочем, и в облике Дьякова, Великий Муж не утратил чудотворных способностей: издыхающее животное

«установилось в Дьякова своим крутым, глубоким глазом, слизнуло с его малиновой ладони какое-то невидимое повеление и тотчас же обессиленная лошадь почувствовала умелую силу, истекавшую от этого седого, цветущего и молодцеватого Ромео. Поводя мордой и скользя подламывающимися ногами, ощущая нетерпеливое и властное щекотание хлыста под брюхом — кляча медленно и внимательно становилась на ноги».

Аркан V. Названия: «Magister Arcanorum (Повелитель Арканов)», «Magnetismus Universalis (Вселенский Магнетизм)» или «Scientia Boni et Mali (Наука Добра и Зла)», «Quintessentia», «Vir (Муж)», «Великий Иерофант», «Natura Nuturans (Природа Творящая — синоним Бога), «Religio», «Папа».

Символ — буква «he». Цифровое значение — 5.

Изображение:

«На площади перед храмом стоит огромная толпа; <...> С левой стороны прохода стоит сравнительно немногочисленная группа людей, по-видимому жрецов; на груди у них блистают на солнце драгоценными камнями разнообразные знаки и украшения. В конце правого прохода на сочной зеленой траве стоит колесница, запряженная парой белых коней. Кузов колесницы обит ярко вычищенной медью и на нем вырисовывается рельефный Андреевский крест, в центре которого виднеется солнце с лучами. В величественном портике храма между

Карта Таро Великий Иерофант, Папа (аркан V)

двух небольших дверей, зияющих темными отверстиями, на возвышении, обитом красным сукном, стоит трон, сделанный из желтого дерева <...> Перед тронном стоят два человека. Первый из них шатен; его волосы густой волной ниспадают во все стороны; он одет в мягкую кожаную куртку со множеством складок и подпоясан широким кожаным поясом; на ногах кожаные сандалии с ремнями. Этот человек с красным цветом лица глубоко склонился и как бы застыл в этом положении; все лицо его проникнуто благоговением и восторженностью. Второй человек брюнет, <...> на его лице играет загадочная улыбка, в которой чувствуется уважение, смешанное с насмешкой; руки его заложены за спину и скованы цепями.

<...> на троне сидит иерофант, человек лет 25; в его лице чувствуется что-то женственное. <...> Иерофант одет в золотканые одежды; сидя на самом краю трона, он наклонился вперед, правой рукой благословляя двух людей, но, в то же время, приподнятым указательным пальцем дает знак молчать»¹¹.

«Конармия», новелла *пятая* — «Пан Аполек».

Рассказана история иконописца, сделавшего лики святых неотличимыми от облика местных прихожан. Приглашенные ксендзом именитые граждане («сравнительно немногочисленная группа людей, по-видимому жрецов») приходят в ужас от росписи нового храма и художника изгоняет. Приехавшая через год из Житомира комиссия ксендзов («на сочной зеленой траве стоит *колесница*, запряженная парой белых коней. Кузов колесницы обит ярко вычищенной медью и на нем вырисовывается рельефный *Андреевский крест*») обнаруживает в каждой хате богохульные иконы. По мнению vicария дубенского и новоконстантиновского, богомаз — самый настоящий еретик, еще при жизни произведший нераскаявшихся грешников в ранг святых. Но высшее церковное начальство старается дело замять («Перед тронном стоят два человека. <...> Иерофант <...> наклонился вперед, правой рукой благословляя двух людей, но, в то же время, приподнятым указательным пальцем дает знак молчать»).

А перед тем — вместо платы за еду и питье — художник дарит жене хозяина шинка ее портрет и обещает: «я вернусь, чтобы переписать красками этот портрет. К волосам вашим

---

¹¹ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 132–133.

подойдут жемчуга, а на груди мы припишем изумрудное ожерелье» (ср.: «*на груди у них <жрецов> блистают на солнце драгоценными камнями разнообразные знаки и украшения*»). В заключение пан Аполек сообщает рассказчику утаенную попами подлинную историю жизни Иисуса (ошибся викарий — не еретиком был Аполек, а ересиархом). К рассказчику же он обращается: «пан писарь». Но это не русское слово *писарь*, а польское *pisarz* «писатель»...

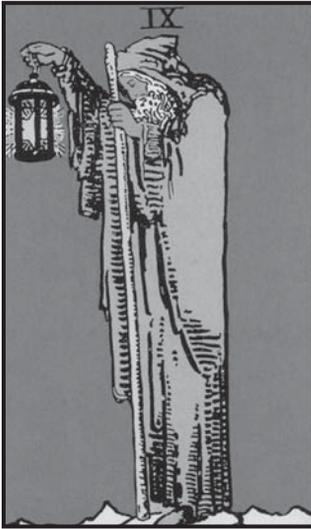
Аркан VI. Названия: «Methodus Analogiae (*Метод Аналогии*)», «Libertas (*Свобода, Воля*)», «Возлюбленный».

Символ — буква «Вав». *Цифровое значение* — 6.

Карта Таро Возлюбленный или Свобода, Воля (аркан VI)

«Большая полноводная река омывает высокие желтые скалы; огромные горы вплотную подошли к ней и почти вертикально обрываются вниз, причем во многих местах массивы утесов свешиваются над водной поверхностью. <...> Большой остров разделяет реку на два рукава. На его мысе видна группа из трех людей. Впереди стоит юноша, и во всей его позе видна нерешительность, происходящая не из недостатка воли, а как бы из сознания невозможности в принципе определенного решения. С правой стороны юноши видна девушка с распущенными роскошными белокурыми волосами <...> Слева от юноши стоит женщина, она почти совсем обнажена <...> Девушка с теплой лаской и тихой грустью во взоре стремится увести с собой юношу. В женщине видно огромное сознание своей силы, которое сначала может показаться надменностью. <...> В женщине также чувствуется грусть, но эта грусть иного характера, чем у девушки. Здесь она переходит в какую-то глубокую тоску, в какое-то горькое сознание, и хотя она тщательно скрывает свое горе, все же это чувствуется. <...> На небе ярко сияет солнце, но на не-

Карта Таро Защитники,
Сокрытое, Отшельник(аркан IX)

го надвигается огромная свинцовая туча. Воздух тих и мертвенно неподвижен, как это бывает перед сильной грозой»¹².

«Конармия», новелла *шестая* — «Солнце Италии».

Герой новеллы Сидоров пишет письмо своей *возлюбленной* Виктории:

«...вы ведь, Виктория, невеста, которая никогда не будет женой. Вот и сентиментальность, ну ее к распростакой матери.

Теперь будем говорить дело. В армии мне скучно. <...> Употребите ваше влияние, Виктория. Пусть отправят меня в Италию. <...> В Италии земля тлеет. Многое там готово.

Недостает пары выстрелов. Один из них я произведу. Там нужно отправить короля к праотцам. Это очень важно. <...>

В Цека, в Наркоминделе вы не говорите о выстрелах, о королях. <...> Скажите просто, — он болен, зол, пьян от *тоски*, он хочет *солнца* Италии и бананов».

Аркан IX. Названия: «Protectores (*Защитники*)», «Initiatio (*Совершение таинств*)», «Prudential Lux (*Свет Благоразумия*)», «Occultata (*Сокрытое*)» или «Lux in Occulto (*Свет, брошенный на Скрытые Тайны*)», «Отшельник».

Символ — буква «Тет». Цифровое значение — 9.

Изображение:

«Бесконечная выжженная солнцем пустыня <...> Огненный диск медленно движется по небосклону и знойными лучами своими как раскаленными иглами проникает повсюду и убивает всякий проблеск жизни. Песчаные холмы и груды камней стелятся длинными волнами; между ними чуть заметно вьется тропинка, покрытая песчаной пылью, скрывающей все следы. Медленной походкой, опираясь на посох с едва заметными

¹² Шмаков В.А. Указ. соч. С. 151.

тремя сучками, идет по тропинке старик. Длинная борода ниспадает до пояса, голова, почти лишенная волос, полуприкрыта капюшоном. <...>. Крепко прижав к груди, как бы боясь уронить бесценное сокровище, прижимает старик старую ржавую лампу, в которой ярким светом горит масло. Ровным шагом не глядя никуда идет тот странник по дороге; глаза его тусклы, почти не видно граней зрачков, но где-то в глубине, далеко, чудится истинный светоч за ними»¹⁵.

«Конармия», новелла *девятая* — «Рабби».

Рабби — хранитель *древней мудрости*. Борода его — «желтый пух». Глаза старика прикрыты веками, лишь на мгновение он приподымает их и снова сидит с *закрытыми глазами*.

Аркан XV. Названия: «Logica», «Nahash Fatum (Роковой Змий)», «Typhon», «Дьявол».

Символ — буква «Самех». Цифровое значение — 60.

Изображение:

«Два человека, совершенно обнаженных, мужчина и женщина, стоят, обратившись друг к другу, со связанными за спиной руками. Руки опустились беспомощно, головы склонены вниз, а из-под густых распавшихся волос женщины видна толстая веревка, одним концом связывающая ее живот, а другим петлей, надета мужчине на шею.

<...> На большом шаре сидит Бафомет с женскими грудями и козлиной головой. Между двух темных изогнутых рогов виден факел с тремя языками пламени <...> На лбу под факелом матовым перламутровым светом переливается эволютивная пентаграмма. Грудь Бафомета обвивают две змеи, одна подняла голову кверху, другая книзу. Своими телами эти змеи на животе

Карта Таро Бафомет, Дьявол (аркан XV)

¹⁵ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 213.

образуют полукруг. <...> на его фоне виден серебряный крест с распятой розой. Под ним видна птица гага, вырывающая пух из груди, чтобы дать тепло своим птенцам»¹⁴.

«Конармия», новелла *пятнадцатая* — «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча».

Павличенко — «красный генерал». Этому соответствует «эволютивная пентаграмма», т.е. перевернутая — лучом вниз — пятиконечная звезда на лбу Бафомета. Кстати, первоначально официальная эмблема Красной армии так и выглядела (см. фотографии 1918 г., запечатлевшие Л.Д. Троцкого и В.И. Чапаева). Связанные друг с другом одной веревкой мужчина и женщина соответствуют супругам Никитинским. Убитый на глазах жены Никитинский, как мы показали (гл. XI), был отцом главного героя. Родительский этот мотив находит соответствие в образе птицы гаги, вырывающей пух на собственной груди, чтобы устроить гнездо своим птенцам.

Аркан XVI. Названия: «Eliminatio Logica (Уточнение Логики)», «Constructio astralis (Астральное построение)», «Destructio physica (Физическое разрушение)», «Turris destructa (Рухнувшая Башня)» или «Turris fulgurate (Башня, разрушенная молнией)», «Богадельня».

Символ — буква «Айн». Цифровое значение — 70.

Изображение:

Карта Таро Башня, разрушенная молнией (аркан XVI)

«Средь широкого поля, засеянного рожью, высится высокая каменная башня, у которой последний камень только что положен. На башню горделивой поступью взшел человек, одетый в мантию, с короной на голове. Исполненный самодовольства, он горделиво окинул взглядом все кругом и на мгновение остановил свой взор на бедно одетом человеке, почтительно склонившемся у

¹⁴ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 332.

подножия круглой башни. В этот миг из маленького, чуть заметного облачка на ясном небе грянули две молнии. Одна из них ударила в основание башни и поразила стоявшего около нее человека; он упал навзничь, и в предсмертной судороге правая нога согнулась в колене, а правая рука закрыла лицо. Другая молния расчленила башню надвое, сверху донизу, и сбросила стоявшего наверху ее человека, полетевшего вниз стремглав, вытянув правые руку и ногу, а левые согнув в локте и колене»¹⁵.

«Конармия», новелла *шестнадцатая* — «Кладбище в Козине».

«...В стороне, под дубом, *размозженным молнией*, стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана Хмельницкого».

Название «Богадельня» дано карте по ошибке, из-за неверного перевода французского *La Maison-Dieu* «Дом Божий», что означает Храм. Как и все старинные наименования этой карты — Рухнувшая Башня, Сгоревший Храм, Пламя и даже французское *Le Temple foudroyés* («Храм, пораженный молнией») — это указание на одно единственное событие: разрушение *Иерусалимского храма* в 9-й день месяца Ав 70 года н.э. В тот же день, но на 656 лет раньше, вавилоняне разрушили Первый Храм — Соломонов. На это в новелле указывают «изображения раввинов в меховых шапках, подпоясанных ремнем на узких чреслах. И под безглазыми лицами — волнистая каменная линия завитых бород».

Это евреи, уводимые Навуходоносором II в Вавилонский плен.

На человеке, падающем с Башни, корона, то есть перед нами персона царского рода. А в новелле, среди потомков рабби Азраила, назван

«Вольф, сын Или — *принц*, похищенный у Торы на девятнадцатой весне».

Гадание на картах Таро допускает еще многообразные их сочетания, но не будем углубляться в арканологию и удовлетворимся достигнутым.

---

¹⁵ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 373.

Итак, 9 Старших Арканов — 9 новелл «Конармии». К тому же примечательно и такое обстоятельство: порядок следования новелл в книге следует последовательности Арканов — от 1-го до 16-го. Единственный случай ретардации — 12-й Аркан, но здесь порядковый номер новеллы ориентирован на цифровое значение символа — буквы «Ламед» (30).

Могут ли эти совпадения да еще в таком количестве быть случайными? Едва ли... Что же могло подвигнуть Бабеля обратиться к картам Таро? По всей видимости, он поверил оккультистам, уверявшим, что в основание Таро положено тайное еврейское учение — Каббала.

И, согласно древнему трактату «Сефер Йецира (Книга Творения)»:

«Двадцатью двумя буквами, давая им форму и образ, смешивая их и комбинируя различными способами, Бог сотворил все то, что есть, что имеет форму и все то, что будет ее иметь»¹⁶.

Иными словами, последовательность карт Таро раскрывает тайный чертеж бытия, истинный облик мира. Что, в свою очередь, проливает свет на то, какой хотел видеть Бабель свою книгу.

Кроме того, он мог вдохновляться и чужим опытом: в 1922 году была напечатана «сверхповесть» Велимира Хлебникова «Зангези», состоящая из 22 «плоскостей». И порядок следования этих «плоскостей» соответствовал Арканам Таро¹⁷.

Ничего удивительного в этом нет: предчувствие неотступной катастрофы заставило многих доискиваться тайных знамений. Спрос родил предложение — второе десятилетие XX века началось под знаком Таро. Вот список соответствующей литературы:

Элифас Леви Учение и ритуал высшей магии. Т. 1. Учение / Пер. А. Александрова. СПб.: Центр. книжн. склад для иногородних, 1910.

Папюс [Ж. Анкос] Предсказательное Таро или Ключ ко всякого рода карточным гаданиям. Полное восстановление

---

¹⁶ Шмаков В.А. Указ. соч. С. 102.

¹⁷ Силард, Лена. Карты между игрой и гаданьем: «Зангези» Хлебникова и Большие Арканы Таро // Мир Велимира Хлебникова: Статьи и исследования 1911–1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 294–302, 807–808.

78 карт египетского Таро и способы их толкования / Пер. с франц. под ред. А.В. Трояновского. СПб.: Д.А. Наумов, 1912.

Петр Успенский Символы Таро: Философия оккультизма в рисунках и числах. (Очерк из книги «Мудрость богов»). 1912; Изд. 2-е. Пг.: Литературная лавка, 1917.

Курс энциклопедии оккультизма, читанный О.Г.М. [О.Г. Мёбес] в 1911 — 1912 академическом году в городе С.-Петербурге. Сост. ученица № 40 FFRCR. Вып. 1 — 2. СПб., 1912. <Сведения о картах Таро изложены в 1-м выпуске>.

Шмаков В.А. Священная книга Тота: Великие арканы Таро. Абсолютные начала синтетической филоофии эзотеризма: Опыт комментария. М., 1916.

Бабель, как нетрудно убедиться, руководствовался трудом Шмакова. Ну, разве что, заглянул пару раз в книжку Элифаса Леви...

Кстати, Элифас Леви (он же Альфонс-Луи Констан) в 1856 году все это и придумал — про связь Таро с Каббалой и про то, что числом своих карт (22) Таро обязано еврейскому алфавиту. Ерунда, конечно...

И все-таки Бабель попытался выстроить «Конармию» по Таро. Попытался и... отказался от этой идеи. Как раньше отказался от соблазна свести «Конармию» к кровавому цирковому представлению.

Глава XIX

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА

Лишь в трех из 34-х новелл «Конармии» Лютов не просто наблюдает жизнь евреев, но ведет с ними обстоятельные разговоры. Это новеллы 7-я («Гедали»), 9-я («Рабби») и 34-я («Сын рабби»). И все три новеллы связаны фабульно: Лютов знакомится с Гедали, Гедали приводит Лютова в дом рабби Браславского, где Лютов видит раввинского сына, а в заключительной новелле книги снова встречается с сыном и принимает его последнее дыхание.

Можно сколько угодно строить догадки о роли новелл «Гедали» и «Рабби» в структуре и замысле «Конармии», но несомненно, что на новеллу «Сын рабби», заключительную, возложена особая функция: выделить центральный мотив книги и бросить новый, по возможности неожиданный, свет на ее хаотичную композицию.

Но начнем с первых двух новелл. Основаны они на дневниковой записи от 3 июля (Бабель ошибочно датирует ее 3 июня) 1920 года:

«Житомир. 3.6.20

<...>

После обеда в Житомир. Белый, не сонный, а подбитый, притихший город. <...>

Здания синагог, старинная архитектура, как все это берет меня за душу.

Стекло к часам 1200 р. Рынок. Маленький еврей философ. Невообразимая лавка – Диккенс, метлы и золотые туфли. Его философия – все говорят, что они воюют за правду и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе. Замечательные слова, бороденка, разговариваем, чай и три

пирожка с яблоками – 750 р. <...> Как они все жадны к деньгам. Описать базар, корзины с фруктами вишень <sic!>, внутренность харчевни. <...> Пот, чахлый чай, въедаюсь в жизнь, прощайте, мертвецы.

Зять Подольский, заморенный интеллигент, что-то о Профсоюзах, о службе у Буденного, я, конечно, русский, мать еврейка, зачем?

Житомирский погром, устроенный поляками, потом, конечно, казаками.

После появления наших передовых частей поляки вошли в город на 3 дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли 6 домов, дом Конюховского на Кафедральной – осматриваю, кто спасал – из пулеметов, дворнику, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца – прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались.

Заходит суббота, от тестя идем к цадику. Имени не разобрал. Потрясающая для меня картина, хотя совершенно ясно видно умирание и полный декаданс. Сам цадик – его широкоплечая, тощая фигурка. Сын – благородный мальчик в капотике¹, видны мешанские, но просторные комнаты. Все чинно, жена – обыкновенная еврейка, даже типа модерн.

Лица старых евреев. Разговоры в углу о дороговизне.

Я путаюсь в молитвеннике. Подольский поправляет. Вместо свечи – коптилка.

Я счастлив, огромные лица, горбатые носы, черные с проседью бороды, о многом думаю, до свиданья, мертвецы. Лицо цадика, никелевое пенсне.

– Откуда вы, молодой человек?

– Из Одессы.

– Как там живут?

– Там люди живы.

– А здесь ужас. Короткий разговор. Ухожу потрясенный.

Подольский, бледный и печальный, дает мне свой адрес, чудесный вечер. Иду, думаю обо всем, тихие, чужие улицы. <...>

---

¹ Имеется в виду не женское домашнее платье-халат, а традиционная одежда мужчин-хасидов – халат черного цвета (идиш *צפופע* [капотэ]).

А потом ночь, поезд, разрисованные лозунги коммунизма (контраст с тем, что я видел у старых евреев).

Стук машин, своя электрическая станция, свои газеты, идет сеанс синемаатографа, поезд сияет, грохочет <...>»².

Обратим внимание на одну довольно невнятную фразу:

«Зять Подольский, заморенный интеллигент, что-то о Профсоюзах, о службе у Буденного, я, конечно, русский, мать еврейка, зачем?»

О чем идет речь? Кто — русский? Зять владельца лавки древностей на житомирском рынке?

Видимо, в данной фразе следует видеть сокращенную запись диалога.

Подольский взволнованно разглагольствует о *Профсоюзах*, расспрашивает о *службе у Буденного*, а потом задает Бабелю вопрос:

– А вы — русский?

Лютов-Бабель:

– Я? Конечно, русский!

Подольский: — А похожи на еврея...

Лютов-Бабель:

– У меня *мать еврейка*...

И тогда **Подольский** выражает свое недоумение:

– Так *зачем* же вы у них служите?

И рассказывает об участии конармейцев в еврейском погроме...

В новеллу «Гедали» этот разговор вошел в весьма урезанном виде: во время погрома поляки вырывали евреям бороды и убивали евреев... Только поляки! Поляков убивают конармейцы... Так что, позволительно думать, к погрому они не причастны.

Вторая и третья новеллы тоже ставят в центр повествования главных персонажей, но названы они по исполняемой персонажами функции — «Рабби» и «Сын рабби», видимо, представлявшейся автору более важной, чем их имена.

Рабби — это не сокращенная форма слова «раввин», заимствованного из арамейского רבין (rabin; в греческой передаче: rabbinos, что в средне-греческий период стало читать-

---

² *Бабель И.* Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 222–224.

ся как *ravvinos* и в таком виде попало в славянский перевод Библии — раввинъ). А вот «рабби» — слово из языка иврит и состоит из двух частей: корня *רָבַח* (*rab*) «большой; в переносном смысле: «наставник») и местоименного суффикса 1 л. ед. ч. *-i* («мой»). И значение слова *rabbi* — «мой учитель».

Чтобы стать раввином требуется получить высшее религиозное образование и пройти обряд рукоположения (*קִדּוּשׁ* [смихá]). Это ученое звание дает право возглавить паству общины, преподавать в религиозном училище (*йешиве*) и быть членом религиозного суда.

А Бабель своего персонажа вначале три раза называет «рабби», затем «цадик», и потом еще три раза «рабби».

Буквально слово «цадик» (*צַדִּיק*) означает «праведник», но имеет и специфическое значение: «духовный вождь хасидской общины». В глазах своих приверженцев цадик превосходит любого раввина, хотя определенные требования к нему все же предъявляются — например, обязательное умение читать и писать. Но и это требование, если вдуматься, не слишком серьезно — среди еврейских мужчин в России и Польше неграмотных просто не водилось.

Поэтому главным достоинством цадика был дар непосредственного общения с Господом. Со временем стали цениться и другие качества, прежде всего происхождение из рода знаменитого в прошлом цадика. Так появились хасидские династии. А своих цадиков хасиды стали называть «рабби»...

В дневнике Бабель специально отметил, что имени житомирского цадика не разобрал. Но в книге сообщил, что цадик этот — последний представитель Чернобыльской династии и назвал его имя: рабби Моталэ Браславский. Что совершенно невозможно: все цадики Чернобыльской династии носили фамилию Тверский³. Зато имя Браславский сразу, даже обладающему самыми элементарными познаниями о хасидизме, раскрывает суть: рабби Моталэ — потомок знаменитейшего цадика рабби Нахмана из Брацлава (1772–1810), правнука самого Исраэля Баал-Шем-Това (1700–1760), основателя хасидизма.

³ *Assaf D. Ne'ehaz ha-svakh: pirqey mašber u-mevukha be-toldot ha-hasidut* [Заблудившийся в чаще: Главы о кризисе и разброде в истории хасидизма]. Yerušalaim, 2006. am. 331. Давид Ассаф попытался даже исправить ошибку Бабеля и отыскать того цадика, с которым писатель мог встречаться в Житомире в указанное время.

Вот только приходится отметить, что у Нахмана из Брацлава потомков быть не могло — он умер бездетным⁴. А перед смертью завещал похоронить его на еврейском кладбище, где покоились жертвы чудовищнейшей Уманской резни 1768 года — кульминационного события гайдамацкого восстания, известного под названием «Колиивщина». Сколько тогда в Умани погибло евреев, в точности не известно, но счет шел на тысячи.

«Души умерших там за веру, — сказал рабби Нахман, — ждут меня».

С тех пор и до сегодняшнего дня община брацлавских хасидов существует без духовного лидера. И противники издевательски называют их «хасидами мертвого ребе»⁵.

А вот, как описывает Бабель дом рабби Браславского:

«— Здесь, — прошептал Гедали и указал мне на длинный дом с разбитым фронтоном. Мы вошли в комнату, каменную и пустую, как морг».

Каменным может быть дом. А здесь «каменной» названа комната... Странно... Далее о комнате сказано, что она пуста. Но в этой самой комнате:

«Рабби Моталэ сидел у стола, окруженный бесноватыми и лжецами».

А затем:

«ко мне подскочил реб Мордхе, давнишний шут с вывороченными веками, горбатый старикашка, ростом не выше десятилетнего мальчика. <...> И мы уселись все рядом — бесноватые, лжецы и ротозеи. В углу все еще стонали над молитвенниками плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов».

А за спиной задремавшего Гедали —

«я увидел юношу с глазами Спинозы, с могущественным лбом Спинозы и с чахлым лицом монахини».

Как может быть пустой комната, в которой стоит стол, поместилась куча народу, да еще расставлены стулья (ведь всех присутствующих удалось рассадить за столом)?..

---

⁴ Две незамужние дочери р. Нахмана умерли еще при его жизни.

⁵ *Sicher E. Babel' in Context: A Study in Cultural Identity*. Boston: Academic Studies Press, 2012. P. 142.

А перед этим рабби Моталэ задает рассказчику вопрос:

«– Чего ищет еврей?
– Веселья».

Хасидизм подчеркивает особую религиозную роль радости и веселья, потому ответ рассказчика следует понимать как признание его принадлежности (или стремления принадлежать) к числу хасидов.

Рабби Браславский ответом удовлетворен и обращается к помощнику:

«– Реб Мордхэ, – сказал цадик и затряс бородой, – пусть молодой человек займет место за столом, пусть он ест в этот субботний вечер вместе с остальными евреями, пусть он радуется тому, что он жив, а не мертв, пусть он хлопает в ладоши, когда его соседи танцуют, пусть он пьет вино, если ему дадут вина».

Хасиды особо отмечают важность субботней трапезы, во время которой они веселятся, танцуют и пьют крепкие напитки, иногда сверх меры...

А перед этим рабби спрашивает:

«– <...> Чем занимается еврей?
– Я перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя».

В этом месте все комментаторы без исключения принимают рассказывать о Герше (Гершеле) Острополере (1757–1811), известнейшем персонаже еврейского фольклора, ловком обманщике и весельчаке, служившем шутом при дворе внука Баал-Шем-Това, хасидского цадика Боруха Тульчинского. И напоминают читателю, что Бабель не только изложил одну легенду о Гершеле Острополере в рассказе «Шабос-Нахаму», но задумывал посвятить этому персонажу целый цикл⁶.

Но каков смысл реплики о Гершеле в разговоре с рабби Моталэ — стремление показать свою нечуждость еврейской культуре?

Обратимся к биографии реального Острополера. Цадик Тульчинский страдал черной меланхолией, и Гершеле удалось его развлечь и развеселить. Кроме того, рабби Борух

---

⁶ Бабель И. Шабос-нахаму // Вечерняя звезда. — Пг. 1918. № 34. 16.03; подзаголовок: «Рассказ из цикла “Гершеле”».

испытывал приступы беспричинного гнева, а Гершеле его за это порицал, выставляя его поступки в смешном свете. И однажды, согласно преданию, хасиды цадика сочли одну из гершелевых остроумных донельзя оскорбительной. Они сбросили Гершеле с лестницы, и тот от полученных ран скончался.

А теперь несколько слов о рабби Борухе Тульчинском. Известен он, в частности, тем, что когда рабби Нахман из Брацлава подвергся жестокому гонению со стороны лидеров прочих хасидских общин, Тульчинский, бывший горячим сторонником рабби Нахмана, от своего племянника отвернулся и перешел на сторону гонителей. И, поведав о своих занятиях похождениями Острополера, рассказчик дал понять, что раскрыл истинный облик рабби Моталэ — это сам покойный рабби Нахман из Брацлава.

Оттого стены комнаты каменные и похожа она на морт — это склеп. А пуста комната, заполненная множеством людей, оттого, что на самом деле их здесь нет — все они мертвецы.

Рабби Моталэ рассказчика прекрасно понял и, передавая его попечению своего помощника реба Мордхе, сказал:

«пусть он радуется тому, что *он жив, а не мертв*».

Мысль о том, что местечковые евреи на самом деле мертвы, посетила Бабеля еще во время написания дневника — 6 июля 1920 года:

«въедаюсь в жизнь, прощайте *мертвецы*»

«Я счастлив, огромные лица, горбатые носы, черные с проседью бороды, о многом думаю, до свиданья, *мертвецы*».

Лицо цадика, никелевое пенсне.

— Откуда вы, молодой человек?

— Из Одессы.

— Как там живут?

— Там люди *живы*.

— *А здесь ужас*. Короткий разговор. Ухожу потрясенный».

В новелле этот мотив стал сюжетообразующим.

Но рабби Нахман из Брацлава не единственный герой «житомирского цикла». Вот его сын:

«Он курил и вздрагивал, как беглец приведенный в тюрьму после погони. Оборванный Мордхэ подкрался к нему сзади, вырвал папиросу изо рта и отбежал ко мне».

– Это сын рабби, Илья, – прохрипел Мордхэ и придвинул ко мне кровоточащее мясо развороченных век, – проклятый сын, последний сын, непокорный сын...

И Мордхэ погрозил юноше кулачком и плюнул ему в лицо».

В субботу категорически запрещено зажигать огонь, и курением своим сын рабби демонстративно святотатствует — оскверняет субботу. В дальнейшем, в новелле «Сын рабби», мы узнаем, что на момент осквернения субботнего ритуала юный Илья Браславский уже состоял членом РКП(б). Так он атеист?

Не всякого, преступившего заповедь, следует причислять к безбожникам. В вещах Ильи Браславского рассказчик отыскал два портрета — Ленина и Маймонида, знаменитейшего еврейского экзегета. И, значит, сын рабби совмещал (стремился совместить) идеалы коммунизма с верой. Какой верой?

Рабби дал сыну имя Илья. Но в среде хасидов оно было практически табуировано, поскольку ассоциировалось с Виленским Гаоном (мудрецом) Элиягу Залманом (1720–1797), великим и непримиримым врагом хасидизма.

И Бабель об этой истории был прекрасно осведомлен — см. в новелле «Эскадронный Трунов»:

«Большая площадь простиралась налево от сада, площадь, застроенная древними синагогами. Евреи в рваных лапсердаках бранились на этой площади и в непонятном ослеплении таскали друг друга. Одни из них — ортодоксы — превозносили учение Адасии, раввина из Белза; за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, ученики гусятинского раввина Иуды. Евреи спорили о Каббале и *поминали в своих спорах имя Илии, виленского гаона, гонителя хасидов...*

– *Илья*, – кричали они, извиваясь, и разевали заросшие рты.

Забыв войну и залпы, *хасиды носили самое имя Илии, виленского первосвященника*».

Нужно ли понимать это так, что рабби Моталэ, давший сыну имя Илья, и сам сын рабби тайно тяготеют к ортодоксальному иудаизму?

Едва ли, припомним отказ от культа субботы и знаменитую заповедь другого законоучителя:

«суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк 2:27–28).

Кто же они — рабби Браславский и его сын?

До выхода книги «Конармия» обе новеллы («Рабби», «Сын рабби») были опубликованы дважды и одним блоком⁷. Что вызывает некоторое недоумение: значительная часть новеллы «Сын рабби» повторяет новеллу «Рабби». Но те, кто читал обе новеллы подряд, в таком напоминании ничуть не нуждались. Эта газетно-журнальная композиция объясняется, видимо, тем, что Бабель видел в новеллах диптих, одна часть которого не существует без части второй.

Но публикациями дело не исчерпывается — существует еще и рукопись, которая дает ответ на некоторые вопросы.

Например, в одесских «Известиях» публикация датирована: «Бердичев, сентябрь 1920». Журнальная и книжная версии текста датой не снабжены. А в рукописи мы читаем: «Киверцы, сентябрь, 1920»⁸. Где правда? В рукописи! Откроем дневник:

«12.9.20. Киверцы

Утром — паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе. Невообразимое жалкое бегство, обозы в пять рядов, жалкая, грязная, задыхающаяся пехота, пещерные люди, бегут по лугам, бросают винтовки, ординарец Бородин видит уже рубящих поляков. Поезд отправляется быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны, еврей с тонким просвечивающим лицом, может быть, хитрый еврей, вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санлечки.

Заведение, которое называется 12-й армией. На одного бойца — 4 тыловики, 2 дамы, 2 сундука с вещами, да и этот единственный боец не дерется. Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши фланги, заставляет затыкать собой все дыры. У них сдался в плен, открыли фронт, уральский полк или башкирская бригада. Паника позорная, армия небоеспособна. Типы солдат. Русский красноармеец пехотинец — босой, не только не модернизированный, совсем «убогая Русь», странники, распухшие, обовшивевшие, низкорослые, голодные мужики»⁹.

---

⁷ Известия Одесского губкома. 1924. № 1280. 9.03. С. 4; Красная новь. 1924. № 1 (январь–февраль). С. 68–71.

⁸ РГАЛИ. Ф. 602 (Ред. ж. «Красная новь»). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 9.

⁹ Бабель И. Собр. соч. в 4 тт. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 332–333.

В новелле порядок действий изменен — вначале сказано о 12-й армии:

«И вот третьего дня, Василий, полки двенадцатой армии открыли фронт у Ковеля. В городе загремела пренебрежительная канонада победителей. Войска наши дрогнули и перемешались. Поезд политотдела стал уползать по мертвой спине полей. И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо плятных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов».

И лишь затем появляется сын рабби. Отыскать его в дневниковой толпе можно так:

«раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого *упали штаны, еврей* с тонким просвечивающим лицом, может быть, хитрый еврей, вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санлечучки».

Сравни:

«И я узнал Илью, сына Житомирского рабби. Я узнал его тотчас, Василий. И так томительно было видеть принца, *потерявшего штаны*, переломленного на двое солдатской котомкой, что мы, преступив правила, втащили его к себе в вагон».

Но наше внимание обращают на себя и отличия одесской публикации от московских (журнальной и книжной), на первый взгляд, мелкие, а на самом деле исключительно важные. И именно по этому параметру московские версии совпадают с рукописью, представленной Бабелем в редакцию «Красной нови».

Речь, собственно, идет о написании одного слова — «рабби».

А.

«Известия Одесского губисполкома»: «— Это сын рабби, Илья — прохрипел старик».

«Красная новь»[:]; «Конармия» (1926): «— Это — сын *равви* Илья, — прохрипел старик».

Рукопись : «— Это сын *равви* Илья, — прохрипел Мордхэ»¹⁰.

---

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 602 (Ред. ж. «Красная новь»). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

Б.

«Известия Одесского губисполкома»: «И сын рабби курил одну папиросу за другой».

«Красная новь»: «И сын *равви* курил одну папиросу за другой».

«Конармия» (1926): «Сын рабби курил одну папиросу за другой».

Рукопись: «И сын *равви* курил одну папиросу за другой»¹¹.

Итак, в обоих случаях (А и Б) Бабель употребил слово «равви». Редактор «Красной нови» оставил все, как было. А одесский, встав перед дилеммой «рабби» ~ «равви», мучиться не стал и все написания унифицировал («рабби»); редактор же «Конармии» одного «равви» проглядел, а второго выправил...

А разница между *равви* и *рабби* весьма и весьма чувствительная. Еврейского духовного авторитета в текстах на русском языке первой половины XX века называли по-разному: *рабби*, *ребе*, *реб...* А вот *равви* можно было встретить исключительно в славянских и русских переводах Библии и только в Новом Завете. В Евангелии от Иоанна (1:38 — первое упоминание сопровождается переводом: «Раввӣ, что значит учитель»; 1:49; 3:2, 26; 4:31; 6:25; 9:2; 11:8), от Марка (1:5; 11:21; 14:45) и от Матфея (26:25, 48). И во всех без исключения случаях — при обращении: один раз к Иоанну Крестителю (Ин 3:26) и 11 раз — к Иисусу Христу.

Так что «равви» в бабелевском тексте не ошибка и не описка — это проговорка, как в случае с *Гулимов* ~ *Гумилов* (см. главу X): в текст просочилось то, чем занята была голова писателя, и то, что он раскрывать не хотел.

Но все-таки раскрыл, потому что, когда за субботним столом:

«мы уселись все рядом — бесноватые, лжецы и ротозеи. В углу все еще стонали над молитвенниками плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов».

До того, как быть призванными Иисусом, двое из апостолов, Андрей и его брат Петр (Симон), были рыбаками. И отцом их тоже был рыбак — Иона. А город, где они родились, назывался Вифсаида, на иврите **Бет-Цайда** (בֵּית צַיְדָא) — «Дом

---

¹¹ Там же. Л. 4.

рыбной ловли». И оттого, встретив братьев, Иисус сказал им: «Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19).

А рыба стала символом поклонения Христу. Так что сын рабби и есть Иисус Христос.

Отчего же сын рабби носит имя ненавистного Виленского Гаона Ильи?

Оттого, что это другой Илья.

Пророку Малахии Господь сказал:

«Вот, Я пошлю к вам Илию пророка перед наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я пришел не поразил земли проклятием» (Мал 4:5 – 6).

Именно поэтому –

«<...> Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?

Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за *Илию*, а иные за Иеремию, или за одного из пророков.

Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня?

Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – *Христос*, Сын Бога живаго» (Мф 16:13–16).

Но отец Ильи Браславского — рабби Моталэ — мертв! Как это согласуется с обоими Заветами?

Причина, видимо, в том, что Бабель читал и другие книги. Например, «Веселую науку (*La gaia Scienza*)» Фридриха Ницше. А в ней Ницше открыл, что Бог умер («*Gott ist starb*») или мертв («*Gott ist tot*»). Обсуждению этого прозрения Ницше посвятил три отрывка — 125, 343 и 344.

В предпоследнем из них сказано:

«Величайшее из новых событий — что “Бог умер” и что вера в христианского Бога¹² стала чем-то не заслуживающим доверия — начинает уже бросать на Европу свои первые тени. По крайней мере, тем немногим, чьи глаза и *подозрение* в глазах достаточно сильны и зорки для этого зрелища, кажется, будто

---

¹² В 9-м томе «Собрания сочинений» Фр. Ницше (пер. А.Н. Ачкасова), изданном книжным складом Д.П. Ефимова, слова «Бог умер» отсутствуют, а «вера в христианского бога» заменена словом «суеверия» (С. 356), а место отрывка 125 занимает строка точек.

закатилось какое-то солнце, будто обернулось сомнением какое-то старое глубокое доверие: с каждым днем наш старый мир должен выглядеть для них все более закатывающимся. Более подозрительным, более чуждым, “более дряхлым”. Но в главном можно сказать: само событие слишком еще велико, слишком отдаленно, слишком недоступно восприятию большинства, чтобы и сами слухи о нем можно было считать уже *дошедшими*, — не говоря о том, сколь немногие ведают еще, *что*, собственно, тут случилось и что впредь с погребением этой веры должно рухнуть все воздвигнутое на ней, опиравшееся на нее, вросшее в нее, — к примеру, вся наша европейская мораль. Предстоит длительное изобилие и череда обвалов, разрушений, погибелей, крахов: кто бы нынче угадал все это настолько, чтобы рискнуть войти в роль учителя и глашатая этой чудовищной логики ужаса, пророка помрачения и солнечного затмения, равных которым, по-видимому, не было еще на земле?..»¹³.

Внимание Бабеля могли привлечь два момента: во-первых, пророчество Ницше о грозящей Европе череде обвалов, разрушений, погибелей и крахов сбылось — и Бабель был свидетелем этого ужаса; во-вторых, заглавие отрывка: «Какой толк в нашей веселости?».

Напомним диалог рабби Браславского и рассказчика:

«— Чего ищет еврей?
— Веселья».

Веселье — это опознавательный знак хасидизма. Но какой толк от веселья, когда Бога нет?!

В начале XX века убеждение в кризисе веры (не без влияния Ницше, конечно) охватило многих. Церковь надежд не внушала:

«Что такое эти храмы, как не могилы и надгробные памятники божества?»¹⁴

---

¹³ *Ницше Ф. Веселая наука (La gaya Scienza)*. Пер. со 2-го нем. изд. А. Николаева // *Ницше Ф. Собрание сочинений*. Тт. 1–10. М.: М.В. Ключкин. (1900–1903). Т. 7 (1901); отрывок 343 устранен, а этот номер присвоен следующему (344-му) отрывку.

¹⁴ *Ницше Ф. Указ. соч.* С. 147; в 9-м томе «Собрания сочинений» Фр. Ницше, изданном книжным складом Д.П. Ефимова, отрывок 125 заменен другой точкой.

Так что стремящимся кризис преодолеть открывалось два пути: отказ от веры вообще (атеизм) или обновление религиозных ценностей. Например, путь, указанный Иоахимом Флорским (Gioacchino da Fiore, 1132–1202). В России самым ревностным проповедником учения итальянца стал Дмитрий Мережковский.

«Конечно, величайшее преступление истории, как бы второе распятие, уже не Богочеловека, а богочеловечества, заключается в том, что на кресте, знамени божественной свободы, распяли свободу человеческую. Но неужели Бакунин и Герцен решились бы утверждать, что в этом преступлении участвовал сам Распятый, что Христос желал людям рабства? <...>

В первом царстве — Отца, Ветхом завете, открылась власть Божия, как истина; во втором царстве — Сына, Новом завете, открывается истина, как любовь; в третьем, и последнем царстве — Духа, в Грядущем завете, откроется любовь, как свобода. И в этом последнем царстве произнесено и услышано будет последнее, никем еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущего: Освободитель»¹⁵.

Рабби Моталэ — Отец — мертв.

Илья Браславский — Сын — умер, не оставив учеников...
Хасиды...

«— В страстном здании хасидизма вышиблены уже окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери. С вытекшими глазницами, хасидизм все еще стоит на перекрестке яростных ветров истории...

Так сказал Гедали <...>»¹⁶.

Хасидизм бессмертен... В новелле «Гедали» герой горько сетует на настоящее и призывает чаемое грядущее:

«— Революция — скажем ей да, но разве субботе мы скажем нет? <...> Да, — кричу я революции, <...> но она прячется от меня¹⁷ и высылает вперед одну только стрельбу...

---

¹⁵ Мережковский Д. Грядущий хам // Мережковский Д.С. I. Грядущий хам. II. Чехов и Горький. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. С. 17–18.

¹⁶ Бабель И. Рабби // Известия Одесского губкома. 1924. № 1280. 9.03. С. 4.

¹⁷ В книге «меня» заменено на: «Гедали».

Поляк <...> злая собака. <...> И вот его бьют, злую собаку. Это революция. Это замечательно. И потом тот, который бил поляка, говорит мне — отдай на учет твой граммофон, Гедали.

— Я люблю музыку, пани, — отвечаю я революции.

— Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду и тогда ты узнаешь, и я не могу не стрелять, Гедали, потому что я революция...

<...>

— Но поляк стрелял, <...> потому что он контр-революция, вы стреляете потому, что вы революция, а революция это же удовольствие, это хорошее дело хороших людей; а хорошие люди ведь не убивают, — значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контр-революция? <...>

Мы не невежды. Интернационал, — мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей. Я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, и имей от жизни свое удовольствие. Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают...

— Его кушают с порохом, — ответил я старику, — и приправляют лучшей кровью...».

Два персонажа новеллы говорят о разных вещах. Политически грамотный рассказчик под словом «Интернационал» понимает Коммунистический Интернационал, а Гедали — вселенское братство добрых людей. Религиозное братство, говорящее «да» Революции и Субботе; короче — новый Завет, Грядущий, Третий...

Тем самым, Гедали указывает на свое место в окружении рабби Мотелэ — Дух Святой. Отчего он удостоился такой чести? Благодаря имени: ה'גדל — «Бог велик». Разрушив в 586 г. до н.э. Иерусалимский храм, подавив восстания и уведя в плен сотни тысяч евреев, вавилонский царь Навуходоносор II назначил Гедалью бен Ахикама наместником Иудеи. Гедалья убедил оставшихся больше не бунтовать, а заняться земледелием и восстановлением разрушенных городов. В Иудею стали стекаться и многие бежавшие от вавилонян. Страна наслаждалась мирной жизнью, но недолго. Видя расцветающую страну, царь аммонитян Баалис организовал заговор. Гедалью

был убит, а заговорщики перебили весь вавилонский гарнизон. Вавилоняне вернулись, истребили множество народа, а уцелевших угнали в плен. Так еще одна мечта о прекращении убийств рухнула под гнетом человеческой злобы и зависти.

А сказавший Субботе «нет» Илья Браславский, носивший в подсыжке портреты Ленина и Маймонида и писавший стихи на языке Библии, тоже ошибся, приняв за Третий Завет ленинский III Интернационал:

«<...> две толстогрудые машинистки в матросках <...>, уперши в пол кривые ноги незатейливых самок, сухо наблюдали его половые части, эту чахлую, нежную и курчавую мужественность исчахшего семита».

Коммунистические жены-мироносицы равнодушно смотрят на голое тело умирающего Бога, бесплодное и обреченное, как и прожитая этим телом жизнь.

Революция не оправдала великих надежд. Но уже отобрала у любящего музыку Гедали граммофон. Претензия может показаться смешной, если б не была ответом Александру Блоку. Тот, написав поэму «Двенадцать» — манифест высшего, религиозного оправдания революции, в том же 1918 году напечатал статью «Интеллигенция и революция», в которой призвал:

«<...> дух есть музыка. <...>

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!»¹⁸

И вот музыка кончилась.

***

В финале новеллы «Сын рабби» сказано:

«Он умер, последний принц среди стихов, филактерий и портянок».

Принц какой династии — чернобыльских хасидов?

Нет, потому что Отец Его — «Элоһейну мелех ha-олам»: «Бог наш, Царь Мира», а Сын Его — Царь Иудейский.

И новелла «Сын рабби», заключительная глава книги «Конармия», — это Новый Завет, как и было предсказано в «Переходе через Збруч».

---

¹⁸ Блок А. Собр. соч. в 8-ми тт. Л.: Гослитиздат, 1960–1963. Т. 6 (1962). С. 20.

Глава XX

НА КОНЕ

В 1934 году рассказ «Аргамак» был опубликован в журнале «Новый мир»¹, а в 1933-м стал заключительной главой «Конармии»². И он не просто потеснил бывший финал – рассказ «Сын рабби», нет, он перевел «Конармию» в новый жанр — «роман воспитания».

Кроме того, Бабель продемонстрировал свое глубоко ненаплевательское отношение к жестоким упрекам в свой адрес, что, мол, боевую стезю он прокладывает «на задворках» Конармии» — в тылах и обозе³.

Содержание новой новеллы таково: рассказчик

«решил перейти в строй. Начдив поморщился, услышав об этом.

– Куда ты прешься?.. Развесишь губы – тебя враз уконтрапуют...».

Но рассказчик настойчив, поблажек не ищет и поэтому выбирает самую боевую дивизию — 6-ю, где начдивом был Тимошенко, а затем Апанасенко. Службу ему определили проходить в 4-м эскадроне 23-го кавполка. Все складывается чудесно, но одна беда — ездить верхом герой не умеет. А тут такая удача — вручили ему лошадь, жеребца по кличке Аргамак. Отобрали у Пашки Тихомолова, прежнего хозяина, за грехи (пленных офицеров без спросу шлепнул). Жеребец попался не простой — скакал особой казацкой рысью, с длинного растянутого шага внезапно переходя в бешеный карьер.

---

¹ Новый мир. 1932. № 3. С. 125–127.

² Бабель И. Конармия. VII–VIII доп. изд. М.: ГИХЛ, 1933.

³ Буденный С. Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. № 250. 26.10. С. 4.

Ох, и намучился с ним наш герой!.. То вырвется жеребец из рядов, то завезет неведомо куда, бывало и в расположение врага... Да и жеребцу было не слаще: спина от расхлябанной посадки неумелого седока превратилась в сплошную рану, сбитые ноги распухли, а сам отошал...

А тут еще Пашка Тихомолов рассказчика возненавидел. Мириться отказался, а жеребец по своей воле к нему ушел.

Стал рассказчик командиру эскадрона пенять, что тот его врагом наделил. Тут командир рассвирепел, заявил, что рассказчик желает без врагов обходиться, и выгнал его из эскадрона. Перевелся рассказчик в другой эскадрон и понял, что не напрасно страдал — научил его Аргамак правильной казачьей посадке. И казаки на него пялиться перестали, смотреть стало не на что: сидит на коне, как все, скачет, как все...

Написан рассказ намного сдержанней и суше прочих новелл «Конармии». Дисциплинированной что ли...

Тем разительнее в рассказе мотивы сказочно-богатырского свойства:

«Один казак из нашего взвода, Бизюков по фамилии, был земляк Тихомолову, он знал Пашкиного отца там, на Тереке.

— Евоный отец, Пашкин, — сказал мне однажды Бизюков, — коней по охоте разводит... Боевитый ездук, дебелиый... В табун приедет — ему сейчас коня выбирать... Приводят. Он станет против коня, ноги расставит, смотрит... Чего тебе надо?.. А ему вот чего надо: махнет кулачищем, даст раз промежду глаз — коня нету. Ты зачем, Калистрат, животную решил?.. По моей, говорит, страшной охоте мне на этом коне не ездить... Меня этот конь не заохотил... У меня, говорит, охота смертельная... Боевитый ездук, это нечего сказать.

И вот Аргамак, оставленный в живых Пашкиным отцом, выбранный им, достался мне».

Этим эпизодом автор хотел продемонстрировать, в мир каких былинных героев влез по наивной своей глупости рассказчик.

Но —

«Эскадроном командовал слесарь Брянского завода Баулин, по годам мальчик. Для остратки он запустил себе борду. Пепельные клоки закручивались у него на подбородке.

В двадцать два свои года Баулин не знал никакой суеты. Это качество, свойственное тысячам Баулиных, вошло важным слагаемым в победу революции. Баулин был тверд, немногословен, упрям. Путь его жизни был решен. Сомнений в правильности этого пути он не знал. Лишения были ему легки. Он умел спать сидя. Спал он, сжимая одну руку другой, и просыпался так, что не замечен был переход от забытья к бодрствованию».

Вот так: слесарь Брянского завода — не из казаков, которые садятся на коня, едва начавши ходить, 22-летний, то есть не имевший никакого опыта германской войны (в армию до 1918 года призывали по достижении 21-го года), и скакать научился, и авторитет приобрел, что признают не только рядовые казаки — бери выше:

«– Ты что бойцов маринуешь, — сказали Баулину в штабе бригады <...>

– Верно, надо, если мариную...

– Смотри, нарвешься...»

Он свой. И описан такими словами:

«Баулин был тверд, немногословен, упрям».

Теми же, что жеребец:

«Шаг Аргамака *был длинен, растянут, упрям*».

А еще сообщается о наличии в облике командира эскадрона черты физиологического свойства:

«Баулин сидел на ступеньках костела и парил себе в лохани ноги. Пальцы ног у него подгнили. Они были розоватые, как бывает розовым железо в начале закалки».

Не легко, значит, дается слесарю конная наука... Но вот и Тихомолов подошел —

«в калошах на босу ногу. Пальцы его были обрублены, с них свисали ленты черной марли. Ленты волочились за ним, как мантия».

Так что недуг сей не щадит ни казаков, ни конных слесарей. И происхождение его представляется понятным: кавале-

рист весь день не сходит с седла, ни времени, ни возможности разуться у него нет... Кровообращение нарушается, пальцы ног опухают и...

Так отчего же тогда об этом профессиональном заболевании дружно молчит вся «Конармия»? Не сифилис ведь и не триппер!..

Нет, не триппер — гангрена! Отмирание тканей... Отомрут и отвалятся! Вначале пальцы, потом ступни... Зачем они кавалеристу? Единственно, чтобы дать коню шпоры... А если ты и конь — неделимое целое?!

Кентавры — слово это в литературе о Бабеле произносилось неоднократно. Метафорическое уподобление... Но это не метафора.

Кентавры — людокони о четырех ногах, одержимые звериной жестокостью и животной похотью.

Оттого-то бешеный отец Тихомолова и испытывает жеребцов смертью — не коня он себе подбирает, а тело.

Глава XXI

ПРЕРВАННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

В 1937 году Бабель опубликовал рассказ «Поцелуй»¹, последний на конармейскую тему. Относительно его совместимости с книгой, Елена Погорельская пишет:

«Мы оставляем в стороне вопрос о включении в основной цикл рассказа “Поцелуй”, который был впервые напечатан в 1937 г., то есть после выхода последнего прижизненного сборника писателя. Полагаем, что включение “Поцелуя” в основной состав “Конармии” нежелательно не только из-за другой интонации рассказа, иного статуса героя-повествователя, но и из-за нарушения композиционной структуры “Конармии”, составленной самим Бабелем»².

В данной книге неоднократно отмечалось, что «композиционная структура “Конармии”» — это результат многократных трансформаций, так и не приведших к созданию жесткой и логически стройной схемы. Но, как раз в разбираемом случае, отыскать рассказу место в книге совсем не трудно.

Содержание рассказа «Поцелуй» таково: рассказчик прибывает в отбитое у поляков местечко Будятичи и становится на постой в доме школьного учителя. Кроме парализованного хозяина, в доме проживает его дочь Елизавета — вдова с пятилетним сыном. В разговорах с ней ординарец рассказ-

---

¹ Красная новь. 1937. № 7. С. 49–51; имеется и машинописная версия рассказа, несущественно отличающаяся от печатной (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 308. Мшп. ЛЛ. 1–6).

² Погорельская Е.И. Проблемы текстологии и источники реального комментария к конармейскому циклу Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. / Сб. матер. Междунар. научн. конференции в Гос. литературном музее 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 21.

чика всячески превозносит достоинства своего командира и прозрачно намекает на интерес, проявленный командиром к женщине. Но ночью дом заполняется множеством немощных стариков-соседей, готовых встать на защиту женской чести Елизаветы. Утром рассказчик с упреком заявляет женщине, что является выпускником Петербургского университета, кандидатом прав и вообще принадлежит к интеллигентным людям. Через два дня они стали друзьями и Елизавета с восторгом выслушивала рассказы о том, сколь чудесна и высококультурна жизнь в Советской России, общалась с друзьями рассказчика — 22-летними красными генералами, которые все, как на подбор, учились в университетах и охотно распевали студенческие песни.

У старика-отца, заслушавшегося застольных разговоров, пробудились неясные надежды, и он старательно не замечал в речах гостей «некоторого щегольства кровожадностью и громогласной простоты, с какой» те «решили к тому времени все мировые вопросы». Тут же за столом определено было и будущее учителя семейства: после победы над поляками оно переезжает в Москву, старика вылечат у знаменитого профессора, Елизавета поступит на курсы, а сына отдадут в ту самую школу на Патриарших, где когда-то училась его мать. И однажды ночью рассказчик входит в спальню Елизаветы, та, говоря «Нет», сливается с ним в нескончаемом поцелуе, но тут звонит телефон — из штаба сообщают о немедленном выступлении. Старик тряся головой просит у рассказчика обещания вернуться, Елизавета его провожает... Очень скоро выясняется, что под напором поляков советские войска стремительно отступают. Во время одной из ночевок ординарец сообщает рассказчику, что они находятся всего в 9-ти верстах от дома Елизаветы, и они, приготовив гостинцы (голова сахару, ротонда на рыжем меху и двухнедельный живой козленок), добираются до знакомого дома. Рассказчик, наконец-то, уединяется с Елизаветой, раздумывая о губительной неотвратимости событий, начавшихся с поцелуя. На рассвете ординарец стучит в дверь. Уже все понимая, Елизавета, глядя в сторону, спрашивает: «Когда вы увезете нас». Рассказчик молчит. Вдвоем с ординарцем он выезжают из местечка, и тут ординарец сообщает, что старик-отец разнервничался и по-

мер. Герои прибывают в часть, и в это утро их бригада переходит бывшую государственную границу Царства Польского — в обратном направлении.

Нетрудно убедиться, что фабула «Поцелуя» представляет собой зеркальное отражение самой первой новеллы «Конармии» — «Переход через Збруч»:

<i>Переход через Збруч</i>	<i>Поцелуй</i>
Конармия вступает в Польшу	Конармия оставляет Польшу
Рассказчик ночует в доме	
В доме проживает беременная женщина без мужа	В доме проживает молодая вдова с сыном
Проснувшись, рассказчик видит, что отец женщины мертв	Наутро выясняется, что ночью отец хозяйки умер
Отец женщины просит, чтобы дочь не видела, как его убивают	От женщины скрывают смерть отца

Очевидно, что «Переход через Збруч» и «Поцелуй» образуют рамочную конструкцию — начало и финал. И, тем не менее, вставить «Поцелуй» в «Конармию» невозможно!

Во-первых, эпизод с ночевкой в местечке Будятичи уже описан в «Конармии» — это новелла «Песня»³ Хозяйка дома — вдова с ребенком, мужских персонажей тоже двое: рассказчик Лютов и его приятель Сашка-Христос. С последним вдова и делит постель⁴.

Но самое главное: в книге нет места герою рассказа. В рассказе он представлен старшим командиром (к нему представлен ординарец). И потому на роль стороннего наблюдате-

³ Красная новь. 1925. № 3. С. 125–127; Шквал. — Одесса. 1925. № 15. Апрель. С. 14–15; *Бабель И.* Конармия. М.: Госиздат, 1926. С. 162–165. В публикациях, предшествовавших книжной, рассказ озаглавлен «Вечер», а местом действия названо: «сельцо N».

⁴ Отметим восходящую к тексту «Красной нови» и закрепившуюся в последующих изданиях ошибку: «отодвинула к стене немного <sic> мальчика». Ранее о ребенке было сказано, что он «немой». Правильное написание сохранилось в публикации журнала «Шквал»: «отодвинула к стене немого мальчика».

ля (как всюду в «Конармии») он никак не подходит... Как же решить возникшую дилемму, и что такое «Поцелуй» — финал или не финал?

Конечно, финал! Но финал совсем другой «Конармии». Книги, повествующей не о казаках, но русских интеллигентах, избравших воинскую стезю и беззаветно преданных революционному делу. И они сразу объясняют желающим слушать, что все ужасы конармейского нашествия: грабежи, убийства, изнасилования, — это рассказы злонамеренной польской пропаганды.

Хотя их собственные взгляды на происходящее мало чем отличаются от трухи, какой комиссары забивают головы рядовых бойцов. И потому эти интеллигенты не видят ничего зазорного в щегольстве своей кровожадностью и первобытной простотой способов решения мировых проблем.

Женщин они, в отличие от рядовых конармейцев, обольщают не рассказами о собственных боевых и половых подвигах, а разглагольствованиями о культуре. И обещаниями жениться... А получив желаемое, сбегают. Если о чем и сожалеют, то лишь о том, что пришлось сбежать раньше времени — еще полчасика можно было бы миловаться с бабой.

В кинематографе 1920-х годов имелся такой прием — «поцелуй в диафрагму». В заключительной сцене, когда влюбленные сливаются в поцелуе, лепестки ирисовой диафрагмы объектива плавно сходились, изображение превращалось в суживающийся кружок света, пока не гасло окончательно. И тогда на экране появлялось слово «FIN». Прием этот имел целью, воздерживаясь от показа эротических сцен, намекнуть, что в будущем героев ждет любовное соединение. В рассказе «Поцелуй» Бабель эротическую сцену пропустил, но пренебрег затемнением — все стало ясно до самого конца: обман, трусливое бегство и мерзость.

Глава XXII

«МАХНОВЦЫ»

Бабель напечатал два рассказа о махновцах: «У батьки нашего Махно» и «Старательная женщина». Первый — в 1924 году¹, второй — в 1928-м². В обоих речь идет о групповом совокуплении: в первом — насильственном, во втором — за два фунта сахара. Имеется и общий персонаж — 15-летний дурачок Кикин, рассыльный штаба. Так что, несмотря на 4-летний разрыв в публикациях, два рассказа эти образуют некое единство.

Но как такое единство понимать: фрагмент некоего цикла, заверченный мини-цикл или то, что осталось от недоовоплощенного замысла еще одной книги — о махновцах?

В «Учении о тачанке» Бабель пропел Батьке целый гимн — «Таков Махно...»:

«Таков задушенный нами Махно, сделавший тачанку осью своей таинственной и лукавой стратегии. Таков Махно, упразднивший пехоту, артиллерию и даже конницу и взамен этих неуклюжих громад привинтивший к бричкам триста пулеметов. Таков Махно, многообразный, как природа. Вozy с сеном, построившись в боевом порядке, овладевают городами. Свадебный кортеж, подъезжая к волостному исполкому, открывает сосредоточенный огонь, и чахлый попик, развеяв над собою черное знамя анархии, требует от властей выдачи буржуев, выдачи пролетариев, вина и музыки.

Армия из тачанок обладает неслышанной маневренной способностью.

---

¹ «Красная новь». 1924. № 4. С. 12–13.

² «Перевал». 1928. Сб. 6. С. 188–190; при жизни автора не переиздавался.

<...> Рубить эту армию трудно, выловить — немислимо. Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню, — они перестают быть боевыми единицами. Эти схоронившиеся точки, предполагаемые, но не ощутимые слагаемые, дают в сумме строение нынешнего³ украинского села — свирепого, мятежного и корыстолюбивого. Такую армию, с растыканной по углам амуницией, Махно в один час приводит в боевое состояние; еще меньше времени требуется, чтобы демобилизовать ее».

Цитируя этот восторженный панегирик, мы устранили из него одну фразу — в самом начале третьего абзаца:

«Буденный показал это не хуже Махно»...

Что же такого показал Буденный? От кавалерии он не отказался — что за Конармия без конницы?! Или, может, переадресовал кавалеристов на тачанки? Но сам Бабель далее пишет:

«У нас, в регулярной коннице Буденного, тачанка не властвует столь исключительно».

И добавляет:

«Однако все наши пулеметные команды разъезжают только на бричках».

А на чем еще прикажете разъезжать пулеметчикам? Станковый пулемет Максима весит 70 килограмм! Можно, конечно, навьючить его на лошадь, но только в разобранном виде. Значит, перед боем мало снять пулемет с лошади, надо еще его собрать. А раз так, то на марше армия становится беззащитной. И в случае атаки противника остается полагаться только на быстроту конских копыт.

Так что фраза о Буденном здесь совсем не к месту, поскольку после нее следует продолжение рассказа о все той же армии Махно. И значит, фраза эта вставлена в текст задним числом — кто-то (сам Бабель или внимательный редактор) сообразил, что похвалы в адрес Махно нужно чем-то уравновесить.

---

³ Так напечатано в «Известиях Одесского губкома» (1923. № 967. 23.02. С. 6), чьи редакторы и читатели знали, что собой представляет украинское село. А в московском «Прожекторе» решили ситуацию улучшить и заменили слово «нынешнего» на «недавнего».

Возможно даже, что Бабель Батьке сочувствовал — написал же он: «задушенный нами Махно»... Не разбитый, не разгромленный, а задушенный! А в первой половине 1920-х еще живы были в памяти слова «душители свободы»... До революции так именовали царских сановников-палачей, после революции — большевиков.

Бабель, как известно, в махновской армии не служил. На что же он тогда опирался — на чужие рассказы, на слухи, на собственную фантазию? Имелся ли у «махновских» рассказов какой-то реальный фон. Вот начало рассказа «У батьки нашего Махно»:

«Шестеро махновцев изнасиловали минувшей ночью прислугу. Проведав об этом наутро, я решил узнать, как выглядит женщина после изнасилования, повторенного шесть раз. Я застал ее в кухне».

А это его конец:

«Еврейка подняла от лохани свое налитое кровью лицо <...> и пошла из кухни тем трудным шагом, какой бывает у кавалериста, когда он после долгого перехода ставит на землю затекшие ноги».

Сравним с записью в Дневнике от 20 августа 1920 года:

«Комаров <...> Слух об ужасах. Иду в местечко. Невыразимый страх и отчаяние.

Мне рассказывают. Скрытно в хате, бояться, чтобы не вернулись поляки. Здесь вчера были казаки есаула Яковлева. Погром. Семья Давида Зиса, в квартирах, голый, едва дышащий старик пророк, зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальцами, многие еще дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос, мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, 4 человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат. Евреи на площади, измученный еврей, показывающий мне все, его сменяет высокий еврей. Раввин спрятался, у него все разворочено, до вечера не вылез из норы. Убито человек 15 — Хусид Ицка Галер — 70 лет, Давид Зис — прислужник в синагоге — 45 лет, жена и дочь — 15 лет, Давид Трост, жена — резник. *У изнасилованной.*

<...> Ночью — обход местечка.

Луна, за дверьми, их жизнь ночью. Вой за стенами. Будут убирать. Испуг и ужас населения. Главное — наши ходят равнодушно и пограбллявают где можно, сдирают с изрубленных.

Ненависть одинаковая, казаки те же, жестокость та же, армии разные, какая ерунда.

Жизнь местечек. Спасения нет. Все губят — поляки не давали приюту⁴. *Все девушки и женщины едва ходят*».

Как видим, насильовали евреек казаки есаула Яковлева, сражавшегося на стороне поляков. Об этом есауле Бабель рассказывает в новелле «После боя»:

«Это были казаки изменившие нам в начале польских боев, сведенные в бригаду эсаулом Яковлевым, подлейшим из предателей».

Готовя книгу, Бабель слова о «подлейшем из предателей» убрал. И правильно сделал: есаул Яковлев, назвавшийся Вадимом⁵ (на самом деле: Михаил Ильич), красных не предавал и до польской кампании служил у Деникина⁶. Не были изменниками и его казаки (терские и кубанские), в феврале 1920 года отступившие в Польшу в рядах частей генерала Н.Э. Бредова.

А вот манерой письма два «махновских» рассказы весьма напоминают «Конармию». А.К. Жолковский полагает даже, что их, как новеллу «Аргмак», можно было бы задним числом включить в книгу⁷.

Но, кроме стилистической близости, между «Конармией» и данными произведениями обнаруживаются и вполне конкретные пересечения.

Рассыльный махновского штаба казаченок⁸ Кикин (единственный, кроме рассказчика, общий персонаж двух «махновских» новелл) мечтает о переводе в экспедицию. Его меч-

---

⁴ Чтение слова предположительно.

⁵ *Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy na terenie Polski w latach 1918–1924.* Toruń, 1999. S. 43, 57, 116, 121, 139.

⁶ Материалы по истории Донской артиллерии. Вып. 1–2. Париж, 1935–1939. С. 8, 51–52.

⁷ *Жолковский А.К., Ямпольский М.Б.* Бабель/Babel. М.: Carte Blanche, 1994. С. 16.

⁸ С 1926 г. вместо «казаченок» читается «мальчонок» (*Бабель И.* История моей голубятни. М.;Л.: Земля и фабрика, 1926. С. 72). Замена понятная — махновцы, в отличие от конармейцев, казаками не были.

ту осуществил Василий Курдюков, став «мальчиком нашей экспедиции» («Письмо»: «кум Никон Васильич <...> взяли меня к себе, в экспедицию Политотдела, где мы развозим на позиции литературу и газеты»).

Кикин «слыл в штабе дурачком», а про Курдюкова сказано: «придурковатый малый» («У святого Валента»).

Кикин жалуется на жизнь:

«Я из штаба⁹ уйду <...> Там по крайности обмундирование».

А это жалобы Курдюкова:

«Каждые сутки я ложусь отдыхать не евши и *безо всякой одежды*, так что дюже холодно» («Письмо»).

О еврейке Рухле, жертве группового изнасилования, сказано:

«Это была толстуха с цветущими щеками. Только неспешное существование на плодоносной украинской земле может налить еврейку такими коровьими соками <...> Ноги девушки, жирные, кирпичные, раздутые, как шары, воняли приторно, как только что вырезанное мясо».

А вот героиня «Конармии» — Сашка, «дама всех эскадронов», т.е. женщина общего пользования:

«Тело Сашки, *цветущее и вонючее, как мясо только что резанной коровы*» («У святого Валента»).

Безутешный Кикин продолжает излагать свои обиды:

«Вчера, как тебя поймали, а я за голову держал, я Матвей Васильичу говорю, — что же, говорю, Матвей Васильич, вот уже четвертый переменяется, а я все держу да держу. Вы уже второй раз, Матвей Васильич, сходили, а когда я есть малолетний мальчик и не в вашей компании, так меня каждый может обижать... Ты, Рухля, сама небось слыхала евонные эти слова, — мы, говорит, Кикин, никак тебя не обидим, вот дневальные все пройдут, потом и ты сходишь... Так вот они меня и допустили, как же... Это когда они тебя уже в лесок тащили, Матвей Васи-

---

⁹ В 1926 г. вместо «из штаба» читается: «с экспедиции» (*Бабель И. История моей голубятни. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. С. 73*).

лыич мне и говорит, — сходи, Кикин, ежели желаешь. Нет, говорю, Матвей Васильич, не желаю я опосля Васьки ходить, всю жизнь плакаться...».

Но и Курдюкову отказано в женском теле:

«Тело Сашки <...>, заголилось, поднявшиеся юбки открыли ее ноги эскадронной дамы, чугунные, стройные ноги, и Курдюков, придурковатый малый, усевшись на Сашке верхом и трясясь, как в седле, притворился объатым страстью. Она сбросила его и кинулась к дверям» («У святого Валента»).

Кикину — пятнадцать лет («Старательная женщина»). Возраст Курдюкова нам неизвестен. Зато в «Конармии» имеется иной персонаж — «вздорный казачонок» Степка Дуплищев, приставленный беречь начдивского жеребца («Чесники»). Фамилия неприлична сразу по двум параметрам — барковского и гомосексульному. Но и имя ему дано вряд ли случайно — по кличке другого жеребца:

«Напишите мне письмо за моего *Стену*, живой он или нет, прошу вас досматривайте до него и напишите мне за него — засекается он еще или перестал <...> Мамка, доглядайте до *Стенки*, и Бог вас не оставит».

Это из письма Василия Курдюкова, фамилия которого, кстати, тоже произведена от обозначения задней части овечьего тела.

Рядом с Дуплищевым мы встречаем и Сашку, она желает случить начдивского жеребца со своей кобылой. Дуплищев этому противится и объясняет рассказчику причину отказа:

«начдив каждодневно мне наказывает: “К тебе, говорит, Степа, при таком жеребце много проситься будут, но не моги ты пускать его по четвертому году...”».

Тут в разговор вмешивается Сашка:

«— Вас, небось, по *пятнадцатому году* пускаешь, — пробормотала Сашка и отвернулась. — По *пятнадцатому*, небось, и ничего, молчишь, только пузыри пускаешь...».

Не случайны, видимо, и имена прочих персонажей. Венерика-дневального, из-за которого Кикин отказался насла-

даться прелестями Рухли, зовут Василий — как Курдюкова. А распорядитель изнасилования носит имя Матвей — как начдив-6 Павличенко, чьего жеребца блюдет Дуплищев.

Иными словами, имена и приметы «махновских» рассказов выступают двойниками персонажей «Конармии». Отличие лишь в коллизиях. Так ли оно велико?

Беседа с изнасилованной Рухлей придурковатый Кикин интересуется:

«— Ты скольких вчера отпустила, Рухля? — сказал он и, сощурил глаз, осмотрел свою разукрашенную каску.

Девушка молчала.

— Ты шестерых отпустила, — продолжал мальчик, — а есть которые бабы до двадцати человек могут отпустить. Братва наша одну хозяйку в Крапивном клепала, клепала, аж плюнули хлопцы, ну та толстее за тебя будет...».

А это новелла «Переход через Збруч», открывающая «Конармию», — первая фраза:

«Начдив шесть донес о том, что Новоград-Волыньск взят сегодня на рассвете. Штаб выступил из *Крапивно* <...>».

Но это все косвенные улики, оставляющие место для сомнений. Поэтому предъявим прямую.

Рассказ «Старательная женщина»:

«Три махновца — Гнилошкуров¹⁰ и еще двое — условились с женщиной об любовных услугах. За два фунта сахара она согласилась принять троих, но на третьем не выдержала и закрыжилось по комнате»¹¹.

---

¹⁰ Неэстетичной своей фамилией он обязан, видимо, полковнику Михаилу Николаевичу Гнилорыбову (1884 — не ранее 1922), командиру Донской казачьей дивизии, в марте 1920 г. эмигрировавшему в Польшу и вступившему в 3-ю (врангелевскую) армию. После заключения советско-польского мирного договора остался в Польше и в 1922 году был послан Савинковым в СССР для организации терактов против советских руководителей. Был арестован, на допросах каялся в былых заблуждениях, но, оказавшись во внутренней тюрьме Лубянки, обезоружил охранника и был схвачен при попытке проникнуть в кабинет Дзержинского. Расстрелян (*Абрамов В.* Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 63).

¹¹ Обратим внимание на противоречия в рассказе. Вначале сказано: «женщина не выдержала на третьем». Но Гнилошкуров утверждает: «она после меня двоих свезла и вполне благополучно... <...> и тут Петька [Орлов] наскочил на наше горе...»

А потом три махновца, усевшись под окном рассказчика, это событие обсуждают. Петька Орлов поведал:

«Я сказывал ей – нас трое, Анеля, возьми себе подругу поделись сахаром, она тебе подсобит... Нет, говорит, я на себя надеюсь, что выдержу, мне троих детей прокормить, неужели я девица какая-нибудь...

– Старательная женщина – уверил Петьку Гнилошкуров <...>, – старательная до последнего...».

А вот – отмеченная Е.И. Погорельской¹² – запись в конармейском Дневнике от 16 июля 1920 г.:

«Новоселки. 16.7.20 <...>

Страшный случай, солдатская любовь, двое здоровых казаков сторговались с одной – выдержишь, выдержу, один *три раза, другой полез – она завертелась по комнате* и загадила весь пол, ее выгнали, денег не заплатили, слишком была *старательная*.

Сохранена в рассказе и такая деталь: завертевшись по комнате женщина «загадила весь пол».

Гнилошкуров именно об этом и говорит:

«я так раскладываю, что она с утра гадкой зелени наелась, она наелась, и тут Петька наскочил на наше горе...».

А Кикин продолжает:

«– Тут Петька наскочил <...> Мужчина, она Петьке говорит, будьте настолько любезны, у меня последняя сила уходит, и как вскочит, завинтилась винтом, а ребята руки расставили, не выпускают ее из дверей, а она *сыпит и сыпит...*».

Итак, перед нами картины армейских нравов в небоевой обстановке. Только суть дела здесь не в бесчинствующих мужчинах, а в женщинах. Равнодушную скотоподобную толстуху Рухлю групповое насилие превращает в человека. Правда, ее

Его поддерживает Кикин: «Тут Петька наскочил <...>. Мужчина, она Петьке говорит, будьте настолько любезны, у меня последняя сила уходит, и как вскочит, завинтилась винтом, а ребята руки расставили, не выпускают ее из дверей, а она сыпит и сыпит...».

Получается, что Анеля свое обязательство исполнила – троих приняла.

¹² [Погорельская Е.И.] Комментарии // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 586.

«щеки, воспламененные более обычного, и глаза, устремленные книзу» Бабель определяет как то, что осталось от вчерашней девственности. Но щеки воспламенены более обычного, т.е. обожжены новым — женским пламенем.

И старательная женщина, родившая троих и относящаяся к физической стороне половых отношений как к докучливой, не задевающей душу механической процедуре, вдруг чувствует в себе пробуждение любви и говорит застегивающему штаны Гнилошкурору: «пожилой, <...> мерси за компанию, вы мне приятный». И называет мужчине свое имя — Анеля, перестав быть пассивным и безликим объектом мужских утех. А наутро она, покрываясь «медленным, нежным румянцем», смотрит на ожидающего ее Гнилошкурова — уже возлюбленного.

И наблюдающий за ними рассказчик шепчет ее имя: Анеля, Анеля...

Потому что оба эти рассказа — о любви.

***

Слухи о бесчинствах и зверствах, совершенных героями-конармейцами, ходили давно. Но в последнее двадцатилетие опубликованы и соответствующие документы. Например, донесение военкома 42-й стрелковой дивизии 13-й армии В.Н. Черного (декабрь 1919 года):

«Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей. Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанию белых. Кавалеристы частей конкорпуса отбирали у населения (без разбора у кулаков и бедняков) одежду, валенки, фураж (иногда не оставляли и фунта овса), продовольствие (кур, гусей и пр.), не уплачивая ни копейки. Взламывая сундуки, отнимали женское белье, деньги, часы, столовую посуду и проч. *Поступали заявления об изнасиловании и истязании.* <...> Крестьяне спрашивают — в чем разница: грабили белые — теперь грабят красные?!»¹³.

Год спустя — 3 октября 1920 года комиссия Реввоенсовета 8-й армии прибыла в расположение 6-й дивизии, которой командовал Р.И. Апанасенко:

---

¹³ Генис В.Л. Первая Конная армия: За кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 64–77.

«уже при нашем пребывании в 6-й кавдивизии в местечке Прилуки и Вахновке были разгромлены винные заводы, были погромы. В Прилуках убито 21 человек, 12 раненых и *много изнасиловано женщин и детей. По рассказам обывателей, женщины насиловались на улице на глазах у всех, многие из девушек покрасивее взяты в обоз.* В Вахновке 20 убито, количество раненых и изнасилованных неизвестно и сожжено 18 домов».

4 октября 6-кавдивизия вошла в местечко Самгородок:

«В ту ночь (на 5 октября) <...> они забрали четырех девушек в ближайшее село, где их держали для своей прихоти в течение двух суток. Не щадили также и старых женщин. *По достоверным сведениям, число изнасилованных более 50-ти. Ими были также убиты 2 женщины.* В течение их пятидневного разгула были ограблены все еврейские дома <...>».

Бабеля в то время в конармии уже не было. Не найдем мы описания таких эксцессов и в Дневнике. Так что же — ничего подобного не случилось?

Но Бабель мог и не вносить в Дневник все, что видел или слышал, опасаясь слишком пристального внимания начальства. Например, Нина Буденная, дочь маршала, рассказывала такое:

«Бабель дружил с замечательным мхатовским актером Борисом Ливановым. Он был с ним откровенен, а ливановский сын Вася, будущий телевизионный Шерлок Холмс, внимательно слушал разговоры взрослых. Позже он мне их пересказал: про чекиста из «Конармии» Бабель говорил — «это я»¹⁴.

Короче, Бабель сам признался, что был заслан в 1-ю Конную чекистским осведомителем. Одна беда: никакого персонажа-«чекиста» в «Конармии» не сыскать... Наверняка, Нина Семеновна, книгу эту не читала, а мужу верила... Тем более, у Буденных ненависть к Бабелю — черта семейная.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: все задокументированные бесчинства конармейцы совершили на советской территории. А то, что они вытворяли в завоеванной Польше, Реввоенсовет, видимо, не интересовало. Не особенно

---

¹⁴ Нина Буденная: «Георгиевские кресты папа носил дома» // Известия. 2003. № 117. 5.07. С. 8.

беспокоили и погромы, поскольку напугало руководство совсем другое — донесение начальника 8-й дивизии Червонного казачества В.М. Примакова от 2 октября 1920 года:

«Вчера я говорил с начдивом-6 (Апанасенко). Начдив сообщил мне, что военком дивизии и несколько лиц комсостава несколько дней тому назад убиты своими солдатами за расстрел бандитов. Солдатские массы не слушают своих командиров и, по словам начдива, ему больше не подчиняются. 6-я дивизия идет в тыл с лозунгами “бей жидов, коммунистов, комиссаров и спасай Россию”, *у солдат на устах имя Махно как вождя, давшего этот лозунг*».

Ревтрибунал приговорил 167 бойцов к расстрелу, а начдива-6 Апанасенко — к тюремному заключению. Но, по случаю 3-й годовщины Октябрьской революции, Апанасенко не посадили, а отправили в родной Ставропольский край начальником губернской милиции.

Так что новеллы «У батьки нашего Махно» и «Старательная женщина» вполне могли предназначаться для книги «Конармия»¹⁵. Но включить их в книгу Бабель не отважился. Хотя и отказаться от написанного не захотел. Вот и пришлось перекрасить конармейцев в махновцев. На Махно и не такое вешали...

---

¹⁵ К такому мнению склонялся и Е.А. Добренко: «Но стоит забыть, что перед нами не красноармейцы, а махновцы, как новеллы эти окажутся частью целого [т.е. “Конармии”]» (Белая Г.А., Добренко Е.А., И.А. Есаулов. «Конармия» Исаака Бабеля. М.: Российский университет, 2004. С. 94).

Глава XXIII

РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

Рассказ «Гапа Гужва» — с подзаголовком «Первая глава из книги “Великая Криница”» — был опубликован в октябрьском номере журнала «Новый мир» за 1931 год. Авторская датировка рассказа: «весна 1930 г.». Такой же датой снабжен и напечатанный в 1963 году в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» рассказ «Колывушка». Подзаголовок, однако, был иным: «Из книги “Великая Старица”». Тот же подзаголовок мы находим и в копии, снятой с автографа рассказа «Колывушка»¹. Поскольку в письме редактору «Нового мира» Вячеславу Полонскому (от 13 октября 1931 года) перипетии с заглавием книги объяснил сам Бабель — «Пришлось изменить название села — для избежания сверхкомплектного поношения», можно сделать вывод, что к моменту публикации рассказа «Гапа Гужва» был уже написан и рассказ «Колывушка».

Менее всего сведений о третьем фрагменте книги — рассказе «Адриан Моринец». В журнале «Новый мир» анонсировалась его публикация в 1932 году. Имелся ли данный рассказ в портфеле редакции или только был обещан автором — неизвестно. Персонаж с таким именем упомянут в рассказе «Колывушка», причем каждое упоминание достаточно развернуто:

«Адриан двигался так, как если бы башня тронулась с места и пошла»;

«Адриан Моринец, нечеловечески громадный»;

За столом президиума сельрады «безмолвный Адриан Моринец»...

---

¹ *Исаак Бабель. Письма другу: Из архива И.Л. Лившица М.: Три квадрата, 2007. С. 16, 18, 46, 73.*

Но, в конце концов, когда раскулаченного Колывушку изгоняют из села, отверзает уста и Адрияин:

«Разбрасывая людей, Моринец выбрался вперед.

– Нехай робит, – вопль не мог вырваться из могучего его тела, низкий голос дрожал, – нехай робит... чю долю он заест?..»

Можно ожидать, что и в посвященном ему рассказе (воспользуемся случаем исправить его название — «Адрияин Моринец») герой также не был безропотен и послушен...

11 сентября 1939 года, находясь в заключении, Бабель направил наркому внутренних дел Л.П. Берия письмо, в котором просил разрешения привести в порядок отобранные у него рукописи, в частности — «черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины». Из этого можно сделать вывод, что книга «Великая Криница» не была доведена даже до стадии беловика.

А в собственноручных показаниях следователю Бабель предлагает объяснение причин своей неудачи:

«Я хотел написать книгу о коллективизации, но весь этот грандиозный процесс оказался растерзанным в моем сознании на мелкие несвязанные куски».

Тем не менее, сохранившиеся материалы позволяют строить некоторые предположения о книге «Великая Старица» — по всей видимости, она состояла из новелл, каждая из которых была внутренне завершена и повествовала об одном персонаже, обозначенном в заглавии.

Поименованных персонажей в опубликованных рассказах набирается больше двух десятков. Приблизительность подсчета обусловлена тем, что среди персонажей имеются и дочери Гапы Гужвы, но число их не указано — ясно лишь, что больше одной.

Стараниями украинских краеведов обнаружено немало реальных прототипов действующих в книге лиц.

Уполномоченный РИКа по коллективизации Ивашко — это Устим Ивашко, родившийся в 1900 г. в селе Борисполь Киевской губернии и 20 марта 1937 года арестованный Бориспольским райотделом НКВД Украины. 25 апреля того же года постановлением тройки Управления НКВД УССР по Киевской

области он был признан виновным по статье 54-10 УК УССР (соответствует ст. 56 УК РСФСР) и приговорен к высшей мере наказания. 5 мая 1937 года приговор был приведен в исполнение.

А вот голова сельрады (т.е. председатель сельсовета) Назаренко Евдоким Назарович умер своей смертью — 16 мая 1933 года, в возрасте 43 лет.

Председателя колхоза в селе Великая Старица Бабель именует Житняком. Но по документам он проходил как Иван Федорович Житник, и в 1939 году за «колхозное вредительство» был приговорен к 10 годам ИТЛ.

Совершенно реален и Иван Кольвушка. Правда, фамилию его Бабель несколько изменил — настоящий Иван Демидович носил фамилию Кольвушко. Так вот, реальный Кольвушко родился в 1878 году, воевал на фронтах японской и Первой мировой, заслужил георгиевскую медаль. Жена его в рассказе осталась безымянной, а реальную звали Соломея Яковлевна. Вместе с мужем произвела на свет 14 детей, из которых семеро умерли во младенчестве. Зато один из сыновей — Василий — дожил до ареста и суда по обвинению в злостной борьбе против советской власти и колхозного строя. Приговор — 10 лет лагерей, но Василий отсидел весь срок и вышел на свободу.

А вот сам Иван Кольвушко никогда арестован не был и, сбжав из села, все годы благополучно прятался, зарабатывая на жизнь кровельным и печным делом. Иногда тайно посещал своих детей и могилу жены (умерла через год после раскулачивания), но только по ночам. А в 1959 году, похоронив вторую жену, и вовсе вернулся в родное село, где умер в 1962 году, так и не записавшись в колхоз.

Чудом сохранившийся в районном ЗАГСе список умерших за период с 17 апреля по 10 сентября 1933 года — пик Голодомора — свидетельствует, что за 5 месяцев скончались 227 жителей села Великая Старица. В январе 1927 года там проживало 1806 человек, а 10 лет спустя (по переписи 1937-го) в живых осталось всего 436 — меньше четверти.

Среди мертвых и Гришка Савченко, любовник Гапы Гужвы, — полное имя: Савченко Григорий Павлович, единоличник, скончавшийся в возрасте 29 лет. Значит, на момент действия рассказа, весной 1930-го, ему было всего двадцать шесть...

И еще Ивга Романовна Мовчан, 50-летняя умершая куркулька².

Единоличник, куркулька... — при советской власти и перед смертью равенства не было. Но данное указание заслуживает особого внимания, поскольку у Бабеля Ивга Мовчан упомянута один-единственный раз: Кольвущка «подошел к столу, за которым сидел президиум — батрачка Ивга Мовчан, голова Евдоким и безмолвный Адриан Моринец»...

Как куркулька обернулась батрачкой? — или Бабеля ввели в заблуждение?.. Или сам писатель с какой-то целью пошел наперекор реальности?.. А затем, во избежание возмущения прототипов, заменил подлинное название села придуманным?

Таким образом, даже наличие у села и персонажей реальных прототипов не превращает книгу Бабеля в отчет о действительных событиях.

Каким же был замысел книги? Уже отмечалось, что среди произведений Бабеля «Великая Криница» выделяется отсутствием еврейских персонажей. Объяснять такую ситуацию тем обстоятельством, что в книге описывался процесс коллективизации в *украинской* деревне, конечно, возможно. Но, даже отставив в сторону инсинуации об ответственности евреев за коллективизацию и Голодомор, вспомним, что прототипом Давыдова в «Поднятой целине» был объявлен председатель колхоза им. М.В. Фрунзе в станице Вёшенской Плоткин Або Аронович (станичникам он представился Андреем).

Поэтому нельзя исключить, что отсутствие еврейских персонажей в сохранившихся фрагментах определялось замыслом книги — замыслом, который первоначально был иным.

В селе Великая Старица Бабель побывал в феврале–марте 1930 года. А год спустя, 11 февраля 1931 года, в письме матери и сестре он сообщал:

«<...> несколько дней пробуду в Москве, потом поеду на юг через Киев. В Киеве мне нужно побывать в Правлении Вуфку, для которого я эпизодически исполняю кое-какие безымянные работы, потом хочу еще побывать в приснопамятной Великой Старице, оставившей во мне одно из самых резких воспоми-

---

² *Йова Н.В., Гойда Т.М.* Історія рідного краю. Бориспільщина. Навчальний посібник. [Київ:] ПП Люксар, 2002. http://www.borispol.org.ua/load/o_gorode/istorija_goroda/dramatichni_30_ti_roki/25-1-10-155

наний за всю жизнь. Потом проеду южнее в новые еврейские “мужичьи” колонии».

6 марта, уже находясь в Киеве, он — в письме И.Л. и Л.Н. Лившицам — это свое намерение подтвердил:

«Курс я попрежнему держу на евр[ейский] колхоз или колонию. Очень больно, что задерживаюсь. Может, числа 10-го выеду»³.

В силу чего можно предположить, что первоначально книга мыслилась как параллельное описание процессов создания украинского и еврейского колхозов. Но, то ли потому, что до еврейских колхозников Бабель так и не добрался, то ли по иной какой причине, замысел изменился. И сегодня мы имеем дело со второй редакцией книги, построенной как-то иначе. Как?

Например, рассказ «Гапа Гужва» самим Бабелем назван первой главой. И в этой главе уполномоченного РИКа по коллективизации Ивашко снимают с должности. Однако, в главе «Кольвущка», явно не первой, Ивашко вполне деятелен и проводит раскулачивание. Следовательно, в книге «Великая Криница» хронологический порядок действий (подобно «Конармии») был принесен в жертву сюжету. И «Гапа Гужва» — первая глава — задавала тон всей книге.

Заслуживает внимание и само отстранение Устима Ивашко от должности. В истории села похожие прискорбные факты действительно имели место. Например, 31 августа 1931 года председатель Бориспольского райисполкома телеграммой распустил и в полном составе отдал под суд весь Велико-Старицкий сельсовет. Причина — срыв хлебозаготовок и бездеятельность в деле проведения коллективизации⁴.

Так что в увольнении уполномоченного райисполкома Ивашко ничего удивительного нет. И то, что в анналах Великой Старицы информации о таком решении мы пока не нашли, сути дела не меняет.

Удивительно — кто заменил Ивашко. Не представитель райисполкома или райкома партии, не двадцатипяти тысячник... Даже не сотрудник НКВД...

---

³ *Исаак Бабель. Письма другу... С. 76.*

⁴ *Йова Н.В., Гойда Т.М. Указ. соч.*

Коллективизацию осуществляет прибывший из села Воронькова тамошний судья Осмоловский. И этому судье героиня рассказа задает один единственный вопрос:

- «– Судья, – сказала Гапа, – что с блядьми будет?..
Осмоловский поднял лицо, обтянутое рябоватым огнем.
– Выведутся.
– Житье будет блядям или нет?
– Будет, – сказал судья, – только другое, лучшее».

Какая связь между этим вопросом и колхозным строительством? Как будто, никакой. Но это при обычном взгляде на коллективизацию. А Бабель, видимо, смотрел на нее иначе, потому что ответ на этот вопрос был уже дан и дан давным-давно:

«Истинно говорю вам, мытари и блудницы вперед вас войдут в царство Божие»... (Евангелие от Матфея, глава 21, стих 31).

Близкий мотив мы находим в бабелевском киносценарии 1926-го года «Китайская мельница»: (1926 – 3, 167–168):

«Зал бывшего барского дома – теперь изба-читальня.
Колонны, купидоны на резных ножках стола. Лицо одного из купидонов закрыто наполовину «Правдой».
На столе радиоприемник, устроенный в металлической коробке из-под пастилы, и громкоговоритель.
На скамьях – крестьяне, приготовившиеся услышать *благу*ю весть.

<...>

СЛУШАЙТЕ МОСКВУ, ГРАЖДАНЕ...»

«Благая весть» в переводе на греческий – это *εὐαγγέλιον*, сиречь – Евангелие. Но евангельское обетование, несущееся из *пустой коробки из-под пастилы* – это пустые обещания сладкой жизни!

А тогда *наполовину закрытое «Правдой»* лицо купидона в бывшем барском доме означает, что «Правда» – это не истина, а лишь полуприкрытый соблазн! То есть не правда, а ложь. Новая сцена:

«Сквозь восьмидесятилетние пальцы старухи металлическая трубка радио.
Смятенное лицо старухи.

ЧТОЙ-ТО *БОЖЕСТВЕННОЕ* ГОВОРЯТ, А ЧЕГО, НЕ ПОНЯТНО...

Старуха *крестится*.

Оратор-китаец».

Это трансляция проходящего в Большом театре митинга китайцев, протестующих против насилий, чинимых англичанами. Но народ крестится, считая этот митинг божественной литургией. Вспомним, однако, что политическое образование масс называлось тогда политграмотой, и обратим внимание на оратора. Это китаец, и, значит, голос Москвы — это китайская грамота.

А в рассказе «Гапа Гужва» происходит вот что — на Масленую на селе играют свадьбы. Пир горой, веселье и пляски... В конце концов силы веселиться остаются только у героини.

«Гапа доплясывала одна в пустом сарае. Она кружилась, простоволосая, с багром в руках. Дубина ее, обмазанная дегтем, обрушивалась на стены. Удары сотрясали строение и оставляли черные липкие раны.

– Мы смертельные — шептала Гапа, ворочая багром.

Солома и доски сыпались на женщину, стены рушились. Она плясала, простоволосая, среди развалин, в грохоте и пыли рассыпающихся плетней, летящей трухи и переламывающихся досок. В обломках вертелись, отбивая такт, ее сапожки с красными отворотами».

Некоторая неувязка: сказано, что Гапа «кружилась <...> с багром в руках».

Когда человек держит в руках некий предмет, это означает, что он держит его обеими руками. Но тут же выясняется, что стены сарая Гапа крушит дубиной!

Откуда дубина? Вестимо, из «Войны и мира» — том IV, часть 3, глава 1:

«<...> дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Гапа Гужва дубиной разносит пустой сарай. Он хоть и пустой, но чужой, а скорее всего — общественный. И, значит, дубиной народной войны Гапа гвоздит односельчан, свой собственный народ.

Вдобавок ко всему дубина обмазана дегтем и наносит строению «черные липкие раны». Дегтем, как известно, в деревнях мазали ворота женщин, уличенных в распутстве. Именно такой распутной женщиной, по ее собственному признанию, является Гапа Гужва. И она мажет дегтем общественный сарай, дабы переложить свой позор на всех прочих жителей Великой Старицы.

А теперь — багор.

Он входит в стандартный набор противопожарного инвентаря — топор, багор, ведро. Но никакого пожара не было... Что ж было?

«Шел третий день великокриницких свадеб. Дружки, обмазавшись сажей и вывернув тулупы, колотили в заслонки и бежали по селу. На улице зажглись костры. Через них прыгали люди с нарисованными рогами».

После чего:

«Мужики упали, сраженные сном. Хозяйки выбрасывали на задворки битую посуду. Новобрачные, помыв ноги, взошли на высокие постели, и только Гапа доплясывала одна в пустом сарае».

Люди, вымазанные *сажей*, в *вывернутых наизнанку овчинных тулупах* и с нарисованными *рогами*, изображают не баранов, а чертей. И тут самое место дегтю и багру.

Деготь — жидкий продукт сухой перегонки древесины, носит еще одно название: «древесная смола». Итальянский язык и такого различия не проводит — слово *resе* равно служит для обозначения смолы и дегтя.

А тогда на память приходит Данте, «La Divina Commedia», «Ад (Inferno)» и песнь XXII — Пятый ров Восьмого круга. Во рву, в кипящей *смоле* сидят мздоимцы и их мучают *бесы с баграми*. В переводе М. Лозинского это звучит так (сткк. 16–18, 22–35, 70–72):

Лишь на **смолу** я обращал мой взгляд,
Чтоб видеть свойства этой котловины
И что за люди там внутри горят.
<...>

И как во рву, расположась вдоль края,
Торчат лягушки рыльцем из воды,
Брюшко и лапки ниже укрывая, –

Так грешники торчали в две гряды,
Но, увидав, что Борода крадется,
Ныряли в *кипь*, спасаясь от беды.
<...>

Зуд, всех ближе, зацепив
Багром за космы, слипшиися туго,
Втащил его, как выдру, на обрыв.

Тут Забияка: «Больно долго ждем!» –
Сказал, *рванул* ему *багром предплечье*
И выхватил клок мяса целиком.

Добавим описание предыдущей пляски Гапы:

«Она плясала в паре с любовником своим Гришкой Савченко. Они схватывались, словно в бою; в упрямой злобе *обрывали* друг другу *плечи*».

Наплясавшись, Гапа бросается в сельраду и находит там секретаря...

«– Дождутся люди вороньковского судьи⁵, – сказал Харченко, переворачивая газетный лист, – тогда воспомянут <добрым словом уполномоченного РИК'а Ивашко. – Б.-С.>.

Гапа вывернула из-под юбки кошель с подсолнухами.

– Почему ты должность свою помнишь, секретарь, – сказала баба, – почему ты смерти боишься?.. Когда это было, чтобы мужик помирать отказывался?..»

В селе свадьбы, а Гапа Гужва говорит только о смерти.
Из сельрады она направляется домой.

«В сенях своей хаты Гапа услышала мерное бормотанье, чужой осипший голос. Страница, забредшая ночевать, подогнув под себя ноги, сидела на печи. <...>

---

⁵ Отметим, что вороньковский судья – персонаж вымышленный – наделен фамилией *Осмоловский*!

Большегубые дочери Гапы, задрав снизу головы, уставились на побирушку. Девушки поросли коротким, конским волосом, губы их были вывернуты, узкие лбы светились жирно и мертво.

– Бреши, бабуся Рахивна, – сказала Гапа и прислонилась к стене, – я тому охотница, когда брешут... <...>

– Три патриарха рахуются в свете, – сказала старуха, мятое ее лицо поникло, – московского патриарха заточила наша держава, иерусалимский живет у турок, всем христианством владеет антиохийский патриарх... Он выслал на Украину сорок грецких попов, чтоб проклясть церкви, где держава сняла дзвоны... Грецкие попы прошли Холодный Яр, народ бачил их в Остроградском, к прощеному воскресенью будут они у вас в Великой Кринице...

Рахивна прикрыла веки и умолкла. <...>

– Вороньковский судья, – очнувшись, сказала старуха, – в одни сутки произвел в Воронькове колгосп... Девять господарей он забрал в холодную... Наутро их доля была идти на Сахалин. <...> Перебули тыи господари ночь в холодной, является стража – брать их... Видчиняет стража дверь от острога, на свете полное утро, девять господарей качаются под балками, на своих опоясках⁶...»

Наутро бабу Рахивну арестовали. На вопрос «за что?» последовал ответ:

«– Кажуть, агитацию разводила про *конец света*...»

Примечательно, что сообщивший об этом Трохим Юшко слова свои не произнес, не прокричал, а «*протрубил*»!

Как же выглядит в этом свете судья-коллективизатор?

«Вороньковский судья, подняв плечи, читал у стола. Он читал книгу протоколов великокриницкой сельрады <...> Рядом за столом секретарь Харченко писал своему селу обвинительный акт. Он разносил по разграфленным листам все преступления, недоимки и штрафы, все раны, явные и скрытые. Приехав в село, Осмоловский, судья из Воронькова, отказался созвать сборы, общее собрание граждан, как это делали уполномоченные до него, он не произнес речи и только приказал составить

---

⁶ Ср. историю девяти мучеников, ввергнутых в темницу и казненных в малоазийском городе Кизик (III в.). Нечестивым судьей был градоначальник. В православной церкви память их совершается 29 апреля (12 мая).

список недоимщиков, бывших торговцев, списки их имущества, посевов и усадеб».

Чем заняты два этих человека? Они готовят обвинительный акт. Потому и не стал Осмоловский созывать общее собрание сельчан — время уговоров и пророчеств истекло. Пришло время творить суд — по написанному в книгах. И тогда откроется подлинный лик вороньковского судьи Осмоловского — Высший Судья. И судить он будет людей последним — Страшным Судом.

Оттого и готовятся крестьяне к смерти, а дочери Гапы уже отмечены роковой печатью — «узкие лбы светились жирно и мертво».

Это и есть истинная суть коллективизации в СССР — Страшный Суд над крестьянством.

В такой оценке происходящего Бабель не был одинок. Вот, например, что говорил 13 марта 1936 года Борис Пастернак:

«Наш съезд писателей собрался в то время, когда, — тут, конечно, я ни черта не понимаю, и лучше бы не следовало мне на эти темы говорить, но я скажу, как мне это представляется. Мне кажется, что к тому времени я не понимал коллективизации, она мне казалась ужасом, *концом света*».

Пастернак выступал на дискуссии о формализме и натурализме. Стенограмму этого выступления читал Сталин и последнюю фразу подчеркнул⁷.

А в 1938 году в «Правде» была напечатана «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». И в ней о коллективизации сказано:

«В конце 1929 года, в связи с ростом колхозов и совхозов, Советская власть сделала крутой поворот <...> Она сняла запрет с раскулачивания. Она разрешила крестьянам конфисковать у кулачества скот, машины и другой инвентарь в пользу колхозов. Кулачество было экспроприровано. Оно было экспроприровано так же, как в 1918 году были экспропрированы капиталисты в области промышленности <...>

Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качествен-

---

⁷ Галушкин А. Сталин читает Пастернака // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 668.

ное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»⁸.

Но «равнозначный» не значит «тождественный», и чтобы никому в голову не пришло ошибиться, следовало разъяснение:

«Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»⁹.

«Краткий курс» писала группа авторов, но вряд ли кто-то из них осмелился бы единолично выдвинуть столь смелое определение одного из судьбоносных этапов советской истории, а потому присутствие здесь Сталина представляется мне несомненным.

Тем более, труд был не так уж и велик — в классической формуле революционной ситуации «Низы не хотят, а верхи не могут» изменить всего одно слово: «Низы не хотели, а верхи смогли»!

Так высшая сила проникла в официальную доктрину. Но ведь и сам «Краткий курс» менее всего являл собой простой и доступный учебник по истории партии. Нет, то было новейшее Святое Писание, изложение священной истории народа, избранного высшей силой — железным законом исторической необходимости.

Как мы видим, Бабель смотрел на судьбу русского крестьянства через призму Нового Завета. Чем был обусловлен этот выбор? Тем, что у христианского человечества иная история, отличная от истории Богоизбранного народа? Или перед нами утверждение, что каждому воздастся по его вере?

Ответ, видимо, таков: книга «Великая Криница» — последняя, та, что в Новом Завете носит имя «Срывание покровов», сиречь Апокалипсис.

Это конец истории и конец человечества, и, как бы высоко не забрался человек, есть Тот, кто выше его.

---

⁸ История Всесоюзной коммунистической партии (большевики): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б). 1938. [М.:] Правда, 1938. С. 291.

⁹ Там же. С. 291–292.

Глава XXIV

КЛЮЧИ МАРИИ

Драматургическое наследие Бабеля невелико: две пьесы («Закат»¹ и «Мария»²), начало третьей³ (по рассказу «Мама, Римма и Алла»), якобы завершенная в 1937 году пьеса «Котовский»⁴ и половина пьесы в изъятном НКВД бабелевском архиве⁵.

Из того, что доступно глазу, лишь пьеса «Мария» представляет собой не сценическую иллюстрацию ранее написанного рассказа, а самостоятельное драматическое произведение.

---

¹ *Бабель И.* Закат // Новый мир. 1928. № 2. С. 5–35; *Бабель И.* Закат. М.: Круг, 1928. 96 С.; ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. П-6076. 50 лл. (машинопись с авторской правкой); РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 197. 77 лл. (машинопись, представленная МХАТ-2 в Главрепертком, 1927). В собрании Т.В. Кашириной (1900–1995) хранилась рукопись пьесы (*Поварцов С.* Быть Бабелем. Краснодар: Кубанпечать, 2012. С. 26), местонахождение которой в настоящее время неизвестно.

² *Бабель И.* Мария // Литературная газета. 1935. № 14. 10.03. С. 6 (сцены 5-я и 8-я); *Бабель И.* Мария // Театр и драматургия». 1935. № 3. С. 45–59; *Бабель И.* Мария. М.: Гослитиздат, 1935. 66 С.; РГБ НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. 47 лл. (правленая машинопись).

³ РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 11 (первая и начало второй сцены).

⁴ «В 1937 г. Б[абель] сообщил в печати о том, что окончил пьесу о Котовском <...>» (Акимов В.М. Бабель Исаак Эммануилович // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. В двух частях. М.: Просвещение, 1998. Ч. 1. С. 117). Иной информацией располагала О.П. Котовская, вдова главного героя, в письме от 3 октября 1938 г. сообщившая родным: «Представитель Киевского Военного Округа заявил, что Округ с своей стороны поможет, т.к. ждет пьесы для красноармейских частей. <...> Меня просили быть консультантом. Там же я узнала, что Бабель работает над пьесой “Котовский”» (из архива В.Г. Шмерлинга: <http://vlshmerling.narod.ru/ar/0216.html>).

⁵ Бабель в письме Л.П. Берия от 11 сентября 1939 г.: «Я прошу Вас, гражданин Народный Комиссар, разрешить мне привести в порядок отобранные у меня рукописи. Они содержат черновики <...> наполовину готовой пьесы» (*Шенталинский В.А.* Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. [М.]: Парус, 1995. С. 70). Не исключено, что речь идет о пьесе «Котовский».

Добавим: очень странное драматическое произведение...

И дело вовсе не в том, что персонаж Мария, чьим именем названа пьеса, ни разу на сцене не появляется.

Пьеса (как и «Закат») состоит из 8-картин. Место действия — Петроград, время — гражданская война. В первой сцене подпольный делец Исаак Маркович Дымшиц, в сопровождении хора своих сотрудников-инвалидов, подводит итоги трудового дня. Выясняется, что большевистские проверки на питерских вокзалах всерьез угрожают свободе торговли. Место действия 2-й сцены — квартира отставного генерала Муковнина, гневного критика армейских порядков при царском режиме. Приходит Дымшиц, чтобы повести дочь генерала Людмилу в театр. В разговоре с Дымшицем генерал впервые упоминает об отсутствующей старшей своей дочери Марии и после ухода Дымшица с Людмилой хорошо отзывается о евреях и воздает должное их «энергии, жизненной силе, сопротивляемости». Перед уходом Людмила делится с приживалкой Катей намерением выйти замуж за Дымшица. Людмила и Дымшиц уходят, а отставной генерал ударяется в политическую лирику: хвалит евреев, большевиков и, опережая время, называет Петра I первым русским большевиком⁶. В третьей картине нам представлен гостиничный номер Дымшица. Людмила рассказывает о своих знакомых из числа великосветской молодежи, а Дымшиц пытается ее спойти и ею овладеть. Попытка неудачна, и Людмила призывает Дымшица потерпеть. В соседней комнате инвалиды играют в карты и ведут разговор о трудностях современной жизни — облавах и расстрелах. Дымшиц безуспешно повторяет свою попытку, после чего Людмила объясняет свое нежелание близости зубной болью и отсылает Дымшица за капля-

---

⁶ Первым такое заявил Максимилиан Волошин в поэме «Россия», напечатанной (с купюрами) в альманахе «Недра» (1926. Кн.6):

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонения и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.

(Волошин М. Собр. соч. М.: Эллис Лак 2000–. Т. 1. (2003). С. 373).

ми. Дымщиц уходит и исчезает из пьесы навсегда. Четвертая сцена — квартира бывшего ротмистра гвардии Висковского. За столом Яков Кравченко, прапорщик военного времени, пошедший на службу к большевикам, и его спутница французуженка Дора. Висковский, выполняющий поручения Дымщица, излагает свои планы разбогатеть. Приходит Людмила и сообщает, что Дымщиц так и не вернулся. Висковский начинает дразнить Кравченко, живописуя то, как прапорщика расстреляют большевики. Кравченко вспоминает, что Мария находится теперь в армии на польской границе, а Висковский начинает рассказывать о нелепом романе Марии с еще более нелепым князем Голицыным, ныне играющим на виолончели в трактирах. Затем бывший ротмистр уличает Людмилу в краже сестриноного кольца, выталкивает ее в соседнюю комнату и насильно ею овладевает. Кравченко возмущен и бросает в лицо Висковскому, что больные триппером не имеют права спать с женщинами. Висковский обещает набить Кравченко морду, тот выхватывает револьвер и стреляет. Занавес. За занавесом выстрелы, звуки падающих тел, женский крик. Сцена пятая — квартира Муковниных. Приживалка Катя зачитывает письмо Марии из армии. Генерал плачет, благодаря Бога за дарованных ему чудесных детей. Шестая сцена: в милицейском участке идет допрос Людмилы по обвинению в занятии проституцией. Людмила пытается жаловаться на заражение ее дурной болезнью, но следователь неумолим и требует смотреть ему в глаза, потому что он пятые сутки не спавши. Сцена седьмая — у Муковниных. Один из дымщицевских инвалидов проходит с известием об аресте Людмилы. Блаженный генерал заявляет, что даже рад этому: «Это урок — урок за ребячество, за отсутствие опыта...», и, произнеся эти слова, падает на стул. Звонок в дверь. Все ждут приезда Марии, но оказывается, что это всего лишь красноармеец, доставивший от нее продуктовую посылку. Генерал падает на пол. Агония.

Сцена восьмая заключительная — зала квартиры, где проживал генерал Муковнин. Входит Агаша, бывшая дворничиха, а ныне председатель домкома, высовывается в окно и начинает руководить расселением новых жильцов-пролетариев и выселением бывших. Входят приживалка Катя и торговец Сушкин, прибывший, чтобы увезти купленную им генераль-

скую мебель. Тут же встречается Агаша и приказывает вывоз мебели прекратить. В доме теперь новые жильцы пролетарии, вот им мебель и понадобятся. На робкие возражения приживалки Кати, что мебель эта принадлежит отсутствующей Марии, Агаша заявляет, что ей это без разницы... Входит рабочий Сафонов с беременной женой, робеет от свалившейся на него роскоши, но Агаша советует ему привыкать к хорошему. Оставшись в одиночестве, беременная жена Сафонова робко идет вдоль стен, заглядывает в смежные комнаты, зажигает и гасит люстру. Входит Нюша, чтобы мыть окна. Беременная жена Сафонова приглашает ее на новоселье. Та соглашается, залезает на подоконник и запекает:

Скакал казак через долину,
Через маньчжурские края... и т.д.

Занавес.

Пьесе более подходит название «В ожидании Марии», но не в названии суть. Эта отсутствующая фигура не порождает ни одного сценического эпизода.

Конечно, в пьесе и без Марии много всякого — действующих лиц, телесных и словесных движений... А действия нет. Все нити оборваны — смертью или молчанием. Иными словами, пьеса лишена фабулы, лишена настолько, что даже трудно сказать о чем она.

Первым это сказал Горький:

«Дорогой мой Бабель —

когда вы — в Сорренто — прочитали вашу пьесу, вами, вероятно, замечено было, что ничего толкового, определенного я не мог сказать о ней и по поводу ее.

Должно быть, тогда, также, как теперь, когда я сам прочитал рукопись пьесы, она меня удивила, но не взволновала. Не буду говорить о том, что это искусная работа и в ней мастерски даны очень тонкие, острые детали, но, в целом, пьеса — холодная, назначение ее неопределенно, цель автора — неуловима»⁷.

Далее следуют конкретные замечания:

---

⁷ Горький и Бабель / Публ. С.И. Доморацкой // Горький и советские писатели: неизданная переписка / Литературное наследство. Т. 70. М.: АН СССР, 1963. С. 43.

«Лично меня отталкивает она прежде всего Бодлеровым пристрастием к испорченному мясу. В ней, начиная с инвалидов, все люди протухли, скверно пахнут и почти все как бы заражены или поработочены воинствующей чувственностью.

Может быть, это — чувственность отчаяния людей, которые, погибая, стремятся оставить память о себе и как месть за себя пятна гнили на полу, на стенах.

Задача «большого» искусства: показать людей во всей их сложности — дело психологов, или определенно отвратительными — дело критиков-реалистов, или даже вызвать уважение и симпатии к людям — романтизировать их.

Вы, по существу, кажетесь романтиком, но кажется, что вы почему-то не решаетесь быть таковым. Марией, которая участвует в пьесе лишь “эпистолярно”, и последним актом утверждается ваша склонность к романтизму, но выражена она фигурами, которые не кажутся удачными и даже позволяют думать, что они введены в пьесу как «уступка» некоему требованию извне, а не как противопоставление, обоснованное автором эмоционально. Последний акт весь прикреплен к пьесе механически — вот каково впечатление. В нем действует исключительно разум, тогда как в первых ясно чувствуешь наличие интуиции. <...>

В пьесе вашей особенно не нравится мне Дымшиц, напоминающий Гржебина. Вы поставили его в позицию слишком приятную для юдофобов.

Все это сказано, вероятно, не очень вразумительно, а вывод я бы сделал такой: не ставьте эту пьесу в данном ее виде. Критика укажет вам, что пьеса не в тоне с действительностью, что все показанное отжило, да и не настолько типично, чтоб показывать его. И будет подчеркнут пяток реплик, которые дадут охочим людям право на политические умозаключения, враждебные лично вам»⁸.

Письмо не датировано, но, поскольку Горького в Сорренто Бабель посещал в начале мая 1933 года, совершенно очевидно, что к этому времени первый вариант пьесы был завершен. А полгода спустя, 28 февраля 1934 года, Бабель зачитал пьесу перед широкой аудиторией в московском Литературном музее⁹.

---

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Кут А. [А.В. Кутузов] «Мария» — новая пьеса Бабеля // Вечерняя Москва. 1934. № 50. 2.03. С. 3; Пельсон Е. Новая пьеса Бабеля: На авторской читке в Литературном музее // Литературная газета. 1934. № 26. 4.03. С. 4.

Мнение одного из присутствовавших было прямо противоположно горьковскому:

«Мария» – вещь гениальная <...> Читает он превосходно, под сплошной смех. И сам он тоже симпатично смешной, с носом пуговкой, в круглых очках с немодной оправой, с какими-то выразительнейшими, вкусно артикулирующими губами, с лукавой усмешкой... Чтение так ярко, что до сих пор помню все интонации. «Мария» очень трудна будет для театра своей простотой и лаконизмом. Не знаю, правомерно ли такое сравнение, но мне захотелось сказать, что она почти так же трудна, как трудны для сцены маленькие драмы Пушкина»¹⁰.

Столь ослепительным, видимо, было впечатление от самого Бабеля, что несурзанности пьесы совершенно ускользнули от внимания...

Журнальную публикацию пьесы редакция сопровождала статьей И. Лежнева. Начал он, как и предупреждал Горький, с политических попреков:

«Сюжет пьесы, обрисованные в ней характеры, ситуации, разговоры живых людей – все построено так, что зрителю (буде дошло бы дело до постановки «Марии» в том виде, в каком она написана сейчас) взгрустнется: какие хорошие люди погибли. Какие нежные цветы раздавлены топотом революции! Собственно даже не топотом, ибо в топоте есть свой пафос. В пьесе этого пафоса революционной новизны, который противопоставлялся бы старому миру, совсем нет. Не молодая буйная сила восходящего класса давит героев пьесы, а невидимая фатальная машина: заградилка, «матросня», Чека»¹¹.

Затем критик пускается в размышления:

«Углубляешься в материал, и напрашивается мысль: не есть ли пьеса и вся задуманная автором трилогия – повесть о судьбе одного из политработников Конармии, женщины, пришедшей на красный фронт из санкт-петербургского аристократического особняка на Миллионной? Не понадобилось ли автору

---

¹⁰ Гладков А.К. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1980. С. 17–18.

¹¹ Лежнев И. [Альтшуллер И.Г.] Новая пьеса Бабеля // Театр и драматургия». 1935. № 3. С. 49.

в порядке развертывания сюжета показать сперва “истоки” его героини, разрушение родного ей гнезда, от которого она в 20-м году еще не оторвалась? Судить об этом преждевременно»¹².

Смысл этого пассажа, очевидно, таков: понять о чем написана пьеса невозможно, а посему вынесение окончательного приговора следует отложить на неопределенное будущее. Далее критик уточняет:

«“Мария”, как мы слышали, является первым звеном трилогии, в которой действие охватывает период с 1920 по 1935 год. Дальше мы увидим Марию не только в названии пьесы, но и в самой пьесе, узнаем ее не только по отзывам да по письму, но и в живом слове и действии»¹³.

Слышать про трилогию критик мог только от Бабеля. А Бабель, скорее всего, трилогию эту придумал. Не сходя с места, как раньше на приеме у Кагановича роман о петлюровщине (см. «Песнь Лазаря» в разделе «Статьи о Бабеле»). Возможно, вспомнил Алексея Толстого и его «Хождение по мукам». Там тоже речь идет о двух сестрах (старшей Кате и младшей Даше, а фамилия Катиного мужа — Смоковников — созвучна фамилии Муковнин). О намерении писать трилогию Толстой объявил уже в 1922 году, в первом книжном издании романа «Сестры». А в 1928 году вышла вторая книга — «Восемнадцатый год»... Мало того, само название «Хождение по мукам» апеллирует к заглавию древнерусского апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», а у Бабеля — «Мария»!¹⁴

Таким образом, для постижения смысла пьесы предлагалось покинуть ее пределы. Но продолжения не последовало... Оставалось одно — поместить пьесу в надлежащий контекст. И таким контекстом стал «Петербургский миф» Бабеля.

Начало ему было положено в 1918 году пророчеством о явлении литературного Мессии родом из Одессы. Светом

---

¹² Там же. С. 52–53.

¹³ Там же. С. 52–53.

¹⁴ Не упоминая показаний И. Лежнева, на черты сходства пьесы с трилогией Толстого указывает Г. Фрейдин, производя от слова «*муки*» и фамилию генерала Муковнина; кроме того, вторую жену А.Н. Толстого звали Софья Исааковна Дымшиц (Freidin G. Two Babels — Two Afrodites: Autobiography in *Maria and Babel's Petersburg Myth // The Enigma of Isaak Babel: Biography, History, Context.* Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. P. 39, 230).

и запахом солнца он развеет тяжелый петербургский туман русской литературы¹⁵. Затем Бабель вознамерился написать книгу «Петербург, 1918», но, поглощенный работой над «Конармией» и «Одесскими рассказами», намерения не исполнил.

Связь «Марии» с петербургскими текстами Бабеля вполне прослеживается. В фельетоне 1918 г. «О грузине, керенке и генеральской дочке»¹⁶ мы находим *генерала Орлова, генеральскую дочку Галичку* и бойкого грузина с армянским именем Ованес, т.е. *инородца, спекулирующего продовольственными товарами*. Галичка переезжает к Ованесу, а генерал сводит знакомство с провизором Лейбзоном, и ему начинает *нравиться еврейская предприимчивость*¹⁷.

Если же предположить, что, подобно В.В. Вишневскому, сочинившему к 10-й годовщине Первой Конной (1929) одноименную пьесу, Бабель также захотел отметить, то нельзя не вспомнить тезку главной героини — тоже Марию, но Денисову, родом из Одессы. Успев очаровать Маяковского, посвятившему встрече с ней целую поэму («Облако в штанах»), Денисова отправилась в Швейцарию учиться скульптурному делу, а вернувшись в Россию, поехала служить в политотдел Первой Конной, где познакомилась с будущим мужем, Щаденко Ефимом Афанасьевичем (возлюбленного Марии Муковниной звали Аким Иванович). Таким образом, две составляющих Петербургского мифа Бабеля налицо: Петербург и Одесса.

К сожаления, анализируя пьесу, исследователи опираются лишь на опубликованный ее текст. Но существует и допечатная редакция — правленая машинопись, хранящаяся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве¹⁸.

И вот — сцена 2-я, рассказ Людмилы Муковниной о прошлой своей любви и полторы фразы, выброшенные из печатного текста (выделено жирным курсивом):

¹⁵ Вечерняя звезда. — Пг. 1918. № 36. 6 (19).03.

¹⁶ Новая жизнь. — Пг. 1918. № 83. 21.04 (4.05). С. 2.

¹⁷ Поварцов С. Пьеса Бабеля «Мария»: опыт комментария // Уч. зап. Московского обл. пединститута / Советская литература. М., 1970. Вып. 10 (Т. 265). 1970. С. 77–87.

¹⁸ РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. ЛЛ. 1а, 1б–4б (последний лист машинописи утрачен).

Людмила. Феликс Юсупов был бог по красоте, теннисист, чемпион России. Его красоте не доставало мужественности, в нем была кукольность... С Владимиром Баглеем мы встретились у Феликса. Император так до конца и не понял рыцарскую натуру этого человека. Его называли у нас «тевтонский рыцарь»... <...> Вначале я не произвела на Владимира впечатления, он признался мне в этом: «Вы были курносоая, si démesurement russe, с пылающим румянцем...» На рассвете мы поехали в Царское, оставили машину в парке и взяли лошадь. Он сам правил. «Людмила Николаевна, нужно ли вам сказать, что я весь вечер не сводил с вас глаз?..» <...> Владимир не носил великокняжеского титула, он был от морганатического брака, их семья не встречалась с императрицей... Владимир называл эту женщину гением зла. И потом — он был поэт, мальчик, ничего не понимал в политике, **зачем было убивать мальчика... Его столкнули в шахту...**¹⁹.

Женщина, которую Владимир Баглей называл «гением зла», — это вдовствующая императрица Мария Федоровна. Аничков дворец, в котором она жила, описан Бабелем дважды: в очерке «Вечер у императрицы»²⁰ и рассказе «Дорога»²¹.

Связь пьесы с рассказом «Дорога» Г. Фрейдин устанавливает сразу: разговор работающих на Дымшица инвалидов о случившейся на Царкосельском вокзале облеве на мешочников-спиртоносов (1-я сцена) до деталей совпадает с описанием аналогичного инцидента на Царкосельском вокзале в рассказе²². Сходство еще разительней при сопоставлении с рукописью рассказа:

Евстигнейч. <...> Кажный день изобретение делают...Подъезжаем нонче к Царкосельскому — стрельба.... что такое... Ду-

---

¹⁹ Там же. ЛЛ. 17–18.

²⁰ *Бабель И.* Вечер у императрицы // Силуэты. — Одесса. 1922. № 1 (декабрь). С. 7; с подзаголом: «Из петербургского дневника».

²¹ *Бабель И.* Дорога // 30 дней. 1932. № 3. С. 7; с рассказом этим произошла удивительная вещь — редакция считала, что уже однажды его печатала. На странице 86-й 12-го номера журнала за 1931 год, в разделе «Содержание №№ 1–12», было указано: «Бабель, И. Дорога. Рассказ. [№] 12 [С.] 12». Излишне говорить, что в 1931 г. рассказ в журнале не появлялся, но, несомненно, — был запланирован, набран и даже сверстан.

²² *Freidin G.* Указ. соч. Р. 29.

маем — власть отошла, они это моду такую взяли — допрежде всякого разбору бахать...²³

«Дорога»:

«На Царскосельском вокзале я отбыл последнюю стрельбу. Заградительный отряд палил в подходивший поезд».

В печатном тексте:

«Заградительный отряд палил в *воздух*, встречая подходивший поезд»²⁴.

Еще один эпизод, сохранившийся в рукописи «Дороги» и ускользнувший от внимания Г. Фрейдина, — замерзающему на Аничковом мосту рассказчику снится сон:

«Передо мною на крыше дворца, помигав, загорелась комнатная лампа с абажуром. Свет ее был желт и горяч. Она освещала гостиную прокурора саратовской судебной палаты Муковнина. В прежние времена Муковнин из-за дочери своей Лиды на порог меня не пускал, а тут я сидел в его кресле, большим, как часовня, и слушал, как прокурор рассказывает мне о новых изобретениях — о радио, о средствах против рака. Платье Лидии белело за роялем, я чувствовал на себе ее строгий остановившийся взгляд...»²⁵.

Понятно, что такой претекст сильно обесценивает попытки связать генерала Муковнина с трилогией А.Н. Толстого и произвести его фамилию от слова «*му́ки*».

А вот следующий эпизод рассказа Г. Фрейдин ни в какую связь с пьесой не ставит. Речь идет о пребывании рассказчика в Аничковом дворце (цитируем по рукописи):

«Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней. Снимки мертвых детей, прядки их волос, дневники датской принцессы Дагмары, письма сестры ее — английской королевы — дыша духами и тленом — рассыпались под нашими пальцами. На титулах Евангелий и Ламартина подруги и фрейлины — дочери бургомистров и государствен-

---

²³ РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 6.

²⁵ Там же. ЛЛ. 7–8.

ных советников — в косых, старательных строчках прощались с принцессой, уезжавшей в Россию. Мелкопоместная королева Луиза, мать ее, позаботилась об устройстве детей; она выдала одну дочь за Эдуарда VII, императора Индии и английского короля, другую за Романова, сына Георга она сделала королем греческим. Принцесса Дагмара стала Марией в России. Далеко ушли каналы Копенгагена, шоколадные баки короля Христиана. Рожая последних государей, маленькая женщина с лисьей злобой металась в частоколе преображенных гренадеров — но в какую неумолимую, в какую мстительную и гранитную землю пролилась родильная твоя кровь, Мария...»²⁶.

В печатном виде «прядки» детских волос утратили всякий оттенок сентиментальности и превратились в «пряди», а «снимки мертвых детей» стали «снимками великих князей, умерших в младенчестве».

Из шести детей Марии Федоровны в младенчестве умер лишь один — Александр (1869–1870, не дожил до года). Еще трое умерли взрослыми. А двое сыновей — Николай и Михаил — были убиты и тоже отнюдь не в детском возрасте. Но Бабель написал: «снимки мертвых детей»!.. А разве стоит удивляться тому, что бабушка хранит фотографии внуков: Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и Алексея. Расстрелянных и сброшенных в шахту 17 июля 1918 года.

В 1922 году Бабель выразался более внятно и рассказ о просмотре бумаг в библиотеке Марии Федоровны завершил так:

«Только поздним вечером я оторвался от этой жалкой и трогательной летописи, от призраков с *окровавленными черепами*».

Обратим внимание на допущенный в рассказе анахронизм: в декабре 1917 года никто еще не знал, как сложится судьба императорской семьи. Но можно усматривать в этом и указание на то, что мотив гибели царских детей был для Бабеля весьма важен.

Подтверждение мы находим в заключительной (8-й) сцене, по мнению Горького прикрепленной к пьесе механически.

В сцене этой показано вселение пролетариев в бывшие барские квартиры. Точно такая же ситуация описана в очерке

---

²⁶ Там же. ЛЛ. 11–12.

1924 года «Конец святого Ипатия»²⁷, с той лишь разницей, что место действия — Кострома, а пролетарии занимают не дом на Миллионной, а архиерейские покои в монастыре.

Рукопись сюрпризов не содержит, а в описании церкви, напечатанном в «Правде» (!), напротив, обнаруживается различие.

«Мы <...> вышли к церкви неопикуемой красоты.

Обведенная венцом снегов, раскрашенная кармином и лазурью, она легла на задымленное небо севера, как пестрый бабий платок, расписанный русскими цветами. Линии непоштых ее куполов были целомудренны, голубые ее пристроек были пузаты, и узорчатые переплеты окон блестели на солнце ненужным блеском»²⁸.

В «правдинской» публикации стояло иное слово:

«узорчатые переплеты окон *ликовали* на солнце ненужным *ликованием*».

Хоть и ненужное, а все же ликование... А при виде пролетариата церкви должно пребывать в тоске и унынии.

Отметим и совпадающую деталь: в пьесе (2-я сцена) князь-виолончелист Голицын беседует с Катей:

«Катя. <...> Вот вы в Лавру к монаху этому ходите — как зовут его?..

Голицын. Сионий.

Катя. К Сионию. Чему он учит вас?

Голицын. Вы говорили о счастье... Он учит меня видеть его не в чувстве власти над людьми и не в этой беспрестанной жадности, жадности, которую мы утолить не можем...

Катя. <...> Сионий — красивое имя...²⁹

А вот очерк:

«дым повалил изо всех труб, точно сговорился, незнакомый петух взлетел на могилу игумена отца *Сиония* и загорланил».

---

²⁷ Правда. 1924. № 175. 3.08. С. 4; 30 дней. 1925. № 5 (май). С. 18–22; сохранилась и рукопись, представленная в редакцию журнала «30 дней» (РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 502. ЛЛ. 1–4).

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 502. Л. 1.

²⁹ РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16.

Игумена нарекли этим именем в память о священномученике Сионии Адрианопольском, пронзенном мечем болгарских солдат из войска хана Омуртага. Случилось это в эпоху византийского императора Льва Армянина, правившего с 813-го по 820 год.

Но гораздо большего внимания заслуживает имя другого мученика — Ипатия, епископа Гангры в Пафлагонии. Забитый камнями в 326 году он был возведен в ранг святого и тысячу лет спустя объявлен небесным покровителем Свято-Троицкого монастыря в Костроме.

Очерк свой Бабель напечатал 3 августа и свое пребывание в монастыре датирует *вчерашним днем*, но из описания ясно следует, что происходило это, как в пьесе и рассказе «Дорога», в лютую зимнюю стужу.

«Вчера я был в Ипатьевском монастыре, и монах Илларион, последний из обитавших здесь монахов, показал мне дом бояр Романовых. Московские люди пришли сюда в 1613 году просить на царство Михаила Федоровича. Я увидел истоптанный угол, где молилась инокиня Марфа, мать царя, сумрачную ее опочивальню и вышку, откуда она смотрела гоньбу волков в Костромских лесах».

Осмотрев церковные фрески и иконы, он заметил неведомые толпы нагруженных домашним скарбом баб, со свистом стягивающиеся вокруг монастыря:

«Черти, — закричал я, увидев их, и отступил перед неслышанным этим нашествием. — Не к инокине ли Марфе идете вы, чтобы просить на царство Михаила Романова, ее сына?..»

Автору на миг почудилось, что время пошло вспять. Хотя сомнения, конечно, были: штурмовать святую обитель могли и слуги Сатаны — черти... Все оказалось куда прозаичнее: на гору карабкались работницы костромской фабрики льняной мануфактуры, чтобы занять отведенные им для жилья помещения.

Публикация в «Правде» датирована: «Кострома, 20 декабря». А ввиду того, что помещена она была в июньском номере за 1924 год, очевидно: описанное событие следует датировать прошлым — 1923 — годом. Наше умозаключение

подтверждается рукописью — здесь дата дана полностью: «Кострома, декабрь 1923».

Но вот, что удивительно: местная — костромская — пресса (газеты «Красный мир» и «Голос молодежи»⁵⁰) хранит полное молчание об этом радостном событии! И это тем более странно, поскольку в главной костромской газете «Красный мир» (в дальнейшем «Северная правда») имелась даже постоянная рубрика «У текстилей». Особое внимание газеты к текстильному делу понятно: льноткацкие предприятия были флагманом костромской индустрии (на втором месте стояла махорочная фабрика).

А из этого следует, что 20 декабря 1923 года указанного события попросту не было!

И «Конец святого Ипатия», выглядящий как очерк, на самом является рассказом, причем рассказом фантастическим! Остается понять: что подвигло Бабеля на эту мистификацию? Ответ может быть таким: в 1923 году прошло 10 лет со дня празднования 300-летия Дома Романовых, пришедшегося на 21 февраля (6 марта по н.ст.). И — второе: революционный народ превращает *монастырь* в жилой *дом*!

Невозможно сказать, кто первым протянул нить от Ипатьевского монастыря, где история Дома Романовых началась, до Ипатьевского дома, где она закончилась⁵¹. Скорее всего, мысль эта пришла сразу во многие головы. Но это значит, что именно идея гибели Царской семьи заложена в заключительную сцену пьесы «Мария».

А вот 5-я сцена — письмо Марии:

«Карточка Алеши у меня на столе... Те самые люди, которые не задумались убить его и изуродовать его труп, — я ушла только что от них и помогала их освобождению — правильно ли я сделала, Алексей, исполнила ли я твое завещание жить мужественно? — и тем, что в нем есть неумирающего он не отвергает меня...».

---

⁵⁰ Выходила в Костроме и многотиражка «Октябрьский челнок», но в московских книгохранилищах она представлена единственным номером (9-ым) за 1924 г.

⁵¹ Для редактора «Правды» в 1924 году эта связь была очевидной (см. гл. VIII), оттого, видимо, он и устранил указание на год — 1923-й.

Кто он, этот Алексей? Возлюбленный? Если оставаться в пределах царской семьи, выбор невелик — цесаревич Алексей. Правда, ему и в день убийства не исполнилось 14-ти лет. Но и в этом возрасте подростки, особенно живущие в постоянном ожидании смерти, уже много думают и чувствуют... А тем, что есть неумирающего, является душа.

А вот начало письма:

«Я освободилась поздно и поднялась к себе по истоптаным четырехсотлетним ступеням. Я живу на вышке, в сводчатой зале, служившей когда-то оружейной графам Красницким. Замок построен на крутизне, у подножья его синяя река, пространство лугов необозримо, с туманной стеной леса вдаль...».

Сравним с началом очерка «Конец святого Ипатия»:

«Я увидел *истоптанный* угол, где молилась инокиня Марфа, мать царя, сумрачную ее опочивальню и *вышку*, откуда она смотрела гоньбу волков в Костромских *лесах*».

Совпадения бросаются в глаза, но обратим внимание на такую деталь пейзажа:

«пространство лугов необозримо».

А вот и источник:

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы...

Пушкин, «Полтава», возлюбленная Кочубея — *Мария*...

«Полтава» возвращает нас к «Жизнеописанию Павличенки», где ужасающий образ героя порожден ужасным ликом Петра Великого... Смена подлинной фамилии Апанасенко на Павличенко, совершающего отцеубийство травестийного царя, приводит нас к убийству Павла I.

А чем занята Мария?

«Вчера на уроке я прочитала из папиной книги главу об убийстве Павла.

Наказание свое император заслужил так очевидно, что никто об этом не задумался; спрашивали меня — здесь сказался точный ум простолюдина — о расположении комнат во дворце,

о том какая рота гвардии была в карауле, среди кого были на-
браны заговорщики, чем обидел их Павел...»³².

Доведись слушателям Марии организовать убийство Пав-
ла I, они, наверняка, проявили бы не меньше сноровки и
конспиративной сметки, чем убийцы Николая II.

И теперь все становится на свои места: Романовы, черти,
идушие на приступ монастыря, царевич Алексей — сыноу-
бийство, Павел — отцеубийство...

Источник очевиден: «Петр и Алексей», роман Д. Мереж-
ковского 1904-го года, третья, заключительная, книга трило-
гии «Христос и Антихрист». И им же написанная пьеса «Па-
вел» (1908).

Это и есть Петербургский миф Бабеля, точнее — *Петропав-
ловский*.

Кстати, начало его — мифологема противостояния одес-
ского Солнца и петербургского Тумана — тоже книжного про-
исхождения:

...Но и *солнца* не видел никто.
Без его даровых благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
Надо всем распростерся *туман*,
Душный, стройный, угрюмый, гнилой...³³

Но Петербургский миф немислим без Медного Всадника.
Как с ним?

В рассказе «Дорога» герой совершает путь с Гороховой к
Аничкову дворцу. Первая странность: никаких подразделений
ЧК в Аничковом дворце не имелось, а, значит, искать там сле-
дователя ЧК Калугина и уж тем более председателя ЧК Урицко-
го — занятие совершенно бесполезное³⁴. А ЧК с самого начала,
т.е. с 22 декабря 1917 года, занимало дом № 2 на Гороховой.
Тем не менее, герой пускается в путь. Причина ясна — Бабелю

---

³² РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29.

³³ Некрасов Н.А. О погоде // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 тт.
Л.: Наука, 1981-2000. Т. 2. (1982) С. 184.

³⁴ В очерке «Вечер у императрицы» Бабель честно пишет: «Дворец пуст»!

нужна не ЧК, а библиотека Марии Федоровны. Поэтому герой (очевидно, по набережной Екатерининского канала) выходит на Невский и, миновав пересечение с Садовой, достигает Аничкова моста. Вот только, идя от Садовой по Невскому, совсем не нужно вступать на мост — дворец находится *перед* мостом! Далее следует описание того, что делал герой на мосту:

«У Аничкова моста, у Клодтовых коней, я присел на выступ статуи. Гранит опалил меня, я положил голову себе на колени. <...>

Локоть подвернулся под голову, я растянулся на полированной плите, но гранит выстрелил мною, ударил и бросил вперед, ко дворцу».

Теперь мы знаем, что не «вперед», а назад... Но отметим и иные нестыковки: у Клодтовых статуй выступов нет, к ним лишь примыкает гранитная часть парапета моста. Присесть на этот парапет нельзя: он узок и, самое главное, весьма высок — в половину человеческого роста. И уж тем более, даже подвернув локоть, нельзя на него прилечь.

Так что Клодтовых коней Бабель, несомненно, видел, но вряд ли особо присматривался.

Зачем же они ему понадобились?

Герой рассказа еще не дошел до пересечения с Садовой, а его уже посещают невеселые мысли:

«— Так отпадает необходимость завоевать Петербург, — подумал я и попытался вспомнить имя человека, раздавленного попытками скакунов в самом конце пути. Это был Иегуда Галеви»³⁵.

Достоверных сведений о месте и обстоятельствах смерти Иегуды Галеви нет. Согласно легенде, впервые упомянутой Гдалией бен-Йосефом ибн Яхья в книге «*Šalšelet ha-qabala*» («Цепь предания». Венеция, 1587), поэт достиг Иерусалима, и в тот момент, когда он, целуя камни священного города, распевал свою элегию «Сион, неужели не спросишь, какова жизнь твоих изгнанников...», его растоптал конь арабского всадника.

---

³⁵ Цит. по: *Бабель И.* Дорога // 30 дней. 1932. № 3. С. 42; в рукописи (РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 7) отмечен абзац и поставлен знак тире, после которого следует пропуск; текст машинописи (РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 17) сильно испорчен: «— Так отпадает необходимость завоевать Петербург — подумал я и попытался вспомнить имя человека раздавленного попытками арабских скакунов у самого *начале* пути. Это был Иегуда Галеви».

Бабель говорит не о коне, а о скакунах, на что его могло подвигнуть созерцание четырех вставших на дыбы Клодтовых жеребцов. А учитывая, что в рукописи героя, сидящего на Аничковом мосту, посещают бредовые видения, после чего промерзший «гранит выстрелил» им, «ударил и бросил вперед, ко дворцу», то есть заставил двигаться с большой скоростью, иными словами — бежать, нетрудно увидеть здесь отражение знакомой ситуации:

...Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Для этого и понадобились кони, грозящие растоптать безумца. Вот только открытое введение в текст Фальконетова истукана равносильно объявлению себя эпигоном петербургской литературы.

Хотя свой Петербургский миф Бабель только из готовых литературных блоков и строит.

«Ходя»:

«Неумолимая ночь. Разящий ветер. Пальцы мертвеца перебирают обледенелые кишки Петербурга. Багровые аптеки стынут на углах»³⁶.

---

³⁶ Бабель И. Ходя // Силуэты. — Одесса. 1923. № 6–7 (март). С. 5; с подзаг.: «Из книги “Петербург, 1918”».

«Дорога»:

«На стене, через улицу, у заколоченной аптеки, термометр показывал двадцать четыре градуса мороза. В туннеле Горюховой гремел ветер; над каналом закатывался газовый рожок. Базальтовая, остывшая Венеция стояла недвижимо»³⁷.

Александр Блок (1912):

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

«Дорога»:

«дневники датской принцессы Дагмары, письма сестры ее — английской королевы — дыша духами и тленом — рассыпались под нашими пальцами»³⁸.

Блок «Незнакомка» (1906):

Дыша духами и туманами...

Инвентарь блоков включает и новейшие образцы.

«Дорога» (описание павших лошадей):

«Поднятыми[, расставленными] ногами лошади поддерживали небо, упавшее низко. Раскрытые их животы были чисты и блестящи»³⁹.

Н. Заболоцкий «Движение» (1927):

А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе⁴⁰.

К тому же из стихотворения Заболоцкого можно вычитать и Петра:

Сидит извозчик, как *на троне*,
Из ваты сделана броня,

---

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 6.

³⁸ Там же. Л. 12.

³⁹ Там же. Л. 7.

⁴⁰ *Заболоцкий Н.* Столбцы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. С. 32.

И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.

Но вернемся к пьесе. В конце 8-й сцены — ремарка:

(<...> Входит Ньюш[к]а, непомерная багровая девка, с ведром и тряпкой — мыть окна. [о]Она становит[ь]ся на подоконник, затыкает подол выше колен, лучи солнца льются на нее. Подобно статуе, поддерживающей своды, стоит она на фоне весеннего неба)⁴¹.

Дом Муковниных стоит на Миллионной улице, и из окон его виден южный фасад Зимнего дворца — портик Нового Эрмитажа, крытое крыльцо, чей архитрав поддерживают 10 фигур атлантов на гранитных постаментах.

И теперь, когда страшная отце-сыноубийственная династическая сказка пришла к концу, небо высшей власти легло на другие плечи — непомерных багровых пролетариев.

И пришло время новых детей: в квартиру Муковниных вселяется беременная пролетарка Елена Сафонова, а в рассказе «Конец святого Ипатия» старухи на салазках втаскивают в монастырь малиновых младенцев.

Но чтобы дети эти жили счастливо необходимо уничтожить бывших хозяев жизни. В той же 8-й сцене дворничиха Агаша командует:

Агаша. <...> Тихон, слышь, Тихон, у Новосильцевых был? Когда они съезжают?

Голос Тихона. Съезжать, говорят, некуда...

Агаша. Жить умели — умейте и съезжать...

Любопытная деталь: во всех печатных редакциях пьесы Новосильцевых, представителей 600-летнего аристократического рода, выселяемых в никуда, то есть в небытие («Жить умели — умейте и съезжать»), переименовали в Новосельцевых! То ли по невежеству, то ли издеваясь...

И отдельные представители обреченных смерти готовы своих убийц оправдать высшей необходимостью. Князь Голицын, например, в начале 7-й сцены молится:

Голицын. ...Истинно, истинно говорю вам — если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если

---

⁴¹ РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 34.

умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою сохранит ее в жизнь вечную. Кто мне служит, мне да последует и где я — там и слуга мой будет; и кто мне служит — того почтит отец мой. Душа моя теперь возмущилась и что мне сказать. — Отче, избавь меня от часа сего, — но на сей час я и пришел...⁴²

Это цитата из Евангелия от Иоанна (12:24–27). Что ж тут поделаешь, если пробил час испытать смертную чашу.

А Людмила (во 2-й сцене) хочет вовлечь в круг смерти и иноверца Дымшица:

Людмила. У вас внутреннее благородство <...> Вам даже имя ваше не идет... Теперь можно дать объявление в газете, в «Известиях» ... Я бы переменяла на Алексей... Вам нравится — Алексей?..⁴³

Алексей... Петр и Алексей! Но Исаак Дымшиц не только тезка Бабеля, в имени своем он несет память о жертвоприношении Исаака, которого готов был убить собственный отец Авраам. Господь не допустил пролития сыновней крови, в последний миг заменив лежащего на алтаре отрока агнцем.

А Людмила Муковнина стремится выйти за Дымшица замуж, родить от него детей — детей, заведомо обреченных на принесение в жертву... Единственное, что, по ее мнению, препятствует осуществлению этого замысла, — это Дымшиц, он женат и у него есть дети.

Дымшиц возмущенно говорит Висковскому:

«<...> она <Людмила — Б.-С.> может дожидаться того, что в следующий раз меня для нее не будет дома...»⁴⁴

И за этим следует сохраненная машинописью загадочнейшая фраза:

«Потому что о моих детях и моей жене пусть меня спрашивают <sic> — *царица*, не она»⁴⁵.

Почему царица? Или чета Дымшицев царского рода? И Бабель вносит правку: «спрашивают **другие**», что делает фразу

---

⁴² РГБ. НИОР. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 46.

⁴³ Там же. Л. 20.

⁴⁴ Там же. Л. 21

⁴⁵ Там же.

грамматически безупречной, не прибавляя смысла: кто эти «другие», которым позволено задавать вопросы?

Тем более что о жене своей (все в том же разговоре с Висковским в финале 3-й сцены) Дымшиц высказывается так:

«Люди недостойны завязать башмак у моей жены, если вы хотите знать, шнурок от башмака...»⁴⁶.

Сравни:

«Идет за мною более сильный, чем я, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его» (Мк 1:7; Мф 3:11–12; Ин 1: 24–27).

Жена Дымшица, таким образом, уподоблена Иисусу Назарянину, Царю Иудейскому!

Для того и понадобилось, наверное, выводить на сцену еврея в отвратительном облике спекулянта (так обеспокоившем Горького). Даже такой еврей хранит память об избранности и не согласен стать частью несущейся по России кровавой вакханалии.

Но ведь перед нами пьеса, рассчитанная на зрительное и слуховое восприятие... И зрителю до таких глубин, быть может, мнимых, никак не добраться.

Так что же такое пьеса «Мария»? Похоже, что это пародия на советский историко-революционный шаблон. В типичной советской пьесе всегда присутствует враг. Если он не сдастся, его уничтожат. А хороший враг на протяжении пьесы приходит к горячему убеждению, что правда не с ним, а с ними — рабочими и красноармейцами. И гибель того, что называлось Россия, — это не конец, а начало.

Но разве Муковнины — враги? Они капитулировали до того, как поднялся занавес. И тех, кто его уничтожит, генерал Муковнин всегда приветствовал радостным гимном — начал с японцев, а увидя большевиков, заявил:

«Большевики исполняют работу Ивана Калиты — собирают русскую землю...»⁴⁷.

И принялся гневно клеймить царские порядки. Даже к евреям проникся симпатией загодя — до революции. Слезливо

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

признается в любви к дочерям, но ничуть не возражает против романа младшей с Дымшицем, охотно принимая от него продуктовые подарки... Иными словами, вначале дочь продал, а когда ее посадили — предал. Светлая образом Мария, столкнувшись с прежде неведомым ей русским народом, тут же приняла его в сердце и постель...

Единственным, кто опознал в пьесе советский шаблон, оказался безымянный автор издательской сопроводилки в книжном издании пьесы:

«Новая пьеса И. Бабеля показывает разложение буржуазной интеллигенции. <...> На сцене выводится семья генерала Муковнина»⁴⁸.

Кровь, убийства, обреченность... И никакого Третьего Завета... Все-таки время лечит.

APPENDIX

Мы уже упоминали о связи пьесы «Мария» с фельетоном «О грузине, керенке и генеральской дочке (Нечто современное)»⁴⁹ (единственный, кстати, фельетонный опыт Бабеля!). С. Поварцов, впервые на эту связь указавший⁵⁰, называет фельетон очерком, текста, несмотря на полную его недоступность⁵¹, не приводит и, даже не пересказывая содержания, ограничивается краткой характеристикой персонажей:

«В этом очерке господствует ироническая интонация. Генерал Орлов выглядит беспринципным приспособленцем, дочь генерала Галичка и ее подруги вызывают чувство брезгливости, Ованес и Бурьшкин обрисованы яркими красками как совершенные ничтожества. Все в равной мере плохи, никто не пользуется симпатиями автора».

После чего замечает: «В пьесе — иначе».

---

⁴⁸ *Бабель И. Мария*. М.: Гослитиздат, 1935. С. 31.

⁴⁹ *Новая жизнь*. — Пг. 1918. № 23. 21.04 (4.05). С. 2.

⁵⁰ *Поварцов С.И. Пьеса И. Бабеля «Мария» (Опыт комментария) // Уч. зап. Московского обл. пединститута / Советская литература. М., 1970. Вып. 10 (Т. 265). 1970. С. 77.*

⁵¹ До 1991 г. издававшаяся А.М. Горьким антибольшевистская газета «Новая жизнь» не покидала пределов «Спецхрана».

Повторной публикация фельетону оставалось ждать еще 35 лет⁵², а предметом исследования он не стал и до сего дня.

Наше внимание обращают на себя два момента: немыслимое (армянское!) имя грузина — *Ованес* (причина, скорее всего, — недостаточная осведомленность автора), и — заголовок. Трудно предположить, что читатели-современники не опознали в нем прозрачайший намек на драматический отрывок А. Блока «О любви, поэзии и государственной службе. Диалог»⁵³, напечатанный ровно за неделю до появления бабелевского фельетона. Отрывок этот, извлеченный из черновика пьесы «Король на площади», впервые был опубликован в журнале «Путь» (1907, № 6), а, перепечатав его в 1918 году, Блок, видимо, желал продемонстрировать свое давнее неодобрение политики самодержавия. И вот поэт с либеральных позиций разоблачает псевдо-либеральную риторику властей, что в 1918 году выглядело уже весьма нелепо. Это, наверное, и побудило Бабеля снабдить свой фельетон подзаголовком «(Нечто современное)»: вчерашние либералы нынче готовы все понять, оправдать и охотно сотрудничают с властью. Именно таков в пьесе «Мария» отставной генерал Муковнин, изрекающий либеральные благоглупости и, так же, как генерал Орлов, небрезгливо принимающий от спекулянта продовольственные подношения.

Да и само название «Мария» отсылает нас к Блоку. Во 2-й сцене («Втором видении») пьесы «Незнакомка» мы находим следующий диалог:

Господин:

Как имя твое?

Незнакомка:

Постой.

Дай вспомнить. В небе, среди звезд,

Не носила имени я...

Но здесь, на синей земле,

Мне нравится имя «Мария»...

«Мария» — зови меня.

---

⁵² *Бабель И.* Собр. соч. в 4 тт. М.: Время, 2005. Т. 1. С. 293–298.

⁵³ Знамя труда. — Пг. 1918. № 191. 15.04 (28.04).

А тогда нелепый возлюбленный бабелевский Марии, князь Голицын, играющий на виолончели в трактире, — это Поэт, проворонивший свою любовь...

Пьесу Блока Бабель мог не только читать, но и видеть на сцене — осенью 1908 года «Незнакомку» (в постановке В.К. Татищева⁵⁴) привез в Одессу Театр Новой драмы, за 6 лет до того созданный в Херсоне В.Э. Мейерхольдом. В 1908 году Мейерхольд был уже режиссером императорских театров, но желание ставить символистские пьесы у актеров Новой драмы осталось. Какое впечатление спектакль произвел на 14-летнего Бабеля, мы не знаем, но театральные рецензенты были не в восторге, заявляя, что пьеса для театра вообще непригодна, а несценичность ее, в свою очередь, проистекает из «избытка лиризма»⁵⁵.

Таким образом, вполне вероятно, что своим Петербургским мифом Бабель обязан не только стихам Александра Блока (в частности, «Незнакомке»), но и его драматургии (в частности, «Незнакомке»).

Влияние пьесы «Незнакомка» можно уловить не только в «Марии», но и в «Закате», чья 3-я сцена (в трактире на Привозной площади) перекликается с Первым видением «Незнакомки» — в уличном кабачке. В этот кабачок и приходит девушка-звезда Мария. В «Закате» мы встречаем *Марусю*, 20-летнюю любовницу Менделя Крика, но в трактире даже имя ее не упоминается. Хотя все происходящее в этой сцене связано с Марусей — менделевские мечты о бегстве в Бессарабию, или вообще в Америку, и планы марусиной матери, Потаповны, разбить сад в усадьбе при новом бессарабском доме.

Для того в трактире и выбивает Мендель оконное стекло: чтобы все увидели, как «В разбитом окне качается звезда»!

В заключение несколько слов о фельетоне. При републикации в 2005 году в текст была внесена неоговоренная правка. Поэтому, в интересах истины, представляется важным вернуть фельетону его первоначальный облик.

---

⁵⁴ *Татищев, Владимир Константинович* (1874–1934) — театральный художник, актер и режиссер. В 1906–1910 гг. — актер одесского Драматического театра.

⁵⁵ *Victor*. Театр «Новой драмы»: «Незнакомка» А. Блока // Одесское обозрение. 1908. 26.09. С. 4.

О грузине, керенке и генеральской дочке (Нечто современное)

Два печальных грузина навещают ресторацию Пальмира. Один из них стар, другой молод. Молодого зовут Ованес.

Дела плохи. Чай подают жидкий. Молодой смотрит на русских женщин. Любитель. Старик смотрит на музыкальную машину. Старику грустно, но тепло.

Молодой обнюхивает обстоятельства.

Обнюхал. Молодой одевает национальный костюм, кривую шашку и мягкие кавказские сапоги.

Горизонты проясняются. В ресторации Пальмира молодому предлагают изюм и миндаль. Ованес покупает. Знакомая из государственного контроля варит на дому гузунаки. Товар приносит барыш.

Идут дни и недели. У Ованеса, на Моховой, лавка восточных сластей.

У Ованеса лавка на Невском. Услуживающий ему мальчик Петька щеголяет в сияющих новых калошах. Знакомым прислугам Ованес не кланяется, а козыряет. Домовому старосте на именины подносится не что иное, как шоколадный торт. Все уважают Ованеса.

В то же время живет на Кирочной генерал Орлов. Его сосед – отставной фельдшер Бурышкин.

В институте, когда дочь Орлова – Галичка – переходила из третьего класса во второй⁵⁶, императрица поцеловала ее в щеку. Родные и знакомые думали, что Галичка выйдет за инжене-

---

⁵⁶ В институтах благородных девиц обучение начиналось с 7-го класса, а заканчивалось 1-ым.

ра путей сообщения. У Галички стройная и тонкая нога, обтянутая замшевыми башмачками⁵⁷ <sic!>.

Фельдшер Бурышкин состоит на службе при всех режимах. Бурышкин на чеку. Он носит вату в ушах и в то же время смазные сапоги. Придраться нельзя.

Придрались. Бурышкин изгнан. Много свободного времени. Заметил весну. Пишет прошение. Почерк красивый.

Удар среди ясного неба: Галичка переходит на жительство к Ованесу.

Генералу так грустно, что он заводит дружбу с Бурышкиным. Провизии мало. Управа выдала кету. С дочерью не встречается.

Однажды утром, проснувшись, генерал подумал: все тюфяки, большевики — настоящие люди. Подумал и заснул снова, довольный своими мыслями.

Галичка сидит у Ованеса за кассой. Подруги из института служат у нее в лавке продавщицами. Очень весело. От публики нет отбоя. Магазин совсем, как у Абрикосова. Публику все презирают. Подруг зовут Лида и Шурик. Шурик очень веселая, наставляет рога подпоручику. Галичка затеяла ежедневные горячие завтраки. В министерстве продовольствия, где она служила раньше, служащие всегда устраивали горячие завтраки на кооперативных началах.

Генерал задумывается чаще.

Генерал примиряется с дочерью. Генерал каждый день ест шоколад. Галичка нежна и хороша необыкновенно. Ованес завел себе николаевскую шинель. Генерал удивляется тому, что никогда не интересовался грузинами. Генерал изучает историю Грузии и кавказские походы. Бурышкин забыт.

---

⁵⁷ 2005 — «замшевым башмачком».

Городская управа выдала кету. Пенсию заплатили керенками.

Весна. Галичка с отцом проезжают по Невскому в экипаже. Бурышкин бродит в рассуждении — чего бы поесть. Хлеба нет. Старику обидно.

Бурышкин решает купить гузнаки для умерщвления аппетита.

Лавка Ованеса полна народа. Фельдшер стоит в хвосте. Лида и Шурик презируют его. Генерал рассказывает Ованесу анекдоты и хохочет. Грузин снисходительно улыбается. Бурышкин в ничтожестве.

Ованес не хочет дать фельдшеру сдачи с керенки. А у Ованеса есть мелочь.

- Декрет насчет сдачи читали? — спрашивает Бурышкин.
  - Наплевал я на декреты, — отвечает грузин.
  - И у меня мелочи⁵⁸ <sic!>, — шепчет Бурышкин.
  - Коли нету — отдавай гузнаки.
  - А в красную армию не хочешь.⁵⁹ <sic!>
  - Наплевал я на красную армию...
  - Ага!
-

Бурышкин в штабе. Бурышкин рассказывает. Комиссар отряжает 50 человек.

Отряд в лавке. Шурик в обмороке. Побледневший генерал трясущейся рукой с достоинством водружает пенснэ.

Обыск у Ованеса. Найдены: мука, крупа, сахар, золото в слитках, шведские кроны, сухие яйца «Эгго», подошвенная кожа, рисовый крахмал, старинные монеты, игральные карты и парфюмерия «Модерн». Все кончено.

---

⁵⁸ Несомненный пропуск слова; возможная конъектура: «*нет мелочи» или «*мелочи нет»; Редакторы издания 2005 г. действовали кардинально: «Нет у меня мелочи» <sic!>.

⁵⁹ 2005 — [.] заменено на: [?].

Ованес сидит. По ночам ему снится, что ничего не случилось, что он находится в ресторации Пальмира и смотрит на женщин.

Бурышкин исполнен энергии. Он – свидетель.

Аборт у Галички прошел благополучно. Она слаба и нежна. Муж Шурика поступил инструктором в красную армию, участвовал в каких-то боях на внутреннем фронте, получает фунт хлеба в день, очень весел, вернулся с нехорошей болезнью. Шурик лечится у дорогого⁶⁰ <сикт> врача и капризничает. Подпоручик говорит, что теперь все больны.

Генерал сводит знакомство с провизором Лейбзоном. Генерал слаб, исхудал. Ему начинает нравиться еврейская предприимчивость.

Не оправившуюся от болезни Галичку навещает Лида. Она подурнела, служит секретаршей в Смольном, на нее очень действует весна. Она говорит, что женщине трудно устроиться теперь. Железные дороги не действуют, нельзя поехать в деревню.

Бабь-Эль

Легко заметить, что текст повествования графически расчленен (при републикации межстрочные черточки были заменены пробелами). Как это понимать? Перечитаем фельетон и убедимся, что отделены друг от друга не реплики действующих лиц, а эпизоды. А это значит, что перед нами не фельетон, не пьеса, а киносценарий!

Тогда дополнительный смысл обретает и подзаголовок: старому жанру пьесы («Диалог») противопоставлено «Нечто современное» — кинематограф. И Бабель (пока обращая все в шутку) делает первый шаг в эту неведомую для себя область.

---

⁶⁰ 2005 — «дорогого».

Глава XXV

РОМАН С ЧЕКОЙ

Давно ходит слух, что в последние годы жизни Бабель писал (и, скорее всего, не дописал) роман о чекистах. А самые догадливые говорят даже, что роман этот и стал причиной ареста и казни писателя... Вот только ничего конкретного по этому поводу (даже название романа) никто сказать не мог.

Так что нетрудно представить себе волнение исследователя при встрече с человеком, который знал подробности...

Февраль 1974 года, Центральный дом литераторов, 3 часа дня. За столиком Алексей Каплер. Кофе, пирожные... И внимательнейший слушатель — Сергей Поварцов. Никаких особых надежд он, понятно, не питает, но для порядка все-таки задает вопрос:

«...я спросил о романе. Быть может, Бабель мистифицировал современников? “Нет, почему же, — живо отреагировал Каплер — я хорошо помню, что однажды присутствовал на вечере, где Бабель читал отрывок из романа...”».

Исследователь хватается за карандаш и записывает, записывает...

«Как-то (вскоре выяснится, что в 1937 году — Б.-С.) мне позвонил Илюша Бачелис и сказал, что сегодня вечером у него на квартире (в Оружейном переулке в Хамовниках — Б.-С.) Бабель будет читать новые вещи. <...> Илюша в это время ведал искусством в «Комсомолке», его хорошо знали в писательских и журналистских кругах...».

Пару слов об Илье Израилевиче Бачелисе... Родился в 1902 году, а в 1926 окончил Институт внешних сношений в

Киеве. Спустя какое-то время оказался в Москве. Про его заведование искусством в «Комсомольской правде» никто, кроме Каплера, не упоминает... Равно как о знакомстве с ним писателей или литературных посиделках у него на квартире. А вот знакомство с Бачелисом киносценариста Каплера можно объяснить совсем просто — в 1936 году, на пару с Михаилом Долгополовым, Бачелис сочинил сценарий увлекательного фильма «Граница на замке». Про то, как в Советский Союз пробрался немецко-фашистский лазутчик с телохранителями. Часть негодяев тут же попала в руки пограничников, а остальных в ходе ожесточенной перестрелки похватили колхозники.

И год спустя фильм (режиссер Василий Журавлев) уже вышел на экраны.

А Каплер продолжает:

«Пришел я вовремя. Полон дом гостей, все ждут Бабеля <...>».

Тут рассказчик отвлекается, и Поварцов его перебивает:

«— И как же прошла читка? Наверное, Бабель читал неизвестные рассказы, а не отрывок из романа?»

«Да нет. Он предупредил нас, что это именно глава из нового романа.»

Назывался он не то «Чека», не то «Чекисты». О чем глава? Насколько я помню, это история коменданта губернской «чеки», который приводил приговоры в исполнение... И вот он пришел в негодность, заболел что ли... Его демобилизовали, дали пенсию, и поехал он к себе в родную деревню. Ну, так вся глава о том, как этот человек не может найти общий язык с крестьянами, которые, кажется, ничего о своем земляке толком не знают. Или, может быть, наоборот — все знают и потому ненавидят. Бывший комендант-чекист испытывает драму страшного одиночества от невозможности найти контакт с нормальными людьми. Гигантской силы вещь...».

— Как вы думаете, где же рукопись романа? — спросил я Каплера.

Алексей Яковлевич отхлебнул из чашки, вздохнул:

— Когда меня выпускали на свободу, то вернули все вещи и бумаги. В этом учреждении существовала строгая форма. Я не

сомневаюсь, что к Бабелю применили другую форму – “подлежит уничтожению”»¹.

Простодушие Поварцова не вполне искренно — о том, что Каплер делится воспоминаниями о читке Бабелем пропавшего романа, ему было известно, как минимум, за два года до разговора со сценаристом — из книжки Федора Левина:

«Главу из этого романа он читал своим друзьям А. Каплеру и И. Бачелису»².

А в остальном... Какие у нас основания не верить Каплеру? Ведь даже осторожный и придирчивый профессор Флейшман (Стэнфорд, Калифорния, США) решил, что «[х]отя рукописи этого произведения до нас не дошли, было бы ошибкой ставить под сомнение факт работы писателя над ним», — и сослался на приведенные показания Каплера³.

Но в том-то и беда, что Каплер беседовал не только с Поварцовым...

Вот еще одно воспоминание:

«Середина июля 1985 года. Ночь. Через месяц я оставлю Баку, перееду в горбачевскую Москву. Холодно прощаюсь с городом, он же, напротив, одаривает последними знаками внимания. Один из них — коротенький рассказ о Бабеле. К нам в гости приходит актер театра Рауф Ханджанов — между прочим, шекинский хан, — и я провожаю этого эстета и интеллектуала, вывожу из “бермудского треугольника” — нашего блатного района Кёмюр Мейданы. А он с подобающим актеру мастерством рассказывает мне, как сдружился однажды в пансионате с Алексеем Яковлевичем Каплером и как тот поведал ему совершенно головокружительную историю. Оказывается, Каплер последним видел Исаака Эммануиловича: Каплера вводили на допрос, а Бабеля выводили. Бабель был без очков, глаза его медленно подступили к Каплеру, передавая по эстафете тщету

---

¹ Поварцов С. Причина смерти — расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: Terra — Terra, 1996. С. 20–21.

² Левин Ф.М. И. Бабель: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1972. С. 154.

³ Флейшман Л. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 276.

простой человеческой правоты. Бабель не поздоровался с кинодраматургом: не до знаков внимания на сталинской одной шестой. Каплера усадили на тот же самый стул, на котором сидел Бабель. Он окинул взглядом стол и увидел две папки. На одной стояла печать: “Хранить” — то был его, Каплера, сценарий, на другой: “Уничтожить” — роман Бабея. Роман — о чекисте, возвратившемся в родную деревню (местечко?) строить новую власть, роман о земле и крестьянстве... По заверению Каплера, Бабель писал его давно, прятал в сундуке, иногда доставал что-то подправить и снова прятал. Случалось, читал друзьям отрывки. Одним из слушателей был Алексей Яковлевич. Он не сомневался в том, что буде роман дописан и уцелеет, мы открыли бы для себя нового Бабея — романиста»⁴.

Содержание главы из романа практически такое же, как было поведано Поварцову. Упомянуто и такое обстоятельство, как присутствие Каплера на чтении отрывка. Но имеются и дополнительные подробности.

Отвечая Поварцову на вопрос о судьбе рукописи, Каплер ограничился догадками:

«— Когда меня выпускали на свободу, то вернули все вещи и бумаги. В этом учреждении существовала строгая форма. Я не сомневаюсь, что к Бабею применили другую форму — “подлежит уничтожению”».

А беседуя с Рауфом Ханджановым, Каплер уже преподносит догадки как действительный факт — на столе следователя он теперь «увидел две папки. На одной стояла печать: “Хранить” — то был его, Каплера, сценарий, на другой: “Уничтожить” — роман Бабея».

Известно теперь Каплеру и то, что «Бабель писал его давно, прятал в сундуке, иногда доставал что-то подправить и снова прятал».

Но ведь, если верить Каплеру, Бабель к себе домой его не приглашал, и зачтение отрывка происходило на квартире Бачелиса — неужели Бабель и сундук с собой приволок?

Ответ находим у писателя Георгия Мунблита, который в своих воспоминаниях о Бабеле прямо так и написал, что году в 1936-м:

---

⁴ Мамедов А. Мой первый Бабелон // Лехаим. — М. 2008. № 7. С. 60.

«<...> утром я позвонил у дверей крохотного двухэтажного особняка в переулке у Покровских ворот. Бабель сам открыл мне, и мы прошли в большую комнату первого этажа, судя по всему — столовую. Здесь хозяин указал мне на стул, а сам устроился на большом, стоявшем в углу сундуке.

Об этом сундуке я уже слышал прежде. Утверждали, что Бабель хранит в нем рукописи, тщательнейшим образом скрывая их от чужих взоров и извлекая на свет только для того, чтобы поправить какую-нибудь строку или слово, после чего снова укладывает назад пожелтевшие от времени листки, обреченные на то, чтобы пролежать без движения еще долгие месяцы, а быть может, даже и годы.

Теперь, увидев сундук своими глазами, я окончательно уверовал в правдивость этой легенды»⁵.

Так что с сундуком все ясно — Георгий Николаевич тоже был киносценарист и вполне мог поделиться воспоминанием с коллегой. Да и Каплеру ничто не мешало пролистать книжку Мунблита...⁶

Но главное — это, конечно, страшная встреча на Лубянке, невидящие и не узнающие глаза Бабеля... Действительно, жуть берет!

Но пугаться не стоит, поскольку произойти такая встреча никак не могла. Ни при каких обстоятельствах. Потому что посадили Каплера — за растение несовершеннолетней Светланы Сталиной — 3 марта 1943 года. Бабеля к тому времени уже три года не было в живых. Но Каплер увлекся и об этом позабыл... Или не знал.

А еще Каплер рассказал Поварцову —

«что вскоре после смерти Сталина на каком-то литературном собрании Фадеев вспомнил отзыв “хозяина” о бабе-

---

⁵ Мунблит Г.Н. Рассказы о писателях. М.: Сов. писатель, 1976. С. 47 (первое изд.: М.: Сов. писатель, 1962).

⁶ Можно указать источник и самой легенды о бабелевском сундуке. Это шарж «Скупой литературный рыцарь», перебивающий текст журнальной публикации новеллы «Гюи де Мопассан» («30 дней». 1932. № 6. С. 35). Бабель роется в сундуке, на котором написано: «Багаж 1919 года», и произносит пушкинские слова: «— Я каждый раз, когда хочу сундук свой (у Пушкина: «мой») отпереть, впадаю в жар и трепет... Бог знает, сколько горьких воздержаний, обузданных страстей, тяжелых дум, дневных забот, ночей бессонных мне все это стоило?»

левском романе. Книга, мол, хорошая, однако издать сейчас (то есть в 1936–1938 гг. — С.П.) нельзя, разве что лет через десять. Для членов Политбюро и верхушки НКВД роман по указанию Сталина отпечатали в количестве пятидесяти экземпляров. Как официальное лицо и руководитель Союза писателей Фадеев пытался найти рукопись Бабеля и даже привлек к поискам Генерального прокурора СССР. Видимо, не получилось...»⁷.

А вот это самое настоящее воспоминание, только из истории совсем недавней, от 16 мая 1967 года — письмо Солженицына IV съезду Союза советских писателей:

«Мой роман “В круге первом” (35 авт. листов) скоро два года как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его редакционное движение. Напротив, ещё при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома, этот роман “издан” противоестественным “закрытым” изданием для чтения в избранном неназываемом кругу»⁸.

Письмо это получило широко хождение в «Самиздате», чему немало способствовал сам Солженицын, разославший его в 250 адресов. Несомненно, читал его и Каплер — кроме информации о закрытых изданиях романов, он перенес в свой рассказ и антураж — Союз писателей (отсюда Фадеев — генеральный секретарь ССП)...

Даже сталинский отзыв о романе (мол, «книга хорошая, однако издать сейчас нельзя, разве что лет через десять») — это слегка отредактированные слова М.А. Сулова, сказанные 23 июля 1962 года Василию Гроссману по поводу романа «Жизнь и судьба»: «издать его можно будет через 250 лет»...

Ну, что тут скажешь? Творческая личность... Ведь Сталинскую премию он получил в 1941 году за сценарии фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». А так хочется убедить других, что знакомством с тобой не гнушались люди действительно великие. И приличные.

Так писал Бабель роман о ЧК или не писал?

---

⁷ Поварцов С. Указ. соч. С. 21.

⁸ Среди «неназываемых читателей» числился секретарь ССП Шолохов (Шолохов М.А. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 389–390). Книга включала роман «В круге первом» и пьесу «Пир победителей».

Перед тем, как принять на веру рассказ Каплера, профессор Флейшман сообщает:

«Сведения о работе Бабеля над романом о ЧК рано прочились в эмигрантскую прессу (включая *Социалистический Вестник*) <...>⁹».

Но, вопреки всегдашнему своему обыкновению, ни имен, ни ссылок (хотя бы на тот же «Социалистический вестник») не приводит.

Помню, что слух такой — очень упорный — ходил по Москве в 60-е годы... О том, от кого он исходит, спрашивать было не принято. Тем более требовать подтверждений! Раз говорят, то, наверное, не зря...

И все-таки — концы отыскать можно... И не за границей, а в Москве — Москве 1934 года. Тогда узнали, что Бабель:

«хочет писать большую вещь о Чека.

– Только не знаю, справлюсь ли — очень уж я однообразно думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых знаю, ну... ну, просто святые люди. И я опасаясь, не получилось бы приторно. А другой стороны не знаю. Да и не знаю вовсе настроений тех, которые населяли камеры, — это меня как-то даже и не интересует. Все-таки возьмусь».

Это запись из дневника Дмитрия Фурманова, а изложил он свой ночной разговор с Бабелем, состоявшийся 20 декабря 1924 года¹⁰.

Следующая запись — 1925 года:

«Давно уже думает он <Бабель — Б.-С.> про книгу, про “Чека”, об этой книге говорил еще весной, думает все и теперь. <...> Да “всего” пока нельзя, — говорит, — сказать, а комкать неохота, — потому думаю, коплю, но терплю... Пишу драму. Написал сценарий. Но это — не главное. Главное — “Чека”: ею охвачен»¹¹.

Так родился слух — Бабель пишет книгу, и называется она «Чека». Слух родился и не захотел умирать — дожил до

---

⁹ Флейшман Л. Указ. соч. С. 276.

¹⁰ Фурманов Д. Из дневника писателя. М.: Мол. гвардия, 1934. С. 83; уточнение датировки см.: Куванова Л.К. Фурманов и И. Бабель // Литературное наследство. Т. 74. М.: Наука, 1965. С. 507.

¹¹ Фурманов Д. Указ. соч. С. 80–81.

Каплера, повторившего даже название книги — «не то “Чека”, не то “Чекисты”»... И никто не обратил внимания, что признание свое Бабель сделал не в 1934 году, когда издали фурмановский дневник, а десятью годами раньше. В чем причина такой невнимательности? А в том, что Бабель задал современникам загадку. И они настойчиво пытались ее разгадать:

«8/IV [19]31. <...> Он не печатает новых вещей больше семи лет. Все это время живет на “проценты” с напечатанных. <...> Почему он не печатает? Причина ясна: вещи им действительно написаны. Он замечательный писатель. И то, что он не спешит, не заражен славой, говорит о том, что он верит: его вещи не устареют и он не пострадает, если напечатает их попозже. Но он знает, что он пострадает, если напечатает их раньше. Я не читал этих вещей. Воронский уверяет, что они сплошь контрреволюционны. То есть — они непечатны, ибо материал их таков, что публиковать его сейчас вряд ли возможно. Бабель работал не только в Конной. Он работал в Чеке. Его жадность к крови, к смерти, к убийствам, ко всему страшному, его почти садическая страсть к страданиям — ограничила его материал.

Он присутствовал при смертных казнях, он наблюдал расстрелы, он собрал огромный материал о жестокости революции. Слезы и кровь — вот его материал. Он не может работать на обычном материале. Ему нужен особенный, острый, пряный, смертельный. Ведь вся “Конармия” такова. А все, что у него есть теперь, — это, вероятно, про Чека. Он и в Конармию-то пошел, чтобы собрать этот материал. А публиковать сейчас — боится. Репутация у него — попутническая».

Это из дневника Вячеслава Полонского¹². Новых рассказов Бабеля Полонский не читал, но слышал от Воронского, что они контрреволюционны... Ну, а раз контрреволюционны, то непременно про ЧК!

Но в 1931 году Бабель отдал в печать главы из книги про коллективизацию... А Полонский на раскулачиванье не ездил, и потому был уверен, что ничего страшнее ЧК быть не может.

---

¹² Полонский Вяч. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1933. Подг. текста, публ. и комм. С.Д. Шумихина // Новый мир. 2008. № 3. С. 147.

Вот и выходит, что в 1925 году Бабель книгу про ЧК не написал, а после 25-го никому про нее и не рассказывал!

Замечательное это дело — общаться с писателями. Ты только молчи, а коллеги сами придумают тебе занятие — пишешь, уже написал, но никому не показывает, потому что *такое* показать никому нельзя!.. Тем более что Бабель, и вправду, вел себя необычно и загадочно. Например, в 1937 году:

«Бабель рассказал, что встречается только с милиционерами и только с ними пьет. Накануне он пил с одним из главных милиционеров Москвы, и тот спьяну объяснил, что поднявший меч от меча и погибнет. Руководители милиции действительно гибли один за другим... Вчера взяли этого, неделю назад того... “Сегодня жив, а завтра черт его знает, куда попадешь...”

Слово “милиционер” было, разумеется, эвфемизмом. Мы знали, что Бабель говорит о чекистах, но среди его собутыльников были, кажется, и настоящие милицейские чины.

О[сип] М[андельштам] заинтересовался, почему Бабеля тянет к “милиционерам”. Распределитель, где выдают смерть? Вложить персты? “Нет, — ответил Бабель, — пальцами трогать не буду, а так потяну носом: чем пахнет?”...»

Это из воспоминаний Надежды Мандельштам¹⁵. Ну разве трудно догадаться: с «милиционерами» Бабель общался, чтобы собрать материал для романа... А для чего ж еще?!

Вот источник (Фурманов) и все составные части слухов о романе «Чека». И давно следовало легенду эту похоронить!

Я бы и похоронил, если бы не один бабелевский рассказ 1937 года. Называется он «Сулак».

Фабула совсем несложная: чекисты узнают, что Адриан Сулак, бывший начальник штаба банды Гулая, не помер в эмиграции, а тайно вернулся в Советский Союз. В родное село Сулака направляют двух сотрудников, которые посещают его жену и видят, что, пребывая 6 лет без мужа, она произвела

---

¹⁵ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. [Кн. 1]. М.: Согласие, 1999. С. 382. В 1977 году Иван Михайлович Гронский (Федулов), бывший редактор «Известий» и «Нового мира», назвал «милиционеров» по именам: Агранов, Прокофьев, Р.П. Катанян... Это те, с кем Бабель беседовал. А вот о Дзержинском, Менжинском и Уншлихте Бабелю рассказывал сам Гронский, и Бабель рассказы эти «слушал с жадностью. Что-то заносил в записную книжку. Задавал вопросы» (Поварцов С. Указ. соч. С. 21–22).

на свет младенца. Чекисты проследили за женщиной и ночью обнаружили ее в сарае, где та кормила мужа борщом. Увидев чекистов, Сулак попытался передернуть затвор винтовки, и был застрелен на месте. Труп Сулака увозят на телеге, и жена с ребенком на руках сидит у него в головах.

С публикацией рассказа возникли сложности. Сначала предполагалось напечатать его в «Литературной газете». Один за другим выходили в марте газетные номера — с 18-го по 21-й, а очередь все не подходила... Потом что-то сдвинулось, даже гранки набрали... Но и в майских номерах — 27-м и 28-м — рассказ не появился...

Кроме «Литературки» имелись еще литературные журналы, но новое произведение знаменитого писателя почему-то их не заинтересовало. Пришлось Бабелю нести рассказ в орган уж и вовсе несолидный — двухнедельник «Молодой колхозник».

Похоже, что не Бабель боялся печатать свои «чекистские» рассказы, а редакторы всячески от них увиливали. И, значит, тема эта действительно считалась опасной... По крайней мере, в литературе¹⁴... Кинематограф, как мы помним, тему отлова фашистских лазутчиков активно пропагандировал.

Что еще можно сказать о рассказе «Сулак»? Сказать можно много, но прежде всего обратим внимание на одно странное обстоятельство. Очень странное...

Сначала подробно излагается, кто такой Сулак:

«В 22-м году в Винницком районе была разгромлена банда Гулая. Начальником штаба был у него Адрян Сулак, сельский учитель. Он ушел за рубеж в Галицию, газеты сообщили о его

---

¹⁴ До сих пор родоначальником «чекистской» прозы считался Лев Овалов (Шаповалов), в 1939–41 гг. опубликовавший 7 рассказов и один роман о похождениях майора госбезопасности (соответствует армейскому званию полковника) Пронина. Первый рассказ Овалов напечатал в журнале «Вокруг света», где был главным редактором. Но публикация остальных в журнале «Знамя» была запрещена, а набор рассыпан. И тогда главный редактор «Знамени» В.В. Вишневский сумел передать рассказы В.М. Мологову. Наркоминделу они понравились, и препятствия были устранены (Разумихин Ал. Последнее свидетельство // Овалов Л.С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 20) — рассказы появились в журнале и вышли отдельным изданием в серии «Библиотечка красноармейца». А 5 июля 1941 г. Овалов был арестован и за разглашение в своих сочинениях секретных сведений осужден, проведя последующие 15 лет в лагерях и ссылке.

смерти. Через шесть лет после этого сообщения мы узнали, что Сулак жив и скрывается».

Что за банда и кто такой Гулай специально не разъясняется. А вот историографии гражданской войны известен Гулый-Гуленко — генерал-хорунжий, командир 1-й Запорожской дивизии украинской армии, участвовавший и в советско-польской войне (на стороне поляков).

После войны оказался в Румынии. В октябре 1921 года со своим отрядом перешел Днестр и попытался поднять на Украине восстание. Повстанцы были разгромлены, и в конце декабря Гулый-Гуленко снова ушел в Румынию. Но не унялся — в июле перешел границу, направился в Одессу и через две недели был схвачен. Следствие тянулось три года, пока генерал-хорунжий не признал себя виновным. Приговор: «10 лет со строгой изоляцией». О дальнейшей его судьбе существуют разноречивые версии: попал под амнистию в 1927 году и работал агрономом; в 1927 году бежал из тюрьмы и оказался в Польше, где был разоблачен как советский агент и застрелен...

Время действия рассказа отделено от этих событий всего одним годом, что едва ли случайно.

Зато дальше начинается непонятное...

«Чернышову и мне поручили поиски. С мандатами зоотехников в кармане мы отправились в Хоцеватое, на родину Сулака».

Откройте любой рассказ Бабеля и ничего подобного не увидите — что за Чернышов? Кто такой «я»? В «Литературке» рассказ должен был появиться под рубрикой «Из записной книжки»... Книжка, понятное дело, принадлежит писателю. А кто же тогда рассказчик? Где и когда Бабель с ним беседовал? Об этом ни слова... «мы узнали...»; «Чернышову и мне поручили...»; «мы отправились...»

Повествование начинается с середины, и ему, несомненно, должно было что-то предшествовать. И, значит, рассказ «Сулак» — не рассказ, а кусок, вырванный из более обширного повествования... Например, глава из книги... Быть может, той самой, которая и называлась «Чека»! Книги, хотя бы частично, написанной... Поэтому оправдан поиск и иных глав. Уцелевших!

А тогда пытливая мысль обращается к еще одному рассказу, где ЧК появляется в самом финале. Называется он «Дорога» и опубликован был в 1932 году. Содержание таково: в ноябре 1917 года рассказчик покидает разваливающуюся русскую армию (проще говоря, дезертирует), становится свидетелем чудовищных расправ над евреями, сам чудом избегает смерти и, наконец, добирается до Петрограда, где находит бывшего комиссара своего полка Калугина. Финал рассказа:

«Наутро Калугин повел меня в Чека, на Гороховую, 2. Он говорил с Урицким. Я стоял за драпировкой, падавшей на пол суконными волнами. До меня долетали обрывки слов.

– Парень свой, – говорил Калугин, – отец лавочник, торгует, да он отбилсЯ от них... Языки знает...

Комиссар внутренних дел коммун Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки.

Меня сделали переводчиком при Иностранном отделе. Я получил солдатское обмундирование и талоны на обед. В отведенном мне углу зала бывшего Петербургского градоначальства я принялся за перевод показаний, данных дипломатами, поджигателями и шпионами.

Не прошло и дня, как все у меня было, – одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране.

Так началась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья».

До сих пор всеми исследователями рассказ этот рассматривался исключительно как автобиографический. Тем более, порядок действий полностью соответствует тому, что поведал о событиях своей жизни сам Бабель: «я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе...».

Но если допустить, что рассказ этот был частью более обширного повествования, достаточно легко установить и его место в этом повествовании — в самом начале, первая глава...

И глава эта полностью соответствует тому, что говорил Бабель Фурманову о своей «большой вещи» в 1924 году: «чеки-

сты, которых знаю, ну... ну, просто святые люди. И я опасаясь, не получилось бы приторно».

И, действительно, получилось приторно донельзя: Моисей Урицкий, «комиссар внутренних дел коммун Северной области <...>. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки», то есть недреманный страж Революции, что в свете еврейского его происхождения выводит прямо на 121-й псалом:

«Вот не дремлет и не спит страж Израиля. Бог – твой страж».

А подчиненные его – «товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране». Воистину: «святые люди», практически – ангелы. Из особого подразделения – ангелы Смерти.

Так что же думал Бабель о чекистах на самом деле?

Вернемся к рассказу «Сулак»...

Приехав в село, чекисты идут к председателю сельрады расспросить о ночлеге и задают наводящий вопрос о «вдове» Сулака. Председатель, «простоватый парень», ведет их в ее хату, и чекисты видят там новорожденного младенца. Выйдя от «вдовы», председатель

«[о]глядываясь по сторонам, <...> рассказал, что Сулак служил когда-то у жовто-блакитных, а от них перешел к папе римскому.

– Муж у папы римского, – сказал Чернышов, – а жена в год по ребенку приводит...

– Живое дело, – ответил председатель <...>».

Заночевали чекисты у председателя, поужинали и легли спать. Но председатель завел разговор с дочерью. На окрик чекиста, что разговор мешает ему спать, председатель виноватым голосом отвечает:

«– Вчителька в школе трусов на развод давала, <...> трусику дала, а самого нет... Трусику побыла, побыла, а тут весна, живое дело, она и подалась в лес».

В украинском и южно-русских диалектах слово «трус» означает «кролик». А «сам» – это «муж, супруг» (отсюда, кстати, слово «самец»). И вот супруга, оставшись без мужа, сбегает в лес. Двигет ею инстинкт размножения, стремление дать жизнь... И председатель констатирует: «Живое дело».

Но кроме инстинктов, существует и заповедь: «Плодитесь и размножайтесь!» Оттого и на появление младенца у вдовы Сулака председатель реагирует теми же словами — «живое дело».

Впрочем, люди, производящие на свет детей, никакой симпатии не вызывают: мать ребенка — «карлица», а сам ребенок — «младенец с раздутой, белесой головой». Иными словами: уроды, рождающие уродов. А слова председателя о жене Сулака — «вы на эту вдову не смотрите, что она недомерок, у ней молока на пятерых хватит. У ней молоком другие женщины заимствуются...» — вызывают у чекиста, глядящего на женщину, склонившуюся над трупом мужа, лишь одну реакцию:

«— Молочная, <...> я тебе покажу молоко...».

Молоко — это влага жизни... А чекисты жизнь ненавидят, потому что несут смерть.

В село они приезжают с мандатами зоотехников. И это не просто оперативная легенда — это их отношение к людям. А люди для них скот, подлежащий выбраковке.

Это взгляд чекиста. А что видел Бабель?

О председателе, сидящем на печи, сказано: «ворот его рубахи был расстегнут, босые, добрые ноги свисали». Эпитет выбран совершенно неожиданный: «*добрые ноги*»...

А перед тем председатель говорит, что, оказавшись за границей, Сулак из стана украинских националистов «перешел к папе римскому».

Для чего упомянут здесь Папа Римский? Для того лишь, чтобы дать чекисту повод поиздеваться над председателем — *живое дело!*.. Папа Римский хранит обет безбрачия, и дети от него не рождаются. А младенец откуда взялся? Уж не от непорочного ли зачатия?..

Нет, Папа Римский упомянут здесь не случайно.

Вот описание трупа Сулака:

«Ноги мертвеца в польских башмаках с гвоздями, высовывались из телеги».

Здесь важно каждое слово — «польский», «ноги мертвеца», «с гвоздями»...

«Польский» — это католический, и тогда ноги мертвеца и гвозди складываются в один образ — католического распятия.

А у живого человека ноги «добрые», и, значит, жизнь — это добро, а смерть зло. И чекисты, несущие смерть, — несут зло. И сами они зло¹⁵.

Вот только 1932 год совсем не подходил для вольного слова. И Бабель книгу обезвредил — заменил динамит пластилином. Так что можно было выдергивать чеку безбоязненно.

---

¹⁵ Гедали так и говорил: «Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди».

Глава XXVI

КАРЛ И ЯНКЕЛЬ

«Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яков».

Карл Маркс «Капитал» (Кн. I, гл. 3)

Из поздних рассказов Бабеля «Карл-Янкель» привлекает наибольшее внимание исследователей. В силу чего удалось опознать и интерпретировать почти все составляющие его элементы.

Содержание рассказа таково:

У кандидата в члены партии Овсея Белоцерковского родился сын. Отец в это время находился в Балтском районе, организуя уборку жмыхов. Оттуда он направил жене поздравительную телеграмму, в которой наказал назвать сына Карлом, в честь Карла Маркса. Домой он вернулся через две недели и узнал, что в его отсутствие набожная теща произвела над младенцем обряд обрезания. Мало того, вместо революционного имени Карл, дала ребенку имя Янкель.

Посоветовавшись с секретарем партиячейки, Овсей подал на тещу, Брану Брутман, в суд. Прокурор решил сделать суд показательным и провести его на фабрике имени Петровского. Кроме тещи на скамье подсудимых оказался и малый оператор Нафтула Герчик. Допрошенная в качестве свидетеля мать ребенка Полина, путается в показаниях, на лбу ее выступает кровавый пот, и в это время из соседней комнаты доносится плач ребенка. Объявляется перерыв на кормление. Но оказывается, что ребенка уже кормят — грудь ему дала какая-то киргизка.

Судебное заседание возобновляется, а рассказчик, глядя на сосущего младенца, тихо шепчет: «Не может быть, чтобы

ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливей меня...».

Михаил Вайскопф квалифицировал рассказ как «вымученный гибрид марксизма с хасидизмом»¹, но, тем не менее, подвергает его тщательному анализу.

Кровавый пот на лбу Полины Белоцерковской он сопоставляет с Евангелием от Луки (22:44): «И был пот Его, как капли крови, падающие на землю».

А поскольку об адвокате со стороны обвинения, бывшем присяжном поверенном Самуиле Лининге, сказано, что «[е]сли бы синедрион существовал в наши дни, — Лининг был бы его главой», то и само судилище уподоблено суду над Иисусом.

Киргизка тоже упомянута не случайно: это указание на рассказ Всеволода Иванова «Дитё», в котором сибирские партизаны, заставив киргизку кормить русского младенца, замечают, что ее ребенок прибавляет в весе быстрее русского, и киргизенка убивают. Эпизод этот для Бабея имел особое значение: мать его собственного сына, Эммануила, Татьяна Каширина, вышла замуж за Всеволода Иванова. Иванов ребенка усыновил и перекрестил в Михаила². А в 1929 году чета Ивановых произвела на свет своего сына, Вячеслава... Таким образом, у сына Бабея появился конкурент.

Дедом Карла-Янкеля был кузнец Иойна Брутман. Иойна — это идишское произношение имени библейского пророка Ионы, а в иврите слово יונה [yona] означает «голубь». В Новом Завете голубь символизирует Святой Дух.

Имя отца указало ремесло его сыновьям:

«В мою пору у него росли три сына. Лучше их голубятни в городе не было. Сыновья кузнеца выходили на Александровский рынок с сотней пар голубей. Перед самой войной они начали водить почтовых голубей. Это была фабрика птицы; они занимали места столько же, сколько и сама кузница. Нельзя было и мечтать о том, чтобы перешибить Иойниных сыновей».

---

¹ *Вайскопф М.* Убегающий Христос: Иудаизм и христианство в свете мотивных координат Бабея // Новое литературное обозрение. 2015. № 1. С. 206.

² *Хазан В.* Из заметок об И. Бабеле // *Хазан В.* Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского диалога в XX веке. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2001. С. 224–228.

Что же касается кровавого пота на лбу Полины, то в рассказе он, видимо, появился не из Евангелия, а опосредовано. И таким посредником была повесть Николая Лескова «Владыч- ный суд», точнее эпизод, повествующий о забранном в рекру- ты сыне еврея. Виновником этого оказался некий еврей-вы- крест, вместо своего подмастерья обманом вставивший в список подлежащих призыву другого человека. И вот теперь несчастный отец призванного тщетно обивает пороги, моля об отмене безжалостного решения. И выглядят его потуги:

«до крайности образно, живо, интересно и в одно и то же вре- мя и невыразимо трогательно и уморительно смешно, и даже трудно сказать — более смешно или более трогательно.

<...> благодаря бога, ни у меня, сидевшего за столом, пред которым жалостно выл, метался и рвал на себе свои лохмотья и волосы этот интролигатор³ <...>, ни у глядевших на него в рас- творенные двери чиновников не было охоты над ним смеяться.

Все мы, при всем нашем несчастном навыке к подобного рода горестям и мукам, казалось, были поражены страшным ужасом этого неистового страдания, вызвавшего у этого бедня- ка даже *кровавый пот*.

Да, эта вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданных им мне бумаг и которою смердели все эти «документы», была не что иное, как *кровавый пот*, который я в этот единственный раз в моей жизни видел своими глазами на человеке. По мере того как этот <...> худой, изнеможенный жид размерзлся и размокал в теплой комнате, его лоб, с прилипши- ми к нему мокрыми волосами, его скорченные, как бы судорож- но теребившие свои лохмотья, руки и особенно обнажившаяся из-под разорванного лапсардака грудь, — все это было точно покрыто тонкими ссадинами, из которых, как клюквенный сок сквозь частую кисею, проступала и сочилась мелкими росисты- ми каплями красная влага... Это видеть ужасно!

Кто никогда не видал этого *кровавого пота*, а таких, я ду- маю, очень много, так как есть значительная доля людей, кото- рые даже сомневаются в самой возможности такого явления, — тем я могу сказать, что я его сам видел и что это невыразимо *страшно*.

---

³ Переpletчик.

По крайней мере это росистое клюквенное пятно на предсердии до сих пор живо стоит в моих глазах, и мне кажется, будто я видел сквозь него отверстие человеческого сердце, страдающее самую тяжкую мукою — мукою отца, стремящегося спасти своего ребенка... О, еще раз скажу: это ужасно! <...>

Я невольно вспомнил кровавый пот того, чья праведная кровь оброком праотцов низведена на чад отверженного рода, и собственная кровь моя прилила к моему сердцу и потом быстро отхлынула и зашумела в ушах.

Все мысли, все чувства мои точно что-то понесли, что-то потерпели в одно и то же время и мучительное и сладкое. Передо мною, казалось, стоял не просто человек, а какой-то кровавый, исторический символ. <...>

Эта история, в которой мелкое и мошенническое так перемешивалось с драматизмом родительской любви и вопросами религии; эта суровая казенная обстановка огромной полутемной комнаты, каждый кирпич которой, наверно, можно было бы размочить в пролившихся здесь родительских и детских слезах; эти две свечи, горевшие, как горели там, в том гнусном суде, где они заменяли свидетелей; этот ветхозаветный семитический тип искаженного муками лица, как бы напоминавший все племя мучителей праведника, и этот зов, этот вопль “Иешу! Иешу Ганоцри, отдай мне его, парха!” — все это потрясло меня до глубины души... я, кажется, мог бы сказать даже — до своего рода отрешения от действительности и потери сознания... <...>

Отчаянный отец с вырывающимся наружу окровавленным сердцем, человек — из племени, принявшего на себя кровь того, которого он зовет “Иешу”... Кто его разберет, какой дух в нем чувствует, заставляя его звать и жаловаться “Ганоцри”?

Мои назлектризованные нервы так работали, что мне стало казаться, будто в этой казенной камере делается что-то совсем не казенное. Уже не услышал ли *Он* этот вопль сына своих врагов, не увидел ли *Он* его растерзанное сердце и... не идет ли *Он* взять на свое святое рамо эту несчастную овцу, может быть невзначай проблеявшую его имя»⁴.

---

⁴ Лесков Н. Владычный суд. Биль. (Из недавних воспоминаний). СПб., 1877. С. 34–37; о евангельской символике данного произведения см.: Сафран Г. Евангельский подтекст и еврейская тема во «Владычном суде» Н.С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. <http://philolog.petrus.ru/filolog/konf/1998/36-safran.htm>

Отметим еще один немаловажный момент: действие эпизода происходит в Белой Церкви, по словам Лескова, «самого безалаберного после Бердичева жидовского притона». А отец Карла-Янкеля носит фамилию *Белоцерковский!*

Именно о страданиях отца и повествует рассказ «Карл-Янкель». Только отец этот не Овсей Белоцерковский, а Исаак Бабель.

Янкель — уменьшительная форма имени Яков. А отцом библейского Иакова был Исаак. И в семействе Исаака тоже происходила драма — решался вопрос о первородстве. Свое право на первородство Исав уступил Иакову за миску чечевичной похлебки. И сын Бабеля тоже потерял право на первородство: будучи усыновлен другим отцом, он был оттеснен новорожденным сыном самого Всеволода Иванова, стал киргизенком, чья жизнь и смерть зависит от судьбы сводного брата, весьма, кстати, болезненного мальчика. Но и этого мало: сына Бабеля лишили имени — из Эммануэля сделали Михаилом, и, судя по всему, крестили, что для еврея равносильно смерти.

Так свершилось сыноубийство, а Бабеля заставили пережить собственный сюжет.

И еще несколько слов об именах.

Согласно метрическому свидетельству, «тысяча восемьсот девяносто четвертого года, Июля 4 дня у из Сквирских мещан Маня Ицковича Бобеля и жены его Фейги родился 30 июня, а обрзан 7 июля сын, нареченный именем “ИСААК”»⁵.

Это свидетельство было предъявлено в коммерческое училище и в 1911 году при поступлении в киевский Коммерческий институт. Но, в это же самое время, отец будущего писателя фамилию уже сменил — из Бобеля стал Бабелем. А заодно

Бабель – ученик Одесского коммерческого училища

⁵ Дело Киевского Коммерческого Института (Державний архів м. Києва. Ф. 153. Оп. 7. Ед. хр. 239. Л. 4). Приношу свою благодарность Е.И. Погорельской, любезно предоставившей мне копию этого архивного документа.

Бабель с сыном Эммануилом

поменял имя и отчество: местечковое Мань Ицкович — на солидное Эммануил Исаакович⁶.

И его сын Исаак с этим выбором согласился: в 1913 году, под первым напечатанным его рассказом, мы читаем: «И. Бабель».

Относительно происхождения фамилии Бобель мнения расходятся. Кто-то возводил ее и к польскому *bąbel* «пузырь»... Нежелательная эта ассоциация и стала, дескать, причиной переименования. Но семейство Бобелей проживало не в Царстве Польском, а в Одессе...⁷

Так что куда надежнее искать корни фамилии в языке идиш — *באבול* «бабочка». Слово это, в зависимости от диалекта, произносится двояко: *bobel* и *babel*. Причиной же смены фамилии, действительно, могла оказаться нежелательная ассоциация: приятно ли коммерсанту слышать все время, что можно торговаться и остаться *на бобах*?!

А в 1917 году Исаак, как подобает журналисту, обзавелся и псевдонимом: Бабь-Эль. Твердый знак при слове «Баб» означал, что псевдоним этот не сокращение двойной фамилии, типа Бабицкий-Эльяшевич, а сочетание двух слов: Баб и Эль. Второе слово переводится с иврита без труда: *Эль* «Бог». А первому в иврите соответствий нет... Многие особых трудностей здесь не видят: Бабель — это *Babel* «Вавилон»! Но на иврите слово *בבל* хоть и содержит две буквы «бет», но читается иначе: *Bavel*.

А сами вавилоняне называли свою столицу *Bab-illi* «Врата бога». Об этом узнали во второй половине XIX века, когда при раскопках месопотамских городов были найдены десятки тысяч глиняных табличек и расшифрована вначале клинопись,

⁶ Вся Одесса: Адресная и справочная книга г. Одессы на 1911 год. Одесса: Л.А. Лисянский, [1911]. С. 583 (в разделе «Земледельческие машины и приспособления (Склады и представительства)»: «Бабель Эм. Исаак., Риш[ельевская] 17».

⁷ См., впрочем, в рассказе «Детство. У бабушки»: «Я был совсем пузырем в то время и ничего не понимал <...>» (*Бабель И.* Собр. соч. в 4-х тт. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 175).

а затем и язык, который клинопись скрывала. Вавилонский оказался семитским языком, оттого вавилонское illi действительно соответствует ивритскому Эль «Бог». А слово bab «ворота» сохранил другой семитский язык — арабский.

И своим псевдонимом «Бабь-Эль» хотел оповестить всех что Мессия, литературный мессия уже при дверях.

Теперь сюжет выстроился так: Бог и Мессия⁸, открывающий врата Богу... Бог и Сын⁹.

---

⁸ Своего сына, родившегося в 1926 г., Бабель назвал Эммануил (в честь отца, скончавшегося двумя годами раньше — в 1924). Но дальнейшие события заставили увидеть в имени сына и высший смысл — см. в книге пророка Исайи: «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14).

⁹ Ангел, посланный Господом к плотнику Иосифу, мужу Марии, тоже цитирует пророка Исайю, но уже применительно к новой ситуации: Мария «родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус... А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил, что значит: с нами Бог» (Мф.1:21-23).

Глава XXVII

КОНЕЦ

Закончить дело своей жизни Бабелю не дали. Заменяли дело «делом», а потом и жизни лишили.

Загадки начинаются с момента ареста, поскольку все известные воспоминания об этом событии (Антонины Пирожковой¹, Татьяны Стах², Григория Марьямова³) противоречат друг другу и доступным документам.

Не больше ясности и с тем, что стало причиной ареста.

Например, вдова, А. Пирожкова, говорила дочери, что «Бабеля посадили без причины. Просто он был неуютен Сталину как личность, как умный и проницательный человек. Вождь, видимо, хотел заткнуть рот писателю, который вряд ли стал бы его прославлять»⁴.

Ходит слух, что причиной было слишком близкое знакомство с наркомом Ежовым, и, когда тот слетел, за компанию взяли и Бабеля.

Кто-то вообще отказывается доискиваться до причин, считая, что террор был массовый и, в силу этого, безличный. Это касается и исполнителей, и жертв. А репрессировали по категориям: дворяне, врачи, журналисты, инженеры, военные...

---

¹ Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты: Воспоминания. М.: Аст, 2013. С. 318–321.

² В письме И. Эренбургу от 8 ноября 1961 г. (Поварцов С. Быть Бабелем. Краснодар: Кубаньпечать, 2012. С. 73–77).

³ Гранин Д. Причуды моей памяти. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 256.

⁴ Ковальская Я. Спустя несколько дней после ареста Исаак Бабель под пытками подтвердил, что «установил шпионские связи с французским писателем Андре Мальро, которому передавал сведения о состоянии Воздушного флота», а также вел «антисоветские разговоры» с Олешей, Катаевым, Михоэлсом и Эйзенштейном [интервью с Л.И. Бабель] // Бульвар Гордона. 2012. № 4. 24.01. <http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s4_65170/7279.html>

Но у массового террора была своя особенность — он шел волнами. В августе 1938 года Маленков подал Сталину докладную записку «О перегибах» в деятельности НКВД, а Лаврентий Берия стал заместителем Ежова. С этого времени террор резко пошел на спад. Ответственность за «перегибы» возложили на исполнителей, и вчерашние следователи заняли камеры своих недавних подследственных.

9 декабря 1938 года Ежов был снят с поста наркома внутренних дел, а 10 апреля 1939 года его арестовали.

Имя Бабеля Ежов впервые упомянул на допросе 11 мая, а в ночь на 15 мая Бабеля взяли... Вполне достаточное основание, чтобы связать «дело» Бабеля с ежовским.

Причем, нередко можно услышать, что с Ежовым Бабеля связывало не шапочное, а весьма близкое знакомство...

А вот сам Ежов валил все на жену, уже покойную:

«Особая дружба у Е.С. Ежовой была с Бабелем. <...> Я знаю со слов моей жены, что с Бабелем она знакома примерно с 1925 года. Всегда она уверяла, что никаких интимных связей с Бабелем не имела. <...> Бабель бывал по ее приглашению несколько раз у нас на дому, где с ним, разумеется, встречался и я.

Я наблюдал, что во взаимоотношениях с моей женой Бабель проявлял требовательность и грубость. Я видел, что жена его просто побаивается. <...> Интимную их связь я исключал по той причине, что вряд ли Бабель стал бы проявлять к моей жене такую грубость, зная о том какое общественное положение я занимал. На мои вопросы к жене, нет ли у нее с Бабелем такого же рода отношений, как с Кольцовым, она отмалчивалась, либо слабо отрицала. Я всегда предполагал, что этим неопределенным ответом она просто хотела от меня скрыть свою шпионскую связь с Бабелем...»⁵.

Но если не Ежов, то что или кто был причиной ареста?

Судьба Бабеля решилась 16 января 1940 года. В этот день на стол Сталина лег подготовленный Л.П. Берия список лиц, следствие по делам которых было закончено⁶. В отношении 346-ти из них нарком предлагал применить ВМН — высшую

---

⁵ Поварцов С. Причина смерти — расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: Терра — Terra, 1996. С. 39.

⁶ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 24. Дело 377. ЛЛ. 116–136.

меру наказания. 17 января ЦК ВКП(б) список утвердил, и роль будущего суда свелась к секретарской — оформление уже вынесенного приговора. Отмене он не подлежал.

26 января 1940 года Военная коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего (В.В. Ульрих) и двух членов (Кандыбин Д.Я. и Дмитриев Л.Д.) дело рассмотрела. В протоколе судебного заседания указано, что от всех показаний, данных в ходе следствия, подсудимый отказался. Бабелю предоставили сказать последнее слово, и он повторил, что ничего из того, в чем его обвиняют, он не совершал и виновным себя не признает. Суд удалился на совещание, после чего огласил приговор — расстрел.

27 января 1940 года, в половине второго ночи, Бабель и с ним еще 16 человек были расстреляны.

Вглядимся еще раз в «сталинский список» от 16 января.

Среди обреченных смерти мы находим И.Э. Бабеля, Б.Э. Калмыкова, М.Е. Кольцова, М.М. Лукина, Н.М. Лукину-Бухарину, В.Э. Мейерхольда (в списке: Мейерхольд-Райх!). А все остальные — 340 человек — это сотрудники НКВД и члены их семей. Вот они, действительно, подельники Ежова — жертвы бериевской чистки органов от виновников «перегибов».

А что можно сказать о первой шестерке?

Ну, с Н.М. Лукиной-Бухариной все понятно — первая жена Бухарина. Мало того, после суда над Бухариным стала донимать т. Сталина письмами, заявляя о полной своей убежденности в невиновности бывшего мужа. Посадили ее 30 апреля 1938 года, когда террор был в самом разгаре.

Ее брат, Лукин Михаил Михайлович, военврач 1-го ранга, пом. начальника Санитарного управления РККА, арестован и вовсе 22 декабря 1937 года, еще по «делу о заговоре военных».

Остаются четверо...

Калмыков Бетал Эдыкович, арестован 12 ноября 1938 года. Уникальная личность! — единственный на весь СССР секретарь обкома, переживший 1934, 1936 и 1937 годы. А пост свой — секретаря Кабардино-Балкарского обкома — он бессменно занимал с 1920 года! Кабардино-Балкарскую республику держал в стальной узде. Нынче многое о методах его правления стало известно, но точное число репрессированных определяется пока весьма приблизительно — ясно лишь, что не менее 15 тысяч.

Для республики, все население которой 204 тысячи (1926), выглядит внушительно.

С Беталом Калмыковым были знакомы Бабель и Кольцов. Бабель даже собирался писать о Бетале книгу — о совместных поездках на охоту, до которых Калмыков был весьма охоч. В Кабарде Бабель бывал часто, даже возил туда Антонину Пирожкову...

Кольцова Калмыков тоже привечал, а Кольцов о нем еще и написал. Согласно показаниям бывшего директора издательства «Огонек» А.И. Биневича:

Бетал Калмыков

«в Каб. Балк. АССР <...> был очень хорошо принят Калмыковым. Как известно, после этого Кольцов много писал о Калмыкове, и его статья о Калмыкове во время 17-го партсъезда показывает, что Кольцов из всех людей съезда нашел только одного Калмыкова лучшего из делегатов»⁷.

А вместе с Бабелем Кольцов один раз побывал на даче у Ежова. Вот, в какой узел все стягивается...

И стянулось бы, не помешай тому Всеволод Мейерхольд. С Ежовым не встречался, охотой не увлекался, в Кабарде не бывал... Даже с Бабелем был едва знаком⁸.

Или он в этой компании лишний, или связывало их всех что-то другое. И опасное.

Когда Бабеля уводили из дома, он тихо, чтобы не слышали конвоиры, сказал Пирожковой: «Сообщите Андрею!..»⁹.

⁷ Следственное дело № 21620. По обвинению Кольцова-Фридлянд Михаила Ефимовича // Архив ФСБ. Р-1269. Т. 1. Л. 218. Пользуюсь случаем поблагодарить О.И. Киянскую за предоставленную возможность ознакомиться с текстом документа.

⁸ *Бар-Селла З.* Театральный разъезд. О Бабеле и Мейерхольде. // Лехаим. 2015. № 3. С. 37–40.

⁹ *Пирожкова А.Н.* Указ. соч. С. 319.

Та сразу поняла о ком идет речь: «Андрюхой» или «Андрюшкой» Бабель называл французского писателя Андре Мальро, когда тот посещал их дом в Москве¹⁰. О каких-либо попытках известить Мальро об аресте мужа Пирожкова не упоминает...

Кто же такой Андре Мальро? Знаменитый писатель, лауреат Гонкуровской премии, антифашист, создатель интернациональной авиаэскадрильи, воевавшей на стороне Испанской республики, взгляды откровенно левые, воспеваает Китайскую революцию, объявил, что в Советском Союзе родилась новая цивилизация, не скрывая при этом восхищения фигурой Льва Троцкого... И вот, что удивительно: троцкистских симпатий этих для советской пропаганды словно и не существовало — книги Мальро принимались с неизменным восторгом, общественная деятельность безоговорочно одобрялась... Писатель приезжал в СССР, расточал изящные французские похвалы стране гостеприимных хозяев, бурлил проектами...

Иметь такого друга не только приятно, но и лестно...

И вот оказывается, что с Мальро были связаны все трое — Бабель, Кольцов и Мейерхольд.

На следствии, отвечая на вопрос: «<...> расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы стали агентом французской разведки и какую предательскую работу в СССР вы вели по ее заданию?», Кольцов показал:

«Летом 1934 года, на съезде писателей в Москве, ЭРЕНБУРГ И.Г. познакомил меня с французским писателем Андре МАЛЬРО, с которым он приехал и неизменным спутником которого состоял. ЭРЕНБУРГ отрекомендовал его, как "исключительного человека", расписывал его популярность и влияние во Франции и очень рекомендовал с ним подружиться. У нас с ним и Эренбургом было несколько встреч, закрепивших знакомство.

Когда, по инициативе М. Горького, был поднят вопрос о созыве международного писательского конгресса и создании Ассоциации писателей, МАЛЬРО заявил, что берет это на себя.

В мае 1935 г., в Париже, в период организации Конгресса, МАЛЬРО и ЭРЕНБУРГ тесно сблизились со мной. МАЛЬРО развивал широчайшие планы мировой ассоциации писателей

---

¹⁰ Там же. С. 250.

и всей интеллигенции, которая будет оказывать огромное влияние на политическую и культурную жизнь всего мира, устраивать “интеллектуальные забастовки”, диктовать свою волю правительствам, не исключая и Советского государства.

Видя мое увлечение всеми этими планами, МАЛЬРО повторил эти разговоры со мной наедине и тут же перешел к вопросу о трудностях. Он пожаловался на отсутствие поддержки ему со стороны французской компартии, на грубость и узость МАРТИ, ДЮКЛО, БАРБЮСА, на препятствия, которые они ему ставят, на отсутствие поддержки полпреда (ПОТЕМКИНА) и т. д.

В ответ на это я предложил ему работать рука об руку, обещаю все уладить, “уломать всех чиновников” в компартии и в полпредстве и тут же прочел ему целую лекцию о бюрократизме в Коминтерне и Наркоминделе, в партийных и советских органах, о “косности и отсталости” этих органов, изолирующих страну от западной культуры.

МАЛЬРО слушал очень внимательно и, наконец, сказал: “Все это мне очень полезно знать. Ведь недаром про меня болтают, что я секретный агент Кэ Дорсэй (министерства иностранных дел). — И добавил: Теперь такое время, что каждый писатель должен быть разведчиком”¹¹.

А что с Бабелем? Вот его показания:

«В 1933-м, во время моей второй поездки в Париж, я был завербован для шпионской работы в пользу Франции писателем Андре Мальро... <...> Эренбург познакомил меня с Мальро, о котором он был чрезвычайно высокого мнения, представив его мне как одного из ярких представителей молодой радикальной Франции. При неоднократных встречах со мной Эренбург рассказывал мне, что к голосу Мальро прислушиваются деятели самых различных правящих групп, причем влияние его с годами будет расти, что дальнейшими обстоятельствами действительно подтвердилось. Я имею в виду быстрый рост популярности Мальро во Франции и за ее пределами. Мальро высоко ставил меня как литератора, а Эренбург, в свою очередь, советовал это отношение ко мне Мальро всячески укреплять, убеждал меня в необходимости иметь твердую опору на парижской почве и считал Мальро наилучшей гарантией такой

---

¹¹ Следственное дело № 21620... Л. 98–100.

опоры. <...> За границей живет почти вся моя семья. Моя мать и сестра проживают в Брюсселе, а десятилетняя дочь и первая жена – в Париже. И я поэтому рассчитывал рано или поздно переехать во Францию, о чем говорил Мальро. Мальро при этом заявил, что в любую минуту готов оказать нужную мне помощь, в частности обещал устроить перевод моих сочинений на французский язык.

Мальро далее заявил, что он располагает широкими связями и в правящих кругах Франции, назвав мне в качестве своих ближайших друзей Даладые, Блюма и Эррио. До этого разговора Эренбург мне говорил, что появление Мальро в любом французском министерстве означает, что всякая его просьба будет выполнена. Дружбу с Мальро я ценил высоко, поэтому весьма благоприятно отнесся к его предложению о взаимной связи и поддержке, после чего мы попрощались. В одну из последних моих встреч с Мальро он уже перевел разговор на деловые рельсы, заявив, что объединение одинаково мыслящих и чувствующих людей, какими мы являемся, важно и полезно для дела мира и культуры.

Вопрос: – Какое содержание вкладывал Мальро в его понятие “дело мира и культуры”?

– Мальро, говоря об общих для нас интересах мира и культуры, имел в виду мою шпионскую работу в пользу Франции...

Мальро мне сообщил о том, что собирается написать большую книгу об СССР, но не располагает такими источниками информации, которые мог бы дать постоянно живущий в СССР писатель. Мальро обещал часто приезжать в Советский Союз и предложил в дальнейшем, во время его отсутствия, связываться на предмет передачи информации с нашим общим другом – Эренбургом.

Вопрос: – Уточните характер шпионской информации, в получении которой был заинтересован Мальро.

– Социалистическая мораль, семейный быт, спорт, свобода творчества, судьба некоторых писателей и выдающихся государственных деятелей, ну и, поскольку его французский друг – бывший военный летчик, состояние советской авиации. Он, Бабель, сообщил Мальро, что Советский Союз создает могучий воздушный флот, готовит новые кадры летчиков, строит аэродромы, имеет таких прекрасных конструкторов, как Микулин и

Туполев. Особое значение в деле подготовки к будущей войне придается парашютному спорту и физкультуре...

Я передал Мальро сведения о положении в колхозах, основанные на моих личных впечатлениях, вынесенных от поездок по селам Украины. Его интересовало, оправилась ли Украина от голода и трудностей первых лет коллективизации. Он также добивался ответа на вопрос, что стало с украинскими кулаками, высланными на Урал и в Сибирь. Я подробно информировал Мальро по всем затронутым им вопросам, в мрачных красках нарисовал отрицательные стороны колхозной жизни...»¹².

К этому можно добавить, что пожелавшего переехать в Москву брата Мальро, Ролана, Бабель поселил у себя на квартире.

Затем Бабель от своих показаний отрекся и заявил, что с Мальро его познакомил не Эренбург, а Поль Вайян-Кутюрье (писатель, один из основателей французской компартии и в 1926–37 гг. редактор ее центрального органа — газеты «Юманите»). Тем самым, Бабель несомненно хотел вывести Эренбурга из-под удара.

Всеволод Мейерхольд познакомился с Мальро в Париже и, по словам Мальро, немедленно пожелал инсценировать его роман «Условия человеческого существования» (о китайской революции 1920-х годов). И в 1936 году, когда Мальро приехал в Москву, они живо обсуждали будущую постановку. А на следствии Мейерхольд показал:

«Илья Эренбург, как он сам мне говорил, являлся участником троцкистской организации <...> Он лично говорил мне, что во Франции по троцкистской линии поддерживает регулярную связь с Андре Мальро.

В 1936 году он и Мальро были у меня на квартире и вели оживленную беседу на политические темы»¹³.

Мальро был кумиром левой интеллигенции на Западе. Но сегодня он восторгов уже не вызывает, поскольку стало ясно,

---

¹² Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 43–47.

¹³ Сопельняк Б.Н. Тайны Смоленской площади. М.: Терра — Книжный клуб, 2003. С. 363.

кем он был. А был он авантюристом и отъявленным лжецом. Рассказывал про себя, что отец его банкир, а в реальном мире — скромный чиновник. Уверял, что выпускник Лицея, куда и поступить не мог — выгнали из средней школы. Объявил себя очевидцем китайской революции и писал о ней романы, а в Китае не бывал. Рассказывал о встречах со Сталиным, которого в глаза не видел. Правда, общался с Троцким и обладал великой силой убеждения. Поэтому стал командиром интернациональной авиаэскадрильи, не умея не то, что летать, а даже водить машину. Тем не менее, уверял, что совершил 70 боевых вылетов и даже дважды был подбит. Вообще обладал редкой способностью оказаться вовремя в нужном месте. Например, просидев всю войну в провинции, в 1944 году, после высадки союзников в Нормандии, сколотил военный отряд и объявил себя участником Сопrotивления¹⁴.

Но это фантазии Мальро, а чем он занимался на самом деле?

Бросим взгляд на Европу. 30 января 1934 года рейхсканцлером Германии стал Адольф Гитлер. А уже в июле социалисты и коммунисты Франции договорились о совместных действиях против фашизма. Год спустя, после изнурительных переговоров, социалисты, коммунисты, радикалы и Всеобщая федерация труда создали политический блок под названием Народное объединение, более известный как Народный фронт. На выборах в мае 1936 года Народный фронт получил более половины мест в парламенте и сформировал правительство во главе с социалистом Леоном Блюмом.

А еще 16 февраля 1936 года одержал победу на выборах и блок Народный фронт в Испании. В него входили социалисты, коммунисты, анархисты, левые либералы, каталонские и баскские националисты. Было сформировано коалиционное правительство, действия которого встретили сильнейше сопротивление как правых, так и профсоюзов. А 17 июля восстала армия. Восстание поддержали 80% личного состава. К полудню 19 июля под контролем военных находились уже 35 из 50-ти провинциальных центров, а правительство в Мадриде возглавил левый республиканец Хосе Хираль.

Началась гражданская война.

---

¹⁴ Todd O. André Malraux: Une vie. P.: Gallimard, 2002.

В Мадриде не сомневались, что правительство Народного фронта во Франции придет на помощь Народному фронту в Испании. Но Леон Блюм не смог преодолеть сопротивление партнеров по коалиции, провозгласил доктрину невмешательства в испанские дела и в июне 1937 года подал в отставку. В апреле 1938 года премьером стал Эдуард Даладье, постепенно отменивший реформистские законы прежнего правительства. В сентябре 1938 года Англия и Франция подписали в Мюнхене договор о передаче Германии чехословацкой Судетской области, в обмен на что Германия согласилась поставить свою подпись под декларацией о взаимном ненападении. Первой такой документ подписала Англия, а затем Франция.

В марте 1939 года Чехословакия прекратила свое независимое существование и, как тогда писалось, «вошла в сферу государственных интересов Германской империи»; 1 апреля того же года пала Испанская республика. Уже в апреле Англия и Франция начали тайные переговоры с СССР о создании антигитлеровской коалиции. Прогресса в переговорах добиться не удалось, и в августе они были прерваны. А 23 августа Советский Союз подписал советско-германский Пакт о ненападении.

Влияли ли все эти перипетии на судьбы наших фигурантов? С полной уверенностью сказать трудно, но присутствие в их жизни Андре Мальро позволяет предположить причастность этих людей к тайной дипломатии, ведущейся по неофициальным («частным») каналам. В чем конкретно заключалась такая деятельность сказать еще труднее — диапазон велик: от передачи сообщений до вербовки сторонников и тайных агентов. Одно ясно: шпионажем, то есть добычей секретных документов или иных сведений разведывательного свойства, они не занимались. Но обладали сведениями, утечка которых при перемене политического вектора от сотрудничества с Англией и Францией к сотрудничеству с Германией могла оказаться опасной.

У Кольцова, например, и собственных грехов хватало: в Испании курировал тамошнюю службу госбезопасности, борвшуюся не столько с фалангистами, сколько с соперниками коммунистов в борьбе за власть — троцкистами, анархистами,

социалистами и прочими леваками. Но республика пала, и ничто не мешало ответственность за это возложить на него...

Но было еще и злополучное знакомство с Андре Мальро, связавшее его с Бабелем и Мейерхольдом... Да, с Мальро их всех познакомил Эренбург, он и знал побольше других... Но Эренбург, судя по всему, не только доказал свою благонадежность, но по-прежнему был нужен и незаменим.

О Калмыкове мы позабыли... Он-то какое место занимал в этих раскладах?

Все, вспоминаявшие Калмыкова, рассказывали об удивительном его гостеприимстве... Тем более удивительном, что никто из московских гостей не смог похвастаться знакомством с его семьей — женой, детьми... Никто не вспомнил, как жил кабардинский вождь — скромно, богато, какая мебель стояла в его доме, что подавали к столу... А это значит, что домой к себе он никого не приглашал. Гостей вначале везли в гостиницу, а оттуда в горы, в охотничий домик... Вот там-то и являлся к ним Бетал Калмыков, причем всегда в сопровождении республиканского наркома внутренних дел. Затем следовали охота, костер, шашлыки и рассказы Бетала о своем героическом прошлом в годы гражданской войны... За что ж тут сажать?

За то, наверное, что охотничьи домики эти были, на самом деле, госдачами. А неперенное присутствие на пикниках главы НКВД объясняет, под чьим присмотром эти домики находились. И такие вылазки на природу, вдалеке от любопытных глаз, позволяли встречаться на горных дачах людям, не желавшим свои контакты афишировать. Проще говоря, охотничьи домики в кабардинских горах служили местом проведения конспиративных встреч. И курировал эти мероприятия сам первый секретарь республики. А значит, знал много такого, о чем лучше было бы не знать. Когда же пришло время кое-какие вещи напрочь забыть, лучшим средством стирания памяти оказалась смерть...

Имеются ли какие-то иные, кроме наших догадок, основания для таких предположений?

Виталий Шенталинский упоминает такой эпизод:

«В июле-августе 1939 года Бабель содержался в камере № 89 4-го корпуса внутренней тюрьмы Лубянки вместе с Львом Николаевичем Бельским, бывшим заместителем нар-

кома НКВД (расстрелян в 1940 г.). Вот его свидетельство “на тему о лживых показаниях”: “С показаниями везет не всегда. Со мной в камере сидел писатель Бабель. Следствие проходило у нас одновременно. Я назвал себя германо-японским шпионом, Бабель обвинил себя в шпионских связях с Даладьё. Когда был заключен советско-германский альянс, Бабель сокрушался, что уж теперь-то его несомненно расстреляют, и поздравлял меня с вероятным избавлением от подобной участи...”¹⁵.

Лев Николаевич Бельский (Левин Абрам Михайлович), действительно, занимал должность заместителя наркома внутренних дел (с 3 ноября 1936-го по 28 мая 1938 года), будучи ближайшим соратником Ежова. Арестовали его 30 июня 1939 года, так что встреча его с Бабелем в Лубянской тюрьме вполне вероятна. Но как и от кого пришли к нам его воспоминания о Бабеле? Ведь со дня ареста и до самой смерти (расстрелян 16 октября 1941 г.) Бельский тюремных стен не покидал! И главным обвинением был не шпионаж, а участие в заговоре верхушки НКВД; шпионом же объявили его не немецким, а польским!¹⁶

Поэтому доверия такая информация, к тому же неизвестно как и кем распространяемая, не вызывает...

Но имеется и документ.

«Совершенно секретно
ЦК ВКП(б), товарищу Жданову
7 июня 1939 г.

При этом направляю протокол допроса арестованного бывшего члена Союза советских писателей Бабеля Исаака Эммануиловича от 20-30-31 мая 1939 года о его антисоветской шпионской работе.

Следствие продолжается.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Берия»¹⁷.

Документ этот обнаружен «в материалах переписки НКВД»¹⁸. Что в нем замечательного? А то, что из него мы узнаем имя *куратора* следствия по делу Бабеля — это Жданов.

---

¹⁵ Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 68–69.

¹⁶ Список от 6 сентября 1940 г. // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 24. Дело 421. Л. 69.

¹⁷ Шенталинский В. Указ. соч. С. 51.

¹⁸ Там же.

Чем мог заинтересовать Бабель секретаря ЦК ВКП(б)? Ведь время разбираться с литературой еще, вроде, не пришло...

Да, время было другим. И три недели спустя, 29 июня, товарищ Жданов поделится своими раздумьями с читателями газеты «Правда»:

Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР

Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров не заметно сколько-нибудь существенного прогресса. В современной международной обстановке этот факт не может не иметь серьезного значения. Он окрыляет надежды агрессоров и всех врагов мира на возможность срыва соглашения демократических государств против агрессии, он толкает агрессоров на дальнейшее развязывание агрессии.

В связи с этим возникает вопрос: в чем причина затяжки переговоров, благоприятного окончания которых с нетерпением и надеждой ожидают все миролюбивые народы, все друзья мира?

Я позволю себе высказать по этому поводу мое личное мнение, хотя мои друзья и не согласны с ним. Они продолжают считать, что английское и французское правительства, начиная переговоры с СССР о пакте взаимопомощи, имели серьезные намерения создать мощный барьер против агрессии в Европе. Я думаю и попытаюсь доказать фактами, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, т. е. такого договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры.

Каковы эти факты?

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, т. е. с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжают уже 75 дней, из них Советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения

16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же в таком случае несет ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и французы?

<...>

Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами.

Ближайшие дни должны показать, так это или не так.

Депутат Верховного Совета СССР
А. Жданов¹⁹

Конечно, фраза «Я позволю себе высказать по этому поводу мое личное мнение, хотя мои друзья и не согласны с ним» производит комичное впечатление — мол, в советском руководстве царит разброд мнений; до того дошло, что некоторые руководящие товарищи открыто этот факт признают и выносят сор из избы! Но все понимали, что это игра такая, оттого и подписана статья не «Член Политбюро ЦК ВКП(б)», а скромно: «Депутат Верховного Совета СССР»...

А какую информацию из этой статьи можем почерпнуть мы? Самую главную: А.А. Жданов входил в самую узкую группу в окружении Сталина, ту группу, которая определяла внешнеполитический курс СССР и готовила страну к подписанию с Германией пакта о ненападении.

Что же искал Жданов в протоколах допросов Бабеля? Видимо, только одно: не сболтнул ли Бабель чего лишнего.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: «дела» Бабеля, Калмыкова, Кольцова и Мейерхольда, действительно, были сфабрикованы. И представляли собой кое-как сляпанную декорацию. А за ширмой разоблачения антисоветской и шпионской деятельности скрывалась подлинная цель операции — зачистка свидетелей.

***

И все-таки обратимся к протоколам.
Вот Виталий Шенталинский с горьким сарказмом пишет:

---

¹⁹ Правда. 1939. № 178. 29.06. С. 1.

«Следователи скребут по всем сусекам в недрах Лубянки, разыскивая компромат на Бабеля. Находят его записку, адресованную тоже арестованному литератору Ною Марковичу Блисковицкому, который присылал маститому писателю на отзыв свое сочинение:

Дорогой Ной Маркович! Глава мне понравилась. Легко, просто (следовательно, додумано), и по первым страницам чувствуется большой разбег. Если написали еще, — пришлите, очень прошу Вас. Это все надо переписать на машинке, тогда на полях можно поговорить по поводу отдельных фраз. У меня впечатление, что может получиться хорошая книга и что работу надо продолжать. Напишите мне.

30 ноября 1934 г. Ваш Исаак Бабель

И это пришли к делу, хотя какой здесь криминал?»²⁰.

И правда — литератор пишет литератору! Чтобы разглядеть тут преступный замысел, нужно обладать поистине извращенным воображением!

Или знанием.

Литератор... Литературные энциклопедии о Блисковицком молчат. Единственная информация в «Словаре псевдонимов» Масанова:

«**Блисковицкий**, Ной Маркович — поэт». И два псевдонима: Петрухин и Подрясников»²¹.

Под этими псевдонимами Блисковицкий выступал в 1923 году в киевском журнале с названием самым, что ни на есть пролетарским — «Тиски»²². И все. Небогато...

Чуть больше можно почерпнуть из «Книги памяти Республики Коми»:

Родился в 1893 г. в городе Фастов Киевской губернии, еврей; на момент ареста проживал в г. Москва; арестован 27 мая 1936 г. по обвинению в КРТД (контрреволюционно-троцкистская деятельность); приговорен ОСО при НКВД СССР 27 мая

---

²⁰ Шенталинский В.А. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 55.

²¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. — Т. 4. — М., 1960. С. 69.

²² Масанов И.Ф. Указ. соч. Т. 2 (1957). С. 362, 368 (сообщение В.И. Гранова).

1936 г. к 5-ти годам лишения свободы; прибыл в воркутинский лагерь 9 января 1937; освобожден 27 мая 1941 г.²³

Возникают, правда, кое-какие вопросы — например, если поверить «Книге памяти», приговор Блисковицкому вынесли сразу — в день ареста! Это, конечно, ерунда, но арестовали его точно 27 мая 36-го, потому что освободили 27 мая 1941 г., ровно через 5 лет, день в день.

Надо же — выжил! А ведь не должен был, ну никак не должен! Потому что открылся и вот такой документ:

«15 января 1933 г.
№ 50018

14 января с.г. нами оперативно ликвидирована разработка центральной группы троцкистов. <...>

У подавляющего большинства арестованных троцкистов изъято значительное количество к[онтр]-р[еволюционной] троцкистской литературы <...>

Наиболее характерное отобрано у следующих лиц:

<...>

6. БЛИСКАВИЦКИЙ Н.М. — обнаружены вырезки из зарубежной троцкистской прессы и переписка с ссылкой»²⁴.

Это не просто рапорт о проделанной работе, а Спецсообщение начальника ОГПУ Генриха Ягоды тов. Сталину. Так что Блисковицкий удостаивался и высшего внимания. По какой причине? А по той, что литературная его деятельность была совсем особой, и книжки он издавал вот такие:

Как разоружается капиталистическая Европа. М.: Моск. рабочий, 1926 (на обл.: 1927). (Имеется в виду, естественно, что капиталистическая Европа разоружаться и не думает, а замыслы питает самые коварные...)

Красная армия (Важнейшие этапы революции). Л.: Прибой, 1926.

Современный германский империализм (Краткий очерк). М.–Л.: Моск. рабочий, 1927.

---

²³ www.memo.ru

²⁴ Лубянка: Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: Международный Фонд «Демократия», 2003. С. 388.

Капиталисты готовят новую войну против СССР. М.: ОГИЗ — Моск. рабочий, 1931²⁵.

И вот представьте себе, что какие-то из подобных сочинений не были вовремя опубликованы и сгинули в недрах Лубянки! Готовы ли вы смириться с такой потерей?

А теперь еще один документ, от 4 июля 1936 года — за три года до ареста Бабеля. Донесение некоего Эммануэля. Издатели решили, что это псевдоним осведомителя, но Пирожкова их поправила — не псевдоним, а подлинная фамилия знакомого инженера, кроме работы по специальности, еще, как выяснилось, и стучавшего на приятелей. Эммануэль донес до нас такое высказывание:

«Бабель сказал, что никак не может узнать или понять причин последних массовых арестов, но если даже на это имеются веские причины, то какое же могли иметь отношение к этим делам такие люди, как Яшка Охотников и Ной Блискавицкий, — ведь они эти три года просидели в изоляции. Для Охотникова и для Ноя Блискавицкого новый арест и новый приговор означают выключение из жизни, — сказал Бабель. “По существу — это медленный расстрел”»²⁶.

Блисковицкий был арестован 27 мая 1936 года, так что тут все сходится. Но Бабель заявляет, что и предыдущие 3 года Блисковицкий тоже сидел. И Ягода это подтверждает — в прошлый раз Блисковицкого взяли 14 января 1933 года. Где-то в начале 1936-го освободили и вскоре снова арестовали...

Но если так, то это бросает совсем иной свет на письмо Бабеля 1934 года — это не просто переписка с собратом по литературе, а письмо политическому заключенному. А тогда содержание письма не играет уже абсолютно никакой роли. И письмо превращается в улику — «*переписка с ссылкой*».

Впрочем, не менее значимо и другое замечание В. Шенталинского:

---

²⁵ Фамилия автора варьируется — то он Блисковицкий, а то Блискавицкий. Вот и Ягода именует его Блискавицким...

²⁶ Донесение 1-го отделения секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР о настроениях И.Э.Бабеля в связи с арестами бывших оппозиционеров // «Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953 гг.». М.: Мждународный Фонд «Демократия», 1999. С. 317–318.

«Следователи скребут по всем сусекам в недрах Лубянки, разыскивая компромат на Бабеля».

Совершенно верно: у Бабеля неоднократно требовали объяснений по поводу чужих признаний. Разыскать такие признания было не сложно: по окончании следствия дела обрабатывали и отмечали имена всех лиц, упомянутых в показаниях. Имена вносились в картотеку, и очередному следователю нужно было лишь затребовать нужное дело в архиве.

И, действительно, в опубликованных фрагментах дела Бабеля мы только такие выдержки и видим. Но почему? Ведь при обыске одних писем было изъято не меньше семисот: разных писем — 400 штук, разной переписки — 254 листа, писем и открыток заграничных — 87 штук, телеграмм разных — 30 штук. Да еще на даче в Переделкино изъято писем разных 10 штук и 2 телеграммы. И еще 13 записных книжек с адресами и телефонами и 10 блокнотов «с записью»²⁷!

А Татьяна Стах вспоминала, что при обыске была обнаружена книга Л.Д. Троцкого с трогательной надписью: «Лучшему русскому писателю Ис. Эм. Бабелю»²⁸... Тут и напрягаться не надо — готовый билет на тот свет!

Но абсолютно никакого следа этих материалов в протоколах следствия не отыскать! Словно следователи их и не выдали никогда...

Что, кроме невнятной описи («Разных рукописей — 15 (пятнадцать) папок»; «Рукопись разная <sic!> — 9 папок»...), известно нам об изъятом архиве Бабеля? В ФСБ нас уверяют, что он у них не числится, видимо, уничтожен. Но акта об уничтожении тоже нет! Значит, не уничтожен. Но в ФСБ он не числится, значит...

Сразу признаюсь: пусть меня хоть расказнят потом, но я архивистам ФСБ верю! По крайней мере, в данном конкретном случае...

Поэтому начнем с самого начала. Итак, архив Бабеля хранится у Бабеля. Приходят оперативники, Бабеля арестовывают и архив изымают. Бумаги с дачи складывают в два холщовых мешка, а бумаги из московской квартиры упаковывают

---

²⁷ Поварцов С. Причина смерти... С. 41–42.

²⁸ Поварцов С. Быть Бабелем... С. 75.

в пять свертков. Мешки и свертки скрепляются сургучной печатью 3-го спецотдела НКВД (порядковый номер печати — 30), а затем передаются сотруднику 3-го отделения 2-го отдела младшему лейтенанту Г. Кутыреву. И он их увозит. Куда? На Лубянке о получении этих мешков и свертков никаких записей нет.

Может, и Кутырева никакого не было? Нет, Кутырев Георгий Яковлевич имелся. Год и место рождения неизвестны. Приказом наркома внутренних дел СССР за номером 669 от 4 апреля 1939 г. присвоено звание младшего лейтенанта госбезопасности и местом прохождения службы определено Центральное управление²⁹. Прочая информация отсутствует.

Так куда же он со всеми этими мешками и свертками направился?..

Антонина Пирожкова в интервью как-то обмолвилась:

«Все рукописи при аресте были опечатаны и увезены, как мне говорили позже, даже не в НКВД, а куда-то повыше, в ЦК. Они могли попасть в руки Жданова, может, даже самого Сталина, мне это неизвестно. <...>

Может быть, в архиве президента когда-нибудь и найдутся рукописи Бабея, но я в это уже не верю»³⁰.

Долгие годы эта женщина пересказывала фабулу бабелевского «дела», но, как видно, знала и его сюжет...

---

²⁹ Кадровый состав НКВД 1935–1939 < <http://nkvd.memo.ru/index.php> >

³⁰ Орлов В. Шесть десятилетий без Бабея // Вестник. — Балтимор. 2002. № 5. 28.02.

СТАТЬИ О БАБЕЛЕ

ТРИ АВТОБИОГРАФИИ ИСААКА БАБЕЛЯ¹

Первая автобиография Исаака Бабеля не предназначалась для печати — это Curriculum vitae, которое 20 ноября 1916 года студент 6-го семестра Киевского коммерческого института Бобель И.Э. приложил к прошению о допуске к сдаче выпускных экзаменов.

Родился 30 июня 1894 года в г. Одессе. До 11½ лет жил в г. Николаеве, где поступил в Коммерческое училище имени С.Ю. Витте. Затем перевелся во 2-ой класс Одесского Коммерческого имени императора Николая I Училища, которое окончил в 1911 г. В том же году поступил в Киевский Коммерческий Институт, где прослушал полный курс наук по Экономическому Отделению.

Киев, 31.8.15.²

Период публикаций наступил лишь десятилетие спустя — в 1926 году, в сборнике «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Приведем этот текст с сохранением всех орфографических особенностей:

Родился в 1894 г. в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одесское Коммерческое имени

---

¹ Впервые опубликовано в: Toronto Slavic Quarterly, 2014. № 48.

² Державний архів м. Києва. Ф. 153. Оп. 7. Ед. хр. 239. Л. 10 (автограф); опубл.: Спектор У. Молодой Бабель // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 278. Приношу свою благодарность Е.И. Погорельской за многочисленные уточнения.

Императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили бывало в порт на эстокаду <sic!> или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино. Школа эта забываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там М-г Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; пейзаже и всякие авторские размышления выходили у меня безцветно <sic!>, только диалог удавался мне.

Потом после окончания училища я очутился в Киеве и в 1915 г. в Петербурге. В Петербурге мне пришлось ужасно худо, у меня не было «правожительства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у одного растерзанного пьяного официанта <sic!>. Тогда в 1915 г. я начал разנסать мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 г. попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год (я был привлечен за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.), он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я

научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. Тогда я вновь принялся сочинять. Начало литературной моей работы я отношу поэтому к началу 1924 г., когда в 4-й книге журнала «Лэф» появились мои рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др.

И. Б а б е л ь

Сергиев Посад
Ноябрь 1924

БИБЛИОГРАФИЯ

«КОНАРМИЯ». (Выходит).

«ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ». (Выходит).

«РАССКАЗЫ». Изд. «Огонек». М. 1925.

Отдельные рассказы: в журн. «Лэф», «Красная Новь», Альман. «Круг» и др.³

Дошел до нас и источник данной публикации — это автограф И. Бабеля, хранящийся в собрании Научно-исследовательского отдела рукописей (НИОР) Российской государственной библиотеки (Москва)⁴:

Л. 1.

1.

И. Бабель

Родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома жилось трудно потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одес[к]ское <sic!> Коммерческое имени Императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное <sic!>, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных <sic!> купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили бывало в порт на эстокаду <sic!> или в греческие кофейни играть на биллиарде или на Молдаванку пить в погребках де-

---

³ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы — Н.А. Столяр. 1926. С. 27–29.

⁴ РГБ НИОР. Ф. 178. Карт. 9585а. Ед. хр. 1. ЛЛ. 1–3; в квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — **вставки и замены**.

шеево бессарабское вино. Школа эта незабываема для меня еще и потому что учителем французского языка был там m-г Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать [разскз] рассказы <sic!> на французском языке. Я писал

Л. 2.

2.

их два года, но потом бросил; пейзаж и всякие авторские размышления выходили у меня [очень] безцветно <sic!>, только диалог удавался мне.

Потом после окончания училищ[e]а я очутился в Киеве и в 1915 году в Петербурге. В Петербурге мне пришлось ужасно туго, у меня не было «правожительства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у одного растерзанного <sic!> пьяного официанта <sic!>. Тогда в 1915 году я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куданибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 года попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы <sic!> в ноябрьской книжке Летописи за 1916 г. (я был привлечен за эти рассказы <sic!> к уголовной ответственности по 1001 ст.), он научил меня необыкновенно важным вещам и потом когда [я] выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо —

Л. 3.

3.

Алексей Максимович отправил меня [тогда] в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и

не очень длино <sic!>. Тогда я вновь принялся сочинять. Начало литературной моей работы я отношу поэтому к [концу] **началу** 192[3]4 г. когда в 4 книге журнала Леф появились мои рассказы <sic!>: Соль, Письмо, Смерть Долгушова, Король и др. — ⁵

Нетрудно отметить черты графического идиолекта Бабеля. Это реликты старой орфографии: «рассказы» (ЛЛ. 1–4); «безцветно» (Л. 2).

Последний пример, впрочем, не резал глаз и редакторам издательства. Что же касается таких написаний, как «эстокада» и «оффицианта», то в первой половине 1920-х они отвечали орфографической норме.

В последней строке присутствует тире после точки, завершающей фразу. Такой особенностью отмечены многие письма Бабеля — знак тире в этих случаях обозначал конец абзаца.

Ярко индивидуальной особенностью является и регулярная передача удвоенного *-н-* одинарным: «распущенное» (Л. 1); «иностранных» (Л. 1); «растерзаного» (Л. 2); «длино» (Л. 4). Исключение: «продовольственных (экспедициях)» — официальный термин, предстающий в тексте Бабеля как бы словом другого языка со всеми своими орфографическими атрибутами.

Не исключено, что и прочие удвоенные написания представляли для Бабеля проблему — см. «Одес[к]ское» (Л. 1)...

Примечателен и иной — не орфографический — момент авторских колебаний:

«Начало литературной моей работы я отношу поэтому к [концу] **началу** 192[3]4 г., когда в 4 книге журнала Леф появились мои рассказы <sic!>: Соль, Письмо, Смерть Долгушова, Король и др.»

Можно подумать, что Бабель попросту запутался в своих публикациях. В 1924 году журнал «ЛЕФ» напечатал всего один его рассказ — «Мой первый гусь». И он, действительно, был опубликован в № 1 — т.е. «в начале года». Зато все четыре перечисленных рассказа увидели свет в «конце года» — в № 4 (август–декабрь) журнала «ЛЕФ», но за **1923** год⁶!

---

⁵ РГБ НИОР. Ф. 178. Карт. 9585а. Ед. хр. 1. ЛЛ. 1–3.

⁶ «Др.» рассказы, опубликованные в № 4 журнала «ЛЕФ»: «Начальник конзасапа» (впоследствии: «Дьяков»), «Комбриг два» (впоследствии: «Колесников») и «Прищепа».

Проблему разрешила Е.И. Погорельская (в письмах от 2 и 6 мая 2014 г.): неуверенность Бабеля была вызвана тем, что 4-й номер журнала «ЛЕФ» за 1923 год вышел в свет в самом начале 1924 года и на обложке стоит дата — 1924! А № 1 за 1924 год появился лишь в мае.

Е.И. Погорельская отметила и три разночтения рукописной и печатной версий:

«На переменах мы уходили бывало в порт <...> или на Молдаванку пить в **погребках** дешевое бессарабское вино» ~ «На переменах мы уходили бывало в порт <...> или на Молдаванку пить в **погребах** дешевое бессарабское вино»;

«<...> с пятнадцати лет начал писать [разскз] рассказы <sic!> на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; **пейзаж** и всякие авторские размышления выходили у меня [очень] безцветно <sic!> <...>» ~ «<...> с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; **пейзаны** и всякие авторские размышления выходили у меня безцветно <sic!> <...>»;

«В Петербурге мне пришлось ужасно **туго** <...>» ~ «В Петербурге мне пришлось ужасно **худо** <...>»⁷.

Предпочтение во всех случаях следует, видимо, отдавать рукописной версии: речь идет не о погребках, а винных погребах; сомнительно, чтобы подросток, едва ли знакомый с жизнью южнорусских крестьян, принялся вдруг живописать быт и нравы вовсе неведомых ему поселян заграничных; «худо», чаще всего, описывает физическое состояние человека (например, недомогание), тогда как в характеристике трудностей административных (отсутствие «правожителства») куда уместнее слово «туго».

Заслуживает внимания и то, что в рукописи отсутствует.

К перечню мест службы Бабеля —

«<...> служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч.»

---

⁷ Бабель И. Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е.И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. (Серия: «Рукописи» [Библиофильское изд.]). С. 9.

– печатная версия добавляет:

«<...> в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, **был репортером в Петербурге и в Тифлисе**, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч.».

Кроме того, в печатном тексте мы находим указание на место и время написания автобиографии:

«Сергиев Посад
Ноябрь 1924»,

а также раздел:

«БИБЛИОГРАФИЯ

«КОНАРМИЯ». (Выходит).

«ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ». (Выходит).

«РАССКАЗЫ». Изд. «Огонек». М. 1925.

Отдельные рассказы: в журн<ах> «Лэф», «Красная Новь», Альман<ах> «Круг» и др.».

Поскольку все эти подробности могли быть известны лишь самому Исааку Бабелю, несомненно, что в окончательный текст их внес именно он, а не редактор. Таким образом, на всем своем протяжении данный текст автобиографии является авторским.

В 1928 году сборник «Писатели» вышел вторым «дополненным и исправленным» изданием, но автобиография Бабеля⁸ существенных изменений не претерпела: было устранено упоминание места и времени ее написания, а раздел «Библиография» приобрел следующий вид:

ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ.

РАССКАЗЫ. Изд. «Огонек». М. 1925.

РАССКАЗЫ. 1925. ГИЗ; 2-е изд. 1927.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ГОЛУБЯТНИ. Рассказы. – ЗИФ М.Л. 1926 г.

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ. Кино-сценарий. – М. «Кинопечать» 1926 г.

БЕНЯ КРИК. Кино-повесть. «Круг» М. 1926 г.

КОНЕЦ СВ. ИПАТИЯ. Рассказы. «Зиф» М. Л. 1926 г.

---

⁸ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Современные проблемы, 1928. С. 34–35.

КОНАРМИЯ. Рассказы. — «Гиз» М. Л. 1926 г. — изд. 2-е «Гиз» М. Л. — 1927 г.

ЗАКАТ. Пьеса. Изд. «Круг» М. 1928.

Кроме того, текст подвергся незначительной орфографической правке:

«имени Императора Николая I училище» > «императора»
«М-г Вадон» > «т-г Вадон»
«безцветно» > «бесцветно»
«оффицианта» > «официанта»

В том же 1928 году текст первого издания был перепечатан⁹ в сборнике «И.Э. Бабель: Статьи и материалы»¹⁰. К работе над этой версией автобиографии Бабель был, очевидно, не причастен, отметим лишь три ее особенности, поскольку они увековечены в неприжизненных изданиях.

Пропуск фразы: «Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище» — и два случая изменения порядка слов:

«с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо» — «я пишу»; «служил <...> в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч.» — «в Одесском Губкоме, был выпускающим в 7-й советской типографии в Одессе, был репортером в Петербурге и в Тифлисе и проч.»

Но уже полвека известно о существовании еще одного варианта бабелевской автобиографии¹¹ — хранящейся в РГАЛИ машинописи с авторской правкой¹². Полностью текст этот до сих пор не воспроизводился¹³.

---

⁹ Это следует из сохранения указания на место и время написания автобиографии:

«Сергиев Посад
Ноябрь 1924»

¹⁰ *И.Э. Бабель: Статьи и материалы.* (Мастера современной литературы. II). Л.: Academia, 1928. С. 7–9.

¹¹ *Лившиц Л.Я.* К творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4.

¹² РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 3.

¹³ В квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — *вставки* и *замены*; цифры, заключенные в фигурные скобки и данные курсивом, обозначают указание на перемену порядка слов.

Л. 1

И. БАБЕЛЬ

Родился [в 1894 году] в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома [жилось трудно, потому что] с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа [моя] называлась Одесское Коммерческое имени императора Николая I училище.

Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, [сановитые] поляки **благородного происхождения**, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов.

На переменах мы уходили [бывало] в порт, на эстокаду <sic!>, или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребках дешевое бессарабское вино. [Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там м-р <sic!> Вадон. Он]

Лучше других предметов преподавался [у нас] французский язык. Учитель был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. [Он обучал меня своему языку, я] **Я** затвердил с ним [французских] классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. **З**[Я писал их два года, но потом бросил: пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне.]

[Потом, п]**П**осле окончания училища **меня отправили** [я очутился] в Киев[е] ; [и] в 1915 году **я очутился** в Петербурге. В Петербурге [мне] пришлось [ужасно] худо; [у меня] не было «правожительства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у [одного] растерзанного пьяного **о**ффицианта. [Тогда в]**В** 191[5]**6** году я начал разносить мои сочинения {2} по редакциям {1}, [но] меня отовсюду гнали, [все] редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) **все** убеждали [меня] поступить [куда нибудь] в лавку приказчиком, [но] я не послушался [их] и в конце 1916 г. попал к Горькому. [И вот — я всем обязан э] **Э**той встрече я обязан всем [и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благовением <sic!>.

Он] Горький напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год ([я был привлечен] меня привлекли за эти рассказы к [уголовной] ответственности

Л. 2

по 1001 ст.), он научил меня [необыкновенно] важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных [моих] юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди. [И я н] **За семь лет — с 1917 по 1924 — [ушел в люди] много пришлось узнать.** [За это время я] **Я** был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркопросе <sic!>, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. [Тогда я вновь принялся сочинять.] Начало литературной [моей] работы [я] отношу, поэтому, к [началу] 1924 г., когда в [4-й книге] журнал[а]е «Лэф» появились [мои] рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др.

За два года были написаны «Конармия» и «Одесские рассказы». Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом новой работы.

[И. Бабель]

БИБЛИОГРАФИЯ

Одесские рассказы.

Рассказы. Изд. «Огонек» М. 1925.

Рассказы. 1925. ГИЗ; 2-е изд. 1927.

История моей голубятни. Рассказы. — ЗИФ М.Л. 1926.

Блуждающие звезды. Кино-сценарий. М. «Кинопечать» 1926.

Беня Крик. Кино-повесть. «Круг» М. 1926.

Конец Св. Ипатия. Рассказы. «ЗИФ» М.Л. 1926.

Конармия. Рассказы. — ГИЗ М.Л. 1926 г. — изд. 2-е ГИЗ М.Л. — 1927 г.

Закат. Пьеса Изд. «Круг» М. 1928.

Совершенно очевидно, что источником машинописной копии, которую правил Бабель, явился текст, опубликованный во 2-м издании сборника «Писатели» (1928).

Был изготовлен и машинописный беловик, учитывающий все внесенные Бабелем правки. Для удобства дальнейших рассуждение приведем его полностью.

Л. 3

[И. БАБЕЛЬ] **Исаак Эммануилович Бабель**

Родился в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа называлась Одесское Коммерческое имени императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, поляки благородного происхождения, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили в порт, на эстокаду <sic!>, или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино.

Лучше других предметов преподавался французский язык. Учитель был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Я затвердил с ним классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке.

После окончания училища меня отправили в Киев; в 1915 году я очутился в Петербурге. В Петербурге пришлось худо; не был о <sic!> «правожительства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у¹⁴ растерзанного пьяного оффицианта. В 1916 году я начал разносить по редакциям мои сочинения, меня отовсюду гнали, редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) все убеждали поступить в лавку приказчиком, я не послушался и в конце 1916 года попал к Горькому. Этой встрече я обязан всем. Горький напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год[.] ([М][М]меня привлекли за эти рассказы к ответственности по 1001 ст.), он научил меня важным вещам, и по-

---

¹⁴ Машинописная вставка.

том, когда выяснилось, что два-три сносных юношеских опыта был и <sic!> всего только случайной удачей, и

Л. 4

что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо – Алексей Максимович отправил меня в люди. За семь лет – с 1917 по 1924 – много пришлось узнать. Я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно[:]¹⁵ Начало литературной работы отношу, <sic!>поэтому к 1924 г., когда в журнале «Лев» появились рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др. За два года были написаны «Конармия» и «Одесские рассказы». Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом новой работы.¹⁶

БИБЛИОГРАФИЯ

Одесские рассказы.

Рассказы. Изд. «Огонек» М. 1925.

Рассказы. 1925. ГИЗ:, <sic!> – очевидно, попытка передать [;:] 2-[е]ое¹⁷ изд. 1927.

История моей голубятни. Рассказы. – ЗИФ. М.Л. 1926.

Блуждающие звезды. Кино-сценарий. М. «Кинопечать» 1926 г.

Беня Крик. Кино-повесть. «Круг» М. 1926.

Конец Св. Ипатия. Рассказы. «ЗИФ» М.Л. 1926.

Конармия. Рассказы. – ГИЗ М.Л. 1926 г. изд. 2-е ГИЗ М.Л. – 1927 г.

Закат. Пьеса Изд. «Круг» М.1928.

Рассказы. изд-во «Федерация» М. 1932 г.

---

¹⁵ Машинописная правка.

¹⁶ Данная часть белой машинописи была опубликована в сборнике: *Бабель И. Детство и другие рассказы* / Подг. текста, комм. и библиогр. Э. Зихера (Оксфорд). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. С. 7–8.

¹⁷ Машинописная правка.

Ни черновик, ни беловик не содержат даты. Тем не менее, представляется возможным определить временные рамки работы над текстом.

Сведения о сборнике «Рассказы» 1932 года были внесены Бабелем лишь в чистовик. По всей видимости, к моменту завершения черновика сборник еще не вышел в свет. И, действительно, появился он с большим опозданием: «Книжная летопись» зафиксировала его (под № 2344) лишь в 6-ом — февральском — выпуске за 1933 год¹⁸!

А из этого следует, что работа над черновиком была завершена не позднее января 1933 года, а беловик подвергся правке не ранее февраля того же года.

К такому выводу мы бы, несомненно, пришли, останься новый вариант автобиографии непечатным. А он был напечатан! Только не на русском языке, а по-немецки — в сдвоенном (4/5) номере московского журнала «Internationale Literatur» за 1932 год.

Автобиография Бабеля вошла в подборку «Autobiographien der Sowjetschriftsteller». Публикации предпослано предупреждение редакции («Vorbemerkung der Redaktion»), что из автобиографий устранены подробности, несущественные («unwichtigsten») для немецкого читателя. Бабелевский текст утратил лишь одну деталь — об угрозе привлечения к уголовной ответственности по 1001-й статье.

ISAAK BABEL

Ich wurde in Odessa, im Moldawanka-Viertel, als Sohn eines jüdischen Händlers geboren. Auf den dringenden Wunsch meines Vaters lernte ich bis zum 16. Lebensjahre hebräisch <sic!>¹⁹ und studierte die Bibel und den Talmud <sic!>²⁰. Vom frühen Morgen bis zum späten Abend mußte ich lernen. Nur in der Schule erholte ich mich. Die Schule hieß: Odessaer

---

¹⁸ Книжная летопись // 1933. № 6 (февраль); номер был сдан в набор 2 февраля и подписан к печати 8 февраля 1933 г.

¹⁹ Неверный перевод: написание hebräisch (вместо правильного Hebräisch «древне-еврейский язык») означает, что в данном случае слово выступает в функции наречия: «по еврейскому обычаю (или обыкновению)».

²⁰ Немка-машинистка, видимо, приняла термин Talmud за сочетание знакомых слов Tal «долина» и Mund «рот» (роман Г. Гессе «Narziß und Goldmund» был опубликован в 1930 г. и сразу стал литературным событием).

Kommerzschule «Kaiser Nikolaus des Zweiten» <sic!>²¹. Diese Schule besuchten Söhne ausländischer Kaufleute und jüdischer Makler, adlige Polen, Altgläubige und viele schon nicht mehr ganz junge Billardfreunde. In den Schulpausen gingen wir in den Hafen, auf den Kai oder in griechische Cafés, um dort Billard zu spielen, oder in die Moldawanka, um in Weinstuben billigen bessarabischen Wer.in zu trinken.

Besser als alle anderen Fächer wurde die französische Sprache gelehrt. Unser Lehrer stammte aus der Bretagne und besafs, wie alle Franzosen, literarische Begabung. Ich lernte die Klassiker kennen, schlofs mich der französischen Kolonie in Odessa an und schrieb mit 15 Jahren französische Erzählungen.

Nach Absolvierung der Schule wurde ich nach Kiew geschickt. Im Jahre 1915 kam ich nach Petersburg. In Petersburg ging es mir schlecht. Ich habe kein «Wohnrecht». Ich wich der Polizei aus und hauste bei einem elenden, immer betrunkenen Kellner in einem Keller in der Puschkinstrafse. Im Jahre 1916 begann ich, meine Werke von Redaktion zu Redaktion zu schleppen. Man jagte mich davon, und alle Redakteure (der verstorbene Ismailow, Posse u. a.) redeten mir zu, Verkäufer in einem Laden zu werden. Doch ich hörte nicht auf sie und kam Ende 1916 zu Gorki. Dieser Begegnung verdanke ich alles. Gorki liefs meine Erzählungen in der Novemberausgabe der Zeitschrift «Letopisy» <sic!> vom Jahre 1916 drucken. Er brachte mir vieles Wichtige bei, und als es sich später herausstellte, dafs die zwei oder drei erträglichen Jugendversuche nur glücklicher Zufall gewesen waren, dafs aus meiner Schreiberei nichts Rechtes wurde und dafs ich ausnehmend schlecht schreibe, schickte mich Alexej Maximowitsch in die Welt. Innerhalb von sieben Jahren, 1917–1924, habe ich vieles gesehen. Ich war Soldat an der rumänischen Front, arbeitete sodann in der Tscheka, im Bildungskommissariat, beteiligte mich im Jahre 1918 an Proviantexpeditionen, diente in der nördlichen Armee, die gegen Judenitsch kämpfte, dann in der Ersten Reiterarmee, war im Odessaer Gouvernementskomitee angestellt, betätigte mich als Reporter in Petersburg und Tiflis, arbeitete als Umbrecher in der 7. Sowjetdruckerei in Odessa, usw. Erst 1923 habe ich wirklich die Kunst gelernt, mei-

---

²¹ Наличие кавычек означает, что школа не носила имя императора, а прямо так и называлась «Императора Николая Второго». А это уже двойная ошибка — училищу было присвоено имя императора Николая *Первого!*

ne Gedanken klar und nicht sehr weitschweifig auszudrücken. Als den Beginn meiner literarischen Tätigkeit betrachte ich daher das Jahr 1924, in dem meine Erzählungen «Salz», «Der Brief», «Dolgu-schows Tod», «Der König» u. a. in der Zeitschrift «Lef» erschienen. Innerhalb zweier Jahre habe ich die «Reiterarmee» und die «Odes-saer Geschichten» geschrieben. Und dann began wieder die Zeit der Wanderschaft, der Schweigsamkeit und der Kräftesammelns. Ich stehe jetzt vor dem Beginn einer neuen Arbeit²².

Перевод не из лучших, да к тому же обнаруживает незна-комство с русскими литературными реалиями: в пассаже «в ноябрьской книжке “Летописи”» родительный падеж един-ственного числа принят за именительный множественного, отчего название «Летопись» превратилось в «Letopisy» (непо-нятно, кстати, откуда здесь взялась буква у — обычно она слу-жит для передачи русского *ы*); выражение «в люди», отсыла-ющее к повести Горького, передано невнятным «in die Welt» (особенно нелепым при обратном переводе на русский: по-лучается или «отправить в мир» с его церковно-монашеской коннотацией, или «пустить по миру» — то есть с нищенской сумой! Единственно уместным здесь было бы, конечно: «уз-нать мир и людей»...). Не разобрался, видимо, редактор и с 1001-й статьей Уложения о наказаниях уголовных и исправи-тельных, трактующей о сочинениях, имеющих целью развра-щение нравов или явно противных нравственности. Будучи разъясненной, такая подробность (*Einzelheit*) могла заинтере-совать и немецкого читателя.

Тем не менее, все признаки (в частности, наличие нового финала: «За два года были написаны “Конармия” и “Одесские рассказы”. Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом но-вой работы» ~ «Innerhalb zweier Jahre habe ich die “Reiterarmee” und die “Odessaer Geschichten” geschrieben. Und dann began wieder die Zeit der Wanderschaft, der Schweigsamkeit und der Kräftesammelns.

Ich stehe jetzt vor dem Beginn einer neuen Arbeit» однозначно указывают на то, что оригиналом послужил правленный Ба-белем текст.

---

²² Internationale Literatur. — Moskau. 1932. № 4–5. SS. 20–21.

Как же объяснить тогда появление в белой машинописи сведений о книге, вышедшей через 8 месяцев после публикации автобиографии?

Пожалуй, так: первый экземпляр машинописи в 1932 году был сдан в редакцию «Internationale Literatur», а в архиве отложился второй экземпляр — машинописная копия, в которую год спустя, задним числом, Бабель внес новую запись. В ожидании предложений, которые поступят в будущем. Но это будущее наступило только сейчас.

***

А теперь, когда установлен заказчик новой версии, остается ответить на вопрос: что заставило Бабеля перерабатывать текст автобиографии, а не ограничиться тремя актуализирующими повествование финальными фразами?

Ответ, как будто, очевиден — изменение требований к собственному тексту. Выбрасывается все лишнее, чем достигается компактность и энергичность.

«Родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома житье трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась <...>»

«Он обучил меня своему языку, я Я затвердил с ним французских классиков <...>»

«И только в 1923 г. я научился выразить мои мысли ясно и не очень длинно. Тогда я вновь принялся сочинять. Начал литературной моей работы я отношу, поэтому, к началу 1924 г., когда в 4-й книге журнала «Леф» появились мои рассказы “Соль”, “Письмо” <...>»

И т.п.

Но текст подвергся не только актуально-стилистической правке. Центральным моментом автобиографии была и осталась тема литературного ученичества. Понятно, что выбор на роль учителя великого пролетарского писателя Горького равно импонировал, как составителям советских сборников, так и журналу, выходившему под эгидой Международного объе-

динения революционных писателей. Тем примечательнее перемены, касающиеся именно этой фигуры.

Первое упоминание сохранено в неприкосновенности:

«<...> в конце 1916 г. попал к Горькому».

Начало следующей фразы подверглось стилистической правке:

«~~И вот я всем обязан~~ Этой встрече **я обязан всем** <...>»

Но зато продолжение –

«и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением»

– устранено полностью!

Снова стилистическая правка:

«~~Он Горький~~ напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке “Летописи” за 1916 год (я был привлечен **меня привлекли** за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.) <...>».

Но в продолжении фразы исчезает суперлатив:

«он научил меня ~~необыкновенно~~ важным вещам!»

Было:

«Алексей Максимович отправил меня в люди. И я **на** семь лет – с 1917 по 1924 – ушел в люди».

Это не повторение названия горьковского произведения, но скрытая цитата — заключительный абзац повести А.М. Горького «Детство»:

«Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:

– Ну, Лексей, ты – не медаль, на шее у меня – не место тебе, а иди-ка ты *в люди*...

И пошёл я в люди».

Стало:

«Алексей Максимович отправил меня в люди. **За** семь лет – с 1917 по 1924 – **много пришлось узнать**».

Следовательно, перед нами не борьба с монотонностью («в люди» ~ «в люди»), но отказ цитировать Горького!²³

Может показаться, что речь, в конце концов, идет о нескольких словах. Но когда пространство текста столь необширно (4 фразы!) весомость каждого слова неизмеримо возрастает — как в стихе.

Начиная с публикации переписки Горького и Бабеля в знаменитом 70-м томе «Литнаследства»²⁴, принято считать отношение младшего коллеги к старшему благоговейно-любовным. Выясняется, однако, что опубликованы еще не все письма²⁵, а отношение Бабеля к Горькому могло меняться...

Автобиография Бабеля была напечатана в апрельско-майском номере «Internationale Literatur». Поскольку она входит в подборку автобиографий целого ряда советских писателей, очевидно, что публикации предшествовала довольно длительная подготовка — писатели должны были привести свои жизнеописания в согласие с текущим моментом, затем следовало эти тексты перевести, отредактировать... В силу чего, учитывая также необходимость проведения всех журнальных материалов через тройную (Главлит, Агитпроп ЦК ВКП(б), Коминтерн) цензуру²⁶, мы вряд ли ошибемся, допустив, что подготовительная работа началась не позже зимы 1931–32 гг.

А осенью 1931 года Бабель посетил Вячеслава Полонского:

«5/X, 31. <...> Вчера звонил Бабель: приду читать новый рассказ. Сегодня явился <...>

---

²³ *Примечание 2017 г.*: Справедливость нашего вывода подтверждает сам И. Бабель: «Однажды он [Горький — Б.-С.] позвал меня и сказал *словами из своей книги*: “Я нахожу, что у вас есть способности и никакого жизненного опыта. Вы должны поступить с собой, как поступают на военном корабле, учась плавать. *Идите-ка вы в люди*”» ([Б.л.] Учитель: Беседа с тов. И. Бабелем // Комсомольская правда. 1936. № 172. 27.07. С. 3).

²⁴ [Доморацкая С.И.] Горький — И.Э. Бабель // Горький и советские писатели: Неизданная переписка / Литературное наследство. Т. 70 (М.: Изд-во АН СССР, 1963). С. 38–44.

²⁵ Райнхард Крумм приводит шифр (Кг-п 7-17-6) хранящего в Архиве Горького (ИМЛИ) неопубликованного письма Бабеля от 5 июля 1932 г. (Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2008. С. 125).

²⁶ Блюм А. «Интернациональная литература»: подцензурное прошлое // Иностранная литература. 2005. № 10.

Он доволен своим одиночеством. Живет один — в деревне (туфли, чай с лимоном, в комнате температура не ниже 26°). Не хочет видеть никого.

Говорит о Горьком: “Старик изолгался. Не говорит со мной о литературе ни слова. Лишь изредка спросит, например: «Как вы относитесь к Киршону?». А я в ответ: «Как вы, Алексей Максимович»»²⁷.

Вполне понятно желание Бабеля не числиться более в учениках такого учителя. Но дальше частных разговоров дело не шло — печатные отзывы Бабеля о Горьком оставались безупречно комплиментарными.

Как же отважился он — пусть и обиняками — заявить о своем истинном отношении открыто?

Впрочем, и риск был не особо велик — если не заниматься сравнительным анализом, переработанный текст можно было считать вполне приемлемым. Сам Алексей Максимович немецким не владел, а в маловероятном случае, что какой-то добродух доставил бы ему перевод, Бабель всегда мог сослаться на редакторское уведомление о произведенных в тексте сокращениях. А немецкий редактор... Разве немцу дано понять, что такое русская литература и кто составляет истинное ее величие?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД²⁸ О Бабеле и Мейерхольде

Чувство первооткрывателя выпадает испытать не каждому. А тут и со мной такое приключилось!..

Стою перед каталогом Российского госархива литературы и искусства (РГАЛИ), перебираю карточки. Вдруг — знакомое имя: Мейерхольд Всеволод Эмильевич!

А рядом — не менее знакомое и славное: Бабель Исаак Эммануилович!

И содержит архивное дело письмо Бабеля Мейерхольду. Одно единственное (других вообще нет). Да еще и неизданное!

---

²⁷ Полонский В. «Моя борьба на литературном фронте»: Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Подг. текста, публ. и комм. С.В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 6. С. 148.

²⁸ Впервые опубликовано в: Лехаим. 2015. № 3.

Но тут же — пугливое недоумение: отчего я оказался первым? Неужто в эту картотеку никто до меня не заглядывал? Быть того не может! А если заглядывал — почему проигнорировал? Имена ведь известные и знаменитые!

Ладно, выхода нет — надо заказывать и смотреть...
Заказал, получил, читаю:

Париж, 10.9.28.

Глубокоуважаемый Всеволод Эмильевич. Пр[и]евосходные <так!> места можно найти вокруг Тулона и St. Tropez. Оба эти города в департаменте Var. St. Tropez излюбленное <так!> место французских художников и писателей. А эти люди смыслят толк в таких вещах. В St. Tropez Pension Costa. Есть еще чудеснейшая деревушка La Brus sur Mer — это место никому неведомое <так!>, открытое одним моим приятелем французом. Очень еще мне хвалили St. Maxime. Если Вы свои поиски направите из этих основных пунктов — Тулона или Тропеза — то очень скоро набредете на то <так!> что нужно. — Привет Зинаиде Николаевне.

Готовый к услугам *ИБабель*²⁹

Ну, вот — всё и объяснилось! Конечно, письмо это читали и до меня. А упоминать и публиковать не стали — уж больно оно неинтересное...

Ясно и то, что письму предшествовало: захотелось чете Мейерхольдов (Зинаида Николаевна — это Зинаида Райх) отдохнуть на Лазурном берегу. Обратились к оказавшемуся в Париже московскому знакомому. Тот согласился помочь... И помог советом.

А еще ясно, что никакой особой близости — творческой или личной — между двумя участниками переписки не было: письмо вежливое, но не более того.

Хотя, без сомнения, общаются люди, принадлежащие к одному цеху. Оттого среди достоинств указано, что «St. Tropez излюбленное место французских художников и писателей». Истинная правда: моду на Сан-Тропе ввели художники — Синьяк, Матисс и Пьер Боннар. И чем известнее становились их полотна, тем большего внимания удостаивалось то, что на

---

²⁹ РГАЛИ. Ф. 998 (Мейерхольд В.Э.). Оп. 1. Ед. хр. 1122. Л. 1.

них изображено, — сам городок. А когда в городке стало тесно, потянулись люди искусства в окрестные деревушки — например, в Сан-Максим, на другом берегу лагуны, прямо напротив Сан-Тропе...

Какой-либо ценной информации о Бабеле отсюда тоже не почерпнуть — то, что в 1928 году он был во Франции и общался с тамошней богемой, давно известно; знакомы нам и навыки бабелевского письма: одинарное -н- вместо удвоенного («излюбленое»), слитное написание вместо отдельного («никому **н**еведомое»), неуверенность в приставках (к слову «превосходное» претензий нет, но сначала было написано: «**пр**ивосходное»)… Наблюдается и торопливая небрежность в выборе слов: «эти люди смыслят толк в таких вещах» — здесь сбились два устойчивых оборота: «смыслят в таких вещах» и «**знают** толк (в чем-л.)». И, конечно, нехватка запятых: «<...> то что нужно»… Зато неожиданное тире: «<...> то что нужно. — Привет Зинаиде Николаевне» — это не ошибка: знаком тире Бабель отмечал конец абзаца.

Поговорим об адресате — что привело Мейерхольда во Францию? Сам он цель поездки обозначил так: решение творческих вопросов, в частности, о возможности заграничных гастролей своего театра, а также прохождение курса лечения. Прибыл в Париж 27 июня 1928 года. Через два месяца отбыл в Виши, месяц спустя — в Ниццу… А в Москву слал депеши, что заболел и просит продлить срок заграничной командировки до года. И сообщал, что уже договорился о европейских гастролях… Так что дело за малым — раз не получилось вернуться в Москву, пусть разрешат театру приехать к режиссеру, во Францию.

Тогда закусили удила в Москве — нарком просвещения Луначарский вызвал к себе корреспондента Российского телеграфного агентства (РОСТА, будущий ТАСС) и известил о скором расформировании театра имени Мейерхольда (ГосТИМ). А 19 сентября центральные газеты сообщили об учреждении ликвидационной комиссии. Узнав об этом, Мейерхольд отбил телеграмму в несколько адресов — в том числе, председателю Совнаркома, наркому просвещения и председателю Профсоюза работников искусств: «Остановите действия ликвидационной комиссии. Не допускайте

разгрома театра и уничтожения меня как художника»... Правительство отреагировало быстро: отпустило театру 30 тысяч рублей, указав, что вопрос о судьбе театра остается открытым — до возвращения Мейерхольда в СССР. И 2 декабря 1928 года он вернулся.

Вопору посочувствовать Мейерхольду... Грубо растоптали личность художника, не дали долечиться...

Хотя из письма Бабеля как будто ясно: речь шла не о болезни и лечении, а всего лишь об отдыхе на Лазурном берегу.

Но что же тогда было истинной причиной нежелания Мейерхольда приехать в СССР?

Ответа нет. Впрочем, исследователи полагают, что страхи и шантаж советских властей не были лишены оснований.

Дело в том, что в творческую заграничную командировку отправился не один Мейерхольд. В том же 1928 году уехали главный режиссер Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) Алексей Грановский (Азарх), главный режиссер 2-го МХАТ Михаил Чехов, режиссер Алексей Дикий (выгнанный Чеховым из 2-го МХАТ) и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. И возвращаться никто из них не спешил. Двое — Грановский и Чехов — так никогда и не вернулись. Дикий возвратился через год — из Тель-Авива (!). А Эйзенштейна удалось выцарапать только в 1932-м, из Мексики...

Что за гон напал на советских режиссеров? Что сорвало их с насиженных мест и именно в 1928 году?

В Советском Союзе в тот год произошло всего одно важное событие — в январе был сослан в Алма-Ату Лев Давидович Троцкий.

Ну и что? — театральным-то режиссерам какое до этого дело?

Правда, Зинаида Райх, в письме Горькому от 20 июня 1928 года сетовала: «К горю нашему — наши малочисленные друзья (через которых, кстати, Совнарком деньги давал изредка нам) — оказались — *оказались... оппозиционерами-троцкистами*, и Демьян Бедный стал улюлюкать на Мейерхольда. Демьян Бедного с удовольствием поддерживают Степанов-Скворцов, Рязанов, Осинский и целая ватага рыбешек помельче, — говоря гадости (все печатно, во “всесоюзном” масштабе), повторяя бабьи сплетни, не по существу искусства

Мейерхольда, а за этим скрывая свои подозрения в *его симпатии к троцкизму, к Троцкому*³⁰.

Так не надо было на программках к спектаклю «Земля дыбом» печатать: «Красной армии и Первому Красноармейцу Р.С.Ф.С.Р., Льву Троцкому, работу свою посвящает Всеволод Мейерхольд. 23-II-23 г.».

И Эйзенштейну тоже досталось: просмотр фильма «Октябрь» состоялся 7 ноября 1927 года в Москве, на следующий день в Ленинграде. А на экраны он вышел лишь в марте 1928-го — после того, как были изъяты все кадры и эпизоды с участием Троцкого.

Так что же из-за нескольких кадров и одного посвящения сбегать за границу?! А остальные режиссеры? — они ведь и такими вещами замараны не были...

Наверное, что-то в воздухе поменялось... Вот, скажем, Бабель... В далеком ноябре 1924 года Семен Буденный опубликовал заметку «Бабизм Бабея из “Красной нови”», в которой обозвал Бабея дегенератом и обвинил в клевете на Первую Конную. И... — никакого продолжения! Кто-то властный приказал кавалеристу заткнуться³¹...

А 30 сентября 1928-го «Правда» напечатала отрывок из выступления Горького перед теми, кто недавно взялся за перо³². Иронически отозвавшись о давних нападках на Бабея, Горький резюмировал: «Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабея, — мне кажется, что это сделано напрасно...».

Можно было бы смолчать, но командарм завелся — месяца не прошло, и он Горькому ответил, что мнения своего не изменил, как охайвал, так и охайвает!³³

И тогда последовал ответ Горького: «Вы говорите, что Бабель “плелся где-то с частицей глубоких тылов”. Это не может

---

³⁰ [Гудкова В.В.] «...Мы оказались в невероятном одиночестве»: Письмо З.Н. Райх М. Горькому 20 июня 1928 года // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 3. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2004. С. 212.

³¹ Подробнее см.: Парсамов Ю., Фельдман Д. Грани скандала: цикл новелл И.Э. Бабея «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2011. № 6.

³² Горький М. Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать // Правда. 1928. 30.09.

³³ Буденный С. Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. № 250. 26.10. С. 4.

порочить ни Бабеля, ни его книгу. Для того, чтобы сварить суп, повар не должен сам сидеть в кастрюле. Автор “Войны и мира” лично не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем».

Касательно же возмущавшей командарма бабелевской эротомании, Горький заявил, что Бабель — писатель-реалист, а «война всегда возбуждает бешеную эротику — об этом говорит нам всякая война, это подтверждается поведением немцев в Бельгии, русских в Восточной Пруссии. Я склонен считать это естественным — хотя и не нормальным — повышением “инстинкта продолжения рода”, инстинкта жизни у людей, которые стоят лицом к лицу со смертью»³⁴.

А поскольку Буденный углублялся и в литературную теорию («для того, чтобы описывать героическую, небывалую еще в истории человечества борьбу классов, нужно прежде всего понимать сущность этой борьбы и природу классов, т.е. быть хотя бы и не вполне осознающим себя диалектиком, марксистом-художником»), Горький его изящно оскорбил: «в стране <...> два миллиона марксистов, из которых <...> половина говорит по Марксу так же сознательно, как попугай по-человечески». К какой половине отнести Буденного, Горький уточнять не стал.

И дискуссию снова прикрыли. А ведь, казалось, раз Троцкого, заклятого врага конармейцев, больше нет, можно говорить правду! А их — на конюшню!

Ладно, это случай Бабеля. Но в театр ведь Буденный не ходил и режиссеров не пугал. От кого же они бежали?

Вот что писал Михаил Чехов труппе 2-го МХАТ в 1928 году, сразу после отъезда из СССР: «Меня может увлекать и побуждать к творчеству только *идея нового театра в целом, идея нового театрального искусства*»³⁵.

А это воспоминания Михаила Чехова о разговоре с Мейерхольдом летом 1930 года в Берлине:

«Я старался передать ему мои чувства, скорее предчувствия, о его страшном конце, если он вернется в Советский Союз. Он слушал молча, спокойно и грустно ответил мне так (точных

---

³⁴ Горький М. Ответ С. Буденному // Правда. 1928. 27.10.

³⁵ Чехов М. Литературное наследие. В 2 тт. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1995. Т. 1. С. 336.

слов я не помню): *с гимназических лет в душе моей я носил Революцию и всегда в крайних, максималистских ее формах*. Я знаю, вы правы — мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь. На вопрос мой — «Зачем?» — он ответил: *из честности*³⁶.

Для них для всех — Мейерхольда, Грановского, Дикого, Эйзенштейна и Михаила Чехова — новый театр и новое искусство не были пустым звуком. И цель у всех них была одна — преобразить актера, а затем (и через него) — зрителя. Т.е. преобразить человека нынешнего и ветхого в человека чаемого и Нового. Только такое деяние достойно звания Революции. Это и есть Революция.

Революцией — страшной, кровавой и прекрасной — был Троцкий! И пока он оставался действующей фигурой, Революция жила. А в 1928 году Революция в России умерла. И те, кто не захотел жить с ее трупом, бежали.

Для нас сегодня идейный убийца — тот же убийца. Но люди первой трети XX века думали иначе.

Вот донос от 21 сентября 1936 года:

«После опубликования приговора Военной Коллегии Верх[овного] суда над участниками троцкистско-зиновьевского блока источник, будучи в Одессе, встретился с писателем Бабелем в присутствии кинорежиссера Эйзенштейна. Беседа проходила в номере гостиницы, где остановились Бабель и Эйзенштейн. Касаясь главным образом итогов процесса, Бабель говорил: “Вы не представляете себе и не даете себе отчета в том, какого масштаба люди погибли и какое это имеет значение для истории. Это страшное дело. Мы с вами, конечно, ничего не знаем, шла и идет борьба с «хозяином» из-за личных отношений ряда людей к нему. Кто делал революцию? Кто был в Политбюро первого состава?”

---

³⁶ *Чехов М.* Литературное наследие... Т. 2. С. 361. З.Н. Райх и здесь не дала супругу уйти из-под надзора: «Все мои разговоры с Мейерхольдом в Берлине в 1930 году, — вспоминал М. Чехов, — происходили в присутствии Райх. Попытки мои уговорить Мейерхольда остаться в Европе вызывали горячий протест с ее стороны. Когда же я нарисовал перед ним картину возможной его гибели, она назвала меня предателем и со свойственной ей внутренней силой или, лучше скажу, фанатизмом стала влиять на Мейерхольда. С ним мы расстались друзьями, с нею — врагами» (*Там же*. С. 362).

Бабель взял при этом лист бумаги и стал выписывать имена членов ЦК ВКП(б) и Политбюро первых лет революции. Затем стал постепенно вычеркивать имена умерших, выбывших и, наконец, тех, кто прошел по последнему процессу. После этого Бабель разорвал листок со своими записями и сказал: “Вы понимаете, кто сейчас расстрелян или находится накануне этого: Сокольников очень любил Ленин, ибо это умнейший человек. <...> Для Сокольников мог существовать только авторитет Ленина и вся борьба его — это борьба против влияния Сталина. Вот почему и сложились такие отношения между Сокольниковым и Сталиным.

А возьмите Троцкого. Нельзя себе представить обаяние и силу влияния его на людей, которые с ним сталкиваются. Троцкий, бесспорно, будет продолжать борьбу, и его многие поддержат. <...>

Мне очень жаль расстрелянных потому, что это были настоящие люди. Каменев, например, после Белинского — самый блестящий знаток русского языка и литературы. Я считаю, что это не борьба контрреволюционеров, а борьба со Сталиным на основе личных отношений. <...> Какое тревожное время! У меня ужасное настроение!”

Эйзенштейн во время высказываний Бабеля не возражал ему»³⁷.

Им свойственно было обольщаться мечтой, но иллюзий они не питали. И не удивились, когда в одном и том же 1940 году к ним пришла смерть — 27 января к Бабелю, 2 февраля к Мейерхольду.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА³⁸

Надежда — вещь очень хрупкая и неистребимая. Вот и я надеюсь, что наступит миг, когда из неведомых тайных подвалов вынесут рукописи Исаака Бабеля. И будем сверять на-

---

³⁷ Сводка Секретно-политического отдела ГУТБ НКВД СССР о настроениях И.Э. Бабеля в связи с завершением процесса так называемого «Анти-советского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 325–326.

³⁸ Впервые опубликовано в: Лехаим. 2014. № 12.

личие по описи. Опись сам Бабель составил, 11 сентября 1939 года — в письме, посланном из тюрьмы наркому внутренних дел гражданину Берия Л.П.

Вот — «результат восьмилетнего труда», с 1931 года по первую половину мая 1939-го:

1. Черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины;
2. Материалы для книги о Горьком;
3. Черновики нескольких десятков рассказов;
4. Черновик наполовину готовой пьесы, — и
5. Готовый вариант сценария.

О некоторых рукописях мы можем сказать больше — под № 1 числится роман о коллективизации «Великая Криница». Под № 5 — сценарий фильма «Как закалялась сталь», по роману Николая Островского. О некоторых как-то и говорить не хочется — книга о Горьком... А о самом главном — несколько десятков рассказов — сказать просто нечего, потому что ничего про них не известно!

И остаемся мы с тем, что имеем: рассказы (меньше девяти десятков), один кинорассказ, одна киноповесть, 2 пьесы, 2 сценария, 37 газетных корреспонденций и очерков... Да еще чудом уцелевшая половина конармейского дневника.

Тут, правда, пошли разговоры, что удалось добраться до бабелевских писем к матери, сестре и первой жене... Чуть ли не тысяча писем! Но с их содержанием мы знакомы уже давно, и ничего выдающегося в них не обнаружилось... Литературно выдающегося. Для биографии их ценность, конечно, неоспорима. Но ведь и биографией Бабеля интересуются лишь оттого, что был он гениальным писателем...

Так что письмами тут не спасешься — литература нужна!

А теперь представьте мое изумление и восторг при обнаружении того, в чем Бабеля и не подозревал никто, — рецензий на литературные произведения других авторов!

До сих пор мы знали, что Бабель был равнодушен к пишущим одесситам — сохранились рукописи двух предисловий к их невышедшим книгам: сборнику семерых молодых писателей (1924–1925)³⁹ и мемуарам Утесова (1939). В послед-

---

³⁹ Впервые напечатано в мемуарах К.Г. Паустовского (Литературная газета. — М. 1962. 1.01); публикацию рукописи и установление даты написания

нем случае, впрочем, говорится лишь о самом Утесове, но ни слова о том, что тот написал.

А тут не один, не два — целых 9 (девять!) новых, никогда не изданных текстов!!

Сразу признаюсь, ответа на вопрос: «Отчего бабелеведы их еще не напечатали?» — у меня нет.

Что же представляют собой сами рецензии?

Хранятся они в московском Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде Союза советских писателей. И говорится в них о произведениях неопубликованных. Таким рецензиям самое место в редакциях журналов и издательств. И у Союза советских писателей тоже было издательство — оно так и называлось: «Советский писатель»... Но писательский союз должен заниматься делами своих членов. Защитой их интересов, охраной их труда и здоровья... А тем, кто не член — авторам абсолютного большинства отрецензированных произведений, льгот и привилегий не полагается!

Никакого противоречия здесь нет — рецензии как раз и были проявлением заботы о членах союза. Писатель зарплату не получает, да и гонорары не каждый день сваливаются. А есть и семью кормить нужно ежедневно. Вот союз и придумал такую штуку — литературные консультации. Присылает начинающий автор свой опус в союз, а старшие товарищи ему дают советы — что исправить, какую черту героев выпятить... Или вообще писать отсоветуют — до тех пор, пока русской грамотой не овладеет. А консультанту за нелегкий этот труд капают какие-то деньги. Что особенно важно, когда у писателя творческий простой — не пишется, хоть тресни... Как, например, в случае Бабеля.

Так что понятно, как он эту работу получил и отчего за нее взялся...

Перейдем, наконец, к новообретенным бабелевским текстам⁴⁰. Все они датируются 1938 годом. 8 рецензий из 9-ти по-

---

осуществила А.Л. Яворская (Рукописи И. Бабеля в фондах ОЛМ // Дом князя Гагарина: Сборник статей и публикаций / Одесский литературный музей. Вып. 6. Ч. 2. — Одесса: Симекс-принт, 2011. С. 9–15.

⁴⁰ В квадратных скобках даны вычеркнутые [места]; жирным курсивом — **вставки**; в ломаных скобках — недостающие знаки препинания и недописанные <буквы>.

священы пьесам и извлечены нами из архива Драм-секции — Драматической секции при ССП.

I

**«Голос мистера Реджинальда Эванса»
Т. Волькенсона и В. Каринского.**

Место действия — Англия. Авторы в Англии не были. Их материал — литература, книги... То<, > что по-своему[правда,] рассказали Т. Волькенсон и В. Каринский<, > — рассказано не в первый раз. К чести авторов — ими была учтена основная опасность — повторить пройденное; много подводных камней обойдено; неизбежная [«литературность»] **книжность** в изображении дел и характеров искупается диалогом<, > в котором есть тонкость, остроумные повороты, блестящие юмора; манера письма — веселая, быстрая, точная; действие ведется без излишнего нажима, без назойливости, с чуть притушенным блеском. В разработке сюжета есть уменье, вкус; уменье не договорить, лирически задуматься, повернуть действие мягко и вместе с тем стремительно — но правильно ли выбран сюжет? Что касается меня — я не [сч]убежден в этом...

Один из пунктов устава Акционерного Общества «Северо-Западный Концерн», — [дал по] устава весьма растяжимого и эластичного — дал повод к махинациям с голосом мистера Реджинальда Эванса; перед нами частный случай из юридического реквизита капитализма, из его законодательства, являющегося только тенью живых отношений⁴¹. Не лучше ли было бы дать так называемую «деловую пьесу», будни фирмы мистера Эванса, то как она продает и как она покупает — ежедневную, обыденную механику Сити?

Советский народ знает идейную сущность, лицемерие, казуистику капитализма, из этого знания сделаны выводы. Тем важнее было бы показать новому многомиллионному советскому зрителю навыки и приемы мистеров Эвансов в их массовых, обычных операциях, разоблачить ужас, экзотику, свирепость того<, > что для Сити является узаконенным и нормальным. Расширение базиса пьесы обогатило бы характеры, лишив их условности и вывело бы юмор пьесы из заколдованного воде-

---

⁴¹ Возможный парафраз выражения «вещественные знаки невещественных отношений» (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»).

вильного круга. (Очень смешно намеченный Чарли — племянник миллионера — предстает перед нами в конце пьесы патологическим идиотом — и важным для развития интриги сценам Чарли с репортером [с]и Джесси — не веришь<, > потому что поверить им невозможно).

На голову выше своих окружающих, ослепительно умный мистер Эванс проиграл игру; он выходит из нее — пустив себе пулю в лоб. Правдоподобна ли поспешность с какой Сити казнит одного из талантливейших своих командоров? Не слишком ли много благородного игрока в Председателе Правления компании «Эванс Лимитед» и из того ли он сделан теста, из которого делаются жертвы системы?

Всех этих вопросов могло бы и не быть...

Вкус и такт не слишком частые добродетели у наших драматургов. Эти качества есть у гг. Каринского и Волькенсона. Почему бы им не заговорить языком собственного жизненного опыта, [не отразить] *не попытаться выразить* то новое, сильное, небывалое, что должно быть в душе советского гражданина?..

Бабель.

P.S. Авторы интересуются сценой с рабочей массой⁴².

Текст написан Бабелем от руки зелеными чернилами, постскриптум синими, а подпись — карандашом.

Пьеса, которую Бабель рецензировал — в 3-х действиях и 9 картинах, тоже сохранилась⁴³, хотя сцены так и не увидела.

Для Волькенсона Григория Михайловича («Т.» перед фамилией в рецензии означает «товарищ») обращение к литературе было, видимо, случайным. Известность ему принесло изобретение (совместно с Труниным Я.Т.) гидроизоляционного материала «грунтолит» (патент № 6054/455322 от 25 сентября 1952 г.).

А вот Каринский Владимир Александрович (1896 г. рождения) был литератором профессиональным, автором 7-ми, а затем 8-актной пьесы «Недорисованный портрет»⁴⁴

---

⁴² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 329. Лл. 63–65.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2452. Оп. 3. Ед. хр. 1959. 95 л.

⁴⁴ *Каринский В.А. Недорисованный портрет. 7 актов. Театральная техника под руководством С.Ю. Бойко. М.–Л.: Молодая гвардия, 1924. 84 с.; Каринский*

и кучи детских стихов⁴⁵. И нигде славы и известности не снискал.

Что касается рецензии, то она, конечно, вписывается в рамки советских шаблонов, хотя от тонкости и профессионализма Бабель и здесь удержаться не смог.

II О ПЬЕСЕ «ЗАВТРА».

Пьеса о войне в Испании, написана авторами на основании газетной информации. Отсюда стандартность положений и характеристик. Справедливость требует, однако, отметить, что пьеса написана умело, местами даже ловко, с соблюдением требований театральности (если понимать этот термин в простом и элементарном его значении).

Пьеса может стать хорошим приобретением для районных театров, для клубов и кружков самодеятельности при единственном и непереносимом условии перевода ее с выдуманно-трафаретного, неправильно-газетного жаргона на простой русский литературный язык с грамотным диалогом — возможности к которому у авторов есть.

Я считаю необходимым — не меняя общей схемы — переделать сцену урока танцев, предшествующую героическому акту взрыва плотины (ситуация неумелая и неправдоподобная); недопустимый детски-прямолинейный диалог в сценах: встречи отца с дочерью, любовного объяснения и убийства марокканца *<sic!>* — необходимо сделать тоньше, человечнее, сердечнее.

И. БАБЕЛЬ
11/VIII-38 г.⁴⁶

Итак, еще одна пьеса о заграничной жизни, вышедшая из-под пера человека, за границей не бывавшего. Кто сочинил пьесу, Бабель не сообщает. Но в верхней части машинописной страницы имеется надпись: «№ 31 Овчинников группа II».

В.А. Недорисованный портрет. 8 актов. Театральная техника под руководством С.Ю. Бойко. 2-е изд., испр. и доп. М.—Л.: Молодая гвардия, 1925. 94 С.

⁴⁵ Азбука пионера. М.: Моск. рабочий, 1925. 31 С.; Цирк. М.: Молодая гвардия, 1927. 10 С.; Карусели. М.: Молодая гвардия, 1927. 12 С.; Про Мишу и козла Тишу. М.: Молодая гвардия, 1927. 11 С.; Приключения кота. М.: Молодая гвардия, 1927 (в 4-х книгах, каждая по 18 страниц); Необычайные приключения Джимма. М.: Молодая гвардия, 1927 (в 2-х книгах по 12 страниц); Грачи и кот. М.—Л.: Детиздат, 1936. 15 С.; Заяц-портной. [Б.м.], 1943. 16 С.

⁴⁶ РГАЛИ Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 342. Л. 41.

И подпись: «Писар<нрзб.> 16-8-38».

Несмотря на неразборчивость, подпись загадки не представляет — это *Писаренко*, секретарь Драмсекции.

Надпись сделана синими чернилами, а вот слово «Овчинников» вписано красным карандашом.

Наверное, он автором и был. Тем более, рецензия хранилась в папке отзывов на пьесы «на букву “О”». Кто он такой — неведомо⁴⁷, никаких других его следов в архиве не осталось. Да к тому же, и Бабель пишет: «пьеса <...> написана *авторами*...»... Значит, авторов было больше одного.

Пьеса, как можно понять из рецензии, безнадежная. Но Бабель находит повод ее и похвалить, и даже указывает, что можно было бы исправить... Что это — лицемерие? Не без того, конечно... Но тут и жанр обязывает — пьеса прислана на консультацию. А значит, одной критикой не обойдешься, нужно и совет какой-нибудь дать.

III

Вл. Павлов «В налете».

Это могло быть — то<,> что описано у Вл. Павлова<,> — могло и не быть, но читать интересно и подано горячо. Вкус не совсем первосортный, французских слов в лексиконе бродяги и громилы многовато (к тому же — древний прием) — но концы ловко сведены с концами, стремительность и целесообразность действия таковы, что читаешь, не отрываясь<,> — и для актеров неограниченная возможность разыгаться на материале, в котором политическая злободневность выражена с несколько излишним эстрадным блеском, но все же с блеском.

Мне кажется, что способности Вл. Павлова в этом направлении — достойны того<,> чтобы их развивать на основе строгого, хорошего вкуса.

ИБабель

23.8.38.⁴⁸

---

⁴⁷ Если он, конечно, не Овчинников Михаил Федорович (1913–1987), проживавший в Ереване и тоже грешивший пьесами о зарубежных антифашистах, например: «В сумерках Парижа» — «о борьбе и гибели интернациональной группы Сопротивления».

⁴⁸ РГАЛИ Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 343. Л. 15 (автограф), 17 (машинописная копия).

Рецензия написана от руки зелеными чернилами. «Вл. Павлов» — так подписывал свои сочинения Павлов Владимир Константинович, весьма плодовитый автор, с начала 30-х оставивший прозу и переключившийся на изготовление скетчей для клубной и эстрадной сцены. Так что Бабель, видимо, не ошибся — до театра Вл. Павлов еще не дорос.

IV

Георгий Павлов «Черная ненависть».

Творческие побуждения, толкнувшие т. Г. Павлова на сочинение пьесы «Черная ненависть»<,> — не таковы, чтобы ждать от них ценных произведений. Здесь нет страстного волнения ума и души, требующего выражения в образах; нет и способности внести новые, волнующие, искренние положения в необъятную тему классово-борьбы.

Пьеса обязана своим появлением на свет томику американских новелл и нескольким романам из американской жизни. Очень не хочется впасть в сварливо-газетный тон — но никак нельзя подавить в себе чувство законного недоумения: зачем эта пьеса из жизни штата Техас, о котором автор не знает ровно ничего<,> и почему не написать о хорошо известном — потому что не может же этого быть, чтобы на свете не было вещей, хорошо известных т. Павлову?..

Можно ли назвать драматургию вещи порочной? Нет, она грамотна, стандартна, безрадостна. Наряду с отрицательными персонажами (богатыми фермерами), закрашенными безнадежно однообразной краской<,> — автором делаются попытки [усложнить,] очеловечить реплики Эллы Дунглесс, дочери капиталиста полюбившей прохвоста шофера <sic!>, **усложнить** поведение Ральфа Дунглесса, мерзавца более изошренного, чем его прямолинейный отец<,> — и<,> наконец, **усложнить** характеристик[а]у подлейшего красавца мужчины — шофера <sic!> Монка... Оттенки характеров намечены также у сезонников, работающих на ферме Дунглесса... Усилия похвальные и несовершенные[:], возбудив у читателя мгновенный интерес — они быстро уступают место равнодушию.

Театры, жаждущее <sic!> искренних и вдохновенных спектаклей<,> — вряд-ли возьмут пьесу Г. Павлова, — но может быть<ь> обилие благих намерений, в ней заключенных<,> — окажется нужным учебным материалом для клубной и колхозной сце-

ны, для драмкружков, которые должны начинать с несложных и легко расписанных [сцен] вещей? Я сомневаюсь в этом, но не решаюсь об этом судить до конца.

И. Бабель
27.8.38.⁴⁹

Рецензия написана Бабелем от руки зелеными чернилами. Над рецензией кто-то поработал (уж не Писаренко ли?): вычеркнул первый абзац и сократил остальные. В результате все свелось к одной невыразительной машинописной страничке.

Перед нами снова пьеса о проклятом Западе, написанная с чужих слов.

Возможно, что автором был Павлов Георгий Юрьевич (1885–1958), настоящая фамилия — Павиланис. С псевдонимным однофамильцем его объединяет плодовитость — в Драмсекцию он прислал еще шесть пьес, не менее, чем по 3 акта каждая («Шагин-Гирей», «Цена победы», «Безумство храбрых» (драматическая поэма), «Одна ночь», «Лири и меч (Шандор Петефи)», «Ступени...»). А отличает то, что Павлов Г. был откровенный графоман. Оттого, наверное, при всем изобилии благих намерений, ни одна его пьеса не увидела ни печати, ни сцены.

V

Архивисты полагают, что среди литконсультаций авторам на букву «П» Бабелю принадлежит еще одна — по поводу водевиля Евгения Пермяка и Евгения Бегака «Золотая рыбка»⁵⁰ Но это ошибка — и почерк не тот, и содержание ниже всяких похвал... Одно общее — зеленые чернила! Но это, согласитесь, не аргумент... Хотя само изобилие зеленого цвета наводит на размышления. Скорее всего, такими чернилами снабжали Драмсекцию, и литконсультанты писали свои отзывы прямо на месте, не отходя от кассы... В буквальном смысле.

VI

Б. Бобович. Навсегда.

Материал для пьесы очень хорош, но готового произведения мы еще не имеем; это, повидимому <*sic!*>, хорошо созна-

---

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 343. Л. 5 — 6 (автограф), Л. 8 (машинопись).

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 343. ЛЛ. 51–52 об.; пьеса была опубликована (М.: Искусство, 1940. 92 С.).

ет сам автор, сообщающий в препроводительной записке, что пьеса подвергается коренной переделке.

Работая над новым вариантом<,> т. Бобович должен позаботиться о том, чтобы т. наз. «одесский язык», к услугам которого он часто прибегает<,> — [никогда] всегда оставался **бы** только средством, никогда не становясь целью.

Введение в текст [жаргона местного] **местного жаргона** — (если это, конечно, требуется обстоятельствами) — налагает на пишущего дополнительные обязательства в отношении чистоты языка во всем произведении.

Против этого правила т. Бобович часто грешит, употребляя иногда выражения, не только несвойственные духу русского языка, но и просто неправильные. Работая над новым вариантом пьесы<,> — т. Бобович должен объявить этому злу жестокую войну.

ИБабель
4.9.38.⁵¹

Рецензия написана от руки и снова зелеными чернилами. Кроме Союза писателей Бобович отсылал свою пьесу и по другим адресам — в Главрепертком при Комитете по делам искусств при Совнаркоме СССР, в сам Комитет по делам искусств (дважды — в январе 1937-го, а потом в ноябре — исправленную и дополненную...)⁵², но успеха так и не добился. О самом Борисе Владимировиче Бобовиче можно рассказывать долго... Одессит, перебравшийся в Москву. Будучи всего на 2 года младше Бабеля, пережил его на 35 лет. Но за долгую свою жизнь выпустил, как полагают⁵³, всего две книги — сборники стихов: «Неискренние стихи» (совместно с Александром Кранцфельдом; Одесса, 1916)⁵⁴ и «Погоня» (М., 1922; на стеклографе). Это неправда — книг он издал в три раза больше! Но что то были за книги — эстрадные обозрения и текстовки для клубной сцены... Вот и Бабель, искренне симпатизировавший одесситам, ничего хорошего о пьесе Бобовича

---

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 328. Л. 99.

⁵² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. Ед. хр. 225; Ф. 962. Оп. 1. Ед. хр. 42; Ф. 962. Оп. 1. Ед. хр. 43.

⁵³ *Ольшанский А.* Писатель, не написавший ни единой книжки. (22.07.2010) // <http://www.olshanski.ru/pisatel-ne-napisavshij-ni-edinoj-knizhki>.

⁵⁴ *Яворская А.* Искреннее чувство «Неискренних стихов» // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 5. Одесса, 2001. С. 156–171.

сказать не смог. Ну что ж, не преуспев в литературе, Бобович нашел свою жизненную нишу — вступил в Союз писателей и заболел. Причем заболел тяжело. Так тяжело, что каждый год Литфонд отправлял его на 2-3 месяца в санаторий, а потом в дома творчества — окрепнуть. Как недужный и малоимущий получал он еще от того же Литфонда материальную помощь... И не год, не два — десятилетия! И тогда Валентин Катаев, старый его приятель, произнес: «Кабы не тяжелая болезнь, Бобович давно умер бы с голоду»⁵⁵.

VII

[«По указу е.в.»] **«ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».**

[пьеса] **Пьеса М. Гриневой и С. Разумовского**

Мне думается — пьесу следует рекомендовать для постановки. Она не лишена недостатков: конец не оправдывает ожиданий, возбуждаемых первой частью пьесы; протест Чичерина<> умело введенный в действие, топчется в сущности на одном месте и драматургически замирает; шаблонное изображение высшего света — не обогащает нас ни душевно, ни познавательно.

Зато хорош язык — точный и чистый, хороша, чиста и трогательна тема о том, как убитый накануне Пушкин становится живым и поэтическим сознанием русского народа. Народ этот<> смертельно уязвленный<> — и есть истинный герой пьесы.

И. Бабель

26-XI-38 г.⁵⁶

В архиве отложились две копии рецензии — рукописная (неизвестной рукой) и машинописная, сделанная до внесения в текст правки. Из этого можно сделать вывод, что Бабель к этой правке отношения не имел и чистосердечно полагал, что у пьесы один автор — Разумовский.

Сергей Дмитриевич Разумовский (настоящая фамилия — Махалов; 1864–1942) начал свою драматургическую деятельность еще в 1900-е годы. Его соавтор — урожденная Мария Ивановна Кузнецова (1895–1966) — хоть и взяла фамилию мужа, Александра Самойловича Балагина (настоящая фами-

---

⁵⁵ Ольшанский А. Указ. соч.

⁵⁶ РГАЛИ Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 344. Л. 29 (рукописная копия), 30 (машинописная копия).

лия Гершанович), но писать предпочитала под псевдонимом. Псевдоним же она себе выбрала непростой — это капитанская дочка Марья Ивановна Миронова, вышедшая, наконец, замуж за Петрушу Гринева. К смене имен Марии Ивановне, актрисе Камерного театра, было не привыкать. А еще она опубликовала несколько пьес, переписывалась с Мариной Цветаевой и оставила воспоминания о великой поэтессе. Что же касается пьесы, отрецензированной Бабелем⁵⁷, то поставить ее так никто и не собрался.

VIII

И. Шухов. Заговор мертвых.

Подзаголовок пьесы — «литературный вариант». Это надо понять так, что автор и сам сознает незаконченность пьесы, как театрального представления. Незаконченность эта многообразна: действие ведется старомодно (с великой охотой действующие лица разговаривают сами с собой), намерения автора проступают во многих случаях с излишней наглядностью, причем намерения эти не отстоялись до степени искусства; отсюда — длинноты, ненатуральность разговоров, их напыщенность, цветистость, нарочитость; отсюда — ломающаяся линия характеристик, упрощенность их в одном случае, туманность в другом; отсюда — такие провалы, как примитивнейший, безмятежно благополучный конец пьесы.

Все это — недостатки; но характер писания Шухова таков, что недостатки должны с тем большей настойчивостью толкать его к углублению работы над пьесой. Особенный какой то настой, необычный, пряный, притягивающий, настой слов и мыслей — заставляет читать пьесу с волнением; слова тугие, гороховатые, часто неожиданные; степи Казакстана *<sic!>* — место действия — описаны страстно, чуть вычурно, но поэтично; характеры с тяготением к большим и вольным линиям.

Все это сделано угловато, сильно, несдержанно, с яростной и несовершенной борьбой страстей и дел...

Очень хочется просить т. Шухова продолжить работу над «Заговором мертвых». Ему по силам написать правдивое и яр-

---

⁵⁷ Гринева М., Разумовский С. «По указу его величества». Историческая хроника в 6-ти картинах // РГАЛИ. Ф. 962 (Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР). Оп. 1. Ед. хр. 138. 28 ноября 1937. Машинопись. 90 лл.

кое произведение, в котором свойства его дарования нашли бы искреннее, гармоничное, не искаженное выражение.

ИБ.

23.9.38.⁵⁸

Снова написано от руки привычными зелеными чернилами. Вот только слова выбраны совсем иные... «Гороховатый» — у Даля не сыскать! А это почвенный слой, сразу под подстилкой листовенного войлока: «гороховатый, или ореховый, горизонт, обыкновенно подзольного или зольного цвета, с заметным синеватым оттенком; вся эта масса <...> легко распадается на шарики или неправильные многогранники, величиной обыкновенно меньше мелкого лесного ореха» (*В.В. Докучаев «О происхождении русского чернозема»*). Отчего так? А очень просто — Бабеля наконец-то попался писатель. Настоящий! Иван Петрович Шухов (1906–1977) родился и умер в Казахстане. О Казахстане только и писал. Точнее, о проживавших там русских казаках. Причем писал хорошо — в 30-е годы, после публикации двух романов («Горькая линия» о дореволюционном казачестве и «Ненависть» — о коллективизации), его даже называли «казахским Шолоховым».

Но отношение Бабеля к Шухову не было свободно и от личного момента. За год до рецензии, а именно 15 мая 1937 года, в «Литературной газете» появилась открытое письмо: «Уничтожить шуховщину!». Подписано: «Совет жен писателей». Что за совет? А это энергичные дамы, отхватившие именитых мужей, поняли, что от безделья и недостатка спятить можно... И занялись общественной деятельностью. Стали обучать писателей морали. Возглавила беспокойных жен Тамара Каширина, мать единственного сына Бабеля — Эммануила, которому отчим — Всеволод Иванов — поменял имя на Михаил. А в письме было написано, что член Союза советских писателей, кандидат в члены партии И. Шухов «окружил себя компанией пропойц и насильников, издевался над своей женой, глумился над ней, избивал ее, таскал по полу за волосы, заставил сделать аборт, сжил со свету одного ребенка, инсценировал “общественный суд” над вторично забеременевшей женой, бил ее, беременную, по животу, так что новый ребенок умер через

⁵⁸ РГАЛИ Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 348. ЛЛ. 86–87.

30 минут после рождения...». Свое поведение Шухов мотивировал тем, что он «талантливый известный писатель» и его «жизнь нужна больше», чем жизнь его ребенка!⁵⁹

Едва ли, впрочем, жёнсовет вцепился в Шухова по собственной инициативе. Потому, что неделей раньше (9 мая) писателя уже заклеимила «Комсомольская правда», а день в день с женским письмом на Шухова обрушилась сама «Правда» — сразу два автора из Алма-Аты обозвали обращение Шухова с женой и детьми «преступным и гнусным»⁶⁰. И если жену он просто избивал, то прочих женщин пытался насилловать. В июле 37-го Шухова арестовали⁶¹, судили и приговорили к двум годам условно. А через год, благодаря вмешательству А.Я. Вышинского, приговор был вообще отменен. Так что 31 марта 1939 года Президиум Союза писателей пригласил Шухова переехать для творческой работы в Москву⁶². Только пьесу Шухова⁶³ так никто и не поставил.

Нынешние авторы полагают, что истинной причиной травмы писателя стала его «связь с правотроцкистской организацией», после чего объявляют эту связь «мнимой»... Ничего нельзя понять!

Не проще ли допустить, что Шухов стал невольным участником чьей-то интриги — какие-то влиятельные лица мерялись силой... И борьба эта шла с переменным успехом, пока одна сторона (на счастье Шухова) не одержала победу...

IX

Н. АНОВ. ДЕТСТВО.

Очень приятная книга. В ней описаны странствия по Руси трех мальчиков в поисках друг друга. Русь времен гражданской войны. Место действия — Ленинград, Сибирь, Китай. На

---

⁵⁹ *Совет жен писателей*. Уничтожить шуховщину! // Литературная газета. 1937. 15.05; подписали письмо: Т. Иванова, З. Финк, Ф. Лейтес, А. Нейштадт, А. Стонова, Г. Макаренко, Л. Лежнева, Л. Тренева, Л. Файко, Е. Билль-Белоцерковская.

⁶⁰ *Пухов К., Овчаров В.* Похождения Шухова // Правда. 1937. 15.05. Подробнее: *Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей: 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 170–176.

⁶¹ *Ипполитов С.* Дела и дни Ивана Шухова // Литературная газета. 1937. 5.08.

⁶² Постановление № 28 Президиума ССП от 31.03. 1939 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 356. Л. 126.

⁶³ *Шухов И П.* Заговор мертвых. Пьеса в 5 актах // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 623. 1938, 1940. ЛЛ. 1–111. Машинопись.

длинном этом пути герои книги встречают разнообразнейших людей: белых и красных, монахов и подпольщиков, беспризорных и кержаков, философических чудаков и простодушных героев; они претерпевают множество удивительных и вместе с тем правдивых приключений, приключений, выбранных тонко, умно, с безупречным литературным вкусом и рассказанных сердечно, с подкупающей простотой, рассказанных чистым русским языком с беззлобным юмором. Но... не слишком ли беззлобен юмор для тех бурных времен?.. Не слишком ли акварельно положены краски? Большая резкость политических и человеческих характеристик, большая резкость света и тени, — повредили бы книге или послужили ей на пользу? По моему — второе? <sic!> Книга — обширна, в ней 24 печатных листа. К концу, с каждой новой главой, все сильнее чувствуется неизменность приема, доброкачественного, но однообразного. Просьба к автору о сокращении напрашивается сама собой. Вернее всего — эти сокращения должны быть сделаны за счет первых, менее драматичных частей. Несомненно следует усилить описательную сторону *couleur local*⁶⁴, умело внесенные географические и этнографические подробности раскрасили бы книгу, придали бы ей яркость и точность — т.е. художественность...

Из отдельных замечаний — мне хотелось бы остановиться на следующем: очень уж одинаково описаны все три мальчика[;] — **возможно**⁶⁵ не следует ли каждому из них прибавить по характерной какой-нибудь черте?

Слаб дневник Гаврика; хорошо бы найти здесь неожиданные и мудрые детские слова...

Бледна встреча братьев после двадцатимесячных странствий, и несомненно, читателю захочется как то <sic!> более подробно проводить в могилу персонажа <sic!> <,> к которым он успел привыкнуть, которых нельзя было не полюбить<,> — трогательного всемирного путешественника Шенпилло, необыкновенного Пистонова, «благородного авантюриста» Зарембо. Усилить характеристику отдельных лиц и событий — вот дальнейший путь работы над «Детством». Я убежден, что т. Анов

⁶⁴ «*local*» вписано от руки.

⁶⁵ Вставка слова «**возможно**» требовала, видимо, внесения изменений в последующий текст: «**не** следует **ли** каждому из них».

с этой работой справится и тогда детская и юношеская наша литература получит хорошую, поучительную, сердечную книгу.

И. Бабель
23/VIII-38 г.⁶⁶

Текст занимает две странички машинописи, и это единственная известная нам рецензия Бабеля на прозаическое произведение.

Рукопись свою Анов основательно переработал, героев переименовал, и в 1941 году она стала книгой «Пропавший брат». А самого Анова жизнь ломала куда безжалостней. Началось было не слишком благополучным: настоящая фамилия — Иванов, отец-литейщик, образование низшее. Зато проживал в Петербурге. Оттого в 22 года, еще до революции, стал сотрудничать в пролетарской печати, а именно — в «Правде». В 1918 году оказался в Сибири, занимался журналистикой... В каких печатных органах? Учитывая прошлое, надо полагать — в большевистских... Так, видимо, и полагали. И легко представить всеобщее изумление, когда в 1932 году Николая Ивановича Анова, ответственного секретаря московского журнала «Красная новь» (там и Бабель печатался) арестовали! И с ним еще пятерых писателей-сибиряков: Евгения Забелина, Леонида Мартынова, Сергея Маркова, Павла Васильева и Льва Черноморцева. И открылось, что в сибирской этой бригаде (сами они называли ее группой «Памир») царили разнузданный антисоветизм, антисемитизм и культ адмирала Колчака.

1 июня 1932 года был вынесен приговор: Черноморцеву и Васильеву, «ввиду полного сознания», «приговор считать условным, из-под стражи освободить»; Анова (Иванова) Николая Ивановича, Забелина (он же Савкин Евгений Николаевич), Маркова Сергея Николаевича, Мартынова Леонида Николаевича «отправить с первым отходящим этапом в г. Архангельск <...> сроком на 3 года». Срок свой Анов отбыл полностью, а потом уехал в Казахстан⁶⁷. Пользовался, как и

---

⁶⁶ Переписка на имя Секретаря Правления ССП от членов ССП и других авторов (по вопросам консультаций, конфликтов, материально-бытовым, отзывам) и др. — по алфавиту «А-И». 1938 г. // РГАЛИ Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 293. ЛЛ. 13–14.

⁶⁷ Подробнее см.: *Куняев Станислав, Куняев Сергей*. Растерзанные тени: избранные страницы из «дел» 20–30-х годов ВЧК-ОГПУ-НКВД <...>. М.: Голос, 1995; глава «Огонь под пеплом (дело “Сибирской бригады”)».

Шухов, большим авторитетом у начальства, в 1970 году стал лауреатом Государственной премии Казахстана и умер в 1980 году в возрасте 88 лет. Так что жизнь прожил почти счастливую. Из тех, кто с душой и талантом, такое в XX веке мало кому удалось.

***

Восемь рецензий, более десяти авторов... А превосходных степеней удостоились всего двое — репрессированные. И это, пожалуй, что-то говорит о самой критике — Исааке Бабеле.

ПЕСНЬ ЛАЗАРЯ

Любите ли вы аукционы так, как я их — без взаимности? Когда я им — ничего, а они мне — всё! Всё — оттого, что желание мое не обладать, а посмотреть... Вот и смотрю.

9 октября 2014 года. Аукцион в Никитском переулке. Бывшая улица Белинского (стоя лицом к Кремлю, от Тверской направо). Лот 487: «Собственноручное письмо Исаака Бабеля Лазарю Моисеевичу Кагановичу». Просили за него не больше 6.000 у.е., а продали за 24 тысячи! А вот и само письмо.

Смотрю и изумляюсь — да я ж его читал. Правда, не отсканированную копию, а в книге. И там было написано, что письмо это хранится в Архиве Президента РФ — фонд № 3, 34-я опись, дело № 206, лист 23.

Неужели и президентский архив пошел с молотка!?!..

Вчитался, и отступила сердечная боль. Письма очень похожи и все-таки — разные!

Вот то, что выставили на продажу:

«Дорогой т. Каганович

Для того чтобы жить и работать мне нужно устроить мои семейные дела. Через несколько дней жене моей в Париже должны сделать операцию щитовидной железы, ее перевезли в больницу. Трехлетняя наша дочь брошена без призора в чужом городе, живет вместе с душевно-больной старухой. В начале марта я подал заявление о выдаче мне заграничного паспорта, четыре месяца я жду ответа. Душевные силы приходят к концу. Я чувствую себя выброшенным из жизни, смысл существования — труд — отнят у меня. Я знаю, что крушение личной моей

жизни, уничтожение [личной] меня, как работника — никому не нужны и прошу вас поэтому о помощи и содействии.

Преданный Вам *ИБабель*»⁶⁸

И сверху другим почерком размашисто: «*Архив*».

Письмо без даты, но время написания легко установить по содержанию: «В начале марта я подал заявление <...>, четыре месяца я жду ответа». Начало марта и еще 4 месяца — это начало июля или конец июня.

А вот письмо напечатанное:

«Москва, 27 июня 1932 г.

Дорогой т. Каганович.

Через несколько дней моей жене должны сделать в Париже операцию частичного удаления щитовидной железы. Выехала она за границу, принужденная к этому тяжело сложившимися семейными нашими обстоятельствами; теперь острота этих обстоятельств миновала. Мой долг — присутствовать при ее операции и затем увезти ее и ребенка (трехлетняя дочь, которую я еще не видел) в Москву. Я чувствую себя ответственным за две жизни. Постоянная душевная тревога, в которой я нахожусь, привела меня к состоянию, граничащему с отчаянием. Я не могу работать, не могу привести к окончанию начатые работы (в их числе — пьеса, которую надо сдать в театре не позже августа, роман о петлюровщине и др.), труд нескольких лет находится под угрозой. Я прошу вас помочь мне в скорейшем получении загр<аничного> паспорта.

Ваш *ИБабель*»⁶⁹

В чем отличия?

Первое письмо — сугубо личное: жена больная, дочка беспризорная, старуха безумная (это про тещу — Берту Давыдовну Гронфайн), сам я весь извелся, помилосердствуйте, а то пропаду!

А во втором письме акценты расставлены совсем иные...

Настолько иные, что заставляют ставить вопрос об авторстве.

---

⁶⁸ <http://www.vnikitskom.ru/antique/auction/42/16518/>

⁶⁹ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. (Россия. XX век. Документы). М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 180.

***

Начнем с надписи на первом письме: «Архив».

Как она могла появиться. Время написания двух писем — продажного и печатного — практически совпадает: конец июня и 27 июня 1932 года. И, скорее всего, дело обстоит так. Принес Бабель письмо в официальное учреждение. Там его заставили письмо переписать, а первый вариант намеревались отправить в архив. Но — не отправили...

С кем же Бабель беседовал?

Вместе с бабелевским на аукцион выставили еще два писательских письма: Алексея Толстого (от 12 октября 1938 г.: «Я считаю долгом сигнализировать...» — в защиту М.М. Болотнера, главврача санатория в Кисловодске)⁷⁰ и коллективный (Н. Асеева, А. Безыменского, М. Голодного, С. Кирсанова, В. Инбер, В. Луговского, А. Суркова) донос 1935 года на «фашиста-хулигана» поэта Павла Васильева⁷¹.

Даты писем различны, а адресат у всех один — Каганович Л.М. Значит, происхождение писем установлено — это некий архив, где хранились документы означенного деятеля!..

Но, честно говоря, не значит... Рукописей Бабеля сохранилось крайне мало, а коллекционеров сегодня пруд пруди. И вот, для удовлетворения спроса, на рынок подбрасывают фальшивки. Пока робко и немного, но начало положено. Так что для удостоверения подлинности нужны какие-то дополнительные аргументы. И они есть!

Оказалось, что аукционное письмо Бабеля было опубликовано⁷². Публикатор — Юрий Михайлович Мурзин, заслуженный архитектор РФ и внучатый зять Л. Кагановича, все подробно изложил: от покойного деда жены осталась внушительная библиотека. И на полках — между книгами по архи-

---

⁷⁰ <http://www.vnikitskom.ru/antique/auction/42/16530/>

⁷¹ <http://www.vnikitskom.ru/antique/auction/42/16517/>; письмо написано после того, как 24 мая 1935 г. «Правда» напечатала заявление той же группы товарищей, обвинивших П. Васильева в «дискредитации звания советского писателя». И теперь заявители горько недоумевают — отчего Васильева никак не посадят? Ну его и посадили...

⁷² [«Дорогой Лазарь Моисеевич!»] Наше наследие в эпистолярном жанре / Сост. Юрий Мурзин. М.: Пресс-центр СА России, 2006. С. 155. Существует и дотипографское издание — компьютерная распечатка тиражом в 200 экземпляров (см.: *Колодный Л. Дорогой Лазарь Моисеевич! — Письма «железному наркомому»* // Московский комсомолец, 2002. № 156. 18.07. С. 7).

текстуре — стояло несколько папок с документами. В папках этих лежали и писательские письма⁷³.

Так что можно успокоиться: письмо Бабеля подлинное, и на продажу его выставили наследники Кагановича.

В домашнем же архиве человека (если он не коллекционер) откладываются свидетельства того, к чему владелец был причастен лично.

А личной своей вовлеченности в бабелевские дела Лазарь Моисеевич не скрывал:

«М. Горький обратился в ЦК с просьбой разрешить Бабелю выехать за границу на короткий срок. Несмотря на то, что я передал, мы сомневаемся в целесообразности этого, от него мне звонят каждый день. Видимо, Горький это принимает с некоторой остротой. Зная, что Вы в таких случаях относитесь с особой чуткостью к нему, я Вам об этом сообщаю и спрашиваю, как быть».

Это из письма Сталину от 23 июня 1932 года⁷⁴, — Каганович просит указаний.

А дело обстояло так. 1 июня 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило т. Сталину отпуск. Но на работу генсек перестал выходить уже 27 мая, и в отпуске провел не месяц, а целых три. Видно, вождь порядком подустал... И отбыл отдыхать. А в Москве на хозяйстве оставил Кагановича.

Оставить-то оставил, но отсебятины терпеть не собирался. Вот Каганович и изображает из себя преданного исполнителя...

Почему всего лишь изображает? А потому, что, не дожидаясь ответа от Сталина, выносит на утверждение Политбюро проект постановления —

Слушали:

«Просьба писателя И. Бабеля разрешить ему поездку во Францию сроком на 1,5 месяца».

Постановили:

---

⁷³ В книгу вошло не все, например, письмо А.Н. Толстого и донос на Павла Васильева в ней отсутствуют.

⁷⁴ *Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.* / Сост. О.В. Хлевнюк [et al.]. М.: РОССПЭН, 2001. С. 189.

«Разрешить поездку писателю И. Бабелю во Францию сроком на 1,5 месяца»⁷⁵.

И резолюция — «За. *Л. Каганович*».

Но — сорвалось! Не рядом, не сбоку, а прямо поперек Кагановича другой секретарь ЦК наложил свое мнение:

«Решительно против. *И. Сталин*».

И ведь нельзя сказать, что Каганович подобной реакции не ожидал. Должен был ожидать, потому что об отношении Сталина к Бабелю знал превосходно. Потому что на бабелеву беду свой отпускной досуг вождь проводил культурно — читал художественную литературу и делился с соратниками своими впечатлениями. И двумя неделями раньше — 7 июня — послал Кагановичу такое письмо:

«В “Новом Мире” печатается новый роман Шолохова “Поднятая целина”. Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему. Не то, что “наш” вертлявый Бабель, который то и дело пишет о вещах, ему совершенно неизвестных (например, “Конная армия”)⁷⁶.

«Наш» в кавычках — это значит «не наш»! Да еще вертлявый, то есть флюгер — и нашим, и вашим!

И вот, зная все это, Каганович решил Бабелю помочь. Во-первых, в письме Сталину специально отметил, что просьба исходит от Горького, и зная особую чуткость к нему т. Сталина...

Во-вторых, об этом свидетельствует само письмо Бабеля.

Для чего оно? Неужели горьковского заступничества недостаточно? Недостаточно!.. Не может Политбюро выносить решение: «Уважить пожелание т. Горького, чтоб дали т. Бабелю повидаться с женой...» Существует процедура: обращение — обсуждение — решение. Все открыто, под протокол!

И, в-третьих, то, что письмо было написано в двух вариантах.

---

⁷⁵ Власть и художественная интеллигенция... С. 180.

⁷⁶ *Сталин и Каганович. Переписка. С. 149 (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 58–60).*

Первый принес с собой Бабель. Положил на стол Кагановичу, и тот письмо прочел...

А дальнейшее объясняется разговором. Попробуем восстановить реплики собеседников:

Каганович: Вот вы пишете: «Для того чтобы жить и работать мне нужно устроить мои семейные дела». Но ваши семейные дела — это ваше личное дело, и ЦК личными делами т. Бабеля заниматься не будет. Так что, советую личные дела сюда не вмешивать.

«Операцию щитовидной железы...» Операции разные бывают...

Бабель: Частичное удаление...

Каганович: Вот так и напишите. А, кстати, почему ваша жена живет в Париже, она что — из белоэмигрантов?

Бабель: Избави Бог! Уехала по причине несложившихся семейных отношений, но сейчас все наладилось...

Каганович: Так и напишите.

Бабель (записывает): «Выехала она за границу, принужденная к этому тяжело сложившимися семейными нашими обстоятельствами; теперь острота этих обстоятельств миновала».

Каганович: Ну, а дальше что собираетесь делать — снова разведетесь, а она в Париже останется?

Бабель: Ни в коем случае, я увезу ее и дочь в Москву.

Каганович: Вот это и напишите.

Бабель (записывает): «Мой долг — присутствовать при ее операции и затем увезти ее и ребенка (трехлетняя дочь, которую я еще не видел) в Москву».

Каганович: Вы пишете: «Я знаю, что крушение личной моей жизни, уничтожение меня, как работника — никому не нужны»... Я повторяю: ваша личная жизнь — это ваша личная жизнь, и разбираться с ней ЦК не намерен... Вы по договору работаете? С кем?

Бабель: С театром, вот подписал договор — через два месяца должен сдать пьесу... Театр — государственное учреждение, я у него в плане... С издательством договор — на роман о гражданской войне...

Каганович: Опять хотите Буденному на мозоль наступить?

Бабель: Да нет, о гражданской войне на Украине, о борьбе с петлюровщиной...

Каганович: Так и напишите.

Бабель (записывает): «Я не могу работать, не могу привести к окончанию начатые работы (в их числе — пьеса, которую надо сдать в театре не позже августа, роман о петлюровщине и др.)».

Каганович: Теперь перепишите и отдайте секретарю. А это письмо пойдет в архив.

Бабель: От всей души благодарю Вас, Лазарь Моисеевич.

Каганович: Желаю удачи. Мне бы она тоже не помешала...

Пьеса, упомянутая в письме, — это, несомненно, «Мария». А про «роман о петлюровщине» больше никто не слышал... Видимо, в кабинете Кагановича Бабель его и придумал... Но вначале, наверное, сказал что-то про роман о коллективизации — «Великая Криница». Только, в свете отклика Сталина о «Поднятой целине», Каганович решил, что это лишнее...

Итак, встреча состоялась, время шло, а дела так на лад и не пошли. Причина понятна — Сталин. И Бабель снова стал надоедать Горькому.

5 июля 1932 года он отправил великому пролетарскому писателю письмо. О существовании этого письма до недавнего времени никто не знал, и впервые цитату из него привел Рейнхард Крумм в своей биографии Бабеля:

«Меня уничтожили. Сокрушить человека в тех областях, в которых сокрушили меня — это можно только за преступление против государства, против Советской власти. Но я таких преступлений не совершал, напротив. Так нельзя говорить, но это уже случилось»⁷⁷.

Цитата эта, как можно понять, дана в обратном переводе с немецкого, но, тем не менее, достаточно близка к оригиналу — ср. в первом письме Кагановичу:

«Я знаю, что *крушение* личной моей жизни, *уничтожение* [личной] *меня*, как работника — никому не нужны и прошу вас поэтому о помощи и содействии».

---

⁷⁷ Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2008. С. 125; Крумм указывает и шифр документа (Архив Горького ИМЛИ РАН. Кг-п 7-17-6.

Горький ли помог, Каганович сумел переубедить Сталина — неизвестно. Но на Бабеля Каганович, несомненно, произвел сильное впечатление.

Об этом можно судить благодаря недавнему открытию Лазаря Флейшмана, установившего, что Бабель являлся одним из московских информаторов журнала «Социалистический Вестник»⁷⁸. Журнал этот выходил вначале в Берлине, а с 1933 года в Париже, но отличался от всех русскоязычных изданий, являясь единственным печатным органом Российской социал-демократической партии (меньшевиков).

Постоянным сотрудником, а затем и главным редактором «Социалистического Вестника» был Борис Николаевский, историк русского социалистического движения, после прихода Гитлера к власти сумевший вывезти из Берлина и переправить в Москву архив Маркса и Энгельса. А в журнале он вел раздел «Письма из Москвы» — тематические подборки сообщений, полученных им не столько из писем, сколько из бесед с наезжавшими в Париж гостями из СССР. Одним из них оказался Бабель. Ему, в частности, принадлежит почти восторженная справка о Кагановиче:

«Нельзя отрицать, К[аганович] — человек совершенно исключительных способностей. Он много читал, и в самых различных областях. И при этом он читал хорошо, с умением разбираться в прочитанном, так что, несмотря на всю хаотичность его чтения, в разговоре он не производит впечатления самоучки, нахватавшегося верхушек, — хотя принадлежность его к этой категории людей все же несомненна. Особенно поражает в нем быстрота, с которой он схватывает новые для него мысли. Говорить с ним — одно удовольствие: ты еще не успел договорить первую фразу, как он уже понял твою мысль, — и, подхватив ее на лету, *так отчетливо и выпукло ее формулирует, как ты сам ее сформулировать никогда не мог бы*»⁷⁹.

Так что Бабель добра не забывал.

---

⁷⁸ Флейшман Л. Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 269–297.

⁷⁹ Ив. Письма из Москвы // Социалистический Вестник. 1933. № 22. 25.11. С. 6; цит. по: Флейшман Л. Ук. соч. С. 290.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОЗА

До сих пор мы слышали о трех романах Исаака Бабеля:

роман о Чека (см. выше — гл. 25);

роман «Великая Криница» (до нас дошли две главы и обещание третьей; см. выше — гл. 23);

роман о петлюровщине (см. выше — «Песнь Лазаря»).

И тут, 2 марта 2018 года, Л.Ф. Кацис напал на след четвертого. Листая газету «Вечерний Киев» за 1929 год от 29 июня, он обнаружил анонимную заметку «Среди писателей», а в ней такую фразу:

«• **И. Бабель** закончил роман, который выйдет в ЗИФе»⁸⁰.

О своем открытии Л.Ф. Кацис немедленно меня проинформировал, а я погрузился в тяжкие раздумья... О романе 1929 года, тем более о романе «завершенном», никто до пор ничего не говорил и не подозревал! И при чем здесь Киев? Бабеля в то время (июнь 1929 г.) там не было — с 21 апреля находился в Ростове на-Дону, откуда 29 июня — в день публикации заметки — отправился в Харьков⁸¹!

Начнем разбираться, а для этого дочитаем заметку до конца:

«• **Бруно Ясенский** выпускает в “Московском Рабочем” роман из жизни французских горняков “Дандос”.

• **А. Дорогойченко** закончил новый роман из быта современной деревни; подготовил к печати книгу повестей-романов; работает над романом “Молодежь”, который выйдет в “Московском Рабочем”.

• **Дм. Стонов** подготовил к печати книгу очерков “По Карачаю”, которая выйдет в изд. “Молодая Гвардия”».

Про Дмитрия Стонова (Влодовского, 1892–1962) — чистая правда: его 73-страничная книжка «По Карачаю: Путевые заметки» действительно вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1930 году.

Андрей Дорогойченко был писателем намного более известным — его роман о современной деревне «Большая Каменка» привлек к нему всеобщее внимание, быть может, не всегда дружелюбное...

---

⁸⁰ Вечерний Киев. 1929. № 148. 29.06.

⁸¹ [Погорельская Е.И.] Хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля // Бабель И. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 623.

Вспомним роман «Золотой теленок», главу 7-ю 2-й части:

«Степные горизонты источали такие бодрые запахи, что, будь на месте Остапа какой-нибудь крестьянский писатель-среднячок из группы “Стальное вымя”, не удержался бы он – вышел бы из машины, сел бы в траву и тут же бы на месте начал бы писать на листах походного блокнота новую повесть, начинающуюся словами: “Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился”».

А теперь раскроем «Большую Каменку»:

«Спасы.

Подоспело время пахать, под-осень. Дни пахнут грибной сыростью. И долго по утрам не тает густеющий над Каменкой туман. Наволочно.

Выйдет Митрич на двор, стоит посередь двора с непокрытой головою, подставляя розовую плешину под первый осенний дождь. Вздыхает Митрич, хмурится, ворчит:

– Эх, хе... Время-то для пахоты – золото. Одманул город беспрременно. Дивуй бы – в долг, а то и задаток послали загодя. Не раз наказывали, чтобы не опоздали с машиной к пахоте. Эхе, хе. Нету внимания к мужицкому календарю.

Ворчит Митрич, голова от думы горячая. Только дождик мелкий освежает голову»⁸².

Похоже, что Ильф с Петровым имели в виду не просто «какого-нибудь писателя-средняка» из крестьян, но сочинителя совершенно конкретного...

А Митрича переселили в Воронью слободку, сохранив главные его отличительные черты: «социального преобразователя, осознающего себя строителем и руководителем жизни, обладающего бодрим, эмоционально-повышенным, радостно-трудовым восприятием действительности»⁸³ и образную народную речь («Лексика произведений Д. носит явные следы крестьянского происхождения (гребтить, несусветный, костеят, спростали)»⁸⁴).

---

⁸² Дорогойченко А. Большая Каменка. 2-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1928. С. 338–339.

⁸³ [Б.п.] Дорогойченко А.Я. // Литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1930.

⁸⁴ Там же.

«Новый роман из быта современной деревни» мог оказаться романом «Живая жизнь», напечатанным в 1930 году московским издательством «ЗиФ» («Земля и Фабрика»). А, может, под «Живой жизнью» надо понимать другой обещанный роман Дорогойченко — «Молодежь»? Ведь героиня «Живой жизни» — это студентка-коммунистка Нина, приехавшая в деревню на практику, и роман сей представляет собой ее записки...

Но одно можно сказать с уверенностью: что бы ни представлял собой роман «Молодежь», в издательстве «Московский рабочий» он не выходил!

Зато Бруно Ясенский был с «Московским рабочим» связан прочно — его роман «Я жгу Париж» в этом издательстве вышел четырьмя: в 1928-м, 1929-м и еще два издания в 1930 году!

А вот роман «Дандосы» ни в «Московском рабочем» и ни в каком другом издательстве так и не появился... В чем причина? Обратимся к биографии, точнее — автобиографии писателя. И там мы прочтем, что, эмигрировав из Польши во Францию, Ясенский испытал острую

«потребность принимать активное участие в разворачивающихся вокруг классовых боях посредством неотразимого оружия художественного слова заставила меня забросить стихи и сесть за прозу. Результатом трехмесячной работы и явилось мое первое прозаическое произведение — роман “Я жгу Париж”».

Активная работа в рядах французской компартии лучше теоретических размышлений научила меня применять литературное творчество к задачам повседневной партийной агитации и пропаганды. <...>

Весной 1928 года я был послан на работу в Северный угольный бассейн (департаменты Норд и Па-де-Кале). Время было горячее, после больших провалов и массовых выселков. Пробираясь с шахты на шахту, укрываясь по горняцким поселкам, собирал попутно материалы и заметки для большого романа “Бандосы” из жизни польских горняков во Франции.

Начатый роман пришлось отложить в сторону. После возвращения в Париж, — как раз в это время печатался в “Юманите” мой роман “Я жгу Париж”, — я был неожиданно арестован

и выслан из Франции, якобы потому, что мой роман открыто призывал к низвержению существующего строя»⁸⁵.

Итак, роман назывался не «Дандосы», а «Бандосы»... Но и этот роман нигде не выходил! Почему? В автобиографии Ясенский раскрыл секрет:

«Думаю закончить роман “Бандосы” начатый еще во Франции, но большой роман требует больше свободного времени. Может быть, получу когда-нибудь более продолжительный отпуск, тогда засяду и закончу обязательно»⁸⁶.

Это написано в 1931 году. А если к этому времени роман не был закончен, то уж точно его не было и в 1929-м!

Из четырех упомянутых в заметке писателей творческими планами делится лишь один — Дорогойченко: «закончил новый роман... подготовил к печати... работает над романом...». Но о каждом сказано, в каком издательстве его книга будет напечатана. А это значит, что информацию корреспондент «Вечернего Киева» получил от московских издательств — «Земля и Фабрика», «Московский Рабочий», «Молодая гвардия»...

Дорогойченко свой роман «Молодежь», если и опубликовал, то в другом издательстве. Ясенский «Бандосов» не написал... Роман Бабеля в свет не вышел. Но издательство могло сообщать только о тех книгах, которые были включены в план. А чтобы включить книгу в план, издательство должно было подписать с автором договор. Знаем ли мы что-нибудь о таком договоре с Бабелем?

Конечно! — 9 июня 1929 года из Ростова на-Дону Бабель отправил письмо редактору издательства «Земля и Фабрика» Головкину Н.А.:

«Дорогой т. Головкин.

Значит, мы оба живы. Это очень хорошо. Еще мы завинтим дела. Не могу Вам сказать, как я обрадовался, получив от Вас весточку. Видно, не скоро еще нас черти приберут. Договоры Вы, верно, поручаете составлять уполномоченным дьявола. Я написал Ионову, что я думаю об этом адском измышлении.

---

⁸⁵ Берзинь А. Бруно Ясенский // Ясенский Б. Избранные произведения в 2 тт. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 5.

⁸⁶ Там же. С. 6.

Подписал я его в надежде разжалобить Вас после представления материала. Получив это послание, забудьте о шапке, о предстоящем отпуске, о чистке соваппарата и, схватив в кулак деньги, мчитесь на телеграф. Как бы мне не издохнуть до получения денег. Очень уж Вы задержали отсылку договора. В надежде на гонорарий я приобрел себе выдающегося качества парусиновые штаны и вышитую малороссийскую рубашку. И такой это был необдуманый поступок, что обедаю я теперь только в гостях. Шлите деньги, а то некому будет писать.

Ваш И. Бабель»⁸⁷

Так что письмо известно, и повод понятен: договор подписан, платите аванс! И условия договора, как следует из письма, были самые кабальные... Не знали мы только, что именно Бабель издательству предложил...

И вот теперь туман рассеялся — это был роман!

Остается понять: о чем Бабель в означенном романе хотел рассказать? Об этом ни в письме, ни в газетной заметке не сказано ни слова. Но обратим внимание на дальнейшие поступки Бабеля. А он 29 июня 1929 года шлет из Ростова письмо родным:

«Сегодня уезжаю в Харьков (там надо мне поработать в архивах гражданской войны), потом в Киев, где есть у меня денежные расчеты с кинофабрикой. В Ростов рассчитываю вернуться числа 10–12 июля»⁸⁸.

Поиски документов о гражданской войне в архивах Харькова (в ту пору столицы Украины) могли быть связаны лишь с описанием событий гражданской войны на Украине. Романа об этом Бабель не написал. Но вспомним его жалобы во втором письме Кагановичу (см. выше, в статье «Песнь Лазаря»):

«Я не могу работать, не могу привести к окончанию начатые работы (в их числе — пьеса, которую надо сдать в театре не позже августа, роман о петлюровщине <...>)»

Мы-то полагали, что «роман о петлюровщине» Бабель придумал на ходу... А он, ведь, мог просто вспомнить о еще одном неисполненном своем обещании...

---

⁸⁷ *Бабель И.* Собр. соч. в 4 тт. М.: Время, 2006. Т. 4. С. 243; оригинал письма: РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 1.

⁸⁸ Приношу благодарность Е.И. Погорельской, сообщившей мне эту цитату из оригинала письма.

Приложение 1

НАБРОСКИ БЕЗ ЗАГЛАВИЯ¹

За автором недавно у нас поставленного «Короля» есть одна видная заслуга в той отрасли русской литературы, которая... которую... которую не знаю как назвать. Даже не знаю, вполне ли тут подходит слово «русская» литература: ведь еще вопрос, определяется ли национальность литературного произведения только его языком. С другой стороны еще больший вопрос, можно ли зачислить г. Юшкевича *ohne weiteres* в литературу того народа, из которого он происходит и о котором пишет. В виду несчетного множества языков, на которых пишут в разных странах еврейские авторы, вообще очень трудно установить границы понятия «еврейская литература», так чтобы сразу видно было, кто сюда относится и кто принадлежит к другому ведомству. Потому придется ту метисообразную отрасль, в которой развивает свое творчество г. Юшкевич, определить неуклюжей описательной формулой: г. Юшкевич относится к разряду писателей евреев, пишущих на русском языке художественные произведения, посвященные изображению еврейского быта — И в ряду этих писателей г. Юшкевич имеет за собою крупную заслугу.

Не знаю, причина ли тому его большой талант, и не буду разбирать вопроса, действительно ли он ни насколько талантливее других своих коллег по разряду, старых и новых, меньше известных русской публике или ей совсем неизвестных — Наумова, О. Рабиновича, Бен-Ами, Ан-ского, Айзмана и еще других. Замечу только, что одно несомненно: г. Юшкевич *сильнее* своих предшественников и ныне здравствующих соратников.

---

¹ Владимир Ж. [Зеев Жаботинский] Наброски без заглавия // Русь. 1908. № 27. 28.01. [10.02]. С. 2.

Сила его — особенного свойства; придирчивый судья не без оговорок даровал бы ей свое признание. Это не сила большого молотобойца, который может, когда захочет, сконцентрировать ее в одном моменте, оглушить вас одним ударом и в блеске одной полумгновенной молнии вдруг показать вам всю пропасть земного ужаса. Г. Юшкевич действует иначе. Он кропотлив и терпелив: он собирает ужас по горошинке, складывает горошины в тучу, и опять накладывает, и еще подсыпает, настойчиво, неумолимо, неотвязчиво, пока над душой читателя его книги или зрителя его пьесы не повиснет бесформенное стопудовое бремя под которым сгибаешься и которого не можешь стряхнуть. Если хотите, вся художественная манера г. Юшкевича дана в известной сцене из повести «Евреи», где старый Шлойме рассказывает Нахману статистику ихнего дома. Номер пятый. Две дочери. Продаются. Номер седьмой. Три дочери. Продаются. Номер восьмой. Одна дочь. В больнице... Номер плюс номер, дочка плюс дочка — в сумме получается нечто действительно подавляющее, и это нечто мы называем силой, хотя имели бы одинаковое право назвать это тяжестью. Но каков бы ни был органический состав впечатления, которое оставляет Юшкевич, это впечатление во всяком случае очень велико, и потому его заслуга, о которой я сейчас скажу, приобретает особенную ценность.

Среди беллетристов евреев, пишущих и писавших на русском языке о евреях, г. Юшкевич является новатором. До него беллетристика о евреях носила какой-то этнографический характер. На первый план выдвигались бытовые особенности еврейской среды, цитировать <sic! — “цитировались” — Б.-С.> или приводились по-русски особенно типические жаргонные словечки, подчеркивались своеобразные традиции и обычаи. Иногда это отдавало неприятным и унижительным привкусом апологии: автор хотел «между строк» «рассеять предубеждения», показать, что, мол, эти бедные еврейчики «тоже люди», и так далее. Но даже остальные произведения, свободные от этого слащавого запаха, были выдержаны в тоне повествований Отелло о безголовых людях и других заморских чудесах. Минутами это напоминало доклад в географическом обществе: посмотрите, люди хорошие, какие курьезные люди там живут и какие у них любопытные наряды.

Г. Юшкевич с первых шагов своих показал, что ему чужда эта манера. Он совершенно не интересуется бытовыми черточками и в особенности мало заботится о том, чтобы ознакомиться с этими черточками почтеннейшую публику. Он берет еврейскую среду как фон; только предметом его писательского наблюдения служит не этот фон, а отражающиеся на нем обще-человеческие процессы. Он не выбирает характерных словечек, а просто передает по-русски жаргонную речь — несколько, но по-моему не черезчур <sic!> утрируя. Он трактует еврейскую среду не как этнографический раритет, а как равноценный status, и требует у читателя внимания не к курьезам быта, а к содержанию жизни. И если часто делались попытки объять г. Юшкевича подражателем г. Горького или как-нибудь иначе найти общие точки между этими двумя писателями, то я сказал бы, что их основное сходство именно в их отношении к быту. В русской литературе о меньшем брате тоже держалась крепкая бытописательская манера, которой отдали дань лучшие представители беллетристического народничества; но на г. Горьком совершенно не отразилось их влияние. Он взял босяцкий мир просто как удобную сцену, чтобы на ней поставить одну картину из «Человеческой комедии». Г. Юшкевич — первый в своей отрасли — сделал то же с еврейской средой. Это — несомненная заслуга. Перейти от изображения внешности к изучению нутра, сделать из объекта читательского любопытства (или — что то же — любознательности) объект серьезного интереса — это бесспорно значит поднять свою отрасль одною важной ступенью выше.

Но параллель с Горьким ведет еще дальше, и надо ее довести до конца. Горький не был только бытописателем босяков: он вообще рассказывает о босяках неправду, и теперь ни один толковый человек на этот счет не заблуждается. Миссией Горького было нарисовать перед обществом увлекательную картину того, что обществу главным образом недоставало для данного исторического момента: картину волевого активного начала в жизни, картину импульса в противовес рефлексии. Нарисовать эту картину мог только рассказчик необылиц, только сказочник, ибо нигде в царстве действительности таких людей импульса не было, и в босяцком мире меньше всего. И Горький выбрал босяцкую среду просто в качестве

традиционного сказочного царства «за тридевять земель», о котором можно рассказывать небылицы, потому что публика его не знает. Горький так и сделал, и так было нужно, и как бы мы ни вольничали теперь, критикуя в пух и прах его новые писания, социальная роль его «небылиц» принадлежит истории и будет ею оценена в высокую меру. Но у Юшкевича, насколько могу судить, аналогичной миссии нет и история обоих коллективов, к которым его можно причислить — российского и еврейского — не возложила на его плечи, кажется, никаких особенных задач. И поэтому с особенною тревогой «ставится вопрос»: а идет ли сходство с Горьким так далеко, что и г. Юшкевич рассказывает небылицы? Не могло ли бы оказаться при тщательной проверке, что г. Юшкевич не только еврейского быта не отражает, но не отражает по-настоящему и внутреннего содержания той жизни, о которой пишет?

Прошу не понять меня ошибочно. Я не принадлежу к тем рыцарям поджатого хвоста, которые ворчат, что Юшкевич — особенно своими пьесами — «бламирует»² еврейство. Я, напротив, полагаю, что ни «В городе», ни «Король» не исчерпывают и половины того, что творится внутри современного еврейства, а раз оно творится внутри, то надо и писать об этом во всеуслышание. Есть у евреев и проституция, и эксплуатация <sic!>, и вообще все пороки людские, кроме пьянства, да и последнее начинает завоевывать почву. Только при поджатом хвосте можно ограничивать искусство для надобностей апологии или борьбы с антисемитизмом. Но я задаю свой вопрос единственно с точки зрения интересов самого искусства. Г. Юшкевич сам на себя смотрит не как на сказочника, а как на реалиста, и с этой меркой в руках мы должны его художественно судить. А реалистическое искусство должно быть правдиво — и поэтому оно должно быть типичным по отношению к изображаемой среде. Можно пренебречь деталями быта ради крупных социальных и[н]тересов, но ведь не для всякой среды характерен один и тот же социальный процесс. Можно рассказывать о мужиках[,] совершенно не задевая бытовой стороны, но нельзя живописать развитие *Zweikindersystem* в русской деревне, потому что для русской деревни эта «система» абсолютно не типична. Ведь и помимо бытовых мелочей,

² *бламировать* — позорить; от *blamieren* (нем.)

всякая среда обладает известным своеобразием более крупного колыбра <sic!>, своеобразием в основных чертах и главных переживаниях. Взять среду, которую до сих пор на русском языке изображали только с этнографической стороны, и вскрыть в ней общечеловеческие моменты — это очень хорошо; но вопрос в том, насколько они автором вскрыты, а не притянуты — существуют ли они уже в осязаемой жизни, или только мелькают у самого автора в глазах, от большого усердия. Не случилось ли это и с г. Юшкевичем?

Тут нужна тщательная проверка; я не критик и не беру на себя этой задачи, но как раз о «Короле» могу высказать с полной уверенностью: тут г. Юшкевич не реалист. Тут он не вгляделся в свою среду и не из нее выхватил то, что поразило его художественную восприимчивость: тут он заранее составил себе шаблон из ходячих понятий классовой борьбы, эксплоатации[,] ницшеанизированного любостяжания, и попытался вылепить нечто подобное из своей еврейской обычной глины. И это большая художественная ошибка, и еще большая социальная несправедливость. Именно еврейская среда имела право на то, чтобы писатель-социалист не навязывал ей своих шаблонов классовой розни, а скопировал бы то, что она сама в этой области выработала. В еврействе уже около 15 лет развивается интенсивно рабочее движение, достигшее солидного развития вширь и вглубь.

Хроника еврейской жизни представляет куда более густой перечень экономических стачек и актов экономического террора, чем соответствующие страницы русской летописи. В середине 1905 года один литератор, побывший на Литве, прочел в Териоках реферат о своих наблюдениях и объявил, что там диктатура пролетариата есть почти совершившийся факт — и этот литератор был, с внешней стороны, очень тогда недалек от истины. Поэтому для беллетриста интересующегося классовыми трениями, эта среда представляет неисчерпаемое море: закидывай сеть, тащи и описывай. И так поступил бы всякий художник, обладающий даром непосредственного восприятия из жизни, даром брать свои картины из действительности, а не из собственного только воображения и собственной начитанности. Но у него при этом получалась бы совершенно другая картина, чем та, что родилась у г. Юшкевича.

Эксплуататоры и эксплуатируемые существуют и в еврействе, вражда между ними очень велика и борьба ведется — по крайней мере до недавна <sic!> велась, — с большим обоюдным ожесточением.

Но размеры борьбу <sic!>, обстановка борьбы совершенно не та, что у г. Юшкевича. Я бы скорее допустил, что Король его типичен сам по себе, как вариация старого типа жида-стяжателя (конечно, г. Юшкевич этого не имел в виду): но в своей классовой позиции, как хозяин эксплуататор, Король совершенно не характерен для еврейского социального плаца. Этот плац есть сплошное царство мелкого хозяйства, крохотных лавочек, крохотных мастерских, крохотных фабричек с крохотным количеством рабочих, почти всегда юношей в самом зеленом возрасте. Хозяин такой лавочки или фабрички всегда под рост своему делу: это приблизительно такой же бедняк, как его рабочий, только с тою разницей, что хозяин старше и благословен от Бога семьею. Это не мешает ему быть эксплуататором и выжимать соки из запроданного ему труда: напротив, именно бедность и удваивает его усердие в этом направлении, и недаром крупное производство не знает ничего подобного тем формам экономического угнетения, которые свирепствуют в мелком ремесле. Но это все-таки не Гроссман. Это не Король, в тот же раб, тот же поденщик, осужденный силою вещей или голодать, или драть шкуру со своего ближнего, со своего же брата бедняка. Еврейская классовая борьба не есть борьба между могущественным Королем и стиснутыми в его руке вассалами: это драка между двумя каторжниками, прикованными к одной и той же тачке, борьба на ничтожном пространстве, где нельзя развернуться, где при наивысшем напряжении сил, при самой полной победе рабочий не может вырвать у своего душителя ничего, кроме ломанного <sic!> гроша, потому что ломанный <sic!> грош цена настоящему еврейскому Гроссману со всей его амуницией...

Такова и только такова картина социального конфликта среди еврейства. Об этом неопровержимо говорит не только статистика — это бьет в глаза, это знают на ощупь все, кому приходилось интересоваться и наблюдать. И в этих-то крохотных мастерских и выросло еврейское рабочее движение, и сюда надо было пойти, чтобы уловить отражение обще-чело-

веческого социального процесса в еврейском зеркале, а не в единичные, для еврейского хозяйства совершенно исключительные оазисы крупного капитала. Тогда получилась бы не только большая правда, но, быть может, и более глубокая драма; ибо на месте Гроссмана, мечтающего о могуществе, был бы Гроссман, мечтающий об ужине, о топливе, о квартирной плате, и не своею злою волей, а роком, которого имя — национальная нищета, вынужденная душить и угнетать. И вместо брошюрно-шаблонной психологии эксплуатации <sic!> с одной стороны и эмансипации с другой, автору удалось бы тогда проследить до первоисточника нечто гораздо более трагическое, гораздо более ужасное — проследить зарождение того социального разврата, который мы называем анархией, и которого бациллы ютятся именно в глубокой бесплодности этой безнадежной борьбы между нищим трудом и нищенским капиталом, в этой кукольной трагикомедии, напоминающей бурю в стакане — стакане горечи и слез...

Владимир Ж.

Приложение 2
ПИСЬМО С. МЕЛЬНИКОВА
И.Э. БАБЕЛЮ¹

Берлин 4-го июля 1924 г.

Уважаемый тов. БАБЕЛЬ,

Нижеподписавшемуся друзья указали в журнале «Красная Новь» (книга 3-ья апрель-мая <sic!> 1924 г. из книги Конармии <sic!>) две статьи, ТИМОШЕНКО и МЕЛЬНИКОВ на то место, где указано, что командир I-го Эскадрона МЕЛЬНИКОВ после неудачной попытки получить обратно от Начдива в резерве ТИМОШЕНКО белого коня, страдая по нем и до того дошел, что подал заявление военкому Эскадрона о выходе из Р.К.П.(б)

Прежде чем указать Вам на неправдивость указанного Вами заявления скажу пару слов о том, что мне никогда в голову не приходило, что после затишья на красных фронтах кто-нибудь скажет несколько слов про жизнь скромного бойца командира и мне на первых порах как-то неловко было. Но слушая похвальные отзывы читателей «КРАСНОЙ НОВИ», где они особенно выделяли и подчеркивали Вас тов. БАБЕЛЬ с двумя статьями из книги Конармии ТИМОШЕНКО и МЕЛЬНИКОВ, я успокоился и даже к стыду моему подумал: а вот про город РОВНО, по взятии которого мне пришлось быть комендантом и были чрезвычайно интересные дни так как город был взят рано утром и жители не все пробудились, и пошли маленькие грабежи, Вы ничего не написали. Мне тов. БУДЕННЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ был отдан строгий приказ прекратить грабежи

---

¹ РГАЛИ. Ф. 602 [Ред. ж. «Красная нива»]. Оп. 1. Ед. хр. 1718. ЛЛ. 1–2. Машинопись.

и т.д. что и было сделано. Жаль только, что у меня нет воззваний и приказов, которые я писал к населению города РОВНО, но я помню главные места на память.

Можно бы рассказать в кратких словах про жизнь I-го Эскадрона, который имеет много хорошего боевого прошлого с его знаменитым Кубанским взводом песенников. Ах, как это все было прекрасно.

А теперь, уважаемый тов. БАБЕЛЬ, прошу Вас исправить вкрадшуюся ошибку в Вашей книге, ибо указание, что я подал военному заявление о выходе из Р.К.П.(б) не соответствует истине, подобного заявления я военному не подавал, были только горячие споры о том, что Начдив, коммунист, отнимая у своего подчиненного Командира, коня, злоупотребляет властью и делает преступление, что и было указано в рапорте, поданным <sic!> мною в Штаб Армии, на каковом и была действительно положена резолюция “возвратить белого коня Командиру I-го Эскадрона МЕЛЬНИКОВУ”.

Тов. Бабель, если Вы еще не закончили писать книгу о Конармии и Вам нужны материалы, то напишите мне или, вернее в письме поставьте ряд вопросов, которые Вас интересуют и я с большим удовольствием на них, по возможности, отвечу. Простите тов. БАБЕЛЬ, что вместо просьбы об исправлении ошибки — написал быть может и неуместное <sic!>, большое письмо. Во всяком случае нужен Вам материал или не нужен, прошу ответить мне по указанному ниже адресу, буду Вам очень благодарен.

Эх, тов. Бабель, славная, красивая и полная героизма была жизнь и работа, хотя и полна опасности в нашей непобедимой, прославленной Конармии, а белого жеребца не забуду пока жив.

С товарищеским приветом: С. Мельников.

Домашний адрес:²

---

² Дальнейший текст отсутствует.

Приложение 3
ПЕРВАЯ КОННАЯ¹
Из воспоминаний бойца
С. Мельников

На контрреволюцию марш, марш!

В конце августа 1920 г. мой эскадрон занимал у Берестечка, на реке Стырь важный стратегический пункт — единственную в этом году переправу. Передовые части в кавдивизии Первой конной армии находились за рекою и вели бой с поляками.

От раз'езда были получены сведения, что колонна численностью около двух эскадронов с пулеметами и орудием движется по направлению к местечку.

Я распорядился выслать новый раз'езд и выяснить точно, что за части к нам приближаются.

Раз'езд убедился, что колонна действительно польская. Я решил допустить поляков до самой переправы и внезапно пойти в атаку.

Бойцы поджидали врага с нетерпением. Удерживая их от несвоевременного выступления, приходилось иной раз буквально грозить браунингом. Лошади тоже чувствовали приближение боя, горячились, не стояли на месте.

Но вот дозоры противника, выйдя из-за бугра, обнаружили хвост моего эскадрона. А тут еще старшина эскадрона не удержался и крикнул:

– Поляки!

Польские дозоры кинулись назад к своей колонне. Больше ждать нельзя было ни минуты.

---

¹ «Красная нива» 1930. № 6 (25.02). С.6-7.

– В атаку на контрреволюцию, марш-марш! За мною! Ура-а-а!

– Ура! Ура! Даешь пана! — раздалось по долине, и эскадрон карьером ринулся в атаку, сверкая на солнце клинками и остриями пик.

Поляки бросились врассыпную, главным образом к переправе. Наши бойцы преследовали их. Польские кавалеристы падали с лошадей. Некоторые становились на колени, крича:

– Пен большевик, не рубь! Матка боска, ратуй нас, мы естесьмы невинны!

Командир польской части, которого мы хотели взять живьем, начал отстреливаться и был снят с седла клинком «черкеса» (бойца из Рязанской губернии, носившего черкеску).

Мы взяли орудие, четыре пулемета и восемь пленных; несколько поляков было зарублено; многие утонули, спасаясь вплавь.

Ворошилов и Буденный

В районе Дубно, на Волыни, части Первой конной армии сильно выдвинулись вперед. Несмотря на превосходство кавалерии и пехоты противника, бойцы быстро развивали наступление.

Под бугром, несколько сзади и в стороне от линии боя стояла наша батарея, щедро поливая снарядами отступающего врага.

В штабе находились Ворошилов, Буденный, инспектор артиллерист Кулик, знаменитый своею черной окладистой бородою, начальник штаба и другие лица из комсостава.

Ворошилов тронул коня и, быстро отделившись от группы штабных, один, даже без ординарца, направился к месту боя.

– Клим, не езд! — крикнул ему вслед Буденный. — Попадешь под обстрел, плохо будет...

Но Ворошилов был уже далеко.

Вернулся он несоро и прямо подскакал к тов. Кулику.

– Что же ты, борода, по своим бьешь?! — сказал он инспектору артиллерии, осаживая подле него разгоряченного, покрытого мыльной пеной коня.

– Что, отец, — обратился к инспектору Буденный, — говорил я тебе: бей подальше!

Но благоразумный и заботливый в отношении других Буденный сам был так же горяч и смел, как и Ворошилов, как и славные бойцы Первой конной.

Буденный появился неожиданно на том участке фронта, где положение было особенно трудным, где нам со стороны неприятеля грозил прорыв, обход, особо серьезная атака.

– Это вы что же?! Отступить?! Замялись?! — кричал он своим высоким голосом, привставая на стременах.

Затем, повернув коня, во главе бойцов кидался вперед и всех увлекал за собою.

Под Бродами был момент, когда Буденный со штабом, увлеченный атакою, налетел на большие неприятельские силы. Ему грозило окружение, но он со свойственной ему боевой находчивостью и смелостью вырвался из вражеского кольца.

В перерыве между боями

Когда полки возвращались на бивуак после боя, их можно было различить по песням.

Кубанцы пели протяжно, стройно, мелодично. Пение их, однако, порою смахивало на церковный хор. Донцы пели лихо, с гиканьем и присвистом. Но особенно выразительны пели ставропольцы. Они вообще держались особняком, по-семейному. (Часто в полку или эскадроне воевала вся семья, все мужчины: отец, сыновья, племянники).

Под эти песни не один командир и комиссар после напряженного трудового дня, вспомнив понесенные потери, иногда убитого друга, невольно опускал голову и грустно поникал в седле.

Но не время было грустить и предаваться меланхолическим чувствам.

– Интернационал! — раздавалась команда, и бойцы затягивали слова пролетарского гимна.

Под его мощные, призывные звуки отряд бодро и весело везжал на бивуак.

На бивуаке нужно было подумать о еде, о мытье, почитать газету, поговорить с местными жителями, поухаживать за своим боевым товарищем и другом — конем.

У меня был конь лучший в дивизии. Начальник дивизии давно на него зарился и не раз предлагал мне обмен.

– Не согласен! — коротко, но твердо отвечал я ему.

Тогда он под предлогом, что его кони измучены большим переходом, начдив взял моего коня на несколько часов — и не вернул, а прислал двух своих коней.

Все мои усилия получить коня обратно были напрасны, и я не могу описать до какой степени я страдал.

Я не мог забыть этой потери. Но рассказ Бабеля (в его «Конармии») о том, будто я под влиянием этого случая подал заявление о выходе из партии, — неверен.

Созданная Лениным ВКП(б) была, есть и будет подлинным организатором, вождем и вдохновителем героизма масс.

Федот да не тот

Все бойцы понимали значение происходящей борьбы, все с интересом следили за политическими новостями, за тем, что делается на других фронтах гражданской войны и за рубежом.

Иной раз, когда номера «Красного кавалериста» раздавались при выступлении с бивуака, бойцы читали свою газету, сидя на конях. Если случалось в такой момент обернуться в седле, весь эскадрон представлялся как бы прикрытым бумажными щитами.

Прочитанное тот же горячо обсуждалось. Получался своеобразный митинг на конях.

Иной боец, взглянув на соседа, замечал, что тот держит газету вверх ногами.

– Переверни! — замечал он с легкой усмешкою.

И уличенный в неумении обращаться с печатным словом боец, стыдясь своей неграмотности, торопливо прятал газету в кобуру.

– На бивуаке сестра прочитает, — сконфуженно пояснял он.

Надежды бойца на помощь сестры никогда не бывали напрасны. В каждом эскадроне было по одной-две сестры милосердия. То в шароварах, то просто в короткой юбке, в куртке, часто добытой из польского обоза, с повязкой Красного креста на рукаве, сидя в седле по-мужски, сестры оказывали бойцам первую помощь и на бивуаке и в самый разгар боя.

С наганом у пояса и сумкою за плечами, где хранились бинты и йод, шли они в атаку вместе с эскадроном.

За это бойцы платили своим сестрам самой чистой любовью. На бивуаке сестре подносился первый котелок супу, первый ком сена доставался ее коню.

Случалось, что при встрече двух эскадронов кто-нибудь из бойцов задевал чужую сестру.

– Сестрица-то у вас какая! — говорил он, втягивая щеки, чтобы изобразить худобу сестры, или подпирая нос пальцем, чтобы посмеяться над ее курносостью.

Бойцы вступались за свою сестру, и раздавалась многоэтажная брань, не очень подходящая для женского слуха.

Да, это случалось, как случалось и многое другое, что характеризует солдата в походе. Но все же красноармеец — солдат особого рода: Федот, да не тот. Ибо главное не в брани и не в других подобного рода вещах. Главное в том, что Красная армия сознает себя частью великого целого, ведущего борьбу за освобождение трудящихся от ига эксплуататоров.

Примечание <Б.-С.>

Заключительная часть «воспоминаний С. Мельникова» (от слов «Надежды бойца на помощь сестры...» и до конца) представляет собой зеркальную (то есть диаметрально противоположную по изложению фактов) версию статьи И. Бабеля «Ее день», опубликованной за подписью «К. Лютов» в газете «Красный кавалерист» от 18 сентября 1920 г.

Ее день

Я заболел горлом. Пошел к сестре первого штабного эскадрона Н-дивизии². Дымная изба, полная чаду и вони. Бойцы развалились на лавках, курят, почесываются и сквернословят. В уголку приютилась сестра. Одного за другим, без шума и лишней суеты она перевязывает раненых. Несколько озорников мешают ей всячески. Все изошряются в самой неестественной, кошунственной брани. В это время — тревога. Приказ по коням. Эскадрон выстроился. Выступаем.

Сестра сама взнуздада своего коня, завязала мешочек с овсом, собрала свою сумочку и поехала. Ее жалкое холодное платьице треплется по ветру, сквозь дыры худых башмаков

---

² Несомненная опечатка, следует читать: «Н-ской дивизии».

виднеются иззябшие красные пальцы. Идет дождь. Изнемогающие лошади едва вытаскивают копыта из этой страшной, засасывающей, липкой воынской грязи. Сырость пронизывает до костей. У сестры — ни плаща, ни шинели. Рядом загремела похабная песня. Сестра тихонько замурыкала свою песню — о смерти за революцию, о лучшей нашей будущей доле. Несколько человек потянулось за ней, и полилась в дождливые осенние сумерки наша песня, наш неумолкающий призыв к воле.

А вечером — атака. С мягким зловещим шумом лопаются снаряды, пулеметы строчат все быстрее, с лихорадочной тревогой.

Под самым ужасным обстрелом сестра с презрительным хладнокровием перевязывала раненых, тащила их на своих плечах из боя.

Атака кончилась. Опять томительный переход. Ночь, дождь. Бойцы сумрачно молчат, и только слышен горячий шепот сестры, утешающей раненых. Через час — обычная картина — грязная, темная изба, в которой разместился взвод, и в углу при жалком огарке сестра все перевязывает, перевязывает, перевязывает...

Брань густо висит в воздухе. Сестра, не выдержав, огрызнется, тогда над ней долго хохочут. Никто не поможет, никто не подстелит соломы на ночь, не приладит подушки.

Вот они, наши героические сестры! Шапку долой перед сестрами! Бойцы и командиры, уважайте сестер. Надо, наконец, сделать различие между обозными феями, позорящими нашу армию, и мученицами-сестрами, украшающими ее.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.Э. БАБЕЛЯ

А

Автобиография (1915) – 295.

Автобиография (1924) – 16, 21,
297–301.

Автобиография (1926) – 12, 21,
295–301.

Автобиография (1928) – 301–302.

Автобиография (1931) – 21,
27–28, 302–304.

Адриан Моринец – 213.

Аргмак – 194–197, 205.

Афонька Бида – 155.

Б

Беня Крик (киноповесть) – 47,
49, 301, 304, 306.

Берестечко – 116.

[Бетал Калмыков] – 279.

Блуждающие звезды
(киносценарий) – 301, 304,
306.

В

В подвале – 9.

В шелочку – 24–25.

Вдова – 109–110.

Великая Криница – 213–214,
216, 225, 344.

Вечер – 123.

Вечер у императрицы – 233, 235.

[Выступление на заседании
секретариата ФОСП] (1930) –
13, 27.

Г

Гапа Гужва – 213–215, 217–223.

Гедали – 178, 180, 191–193.

Гришук – 80, 126–127, 166.

Гюи де Мопассан – 16, 18–20, 35.

Д

Ди Грассо – 11.

Дневник – 94 – 96, 108 – 109,
111, 116, 125, 128, 130–131,
137, 142, 149, 159–160,
178–180, 184, 186, 204–205,
209, 211.

Дорога – 161–162, 233–234,
240–243, 265–266.

Е

Ее день – 362–363.

Ж

Жизнеописание Павличенки
Матвея Родионича – 112–
121, 157–158, 174.

З

Закат (пьеса) – 49, 62, 65–67, 121,
225–226, 249, 302, 304, 306.

Закат (рассказ) – 49, 58.
Замостье – 32–33, 157–166.

И

Измена – 139–146, 155.
Иисусов грех – 28.
История одной лошади – 90–91,
94, 100–101, 356–357.
Их было девять – 131.
Их было десять – 129–130.

К

Как закалялась сталь
(киносценарий) – 321.
Как это делалось в Одессе –
49–50, 64.
Карл-Янкель – 269–274.
Китайская мельница
(киносценарий) – 218–219.
Кладбище в Козине – 73–80,
126–128, 157–158, 166, 175.
Колывушка – 213–217.
Комбриг-2 – 85 – 89, 110, 116.
Конец богадельни – 49, 60,
81–82.
Конец святого Ипатия – 236–239.
Конкин – 108–109.
Король – 57, 62–64, 297, 299,
306, 309.
Костел в Новограде – 167.
Котовский (пьеса) – 225.

Л

Листки об Одессе. [I] – 14.
Любка Козак – 50–51, 55–58.

М

Мама, Римма и Алла – 21–22,
24.
Мама, Римма и Алла (пьеса) –
225.
Мария (пьеса) – 225–247.
Мой первый гонорар – 19, 121.

Н

Начало – 29.
Начальник конзапаса – 106–107,
168–169.

О

О грузине, керенке и
генеральской дочке – 232,
237–253.
Отец – 49–50, 59, 65.

П

Пан Аполек – 170–171.
Переход через Збруч – 68, 70,
104, 167, 200, 208.
Песня – 200.
[Петлюровщина] – 231, 337,
341–342, 344, 347–348.
Письмо – 116, 123–124, 206–207,
297, 299, 306, 309–310.
Письмо в редакцию [журнала
«Октябрь»] – 92.
Планы и наброски – 95–96, 116,
149–151, 153.
Побольше таких Труновых! –
81–82.
После боя – 83–85, 205.
Поцелуй – 198–201.
Прищепа – 127–128, 147–156.
Пробуждение – 8.
Продолжение истории одной
лошади – 356.
Путь в Броды – 127.

Р

Рабби – 173, 178, 180–188, 190.

С

Смерть Долгушова – 297, 299,
306, 309.
Солнце Италии – 172.
Соль – 6, 140, 297, 299, 306,
309–310.

Старательная женщина – 202,
207–211.

Старый Шлойме – 12, 39–40,
43–45.

Сулак – 262–268.

Сын рабби – 178, 180, 185–187,
193–194.

Т

Ты проморгал, капитан! –
52–55, 60.

У

У батьки нашего Махно – 202,
204–211.

У святого Валента – 206 –207.

Учение о тачанке – 80, 126–127,
166, 202–203.

Ф

Фроим Грач – 49, 60, 87.

Х

Ходя – 242.

Ч

[Чека] – 255–262, 264–266, 344.

Чесники – 116, 207–208.

Э

Эля Исаакович и Маргарита
Прокофьевна – 21–24.

Эскадронный Трунов – 81, 105,
131–132, 134–137, 151, 185.

Д

Doudou – 31–38.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авраам – 245.
Айзман Д.Я. – 349.
Александр II – 124.
Александров Г.В. – 111.
Алексей (сын Петра I) – 240, 245.
Альрой, Давид – 59.
Амтер И. (Israel Amter) – 70.
Ан-ский С. (настоящее имя
Соломон Акимович
Раппопорт) – 349.
Андреев Л.Н. – 22–24, 45, 49.
Андреева М.Ф. – 97–102.
Андрей, апостол – 188.
Анов Н.И. (наст. фамилия –
Иванов) – 333–336.
Апанасенко И.Р. – 89, 116–117,
125, 194, 210, 212, 239.
Аполлон – 56.
Аристотель – 56.
Асеев Н.Н. – 338.

Б

Баал-Шем-Тов, Израэль – 181.
Баалис – 192.
Багрицкий Э.Г. – 84.
Бакунин М.А. – 191.
Балагин А.С. (наст. фамилия –
Гершанович) – 329–330.
Балмашев С.В. – 142, 145.
Барбюс, Анри (Henri Barbusse) –
281.
Бахтуров П.В. – 88, 95–96.

Бачелис И.И. – 254–256.
Бегак Е.А. – 328.
Бедный Демьян (наст. имя –
Придворов Е.А.) – 316.
Безыменский А.И. – 338.
Белинский В.Г. – 320.
Бельский Л.Н. (Левин, Абрам
Михайлович) – 286–287.
Бен-Ами, Мордехай (настоящая
фамилия – Рабинович) –
349.
Берия Л.П. – 214, 277, 287, 321.
Бёрнетт, Фрэнсис Ходжсон
(Frances Eliza Hodgson
Burnett) – 137.
Биневич А.И. – 279.
Блиско(а)вицкий Н.М. –
290–292.
Блок А.А. – 193, 243, 248–249.
Блюм, Леон (André Léon Blum) –
282, 285.
Бобович В.В. – 328–330.
Богаевский А.П. – 157.
Болотнер М.М. – 338.
Боннар, Пьер (Pierre Bonnard) –
314.
Бредов Н.Э. – 205.
Буденная Н.С. – 211.
Буденный С.М. – 100–101,
108, 111, 203, 317–318, 341,
359–360.
Бунин И.А. – 78–79.
Бухарин Н.И. – 278.

В

- Вадон А.А. – 16–17, 296, 298, 302–303.
 Вайскопф М.Я. – 7, 62, 81, 270.
 Вайян-Кутюрье, Поль (Paul Vaillant-Couturier) – 283.
 Васильев П.Н. – 335, 338.
 Вильгельм II – 36.
 Винницкий, Мойше-Яков
 Вольфович (кличка Мишка Япончик) – 46–48, 87.
 Витте С.Ю. – 295.
 Вишневский В.В. – 232.
 Волькенсон Г.М. – 323–324.
 Ворошилов К.Е. – 111, 359–360.
 Воронский А.К. – 101, 261.
 Вышинский А.Я. – 333.

Г

- Гайдар А.П. – 101.
 Галеви, Иегуда – 241.
 Галифакс (Чарльз Вуд,
 1-й виконт Галифакс) – 58.
 Ганновер, Натан бен Моисей – 161.
 Гдалия бен-Йосеф ибн Яхья – 241.
 Гедаля бен Ахикам – 192–193.
 Гермес Трисмегистос – 167.
 Герцен А.И. – 191.
 Герье В.И. – 38.
 Гитлер, Адольф (Adolf Hitler) – 284, 343.
 Гоголь Н.В. – 152, 318.
 Головкин Н.А. – 347.
 Голодный М.С. – 338.
 Горький А.М. – 12–15, 21, 24, 26–29, 68, 97, 102, 228–230, 235, 296, 298, 303–304, 306, 308–313, 317–318, 321, 339–340, 342, 351–352.
 Грановский А.М. (наст. имя – Азарх А.М.) – 316, 319.
 Гржебин З.И. – 229.

- Гринева М.И. (Кузнецова, по мужу Балагина) – 330–331.
 Гришин – 88–89.
 Гришин-Алмазов А.Н. – 85–88.
 Гронфайн Б.Д. (теща Бабея) – 337.
 Гронфайн Е.Б. (жена Бабея) – 337, 340–341.
 Гроссман В.С. – 259.
 Гулый-Гуленко А.А. – 264.
 Гумилев Н.Н. – 84–85.

Д

- Даладье, Эдуард (Édouard Daladier) – 282, 285, 287.
 Даль В.И. – 63.
 Дан А. – 26.
 Данте Алигьери – 220.
 Дворжецкий Г.Л. (псевдоним Кирдецов) – 34.
 Деникин А.И. – 205.
 Денисова-Шаденко М.А. – 232.
 Дизраэли, Бенджамин (граф Бйконсфилд) – 59.
 Дикий А.Д. – 316, 319.
 Дмитриев Л.Д. – 278.
 Дмитрий, царевич – 124.
 Добренко Е.А. – 140, 157–158.
 Докучаев В.В. – 332.
 Долгополов М.Н. – 255.
 Дорио Ж. (Jacques Doriot) – 70.
 Дорогойченко А.Я. – 344–347.
 Дьяков – 108.
 д’Эспере, Франше – 88.
 Дюкло, Жак (Jacques Duclos) – 281.

Е

- Ежов Н.И. – 276–277, 279, 287.
 Ежова (Хаятина) Е.С. – 277.

Ж

- Жаботинский З.(В.)Е. – 9–11, 15, 43, 349–355.

Жданов А.А. – 287–288, 294.
 Жига И.Ф. (наст. фамилия –
 Смирнов) – 70.
 Житник И.Ф. – 215.
 Жолковский А.К. – 18–19, 205.
 Журавлев В.Н. – 255.

З

Забелин Е.Н. (наст. фамилия –
 Савкин) – 335.
 Заболоцкий Н.А. – 243.
 Залман, Элиягу – 185, 189.
 Замятин Е.И. – 28.
 Зозуля Е.Д. – 24.

И

Иаков – 273.
 Иванов Вс. Вяч. – 270, 332.
 Иванов Вяч. Вс. – 154, 270.
 Иванов М.В. (сын Бабеля) –
 270, 332.
 Ивашко У.И. – 214.
 Иезекииль – 154.
 Измайлов А.А. – 296, 298, 303,
 305, 308.
 Иисус Христос – 188–189, 191,
 246, 272.
 Ильф И.А. – 63, 111, 345.
 Инбер В.М. – 338.
 Иоанн, апостол – 145, 188, 246.
 Иоанн Креститель – 188.
 Иоахим Флорский (Gioacchino
 da Fiore) – 191.
 Иона, отец апостолов Андрея
 и Петра – 188.
 Ионов И.И. (наст. фамилия –
 Бернштейн) – 347.
 Ипатий, епископ Гангры – 237.
 Исаак, сын Авраама – 245.
 Исаак, сын Иакова – 273.

Й

Йегерн Г. – 106.

К

Каганович Л.М. – 231, 336–343.
 Калита, Иван – 246.
 Калмыков Б.Э. – 278–279, 286,
 289.
 Каменев Л.Б. – 320.
 Кандыбин Д.Я. – 278.
 Каплер А.Я. – 254–260.
 Карден, Патрисия (Carden P.) –
 154.
 Каринский В.А. – 323–325.
 Катаев В.П. – 111, 330.
 Кацис Л.Ф. – 7, 9, 142, 344.
 Каширина (Иванова) Т.В. –
 270, 332.
 Кирсанов С.И. – 338.
 Киршон В.М. – 313.
 Киянская О.И. – 7.
 Козлов П.А. – 11.
 Колчак А.В. – 88.
 Кольвушко В.И. – 215.
 Кольвушко И.Д. – 215.
 Кольвушко С.Я. – 215.
 Кольцов М.Е. (наст. имя:
 Моисей Фридлянд) – 24,
 277–280, 285, 289.
 Конан-Дойль, Артур (Arthur
 Ignatius Conan Doyle) – 137.
 Конради В. – 38.
 Коноховский – 179.
 Котовский Г.И. – 48.
 Костюшко, Тадеуш – 137.
 Криксунов П. – 7.
 Кранцфельд А.М. – 329.
 Кронос – 58.
 Крумм, Рейнхард (Reinhard
 Krumm) – 342.
 Кулагковский – 160.
 Кулик Г.И. – 359
 Купер, Мериан (Merian Cooper;
 в плену назвался Фрэнком
 Мошером) – 132, 137–138.
 Кутырев Г.Я. – 294.

Л

Ланглебен, М.М. – 154.
 Лев Армянин – 237.
 Леви, Элифас (Éliphas Lévi),
 наст. имя Альфонс-Луи
 Констан (Alphonse Louis
 Constant) – 167, 176–177.
 Левин Ф.М. – 256.
 Лежнев И.Г. – 230.
 Лейкин Н.А. – 120.
 Ленин В.И. – 52–55, 60–61, 185,
 193, 320.
 Леонов Л.М. – 28.
 Лермонтов М.Ю. – 14, 152–153.
 Лесков Н.С. – 271–272.
 Ливанов Б.Н. – 211.
 Ливанов В.Б. – 211.
 Лившиц И.Л. – 60, 217.
 Лившиц Л.Н. – 217.
 Лозинский М.Л. – 220.
 Лохвицкий Н.А. – 33–34.
 Луговской В.А. – 338.
 Луиза, датская королева – 235.
 Лука, апостол – 63, 134, 270.
 Лукин М.М. – 278.
 Лукина-Бухарина Н.М. – 278.
 Луначарский А.В. – 315.

М

Маймонид (раббену Моше бен
 Маймон, РаМБаМ) – 23, 185,
 193.
 Малахия, пророк – 189.
 Маленков Г.М. – 277.
 Мальро, Андре (André Malraux) –
 279–286.
 Мальро, Ролан (Roland
 Malraux) – 283.
 Мандельштам Н.Я. – 262.
 Мандельштам О.Э. – 262.
 Мария Федоровна (Дагмара,
 вдова Александра III) –
 233–235, 241.

Марк, апостол – 134, 185, 188,
 246.
 Марков С.Н. – 335.
 Маркс К. – 269, 318, 343.
 Марти, Андре (André Marty) –
 281.
 Мартынов Л.Н. – 335.
 Марушевский В.В. – 34.
 Марфа, мать Михаила
 Федоровича Романова – 237.
 Маршак С.Я. – 61.
 Марьямов Г.Б. – 276.
 Матисс, Анри (Henri Matisse) –
 314.
 Матфей, апостол – 119, 134, 188,
 218, 246.
 Махно Н.И. – 202–204, 212.
 Маяковский В.В. – 232.
 Мёбес О.Г. (О.Г.М.) – 177.
 Мейерхольд В.Э. – 249, 278–280,
 283, 286, 289, 313–317, 319.
 Мельников С.М. – 96–97,
 99–103, 356–362.
 Мережковский Д.С. – 37, 163,
 191, 240.
 Микулин А.А. – 282.
 Михаил Федорович (первый
 царь династии Романовых) –
 237.
 Мовчан И.Р. – 216.
 Моисей – 51, 71.
 Монтескье, Шарль-Луи де
 (Charles Louis de Seconda,
 Baron de La Brède et de
 Montesquieu) – 17.
 Мопассан, Ги де (Henry-René-
 Albert-Guy de Maupassant) –
 14–15, 18, 34–35.
 Морган, Пирпонт – 57.
 Мунблит Г.Н. – 257–258.
 Муратов Н.П. – 40.
 Мурзин Ю.М. – 338.
 Муров А.М. – 5–6.

Н

Навуходоносор II – 192.
 Назаренко Е.Н. – 215.
 Наполеон Бонапарт – 318.
 Нахман из Брацлава, р. –
 181–182, 184.
 Некрасов Н.А. – 240.
 Николаевский Б.И. – 343.
 Николай I – 123, 295–297,
 302–303, 305.
 Николай II – 123, 235, 240, 308.
 Ницше, Фридрих (Friedrich
 Wilhelm Nietzsche) –
 189–190.

О

О’Коннор, Франк (O’Connor F.) –
 154.
 Овчинников – 325–326.
 Озерная И.Б. – 7.
 Олеша Ю.К. – 111.
 Олоферн – 35.
 Омуртаг – 237.
 Ориген – 77.
 Орлов Г.Г., гр. – 123.
 Осинский Н. (наст. имя
 Оболенский В.В.) – 316.
 Островский Н.А. – 321.
 Острополер, Герш – 183.

П

Павел, апостол – 118, 123.
 Павел I – 123, 239–240.
 Павлов В.К. – 326–327.
 Павлов Г.Ю. – 327–328.
 Папюс (Papus, наст. имя Gérard
 Anaclet Vincent Encausse) –
 176.
 Парнис А.Е. – 13.
 Пастернак Б.Л. – 223.
 Пермяк Е.А. – 328.
 Петр, апостол – 118, 123,
 188–189.

Петр I – 117–119, 123, 226,
 239–240, 243, 245.
 Петр III – 123.
 Петров Е.П. – 63, 111, 345.
 Пий X – 36.
 Пильняк Б.А. – 5.
 Пирожкова А.Н. – 276, 279–280,
 294.
 Писаренко – 326.
 Платонов А.П. – 122.
 Плоткин А.А. – 216.
 Плутарх – 56.
 Поварцов С.С. – 97, 100, 254–
 258.
 Погорельская Е.И. – 7, 116,
 140–141, 198, 209, 300.
 Подольский – 179–180.
 Полевая О.Р. – 7.
 Полонский В.П. – 213, 261,
 312–313.
 Поль Вайян-Кутюрье (Paul
 Vaillant-Couturier) – 383.
 Поссе В.А. – 296, 298, 303, 305,
 308.
 Потемкин В.П. – 281.
 Примаков В.М. – 212.
 Прищепа – 128, 149.
 Пушкин А.С. – 117–119, 230,
 239, 242.

Р

Рабинович О. – 349.
 Разумовский С.Д. (наст.
 фамилия – Махалов) – 330.
 Райх З.Н. – 314–317.
 Рашэ (РаШИ), рабби Шломо
 Ицхаки – 67.
 Розанов В.В. – 38.
 Романов А.А., великий князь –
 235.
 Романов А.Н., цесаревич – 235.
 Романов – М.А., великий
 князь – 235.

- Романова А.Н., великая княжна – 235.
 Романова М.Н., великая княжна – 235.
 Романова О.Н., великая княжна – 235.
 Романова Т.Н., великая княжна – 235.
 Ромул – 56.
 Рукавишников И.С. – 28.
 Рябов В.Т. – 104–105.
 Рязанов Д.Б. (наст. фамилия – Гольдендах) – 316.

С

- Савченко Г.П. – 215.
 Серов А.Н. – 35.
 Синьяк, Поль (Paul Signac) – 314.
 Сионий Адрианопольский – 237.
 Сипягин Д.С. – 142, 145.
 Скворцов-Степанов В.А. – 316.
 Смирин И.А. – 116.
 Сокольников – 320.
 Солженицын А.И. – 259.
 Сочнев А. – 7.
 Спиноза, Бенедикт (Барух) – 182.
 Сталин И.В. – 223–224, 278, 284, 291, 320, 339–340, 342–343.
 Сталина (Аллилуева) С.И. – 258.
 Стах Т.О. – 276, 293.
 Степанов Н.Л. – 5.
 Степун Ф.А. – 82–83, 144–145.
 Стонов Д.М. (наст. фамилия – Влодовский) – 344.
 Суворин А.С. – 121.
 Сурков А.А. – 157, 338.
 Суслов М.А. – 259.

Т

- Татищев В.К. – 249.
 Тесей – 56–57.

- Тимошенко С.К. – 90, 92–97, 99, 194, 356.
 Тихоцкий Е. – 69.
 Толстая Е.Д. – 7.
 Толстой А.Н. – 231, 234, 338.
 Толстой Л.Н. – 37, 219.
 Топоров В.Н. – 154.
 Троцкий Л.Д. – 284, 293, 316–317, 319–320.
 Трунин Я.Т. – 324.
 Трунов К.А. – 81–82.
 Тульчинский, Борух – 183–184.
 Туполев А.Н. – 283.

У

- Ульрих В.В. – 278.
 Урицкий М.С. – 265–266.
 Успенский П.Д. – 177.
 Утесов Л.О. – 321–322.

Ф

- Фадеев А.А. – 258–259.
 Фалерский, Деметрий – 56.
 Фаунтлерой, Седрик (Cedric Fauntleroy) – 132, 136–137.
 Фельдман Д.М. – 7, 96, 102.
 Флейшман Л.С. (Lazar Fleishman) – 256, 260, 343.
 Форш О.Д. – 28.
 Франциск Ассизский – 37.
 Фрейдин Г.М. – 233–234.
 Фройрайх-Шабо, Эрнст-Антон фон, ген. – 69.
 Фрунзе М.В. – 216.
 Фурманов Д.А. – 12, 114–115, 260, 262, 265.

Х

- Ханджанов, Р. – 256–257.
 Хираль, Хосе (José Giral Pereyra) – 284.
 Хлебников В.В. – 176.
 Хмельницкий Б.-З.М. – 79, 161.

Христиан, датский король – 235. Щурова Т.В. – 7.

Ц

Цветаева М.И. – 331.

Ч

Чапаев В.И. – 174.
Черноморцев Л.Н. – 335.
Черный В.Н. – 210.
Чехов А.П. – 5, 120–121.
Чехов М.А. – 316, 318–319.

Ш

Шаляпин Ф.И. – 34–35.
Шаргородский С.М. – 7.
Шеко Я.В. – 130.
Шекспир, Уильям (William Shakespeare) – 10.
Шенталинский В.А. – 286, 289, 292.
Шехтель Ф.О. – 121.
Шмаков В.А. – 177.
Шмид, Вольф (Wolf Schmid) – 5.
Шолохов М.А. – 340.
Шульгин В.В. – 87.
Шухов И.П. – 331–333, 336.

Щ

Щаденко Е.А. – 232.

Э

Эдельштейн М.Ю. – 7.
Эдуард VII – 235.
Эйзенштейн С.М. – 316–317, 319–320.
Эммануэль – 292.
Энг, Ян ван дер (J. Van der Eng) – 5.
Энгельс, Фридрих – 343.
Энно, Эмиль (Emile Henno) – 86.
Эренбург И.Г. – 162, 280–283, 286.
Эрлихман В.В. – 7.
Эррио, Эдуард (Edouard Herriot) – 282.

Ю

Юденич Н.Н. – 296, 298.
Юшкевич С.С. – 9–13, 15, 17–20, 24, 349–354.

Я

Яворская А.Л. – 7.
Ягода Г.Г. – 291–292.
Яковлев М.И. – 205.
Ямпольский М.Б. – 32.
Ясенский Бруно – 26–27, 344–347.

Зеев Бар-Селла
Сюжет Бабеля

*Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ*

Подписано в печать 03.09.2018. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 23,75.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Издательский дом «Неолит»
107023, Москва, Мажоров пер., д. 8, стр. 2
Тел.: +7 (977) 700-67-12
E-mail: forum-knigi@mail.ru
<http://www.forum-books.ru>

Отдел продаж издательского дома «Неолит»
107023, Москва, Мажоров пер., д. 8, стр. 2
Тел.: +7 (977) 700-67-12, E-mail: forum-ir@mail.ru